

Ps 35

262

-2-

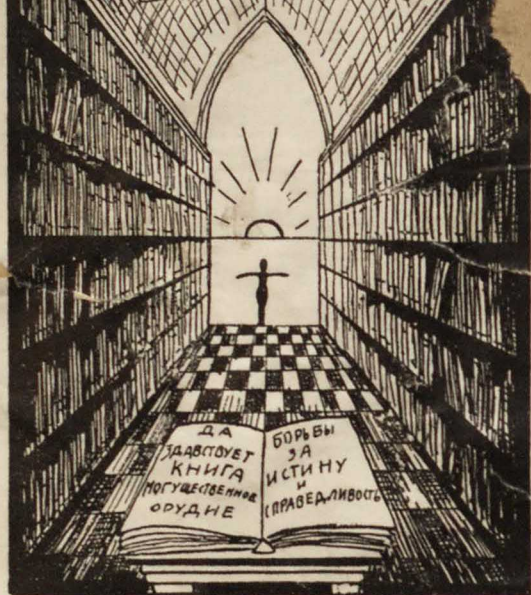

167. I II.

Н. А. РУБАКИН.
EX LIBRIS

ДА
УДОВОЛЕТ
КНИГА
ПОГУШЕСТВЕННЫЕ
ОРУДИЕ

БОРЬБЫ
ЗА
ИСТИНУ
И
ПРАВЕДИВОСТЬ

исгор 167 религ. отв

ИЕЗУИТЫ.

ПОЛНАЯ ИСТОРИЯ

ИХЪ ЯВНЫХЪ И ТАЙНЫХЪ ДѢЯНІЙ

ОТЪ ОСНОВАНИЯ ОРДЕНА ДО НАСТОЯЩАГО ВРЕМЕНИ.

12 35
262
СОЧИНЕНІЕ

ТЕОДОРА ГРИЗМЕРГА.

ПЕРЕВОДЪ СО ВТОРАГО НѢМЕЦКАГО ИЗДАНІЯ.

ТОМЪ II.

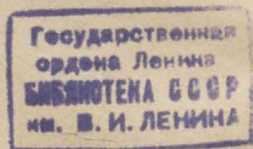
ИЗДАНИЕ МАВРИКІЯ ОСИПОВИЧА ВОЛЬФА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

МОСКВА,

Гостиномъ дворъ, № № 18, 19 и 20. на Кузнецкомъ мосту, д. Рудакова.

1869.

140548-48

ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФИИ М. О. ВОЛЬФА (СПБ., ПО ФОНТАНКЕ, № 59).

2014243658

КНИГА ПЯТАЯ.

ІЕЗУИТСКАЯ МОРАЛЬ.

ГЛАВА I.

Борьба іезуитовъ съ духовенствомъ.

Іезуиты въ отношеніи остальнаго католическаго духовенства постоянно стояли на военной ногѣ, и взаимная ненависть была такъ сильна, что обѣ стороны рѣшились бороться, пока не уничтожатъ другъ друга.

Іезуиты считали себя гораздо выше остальнаго духовенства. Они были товарищами и соратниками Христа, который былъ непосредственно вождемъ ихъ. Онъ, самъ далъ имъ, своимъ избранникамъ и любимцамъ, ключи отъ воротъ рая и приказалъ небесному привратнику Петру не пропускать въ царство блаженныхъ никого безъ паспорта отъ послѣдователей Лойолы. Іезуиты были убѣждены въ этомъ и считали всѣхъ другихъ священниковъ, особенно монаховъ, липшими конкурентами; поэтому они рѣшились вступить съ ними въ борьбу, чтобы избавиться отъ нихъ. Но понятно, что первое время они скрывали это намѣреніе и, напротивъ того, вели себя уничиженно, скромно, почтительно и работяшно въ отношеніи свѣтскихъ и духовныхъ властей. На-

конецъ, расположивъ къ себѣ епископовъ, государей и вообще предержація власти, они начинали внушать имъ, что орденъ іезуитовъ имѣетъ неизмѣримое преимущество передъ всѣми прочими. Они толковали, что кромѣ ихъ никто не умѣетъ, какъ слѣдуетъ, воспитывать юношество, что они одни способны внушать ему исполнѣ вѣрноподданническія чувства, уваженіе къ религіи и къ престолу, къ божественной власти королей и къ святости папы. Они указывали, что въ государствахъ, гдѣ учрежденія ихъ не процвѣтаютъ, гдѣ воспитаніемъ завѣдываютъ не іезуиты, а другіе монахи, всюду распространены яды ереси, а съ нимъ духъ политическихъ смутъ, возмущенія и мятежа. Этими внушеніями іезуитамъ удалось расположить въ свою пользу большую часть правительствъ. вмѣстѣ съ тѣмъ имъ удалось убѣдить и народныя массы, что орденъ Іисуса превосходитъ всѣ прочія духовныя братства, соединяя въ себѣ все, что въ нихъ есть хорошаго и полезнаго. При возникновеніи іезуитовъ прочіе монашескіе ордена лишились народнаго уваженія и подверглись общему презрѣнію, и іезуиты пользовались этимъ и старались сплетнями и клеветами еще болѣе обезславить ихъ. Униженіе ихъ было выгодно іезуитамъ, и потому они совершенно забывали духъ братства, существующій между всѣми монахами, и клеветали на духовенство, сколько могли. Въ примѣръ борьбы ихъ съ духовенствомъ мы приведемъ три великія войны, которыя они выдержали противъ него. То были столѣтняя колоніальная война, продолжительная борьба съ Сорбонной и страшная вражда съ янсенизмомъ.

Мы уже говорили, какъ облегчали іезуиты китайцамъ и японцамъ переходъ въ христіанство, т. е. показали, что вводимое ими въ Азіи христіанство было въ сущности то же язычество съ небольшими измѣненіями. Они разсуждали, что для пріобрѣтенія прозелитовъ, которые могли бы доставить имъ богатство, могущество и власть, надо закрыть одинъ глазъ, а пожалуй, и оба; поэтому они не запрещали новообращеннымъ держаться прежнихъ обрядовъ и вѣрованій, праздновать

праздникъ фонарей, поклоняться Конфуцію и проч. Безъ полной терпимости имъ пришлось бы покинуть эти богатые страны, доставлявшія имъ такую роскошную поживу. Разсуждая такимъ образомъ, они находили полезнымъ и вполне безгрѣшнымъ самимъ отправлять языческіе обряды подъ христіанскими именами, но въ одеждѣ китайскихъ жрецовъ. Конфуцію они воздавали такія же почести, какъ и китайцы, объясняя въ оправданіе, „что этотъ великій философъ и основатель религіи былъ предшественникъ Христа, какъ доказываетъ проповѣданная имъ мораль, и потому ему принадлежитъ первое мѣсто въ христіанскихъ святцахъ.“ Но въ Европѣ никто не зналъ объ іезуитскомъ методѣ миссіонерства, и всѣ прославляли ихъ за необыкновенные успѣхи на этомъ поприщѣ.

Въ 1633 г. доминиканецъ *Іоаннъ Батистъ де-Моралесъ* и капуцинъ *Антонъ де-Санта-Марія* отправились съ разрѣшенія своего духовнаго начальства въ Китай миссіонерами. Хотя іезуиты, узнавъ объ этомъ, всѣми силами противились ихъ допущенію; однако имъ удалось проникнуть въ предѣлы небесной имперіи. Неустойчивыми стараніями въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ миссіонеры добились даже доступа въ тѣ мѣста, гдѣ находились іезуитскія заведенія; такимъ образомъ они имѣли частые случаи разговаривать съ китайцами, обращенными іезуитами, и присутствовать при іезуитско-китайскомъ богослуженіи. Удивленіе ихъ было безгранично, когда они увидѣли, что іезуиты разрѣшаютъ своимъ обращеннымъ слѣдовать языческимъ обрядамъ, боготворить Конфуція и даже собственноручно приносять ему жертвы. Имъ показалось это ужасно, и они съ ожесточеніемъ напали на іезуитовъ. Но іезуиты были убѣждены, что поступаютъ по заповѣди апостола Павла, и остроумно смѣялись надъ трусливой совѣстью монашескаго правовѣрія. Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ шла перебранка, и противники ругали другъ друга, даже съ каедръ; чѣмъ дольше они спорили, тѣмъ больше озлоблялись, и ни въ комъ не предвидѣлось ни малѣйшей

уступчивости. Наконецъ, Моралесъ обратился за помощью къ папѣ и въ 1644 г. отправился въ Римъ съ большимъ запасомъ обличеній противъ вреда, который іезуиты наносятъ христіанской церкви. Прибывъ въ Римъ, онъ представилъ эти факты папѣ *Иннокентію X* и своими разсказами о поруганіи христіанскаго алтаря въ Китаѣ ужаснулъ его святѣйшество. Святой отецъ назначилъ комиссію кардиналовъ для изслѣдованія этого дѣла. И какъ іезуиты оказались совершенно неправы, то въ томъ же 1644 году вышелъ папскій указъ, которымъ имъ строжайше запрещалось терпѣть какіе бы то ни было остатки языческаго суевѣрія, какъ бы они ни казались невинны, и повелѣвалось проповѣдовать впредь догматы католицизма во всей ихъ чистотѣ и полнотѣ. О. Моралесъ отправился въ слѣдующемъ году обратно въ Китай и съ торжествомъ публиковалъ этотъ указъ въ увѣренности, что іезуиты смиренно подчинятся рѣшенію священнаго престола. Но его ожидало разочарованіе.

Начальники іезуитовъ въ Китаѣ подъ предводительствомъ пекинскаго „отца мандарина“, т. е. предсѣдателя трибунала математики, объявили, что готовы повиноваться папѣ во всемъ, что возможно; но здѣсь папа, очевидно, введенъ въ заблужденіе, которое они постараются разсѣять, а пока все останется *in statu quo*. Дѣйствительно, они послали, но уже въ 1654 г., одного изъ своихъ членовъ, *Мартини*, съ нужными деньгами и инструкціями въ Римъ убѣдить папу и весь римскій дворъ, что доминиканцы оклеветали іезуитовъ по невѣжеству и изъ зависти. Это была трудная задача; но хитрый іезуитъ достигъ своей цѣли, потому что въ слѣдующемъ году *Иннокентій X* умеръ, а преемникъ его, *Александръ VII*, такъ любилъ іезуитовъ, что не могъ не повѣрить имъ. Онъ отмѣнилъ указъ своего предшественника и даже положительно разрѣшилъ іезуитамъ сообразоваться съ обрядами китайцевъ; сверхъ того папа сдѣлалъ выговоръ доминиканцамъ за клевету на іезуитовъ и выразилъ желаніе, чтобы этого больше не было.

Дѣло казалось выиграннымъ іезуитами; но вышло не такъ. Доминиканцы и капуцины были глубоко оскорблены папскимъ рѣшеніемъ и, пославъ въ Китай новыхъ миссіонеровъ, собрали черезъ нихъ массу фактовъ для обличенія передъ всѣмъ свѣтомъ іезуитскаго язычества. Но и іезуиты не дремали. Весь орденъ заступился за своихъ китайскихъ членовъ, и съ обѣихъ сторонъ посыпался такой градъ памфлетовъ и упрековъ, что вскорѣ нельзя было разобрать, кто правъ, кто виноватъ. По смерти Александра обѣ стороны посылали въ Римъ хлопотать о новомъ рѣшеніи непогрѣшимой куріи, которая въ недоумѣніи учредила для разбора дѣла третейскій судъ изъ самыхъ ученыхъ богослововъ подъ именемъ *конгрегации для распространенія истинной вѣры*. Конгрегация взялась за дѣло съ большимъ рвеніемъ. Но рѣшенія не состоялось ни при Клементяхъ IX и X, ни при Иннокентіи XI и Александрѣ VIII, и благодаря іезуитскому золоту, передъ которымъ не могли устоять мудрые и ученые богословы-кардиналы, споръ продолжался до 1691 года. Въ этомъ году на папскій престолъ вступилъ *Иннокентій XII*, человѣкъ твердаго характера. Разобравъ дѣло, онъ рѣшилъ его противъ іезуитовъ. Съ этимъ рѣшеніемъ онъ послалъ своимъ викаріемъ въ Китай кардинала *Карла Метро*, и Метро, прибывъ туда въ 1693 г., объявилъ, что всѣ языческіе обряды, разрѣшенные Александромъ VII, воспрещаются подъ страхомъ строгихъ церковныхъ наказаній.

Запрещеніе это было такъ положительно, что если іезуиты намѣревались соблюдать свой четвертый обѣтъ — безусловнаго повиновенія папѣ, то дѣло казалось бы конченнымъ. Однако, не тутъ-то было. Въ отвѣтъ на обнародованіе папскаго викарія, іезуиты объявили его предписаніе еретическимъ, безбожнымъ, безумнымъ, подложнымъ и предали Метро съ каедръ проклятію, какъ самозванца, который ложно выдаетъ себя за папскаго посланника. Въ заключеніе они обратились къ пекинскому двору, при которомъ были всесильны, и по ихъ проискамъ Метро, изгнанный изъ предѣловъ

небесной имперіи, былъ принужденъ бѣжать въ Гоа въ Остъ-Индіи, откуда послалъ папѣ донесеніе о насиліяхъ іезуитовъ. Папѣ слѣдовало бы взяться за европейскихъ іезуитовъ и подвергнуть отвѣтственности римскаго генерала. Но парижскій и мадридскій дворы, гдѣ іезуиты владычествовали, вмѣшались въ это дѣло и удержали его святѣйшество отъ насильственныхъ мѣръ. Они поступили такъ пристрастно, что приказали сжечь рукой палача все, что было писано объ этомъ дѣлѣ противниками іезуитовъ, а іезуитамъ никто не мѣшалъ осыпать враговъ бранью и насмѣшками.

Позорная ссора продолжалась еще нѣсколько лѣтъ, пока наконецъ папа *Клементъ XI*, получившій тиару въ 1700 г., рѣшился, не взирая ни на что, рѣшить дѣло по правдѣ и въ случаѣ нужды пустить въ ходъ свое папское всемогущество. Въ 1702 г. онъ послалъ номинальнаго патріарха антиохійскаго, впослѣдствіи кардинала, *Шарля Томаса Мальяра де-Турнона*, съ званіемъ нунція а latere и съ обширнымъ полномочіемъ изъ Гоа въ Китай, чтобы на мѣстѣ изслѣдовать причины несчастной распри и принять мѣры сообразно обстоятельствамъ. Де-Турнонъ былъ уполномоченъ одобрить или осудить языческіе обряды, существующіе въ китайскомъ христіанствѣ, — одобрить, если они не слишкомъ противорѣчатъ христіанству; осудить, если они окажутся слишкомъ нехристіанскими. Выборъ папы заслужилъ общее одобреніе, потому что всѣ знали, что де-Турнонъ очень расположенъ къ іезуитамъ, но въ то же время глубоко преданъ чистотѣ христіанской вѣры, чести папскаго престола, и человѣкъ высокой честности, недоступный подкупу. Всѣ были увѣрены, что онъ поступитъ совершенно безпристрастно, и вотъ почему папа выбралъ именно его. Де-Турнонъ отправился въ Китай, гдѣ іезуиты приняли его съ чрезвычайными почестями, съ необыкновенною предупредительностью, а онъ съ своей стороны непритворно выказывалъ глубокую преданность обществу Іисуса и его интересамъ. Такъ продолжалось нѣсколько лѣтъ, пока нунцій послѣ тщательнаго изслѣ-

дованія не нашель, что іезуитско-китайское христіанство не что иное, какъ язычество, украшенное кое-какими урывками католицизма. Онъ началъ поступать сообразно этому убѣжденію, чтобы прекратить такое безобразіе. Тогда іезуиты быстро превратились изъ преданныхъ друзей его въ ожесточенныхъ враговъ. Они взвели на него всевозможныя клеветы, обвиняя его даже въ ереси и невѣріи. Однако, онъ стоялъ на своемъ, утверждая, что китайское христіанство есть идолопоклонство. Тогда іезуиты возбудили противъ него императора, который въ 1710 г. велѣлъ силою препроводить нунція въ Макао, тамошнюю іезуитскую коллегію, гдѣ іезуиты обращались съ нимъ, какъ съ арестантомъ. Наконецъ, чтобы окончательно воспрепятствовать его возвращенію въ Европу, гдѣ онъ могъ объяснить панѣ и всеѣмъ христіанамъ, что дѣлають іезуиты въ Китаѣ, они отравили кардинала въ чашкѣ шоколата и такимъ образомъ избавились отъ этого опаснаго противника *).

Въ 1719 г. Клементъ XI послалъ другаго нунція, *Карло Амброзіо де-Меццабарба*, уполномоченнымъ въ Китай. Іезуиты тотчасъ внушили императору Кангъ—Ги, что не слѣдуетъ позволять иностраннымъ правительствамъ, хотя бы и папскому, вмѣшиваться въ дѣла небесной имперіи, такъ что Меццабарба послѣ пяти аудіенцій у богдыхана былъ принужденъ убираться ни съ чѣмъ, и императоръ сказалъ ему даже прямо, что папы сами не знаютъ, чего хотятъ, и только заводятъ смуты между китайскими христіанами. При этомъ случаѣ богдыханъ строго запретилъ всякія вмѣшательства римской куріи въ китайскія дѣла, а преемникъ его, Йонгъ-чинь, приказалъ выслать изъ имперіи всеѣхъ христіан-

---

* Подробности объ этомъ въ *Mémorial Historique présenté en 1724, au Souverain Pontife Benoît XIV sur les missions des peres jésuites aux Indes Orientales* par R. P. Norbert. (Томъ II, 98—145). Здѣсь помѣщены официальные доказательства, представленныя каноникомъ Анджелитой Санъ-Петро in Carcere, который былъ свидѣтелемъ убійства кардинала.

скихъ миссіонеровъ, кромѣ іезуитовъ, которые приносили пользу государству своими познаніями въ математикѣ и умѣніемъ составлять календари. Богдыханъ сказалъ при этомъ, что желаетъ спокойствія въ своей имперіи, а доминиканцы, капуцины и вообще всѣ монахи, кромѣ іезуитовъ, только поселяютъ смуты и, повидимому, намѣрены обратить китайцевъ въ европейцевъ, чего онъ не можетъ допустить. Такимъ образомъ іезуиты остались въ Китаѣ одни и продержались тамъ до новѣйшаго времени, такъ что, напр.: еще въ 1780 г. *О. Галлерштейнъ*, родомъ изъ Швабіи, былъ въ Пекинѣ мандариномъ и президентомъ трибунала математики. Понятно, что дѣйствія іезуитовъ въ Китаѣ возбудили въ доминиканцахъ и капуцинахъ смертельную вражду къ нимъ, и эти монахи съ радостью хватались за всякій случай повредить обществу Іисуса и обличить его божбожіе и невѣроятныя насилія. Они кричали, что іезуиты готовы на смерть преслѣдовать всякаго, кто служить имъ помѣхой. Іезуиты съ жаромъ опровергали это, называя такія нареканія клеветой. Но каждый корабль, пріѣзжавшій изъ Азіи, привозилъ новыя извѣстія, подтверждавшія жалобы монаховъ, и наконецъ такіе же слухи стали приходиться и изъ американскихъ миссій. Въ Новомъ Свѣтѣ поступки іезуитовъ съ епископами *Карденасомъ* и *Палафоксомъ* были еще хуже дѣйствій ихъ противъ кардинала де-Турнона, и потому объ этомъ стоитъ сказать нѣсколько словъ.

Въ 1641 г. папа назначилъ францисканца *Бернардина де-Карденаса* епископомъ парагвайскимъ съ резиденціей въ Асумсіонѣ, и онъ три года благополучно прожилъ въ этой должности. Въ 1644 г. онъ возвѣстилъ о намѣреніи своемъ отправиться на визитацію приходовъ провинцій Параны и Уругвая, которыя іезуиты, какъ мы знаемъ, считали своею собственностью. Хотя епископъ не только имѣлъ право, но былъ даже обязанъ предпринять эту визитацію, однако іезуиты подняли по этому случаю страшную исторію. Имъ было очень важно скрывать отъ свѣта свои дѣйствія въ ихъ па-

парагвайскомъ царствѣ, свою торговлю и государственныя учрежденія. Сначала они старались лестью и взятками отклонить епископа отъ этой поѣздки. Но, видя, что это не беретъ, они стали оспаривать его епископскія права и принялись проповѣдовать, что Карденасъ силою овладѣлъ своимъ саномъ, а потому его не слѣдуетъ признавать епископомъ.

Но повредить епископу и сдѣлать его безвреднымъ это не могло; слѣдовало прибѣгнуть къ свѣтской власти, и іезуиты обратились къ испанскому губернатору Ассумсіона, *донъ Грегоріо де-Гинтроза*. Они поднесли ему 3,000 талеровъ золотомъ, послѣ чего губернаторъ приказалъ схватить епископа, какъ самозванца, бросить въ лодку и пустить на волю вѣтровъ и теченія по Парагваю. Епископъ проплылъ такимъ образомъ 80 миль до Корріентеса, гдѣ провелъ два года, тщетно прося вице-королевское правительство Ла-Платы заступиться за него. Наконецъ, въ 1646 г. ла-платскія власти рѣшили, что Карденасъ — законный епископъ Ассумсіона и Парагвая; но такъ какъ возстановленіе его въ этой странѣ, гдѣ іезуиты всемогущи, могло бы вызвать прискорбныя послѣдствія, то ему предложили епископство въ Понайянь, прося поскорѣе отправиться туда. Но Карденасъ не согласился, потому что до Понайяна было около 1,000 миль, и въ его преклонныхъ лѣтахъ такое путешествіе было слишкомъ опасно. Онъ предпочелъ остаться въ Корріентесѣ и снова попытаться возстановить свои права. Въ 1648 г. губернаторъ Гинтроза былъ отозванъ, и на его мѣсто прибылъ *донъ Діего Эскобаръ де Озоріо*. Узнавъ объ этой переменѣ, донъ Бернардинъ де Карденасъ тотчасъ отправился въ Ассумсіонъ, гдѣ новый губернаторъ принялъ его съ подобающимъ почетомъ и возстановилъ въ его правахъ. Ссора съ іезуитами, казалось, кончилась; но вышло не такъ. Іезуиты были въ то время при испанскомъ дворѣ въ такой силѣ, что ни одинъ королевскій чиновникъ не могъ безнаказанно противиться имъ; всякій могъ быть увѣренъ, что въ случаѣ столкновенія съ ними, они непременно свергнутъ его, что пред-

стояло и донъ Діеґо де Озоріо, если бы онъ продолжалъ защищать Карденаса отъ іезуитовъ. Сообразивъ это, онъ вскорѣ перешелъ на ихъ сторону, и исторія началась снова. Іезуиты съ помощью губернатора двѣ недѣли буквально осаждали епископа въ соборѣ, такъ что онъ едва не погибъ голодною смертію. Но вдругъ Озоріо скоропостижно умеръ, и все измѣнилось. Народъ очень любилъ епископа, и поступки іезуитовъ возбуждали общее негодованіе; поэтому по смерти Озоріо въ Ассумсіонѣ вспыхнуло возмущеніе, и Карденасъ былъ провозглашенъ народомъ губернаторомъ и генералъ-капитаномъ до прибытія изъ Испаніи новаго намѣстника. Іезуиты, разумѣется, всѣми силами противились этому избранію; но ихъ такъ ненавидѣли, что старанія ихъ остались безуспѣшными. Такимъ образомъ Карденасъ соединилъ въ своемъ лицѣ и духовную, и свѣтскую власть въ Парагваѣ. Граждане даже не удовольствовались и этимъ и потребовали изгнанія іезуитовъ изъ Ассумсіона, какъ людей безпокойныхъ, только возбуждающихъ въ городѣ ссоры и смуты. Требованіе было справедливо, и епископъ-губернаторъ приказалъ 6-го марта 1649 г. почтеннымъ отцамъ удалиться изъ города. Они не послушались и даже укрѣпились въ своей коллегіи. Тогда помощникъ губернатора, донъ Виллазанти, силою вломился къ нимъ и препроводилъ ихъ на корабль, на которомъ они были отправлены въ Корріентесъ. Такимъ образомъ они помѣнялись съ епископомъ ролями. Но они не намѣревались долго терпѣть это. Собравъ въ своихъ редуціяхъ 4,000 индійцевъ подъ начальствомъ *донъ Себастіана де Леона*, преданнаго имъ офицера, котораго они назначили временнымъ губернаторомъ Ассумсіона, они двинулись противъ города, чтобы силою овладѣть имъ. Они успѣли въ этомъ почти безъ кровопролитія. Но епископъ Карденасъ упорно защищался 10 дней въ укрѣпленномъ соборѣ, который іезуитамъ пришлось брать приступомъ. Овладѣвъ епископомъ, іезуиты посадили его въ мрачную подземную тюрьму, гдѣ онъ чуть не сгнилъ, и потомъ на жалкой лодкѣ от-

правили въ Санта-Фе въ 200 миляхъ отъ Ассумсіона. И такъ іезуиты опять торжествовали, а Карденасъ снова лишился сана и должности. Онъ опять обратился къ ла-платскому правительству и въ 1651 г. самъ поѣхалъ туда торопить дѣло. Но прождавъ понапрасну цѣлые годы, онъ убѣдился, что ббольшая часть членовъ правительства подкуплена іезуитами; тогда онъ рѣшился ѣхать прямо въ Европу, чтобы лично просить правосудія въ Римѣ и въ Мадридѣ. Но и іезуиты не дремали. Братья ихъ, подъ предводительствомъ О. *Педразы*, выдумали такое скопище лжи, клеветы, подлоговъ и обмановъ, что, послушавъ ихъ, оставалось предположить, что епископъ Карденасъ первый злодѣй въ свѣтѣ, задавшій себѣ цѣль вредить смиренному братству Іисуса. Но Карденасъ привезъ съ собою неопровержимые документы, доказывавшіе справедливость его дѣла, и благодаря этому, ему удалось одержать побѣду, не смотря на всѣ ухищренія враговъ. Мадридскій дворъ призналъ его правымъ и возстановилъ его въ санѣ епископа, а папа Александръ VII сдѣлалъ іезуитамъ рѣзкій выговоръ на ихъ поступки въ этомъ дѣлѣ. Но старому Карденасу торжество это было уже бесполезно; онъ умеръ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ рѣшенія дѣла, не успѣвъ въ третій разъ овладѣть своимъ епископствомъ.

Донъ Хуанъ де-Палафоксъ, архіепископъ мексиканскій, епископъ ангелополиескій и озинскій, былъ по сану, казалось бы, безопасенъ отъ чьихъ бы то ни было насилій. Но и ему пришлось пострадать отъ іезуитовъ, хотя при своемъ высокомъ положеніи онъ еще отличался благочестіемъ и святой жизнію. Началось дѣло съ того, что по алчности своей іезуиты старались хитростью или силою присвоить своимъ коллегіямъ доходы, законно принадлежавшіе архіепископскому мексиканскому собору. Это принудило архіепископа пожаловаться на нихъ въ судъ. Іезуиты разсердились тѣмъ болѣе, что онъ во всѣхъ инстанціяхъ выигралъ дѣло. Они рѣшились отмстить и воспользовались первымъ представившимся случаемъ. Лучшимъ средствомъ заявить ему свою

ненависть они считали устраненіе отъ себя его верховной власти, такъ чтобы совершенно игнорировать его права, какъ будто онъ для нихъ не существуетъ. По законамъ римской церкви никто не можетъ быть приходскимъ священникомъ безъ утвержденія епархіальнаго епископа, а по постановленіямъ тридентскаго собора всякій желающій исповѣдовать или проповѣдовать, долженъ сперва испросить разрѣшенія у епископа. Стало быть, чтобы отправлять въ мексиканской епархіи церковныя требы, іезуиты должны были испросить разрѣшенія у Палафокса или у его генераль-викарія, а безъ этого архіепископъ могъ запретить имъ отправлять всѣ священническія обязанности. Но іезуиты не хотѣли и знать объ этомъ законѣ и дѣлали свое дѣло, не обращая на архіепископа вниманія. Чтобы прекратить этотъ беспорядокъ, генераль-викарій его пригласилъ ихъ 6 марта 1647 года предъявить ему архіепископское разрѣшеніе, а если у нихъ его нѣтъ, то прекратить отправленіе требъ до получения свидѣтельства. Іезуиты отвѣчали, что имѣютъ отъ папы привилегію всюду отправлять должность священниковъ, не испрашивая дозволенія епископовъ. Генераль-викарій потребовалъ, чтобы они предъявили ему эту привилегію. Но іезуиты отвѣчали на это, что у нихъ есть еще другая привилегія, разрѣшающая имъ не показывать первой. Это была уже явная насмѣшка, и такъ какъ они продолжали служить обѣдни, проповѣдовать и исповѣдовать, презирая запрещеніемъ, то Палафоксъ рѣшился принять дѣйствительныя мѣры. Подъ страхомъ отлученія отъ церкви онъ приказалъ іезуитамъ прекратить это, а христіанамъ своей епархіи запретилъ посѣщать ихъ исповѣди и проповѣди.

Архіепископъ былъ совершенно правъ, дѣйствуя такимъ образомъ; но іезуиты пришли въ ярость и рѣшились унижить своего высокаго противника. Вице-король мексиканскій былъ очень друженъ съ ними и, вступая въ борьбу съ архіепископомъ, они еще болѣе запечатлѣли эту дружбу при-

личнымъ приношеніемъ, надѣясь, что въ случаѣ надобности другъ ихъ поможетъ имъ, хотя бы насиліемъ. Затѣмъ они подали ему длинную жалобу съ вычисленіемъ всѣхъ несправедливостей, нанесенныхъ ордену Палафоксомъ. Вице-король взялъ ихъ сторону и приказалъ архіепископу отмѣнить свое запрещеніе и свою угрозу отлученія и дозволить іезуитамъ безпрепятственно отправлять священническую службу. Палафоксъ протестовалъ противъ этого незаконнаго приказа, представляя вице-королю, что онъ нарушаетъ имъ весь іерархическій порядокъ церкви. Это смутило намѣстника, и онъ былъ готовъ взять назадъ свое приказаніе. Но тогда іезуиты пустили въ ходъ послѣднее средство. Они предали архіепископа съ его генераль-викаріемъ и всѣми официалами церковному отлученію, и приговоръ этотъ, сопровождаемый грубѣйшими поношеніями, клеветами и оскорбленіями, былъ прочитанъ публично по всѣмъ улицамъ Мексико при трубныхъ звукахъ. „Всякій, какого бы онъ званія ни былъ,—гласилъ этотъ приговоръ,—кто съ этого времени будетъ повиноваться архіепископу и его духовенству, объявляется заранѣе мятежникомъ; за такой проступокъ лица высшихъ сословій подвергаются пени въ 2,000 дукатовъ или 4-лѣтнимъ каторжнымъ работамъ въ рудникахъ.“ Іезуиты, какъ видно, не любили полумѣръ. Но они сами по себѣ были безсильны, и вопросъ былъ въ томъ, поддержитъ ли вице-король ихъ неслыханныя притязанія. Они, зная его, были убѣждены въ этомъ и безъ этой увѣренности не стали бы такъ дѣйствовать. Вице-король утвердилъ рѣшеніе ихъ и приказалъ вооруженной силѣ оказывать содѣйствіе мѣрамъ отцевъ іезуитовъ. Народъ былъ за Палафокса, который по этому могъ бы также прибѣгнуть къ силѣ и однимъ знакомъ поднять весь Мексико противъ іезуитовъ и ихъ креатуры, вице-короля; но не рѣшаясь возбудить кровопролитіе, онъ предпочелъ тайно уѣхать изъ города и скрыться въ необитаемыхъ горахъ, пока не придетъ помощь отъ дворовъ римскаго и мадридскаго, которымъ онъ послалъ жалобы. „Я бѣ-

жалъ въ горы, писалъ онъ папѣ Иннокентію X, искать въ обществѣ змѣй и скорпіоновъ безопасности, которой не имѣлъ среди непримиримаго ко мнѣ общества Іисуса. Двадцать дней прожилъ я, подвергаясь величайшимъ опасностямъ и такой нуждѣ, что часто не имѣлъ иной пищи, кромѣ слезъ моихъ, пока, наконецъ, нашелъ хижину, бѣдные хозяева которой укрывали меня въ теченіе 4 мѣсяцевъ.“

Іезуиты владычествовали въ Мексико съ деспотизмомъ, достойнымъ любаго завоевателя. Все преклонялось передъ ихъ произволомъ, и за малѣйшее порицаніе виновныхъ ожидали изгнаніе, тюрьма и даже эшафотъ. Для собственнаго спасенія приходилось держать ихъ сторону, такъ что они принудили терроромъ и самый капитулъ, объявить архіепископскій престолъ вакантнымъ. Генераль-викарій бѣжавшаго архіепископа и нѣсколько вѣрныхъ приверженцевъ его попробовали было протестовать, но ихъ засадили подъ такіе затворы, что голосовъ ихъ стало не слышно. Заглушивъ голосъ справедливости, іезуиты еще насмѣхались надъ побѣжденнымъ противникомъ. Они устроили изъ учениковъ своихъ процесію, которая вела съ собой паршивую лошадь; къ хвосту лошади были привязаны митра и посохъ архіепископа; процесія распѣвала уличныя пѣсни, въ которыхъ поносила Палафокса еретикомъ и отъ его имени трубила народу благословенія въ бычачій рогъ. Наконецъ іезуиты уже готовились довершить свою побѣду и приступили къ выбору новаго архіепископа; но въ это время въ вера-круцскую гавань вошелъ испанскій флотъ, на которомъ пріѣхали комисары отъ правительства и въ сопровожденіи нѣсколькихъ сановниковъ прибыли въ городъ. Они привезли указы объ отрѣшеніи вице-короля, о назначеніи на его мѣсто епископа юкатанскаго, о немедленномъ возстановленіи архіепископа Палафокса и о строжайшемъ исполненіи его распоряженія противъ іезуитовъ. Вскорѣ пришло въ Мексико папское брѣве, въ которомъ іезуиты порицались еще строже, чѣмъ въ королевской грамотѣ. Имъ было приказано молчать объ этомъ

дѣлъ, а Палаfoxу воздавались похвалы, какъ пострадавшему за церковь. Итакъ, правое дѣло побѣдило; іезуитамъ, не смотря на всѣ старанія ихъ, не удалось добиться отмѣны папскихъ и королевскихъ указовъ. Они только доказали этимъ дѣломъ, какъ велика ихъ смѣлость и какъ непримирима ихъ мстительность.

Еще болѣе этихъ ссоръ іезуитамъ повредила продолжительная распря ихъ съ богословскимъ факультетомъ парижскаго университета, такъ называемой *Сорбонной*. Въ 1250 г. Робертъ де Сорбонъ, родомъ изъ Шанпани, канелланъ Лудовика Святаго, завелъ при парижскомъ университетѣ школу для воспитанія молодыхъ духовныхъ, которая была названа по его имени Сорбонной. Въ этой школѣ преподавали университетскіе профессора богословія, и она пріобрѣла чрезвычайное значеніе, такъ что по ней сталъ называться весь теологическій факультетъ. Такъ было до революціи, и стало быть, Сорбонна была не что иное, какъ соединенный трибуналъ парижскихъ докторовъ богословія, которые долго считались ученѣйшими во всемъ свѣтѣ. Поэтому ссора съ Сорбонной очень повредила іезуитамъ, ибо она считалась во всей Европѣ величайшимъ авторитетомъ, скорѣе божественнымъ, чѣмъ человѣческимъ. 1 декабря 1554 г. Сорбонна, спрошенная правительствомъ, слѣдуетъ или нѣтъ допускать іезуитовъ во Францію, постановила большинствомъ голосовъ слѣдующій отзывъ: „Общество это, неприлично присвоивающее себѣ имя Иисуса, имѣетъ принципомъ допускать въ свою среду самыхъ преступныхъ, безчестныхъ и низкихъ людей, лишь бы только отъ нихъ можно было ожидать пользы; члены его ни обычаями, ни богослуженіемъ, ни правилами жизни, ничѣмъ не отличаются отъ бѣлаго духовенства. Обществу даны отъ папскаго престола обширныя привиллегіи, индульты и вольности относительно проповѣданія и преподаванія, а также отъ правленія требъ; но эти льготы противны правамъ епископовъ и вредны всѣмъ прочимъ орденамъ, нарушаютъ іерархическій строй и наносятъ ущербъ свѣтскимъ государямъ и

владѣтелямъ, наконецъ оскорбляютъ права университетовъ и обременяютъ народъ. Общество это позоритъ монашество, ослабляетъ трудолюбивую, благочестивую и полезную монастырскую дисциплину, побуждаетъ членовъ прочихъ орденовъ нарушать свои обѣты, разрѣшаетъ мірянъ отъ должнаго послушанія и покорности въ отношеніи пастырей, лишаетъ свѣтскія и духовныя власти принадлежащихъ имъ правъ и вызываетъ во всѣхъ сословіяхъ смуты, а въ народѣ жалобы, распри, раздоры и всякія бѣдствія. Словомъ, общество это учреждено, повидимому, для оскорбленія религіи, для нарушенія мира въ церкви, для ниспроверженія монашескаго послушничества и вообще для ниспроверженія, а не для созиданія и утвержденія.“ Такъ судила Сорбонна еще въ 1554 г., стало быть, еще при самомъ началѣ дѣятельности іезуитовъ, и можно себѣ представить, какое впечатлѣніе произвело ея рѣшеніе на всю Францію. Замѣчательно, что богословы этого факультета не измѣнили своего мнѣнія объ іезуитахъ и въ послѣдствіи, даже когда дворъ и самъ государь стали слѣпыми приверженцами іезуитовъ, такъ что доктора теологіи могли бы пріобрѣсти важныя выгоды, согласившись съ воззрѣніями двора. Это тѣмъ удивительнѣе, что эти господа далеко не отличались либерализмомъ и вольнодумствомъ въ религіозныхъ вопросахъ. Напротивъ того, они особенно ревностно боролись во Франціи съ реформаціей, и нѣкоторые изъ нихъ, какъ напр., *Меларъ*, *Демошаръ*, *Періоръ* и *Эри*, питали нечеловѣческую ненависть къ еретикамъ.

Какъ ни тяжекъ былъ этотъ приговоръ надъ іезуитами, но знаменитый *Этиенъ Пакье* судилъ ихъ еще строже и удивительно проникательно разбиралъ общество Іисуса. Впрочемъ онъ дѣйствовалъ не отъ своего лица, а въ качествѣ повѣреннаго Сорбонны передъ парламентомъ, когда богословскій факультетъ вступилъ съ іезуитами въ упорную и продолжительную распрю. Дѣло было въ томъ, что въ 1561 г. іезуиты, не смотря на приговоръ парижскаго университета, получили позволеніе водвориться въ Парижѣ, впрочемъ на

очень стѣснительныхъ условіяхъ. Но они немедленно нарушили эти условія и наконецъ потребовали для своей коллегіи въ улицѣ Сень-Жакъ академическихъ правъ и привилегій, одинаковыхъ съ Сорбонной. Весь парижскій университетъ единодушно воспротивился этому требованію и просилъ обуздать притязанія іезуитовъ. Онъ былъ совершенно правъ, и за него былъ весь Парижъ и почти вся Франція. Зато развратный французскій дворъ держалъ сторону іезуитовъ, которые всегда умѣли пріобрѣтать расположеніе подобной среды. Дворъ далъ имъ позволеніе представить свою тяжбу съ университетомъ на разсмотрѣніе высшаго судебного учрежденія страны—парижскаго парламента. Однако это принесло имъ скорѣе вредъ, потому что адвокатъ Сорбонны, Этиенъ Пакье, наговорилъ имъ въ парламентѣ такихъ горькихъ истинъ, какихъ они еще никогда не слыхали, и этимъ заслужилъ одобреніе всего образованнаго общества. Онъ разсмотрѣлъ духъ ордена и неопровержимо доказалъ, что члены его стараются ослѣпить свѣтъ софистикой и толкуютъ свои знаменитые четыре обѣта самымъ различнымъ образомъ, смотря по тому, какъ имъ выгодно. Вся система ихъ основана на двусмысленности, которая такъ опасна для спокойствія государства, что, по его твердому убѣжденію, секта эта стремится произвести полный разрывъ между всѣми сословіями. „Гдѣ ее терпятъ, сказалъ онъ, тамъ государи и правители не могутъ считать себя въ безопасности отъ ея покушеній, тамъ нарушается церковный миръ.“ Далѣе онъ показалъ, какъ іезуиты выманиваютъ цѣлыя состоянія, какъ они портятъ молодежь своимъ мнимо-религіознымъ воспитаніемъ, какъ они поселяютъ во Франціи сѣмена мятежа и вѣроломства. Въ заключеніе онъ обратился къ парламенту съ слѣдующими словами: „Вы, имѣющіе намѣреніе даровать іезуитамъ терпимость, вы поздно раскаетесь въ своемъ легковѣріи, и потомство осудитъ васъ, потому что уже теперь доказано, а впослѣдствіи обнаружится еще болѣе, что они хитростью, обманомъ, суевѣріемъ, лицемѣріемъ и злостными

происками нарушаютъ общественное спокойствіе не только у насъ, но и во всемъ мірѣ.“

Вслѣдствіе такихъ рѣчей іезуитамъ было бы выгоднѣе не начинать съ Сорбонной ссоры, хотя они и достигли своей цѣли. Еще болѣе повредилъ имъ другой споръ, доставившій имъ сотни тысячъ враговъ и убѣдившій все католическое духовенство, что надо или раздѣлять всѣ убѣжденія іезуитовъ, или терпѣть отъ нихъ гоненія, какъ отступнику католицизма. Это было дѣло *янсенизма*.

Съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ христіанство, богословы его не соглашались между собою по тремъ теологическимъ вопросамъ — о предопредѣленіи, о благодати и о свободной волѣ человѣка. Великіе отцы церкви, *Августинъ* и *Пелагій*, служили главными представителями двухъ самыхъ крайнихъ воззрѣній на эти вопросы. Ученіе *Августина* было признано огромнымъ большинствомъ богослововъ единственно православымъ и правовѣрнымъ, а пелагіанцы и даже семипелагіанцы, т. е. полупелагіанцы-полуавгустинцы, были объявлены еретиками всѣми синодами V и VI ст. Пелагіанизмъ и семипелагіанизмъ исчезли совершенно, и никто о нихъ не думалъ, пока іезуитамъ, *Леонарду Лессу*, *Иоганну Гаммелю*, *Бенедикту Фонсекъ*, *Луису Молину* и другимъ, не вздумалось начать проповѣдовать въ своихъ сочиненіяхъ и на кафедрахъ своихъ коллегій чистый семипелагіанизмъ. Особенно замѣчательно было въ этомъ отношеніи сочиненіе португальскаго іезуита Молины *Concordia divinæ gratiæ et liberi arbitrii* (Соглашеніе божественной благодати съ свободной волей), вышедшее въ 1588 г. Доминиканцы, ревнители августинскаго правовѣрія, не замедлили обличить семипелагіанскую ересь этого сочиненія. Начался жаркій споръ; явилось множество сочиненій за и противъ; общество Іисуса, какъ одинъ человѣкъ, вступилось за Молину, а за доминиканцевъ ратовали университеты, особенно левенскій и дуэскій, многіе епископы и множество низшаго духовенства. Сама инквизиція вмѣшалась въ это дѣло и была не прочь сжечь

книгу Молины заодно съ авторомъ. Наконецъ генералу іезуитовъ, Аквавивѣ, удалось уговорить папу Клементя VIII взять это дѣло на собственное рѣшеніе, запретивъ доминиканцамъ распоряжаться произвольно и самоуправно, потому что по важности своей споръ подлежитъ рѣшенію лишь папской непогрѣшимости. Тогда обѣ стороны послали въ Римъ всѣ документы, говорящіе въ ихъ пользу, отзывы университетовъ и епископовъ. Клементъ VIII назначилъ для разбора дѣла особую комиссію, названную *Congregatio de auxiliis divinæ gratiæ*, которая открыла свои засѣданія 2 января 1598 г. Дѣло велось какъ въ гражданскомъ судѣ; мнѣнія обѣихъ сторонъ защищали адвокаты — со стороны доминиканцевъ ученые братья *Альваресъ* и *Лемосъ*, со стороны іезуитовъ оо. *Белларминъ*, *Аррубалъ* и *Валенсія*. И тѣ, и другіе старались повліять на судей побочными средствами и обращались даже за содѣйствіемъ къ иностраннымъ государямъ, какъ напр. къ іезуитской ханжѣ, императрицѣ Маріѣ-Августѣ, и къ достойному сыну ея, эрцгерцогу *Албрехту*. Но именно эти интриги замедляли рѣшеніе комиссіи, хотя предсѣдатель ея, кардиналъ *Мадруцци*, и самъ Клементъ VIII усердно старались кончить споръ, такъ что въ 1598—1604 было до 67 полныхъ засѣданій; однако Клементъ умеръ, не дождавшись осужденія Молины. Преемникъ его, *Павелъ V*, 16 лѣтъ (1605—21) занималъ папскій престолъ и большею частью самъ предсѣдательствовалъ въ засѣданіяхъ конгрегации, но ни онъ, ни *Григорій XV* (до 1623 г.) не дожили до рѣшенія. Наконецъ и папы, и коллегія кардиналовъ убѣдились, что лучше *замолчать* этому скандальному дѣлу, неимѣющему практическаго смысла, чѣмъ раздражать окончательнымъ приговоромъ одну изъ сторонъ, равно могущественныхъ. Такимъ образомъ дѣло положили подъ сукно, надѣясь, что всѣ о немъ забудутъ. Прошло уже болѣе 40 лѣтъ со времени перваго засѣданія конгрегации, какъ вдругъ въ 1640 году вышла книга, которая не только возобновила споръ, но и довела его до совершенно непредвидѣнныхъ размѣровъ.

Книга эта „Augustinus seu doctrina de humanæ naturæ sanitate, ægritudine et medicina adversus Pelagianos et Massilienses“ (Августинъ, или ученіе о здравіи, болѣзни и леченіи человѣческой природы противъ пелагіанцевъ и массилійцевъ, т. е. семипелагіанцевъ) была написана *Корнеліемъ Янсеномъ*, епископомъ ипернскимъ въ Нидерландахъ, умершимъ въ 1638. Янсень родился въ 1585 года въ одной деревушкѣ близъ Лефдама въ Голландіи; учился богословію въ Утрехтѣ, Лёвенѣ и Парижѣ, въ 1617 получилъ степень доктора, потомъ мѣсто профессора богословія, а въ 1636 г. санъ епископа въ Ипернѣ. Онъ работалъ надъ своей книгой болѣе 30 лѣтъ, вызубрилъ всѣ тринадцать фоліантовъ Августина, всѣ сочиненія Бая и другихъ учителей церкви, такъ что книга его изумляла ученостью и толщиною. Но именно по этой причинѣ ее никто не сталъ бы читать, когда друзья покойнаго епископа издали ее въ 1640 г. въ Лёвенѣ, а въ слѣдующемъ году въ Парижѣ, если бы враги не подняли противъ нея шума. Но, увидѣвъ, что въ книгѣ рѣзко порицаются молинисты, іезуиты пришли въ страшную ярость, и въ 1643 г. генераль Вителлески уговорилъ папу Урбана VIII особой буллой *In eminenti* осудить это сочиненіе, какъ еретическое. Папа и не прочелъ сочиненія, повѣривъ іезуитамъ на слово, а между тѣмъ ему было лестно являться верховнымъ судьей въ такихъ важныхъ вопросахъ вѣры. Друзья покойнаго Янсена издали брошюры, въ которыхъ съ удивленіемъ спрашивали, что еретическаго въ его книгѣ. Поэтому множество ученыхъ богослововъ сочли нужнымъ подробнѣе рассмотреть ея содержаніе. Тогда возгорѣлся споръ, одни противъ Янсена, другіе за него, и вторыхъ съ этого времени стали называть *янсенистами*. Въ числѣ ихъ были люди, какъ *Антуанъ Арно*, *Блезъ Паскаль*, *Пьеръ Николь* и *Никола Перро*, имена которыхъ блистаютъ въ первыхъ рядахъ знаменитостей науки. Кромѣ того множество епископовъ, профессоровъ и важныхъ духовныхъ лицъ приняли сторону августино-янсенистской партіи. Въ *Поръ-Ройяль-де-Шанъ* при тамошнемъ знаме-

нитомъ женскомъ монастырѣ цистертинокъ, монахини котораго обратились къ янсенизму, была основана образцовая школа подъ веденіемъ *Жана дю-Вержье-де-Горана*, аббата *де-Сенъ-Сирана*, для основанія болѣе чистаго религіознаго ученія и болѣе строгой морали въ противоположность іезуитской вольности. Словомъ, рѣзкая булла *In eminenti* и непомѣрно запальчивая полемика іезуитовъ противъ „Августина“ Янсена въ сущности только дали янсенизму жизнь и силу. Съ тѣхъ поръ онъ усиливался съ каждымъ годомъ, приобрѣтая множество приверженцевъ въ Нидерландахъ и во Франціи и, конечно, былъ неизмѣримо нравственнѣе и возвышеннѣе іезуитскаго молинизма. Наконецъ, іезуиты рѣшились прибѣгнуть къ насилію, и этимъ средствомъ послѣ долгой борьбы побѣдили своихъ противниковъ.

Началось съ того, что іезуиты отыскивали въ сочиненіи Янсена пять положеній, близкихъ къ догматамъ кальвинизма, и въ 1653 г. уговорили папу Иннокентія X, преемника Урбана VIII, осудить ихъ. Получивъ отъ него осуждающую буллу, они настояли, чтобы кардиналъ Мазарень силою провѣлъ ее во Франціи; этого имъ нетрудно было добиться, потому что этотъ министръ, въ то время всесильный во Франціи, былъ рабомъ Рима. Однако янсенисты съ своей стороны не молчали; они доказывали, что іезуиты извратили смыслъ положеній Янсена, и упрекали папу, что онъ осудилъ ихъ, не понявъ ихъ въ общей связи. Римскій престолъ разсердился, и преемникъ Иннокентія X, Александръ VII, буллою 1656 г. предписалъ всеѣмъ христіанамъ подъ страхомъ лишенія вѣчнаго блаженства вѣрить, что положенія Янсена осуждены справедливо. На это янсенисты отвѣчали, что папа не можетъ осуждать того, что существуетъ только въ его воображеніи. Іезуиты возразили, что можетъ, и что если онъ осудилъ несправедливо, то ему одному за это и отвѣчать, а христіанамъ надо только слушаться его, потому что передъ ними онъ непогрѣшимъ и всесилень. Споръ разгорѣлся до того, что грозилъ произвести во Франціи смуты. Это побу-

дило короля и папу Клемента IX, вступившаго на престолъ въ 1667 г., возстановить миръ, и въ 1668 г. стараніямъ ихъ удалось примирить враждующія партіи. Соглашеніе состояло въ томъ, что янсенисты признали 5 положеній достойными осужденія, но непринадлежащими Корнелію Янсену и несуществующими въ его „Августинъ“. Іезуиты, казалось, удовольствовались этимъ, и янсенисты на время были оставлены въ покоѣ.

Съ 1671 г. знаменитый богословъ *Паскаль Кенелъ* изъ ордена отцевъ ораторіи переводилъ на французскій языкъ и издавалъ выпусками новый завѣтъ съ своими примѣчаніями. Въ 1687 г. изданіе было кончено, а въ 1693 г. переводъ вышелъ новымъ полнымъ изданіемъ въ Парижѣ. Вѣрующіе люди радостно встрѣтили этотъ трудъ столь назидательнаго содержанія. Многіе духовные, въ томъ числѣ такіе люди, какъ *Бенинь Боссюэ*, милостынедатель Дофина и епископъ москій, *Луи Антуанъ-де-Ноайль*, кардиналъ-архіепископъ парижскій, *Пьеръ-Ла-Бру*, епископъ мирпуаскій и др., рекомендовали его своей паствѣ. Наконецъ сама Сорбонна и даже папа Иннокентій XII совершенно одобрили эту книгу. Но іезуиты нашли въ ней много противорѣчій своему ученію о благодати и своему нравственному богословію, такъ что вознегодовали на нее. Имѣя притязаніе быть единственными непогрѣшимыми учителями христіанства, они считали глубокимъ оскорбленіемъ противорѣчіе своему ученію. Раздраженные успѣхомъ противниковъ, они рѣшились вступить съ ними въ борьбу на смерть. Они съ яростью напали на книгу Кенеля, и всѣ епископы, преданные имъ, осудили ее въ пастырскихъ посланіяхъ за янсенистское направленіе, замѣтное почти въ каждой строчкѣ. Такимъ образомъ послѣ кратковременнаго спокойствія, добиться котораго стоило такихъ трудовъ, споръ съ янсенистами возгорѣлся съ новой силой, и почти вся Франція была вовлечена въ него. Іезуиты, не довольствуясь бранью и проклятіями, прибѣгли къ свѣтской власти. Французскій король Лудовикъ XIV сдѣлался старымъ

ханжей и совершенно подчинился вліянію своего духовника, іезуита *Ла-Шеза*, и своей метрессы *Ментенонъ*, также слѣпо преданной іезуитамъ. Іезуиты требовали, чтобы янсенистовъ поставили на одну доску съ гугенотами и точно также смирили бы ихъ оружіемъ. Правительство, самое деспотическое въ свѣтѣ, послѣдовало этому совѣту, и началась произвольная расправа со всѣми янсенистами, явными и подозрѣваемыми, со всѣми, кого іезуиты за что-нибудь ненавидѣли и губили, заподозривая въ янсенизмѣ, такъ что скоро, кромѣ приверженцевъ іезуитской партіи, никто не могъ считать въ безопасности свою свободу, честь, имущество и даже жизнь. Кенель со многими богатыми послѣдователями убѣжалъ отъ мести враговъ въ Нидерланды и умеръ въ Амстердамѣ въ 1710 г. 76-ти лѣтъ. Зато плохо пришлось разсаднику и главному центру янсенизма, великолѣпному Поръ-Ройяльскому монастырю. По высочайшему указу парижская полиція въ 1709 г. до основанія разорила и срыла его со всѣми многочисленными зданіями. Французскія тюрьмы были биткомъ набиты подозрѣваемыми въ янсенизмѣ, и засажённые выходили не иначе, какъ трупами прямо на кладбище. Вся Франція была подавлена этимъ тираническимъ гоненіемъ, и всѣ знали, кто главный виновникъ его, такъ что смерть *Ла-Шеза* 20 февраля 1709 г. возбудила общую радость. Но радость эта была непродолжительна, потому что *Ла-Шезу* наслѣдовалъ еще худшій тиранъ, *Ле-Телье*, который имѣлъ на стараго грѣшника, замаливавшего грѣхи прежнихъ лѣтъ, больше вліяніе, чѣмъ прежній духовникъ. Гоненіе на янсенистовъ и вообще всѣхъ враговъ іезуитовъ еще болѣе ожесточилось, и множество французскихъ гражданъ ежегодно убѣгало въ Нидерланды. Чтобы прикрыть такія преслѣдованія, хотя призракомъ права, *Ле-Телье* просилъ Клемента XI учредить комиссію для разбора кенелевской ереси по примѣру *congregatio de auxiliis* Клемента VIII, и папа согласился. Членами комиссіи были назначены исключительно приверженцы іезуитовъ, а президентомъ — главный другъ

ихъ, кардиналъ *Фаброни*. Замѣчательно, что изъ этихъ судей только одинъ понималъ по-французски, а имъ приходилось читать, судить и осуждать французскую книгу. Подобную нелѣпость трудно представить себѣ, но іезуиты заботились только о томъ, чтобы обмануть свѣтъ. Единственный понимавшій по-французски членъ конгрегаціи, *Обантонъ*, скоро убѣдилъ конгрегацію обречь проклятію 101 положеніе кенелевскаго завѣта, какъ опасныя, еретическія и соблазнительныя. Въ томъ числѣ попало и нѣсколько библейскихъ текстовъ, нѣсколько положеній св. Августина и другихъ отцовъ церкви; но ученые члены конгрегаціи, конечно, и не подозрѣвали этого, потому что, кажется, не далеко ушли въ библіи и въ отцахъ церкви. Іезуитъ *Жуванси* сочинилъ буллу, торжественно осуждавшую эти 101 положеніе, и папа обнародовалъ ея во всемъ христіанскомъ мірѣ 8 октября 1713 г. подъ именемъ *Unigenitus*. Іезуиты приобрѣли твердое основаніе для своихъ гоненій на янсенистовъ, и такъ какъ Лудовикъ XIV былъ вѣрнымъ другомъ ихъ, то они надѣялись скоро покончить съ янсенистами и съ прочими врагами своими во Франціи. Надежда эта осуществилась, хотя черезъ два года Лудовикъ XIV умеръ и хотя многіе французскіе епископы не хотѣли принимать буллу *Unigenitus*, какъ нарушающую вольности галликанской церкви. Но Лудовикъ XV пошелъ по слѣдамъ прадѣда, а министръ его, кардиналъ *Флери*, былъ вполне преданъ іезуитамъ; поэтому въ 1728 г. король въ такъ называемомъ *lit de justice* издалъ постановленіе, вслѣдствіе котораго и остальные янсенисты были принуждены бѣжать изъ Франціи.

Такимъ образомъ и здѣсь іезуиты одержали побѣду. Но это была побѣда фактическая, а не нравственная. Споръ съ янсенистами показалъ ихъ всему міру въ настоящемъ свѣтѣ, что было для нихъ гораздо хуже, чѣмъ бы вовсе не обращать вниманія на янсеновскаго „Августина“. Янсенизмъ въ Нидерландахъ удержался, и теперь еще къ нему принадлежитъ

27 общинъ. Но послѣдователи его называются уже не янсенистами, а учениками св. Августина; они твердо держатся ученія Янсена и сохранили непримиримую ненависть къ іезуитамъ.

ГЛАВА II.

Ученіе іезуитовъ.

Въ первой книгѣ мы уже видѣли принципы и правила, на которыхъ основался орденъ іезуитовъ. Но кромѣ папы и самихъ іезуитовъ, никто не зналъ ни первоначальныхъ основаній ордена, ни позднѣйшихъ положеній, прибавленныхъ впослѣдствіи генералами. Проницательные люди давно подозрѣвали, что тайна, покрывающая уставы ордена, скрывается что-нибудь очень плохое. Такъ напр.: епископъ Палафоксъ въ письмѣ къ Иннокентію X отъ 1649 г. говоритъ, что ему очень подозрительна боязнь гласности, которою отличаются іезуиты. „Постановленія соборовъ, папъ, кардиналовъ, епископовъ и вообще духовенства — пишетъ онъ — извѣстны всему міру, потому что церковь никогда не скрывалась отъ свѣта и напротивъ того всегда боялась мрака. Всюду въ лучшихъ библіотекахъ можно найти книги уставовъ, правилъ, вольностей и постановленій всѣхъ духовныхъ орденовъ, и всякій, хотя бы напр. францисканскій послушникъ, можетъ самъ узнать все необходимое, чтобы сдѣлаться впослѣдствіи генераломъ серафимскаго ордена. Одни іезуиты прячутся въ мракъ, который непроницаемъ не только для мірянъ, но и для большинства членовъ ихъ. Многіе изъ нихъ обязаны только тремя обѣтами, а четвертаго не давали, но зато и не знаютъ настоящихъ правилъ, уставовъ и привиллегій своего ордена. Вашему святѣйшеству извѣстно, что эти тайны ввѣ-

ренны весьма небольшому числу лицъ, а нѣкоторыя статьи доступны только генералу и нѣсколькимъ главнымъ членамъ. Такъ напр.: правила, на которыхъ основано управленіе орденомъ, извѣстны только высшимъ лицамъ и не имѣютъ ничего общаго съ основаніями католической церкви. По тайнымъ доносамъ членовъ нерѣдко исключаютъ изъ ордена, не разбирая дѣла и не объясняя имъ причины исключенія. Словомъ, общество Іисуса представляетъ совершенно само-бытное учрежденіе и не слѣдуетъ ни общимъ церковнымъ учрежденіямъ, ни естественнымъ законамъ разума, такъ что подъ этой таинственностью надо предполагать что-нибудь несовмѣстное съ христіанствомъ.“

Правила общества Іисуса такъ долго оставались тайной, что наконецъ явилось сомнѣніе, существуютъ ли подобныя печатныя или письменныя правила. Но наконецъ истина стала мало-по-малу разъясняться, и оказалось, что орденъ въ первый разъ напечаталъ свои правила въ 1584 г., т. е. когда распространился по всему свѣту и достигъ могущества. Но эти книги предназначались въ чтеніе только членамъ ордена, которымъ строго запрещалось показывать ихъ постороннимъ. Не довольствуясь этою предосторожностью, іезуиты не помѣстили въ этихъ книгахъ всѣхъ своихъ правилъ; важнѣйшія существовали только въ рукописяхъ и притомъ въ самомъ ограниченномъ числѣ экземпляровъ, такъ чтобы ни посторонніе, ни большинство членовъ ордена не могли узнать ихъ, и чтобы они были доступны только высшимъ членамъ. Однако, современемъ іезуиты сочли бесполезнымъ держать втайнѣ многія свои положенія и въ 1635 г. напечатали новое изданіе своихъ правилъ подъ заглавіемъ: *Ratio et institutio Societatis Jesu* (сущность и учрежденія общества Іисуса). Здѣсь были помѣщены папскія бреве, декреты генераловъ и генеральныхъ конгрегацій ордена, правила для коллегій и школъ и проч., что 50 лѣтъ тому назадъ было сочтено неудобнымъ обнародовать. Еще подробнѣе было 3-е изданіе 1702 г., въ двухъ толстыхъ томахъ in 4°,

подъ заглавіемъ: *Corpus institutorum Societatis Jesu in duo Volumina distinctum, accedit Catalogus provinciarum, domorum, collegiorum etc. ejusdem Societatis*. 4. Antverpiæ apud Ioannem Meursium (Сводъ учреждений О. І. въ 2 том. съ каталогомъ провинцій, домовъ, коллегій и проч. 4. Антверпенъ въ тип. Іоанна Мёрса). Наконецъ въ 1757 г. въ типографіи іезуитской пражской коллегіи было напечатано 4-е изданіе также въ двухъ томахъ in 4°, гдѣ были помѣщены и новѣйшія постановленія генеральныхъ конгрегацій, и декреты всѣхъ генераловъ до Игнатія Висконти включительно. Впрочемъ, это изданіе болѣею частью просто перепечатка изданія 1702 г. подъ тѣмъ же заглавіемъ.

Конечно, этихъ трехъ изданій было бы достаточно, чтобы уяснить свѣту, что такое іезуиты. Но какъ это ни странно, однако несомнѣнно, что до 1761 г. ни одного печатнаго экземпляра іезуитскихъ статутовъ не попадалось въ руки непосвященныхъ или даже низшихъ членовъ ордена. Никто въ свѣтѣ никогда не видалъ этого *Corpus institutorum*, такъ что все, что знали и рассказывали о іезуитахъ, было основано на толкахъ и слухахъ. Только въ процесѣ Ла-Валетта, съ которымъ мы познакомились въ 4-й книгѣ, къ общему изумленію на требованіе парижскаго парламента предсталъ одинъ экземпляръ изданія 1757 г. Изумленіе это возрасло еще болѣе, когда узнали содержаніе этой книги. Предъявленіе этой книги было величайшей неосторожностью со стороны отца прокуратора Монтиньи, и іезуиты дорого дали бы потомъ, чтобы поправить эту ошибку; но сдѣланнаго не передѣлаешь, и парламентъ, овладѣвшій книгой, не согласился возвратить ее. Основываясь на ней, онъ объявилъ *грубыми злоупотребленіями* всѣ буллы, бреве, грамоты папъ, касающіяся іезуитскаго ордена, уставы его, объясненія ихъ, декреты генераловъ и общихъ конгрегацій и вообще всѣ постановленія ордена. Онъ привелъ слѣдующія основанія своего приговора:

Во-первыхъ, уставы общества наносятъ ущербъ значенію церкви, соборовъ, папъ и всего духовенства, а также

свѣтскихъ монархій и государей, потому что въ силу своей власти генераль іезуитовъ имѣеть право дѣлать и предписывать вещи, прямо противоположныя постановленіямъ соборовъ, булламъ папъ, узаконеніямъ духовенства и законамъ свѣтскихъ правительствъ. Орденъ совершенно изъять изъ-подъ власти свѣтской и духовной, можетъ измѣнять, отмѣнять свои уставы, учреждать новые, совершенно независимо отъ всякой власти, даже отъ власти римскаго престола.

Во-вторыхъ, по уставамъ ордена въ немъ съ монархическою властью владычествуетъ единый глава, генераль, безусловно повелѣвающій всеѣмъ обществомъ, которое имѣеть всемірное распространеніе, и всеѣми членами его, даже тѣми, кои, по праву занимаемыхъ ими сановъ и должностей, должны быть совершенно независимы отъ него. Притомъ онъ имѣеть власть не только распоряжаться имуществомъ ордена, заключать договоры, нарушать и прекращать ихъ и проч.; но облеченъ такимъ всемогуществомъ, что все члены общества обязаны слѣпо, не разсуждая, безъ исключеній, безъ сомнѣній, даже безъ внутренняго колебанія повиноваться ему, какъ самому Іисусу Христу—исполнять въ точности все его предписанія, какъ религіозные догматы, и служить ему орудіями съ полнымъ отреченіемъ отъ своего разума и воли.

Въ третьихъ, привиллегіи ордена Іисуса противорѣчатъ правамъ государей и властей, архіепископовъ, епископовъ, священниковъ и университетовъ и всеѣхъ духовныхъ и свѣтскихъ орденовъ и корпорацій, такъ что все сословія государствъ терпятъ отъ нихъ ущербъ.

Въ четвертыхъ, все договоры обществъ и корпорацій даютъ членамъ ихъ извѣстныя права и обязанности, между тѣмъ члены общества Іисуса имѣють только обязанности; но зато только въ отношеніи своего генерала, которому обязаны повиноваться слѣпо, не имѣя въ отношеніи его никакихъ правъ. Генераль можетъ по произволу исключить изъ ордена кого угодно, и исключенный не можетъ ни аппелировать

на произволъ, ни спрашивать о причинѣ своего исключенія, ни просить средствъ на существованіе на остатокъ жизни.

Въ-пятыхъ наконецъ, члены общества Іисуса обязаны безусловнымъ, рабскимъ повиновеніемъ генералу даже въ вопросахъ вѣры и должны принимать съ вѣрою все, хотя бы генералу или генеральной конгрегаціи вздумалось установить положенія, прямо противорѣчащія ученію христіанской церкви, такъ что чисто еретическія ученія могутъ сдѣлаться іезуитскими догматами.

На основаніи всего этого парижскій парламентъ объявилъ уставы ордена іезуитовъ возмутительными и немислимыми въ благоустроенномъ государствѣ. Обнародованіе этого приговора произвело чрезвычайное впечатлѣніе. Это впечатлѣніе еще болѣе усилилось, когда въ началѣ 1762 г. вышелъ толстый томъ in 4° съ извлеченіями изъ *Corpus institutorum* подъ заглавіемъ: „Извлеченіе опасныхъ и позорныхъ положеній, постоянно проповѣдуемыхъ іезуитами въ ихъ сочиненіяхъ съ одобренія ихъ генераловъ.“ Но здѣсь изумили свѣтъ, не столько уставы ордена, сколько самое ученіе ихъ, проповѣданное знаменитѣйшими богословами ихъ. Болѣе всего поразили людей та христіанская мораль и то нравственное богословіе, которыхъ, какъ оказалось, держатся іезуиты, и которыя они всегда проповѣдовали. Правда, нѣкоторые знаменитые противники ихъ, какъ Антуанъ Арно въ своей *Morale pratique des Jésuites* 1643; Б. Паскаль въ *Lettres provinciales* 1656 и Н. Пеппо въ *Morale des Jésuites extraite de leur livres* 1669, давно уже обращали на это вниманіе. Но въ то время іезуиты пользовались еще такимъ авторитетомъ, что эти обличенія не имѣли силы. По старанію іезуитовъ, подобныя сочиненія сжигались палачами и запрещались правительствами, и большинство публики оставалось въ убѣжденіи, что все это злобные пасквили. Но когда *Corpus institutorum* показалъ истину, всѣ усердно занялись изученіемъ іезуитскихъ сочиненій и нашли вещи, гораздо болѣе рѣзкія, чѣмъ все, что предполагали и чего ожидали.

Тогда парижскій парламентъ приказалъ изслѣдовать множество іезуитскихъ сочиненій, и результатомъ этого изслѣдованія было запрещеніе и сожженіе палачомъ подъ большою лѣстницей дворца парламента нравственныхъ сочиненій іезуитовъ — *Эмануэля Са, Мартина-Антоніо Дельріо, Роберта Персона, С. Бриджеватера, Роберта Беллармина, Луиса Молины, Альфонса Сальмерона, Григорія де Валенсіи, Клара Бонарсія, Іоанна Асора, Якова Келлера, Габріеля Васкеса, Іоанна Лорина, Леонарда Лесса, Франца Толета, Адама Таннера, Мартина Бекана, Эдмунда Пиро, Антоніо де Эскобара, Якова Тирена, Якова Гретзера и Германа Бузенбаума.*

Чтобы дать читателямъ понятіе о морали іезуитовъ, я приведу выдержки изъ сочиненій этихъ важнѣйшихъ писателей ордена и нѣкоторыхъ позднѣйшихъ, которыя покажутъ, что и въ новѣйшее время принципы общества не измѣнились. Прежде всего посмотримъ, какъ разсуждаютъ іезуиты о развратѣ и бракѣ. „Кто заводитъ связь, говоритъ о. *Францъ-Ксаверій Фегели* (въ сочиненіи своемъ: Практическіе вопросы объ обязанностяхъ духовника. Аугсбургъ 1750 г.), съ молодой дѣвицей съ добровольнаго согласія ея, тотъ не совершаетъ этимъ грѣха, потому что она властна распоряжаться собой и любить, кого хочетъ.“ То же говорятъ оо. *Эскобаръ* въ своемъ Нравственномъ Богословіи, напечатанномъ in 2° въ Ліонѣ въ 1655 г., и *Мулле* въ своемъ Компендіумѣ Нравственности. Послѣдній прибавляетъ еще: „Кто овладѣлъ дѣвицей насиліемъ, угрозой или хитростью, тотъ обязанъ вознаграждать ее и ея родственниковъ за вредъ, который отъ этого произошелъ; онъ обязанъ дать ей приданое, чтобы она нашла себѣ мужа, или самъ жениться на ней, если не можетъ вознаградить иначе. Однако, если дѣло осталось совершенно тайнымъ, то онъ, по совѣсти, не обязанъ вознаграждать ее.“ Далѣе тотъ же патеръ Мулле учитъ: „Кто находится въ связи съ женщиною не потому, что она замужняя, а только потому, что она ему нравится, то здѣсь, не смотря на ея

брачное состояніе, совершается только грѣхъ нецѣломудренности, а нарушенія брака нѣтъ.“ О. *Эміенъ Бони* (въ сочиненіи *De la Somme des Péchés*. Парижъ 1653 г.) говоритъ о развратѣ вообще слѣдующее: „Всѣмъ людямъ позволительно посѣщать развратные дома для обращенія на истинный путь публичныхъ женщинъ, хотя весьма вѣроятно, что пришедшій туда согрѣшитъ, ибо трудно воздержаться отъ соблазна. Но это будетъ только *fornicatio*, а не *stuprum*. *Stuprum* было бы въ томъ случаѣ, если бы было совершено насиліемъ надъ дѣвицей противъ ея воли, *fornicatio* же основано на обоюдномъ согласіи и не составляетъ для женщины обиды.“ Иезуиты дозволяютъ также способствовать разврату и сводничать; о. *Кастро Паоло* (*De Virtutibus et Vitiis*. 1631 г.) говоритъ объ этомъ такъ: „Слуга, принужденный для снисканія пропитанія служить развратному господину, можетъ оказывать ему содѣйствіе въ самыхъ тяжкихъ проступкахъ. Такъ напр.: онъ можетъ доставлять ему наложницъ, водить его въ дурныя мѣста и проч.; во всемъ этомъ роль его безгрѣшна. Если напр. господинъ полѣзетъ въ окно въ спальню къ женщинѣ, то слуга можетъ подсаживать его или держать ему лѣстницу, потому что оказывать помощь человѣку влѣзающему само-по-себѣ совершенно безгрѣшно.“ О. *Корнель де ла Пьеръ* въ своемъ Комментаріи на пророка Даниила (Парижъ 1622 г.) оригинально толкуетъ извѣстное происшествіе съ Сусанной, приписывая ей слѣдующее разсужденіе: „Уступивъ, будто бы говоритъ Сусанна, нескромнымъ желаніямъ старцевъ, я потеряю честь, а сопротивляясь имъ, подвергну опасности свою жизнь. Стало быть, мнѣ слѣдуетъ не соглашаться на ихъ постыдное предложеніе, но и не препятствовать имъ, а молчать, дабы сохранить и честь, и жизнь.“ Совершенно то же говоритъ Жакъ Тиренъ въ своемъ Комментаріи на Библію (1668 г.): „Цѣломудренной Сусаннѣ слѣдовало предоставить себя старцамъ, впрочемъ, конечно, не давая согласія; она напрасно криками сдѣлала извѣстнымъ свой позоръ, желая спасти свое цѣломудріе; между

между тѣмъ честь и жизнь, безъ сомнѣнія, дороже тѣлесной чистоты.“ Что касается взиманія денегъ за проституцію, то относительно этого пункта іезуитскіе моралисты расходятся между собою. Шотландскій іезуитъ, о. Д. *Гордонъ* (Общее Нравственное Богословіе, т. II, кн. V) пишетъ: „Публичная женщина въ правѣ требовать платы, но не слишкомъ высокой. Это относится и къ дѣвицамъ, которыя тайно занимаются проституціей. Но замужняя женщина не въ правѣ получать плату, потому что доходъ съ ея проституціи не входитъ въ условія брачнаго контракта.“ Знаменитый же *Эскобаръ* говоритъ напротивъ того: „Плата, получаемая замужнею женщиною за нарушеніе супружеской вѣрности, составляетъ ея законное благопріобрѣтеніе; но она обязана позволять мужу также пользоваться этимъ доходомъ.“ Особенно замѣчательно мнѣніе о. *Тамбурины* въ его *Confession aisée* (кн. VIII, гл. V):

„Вопросъ: Почему слѣдуетъ женщинѣ продавать доставляемое ею удовольствіе?

„Отвѣтъ: это зависитъ отъ многихъ условій, какъ-то: отъ рожденія, красоты и состоянія женщины; напр. женщина, пользующаяся общимъ уваженіемъ, стоитъ дороже той, которая доступна первому встрѣчному. Стало быть, прежде всего дѣло въ томъ, о комъ идетъ рѣчь — о публичной женщинѣ или объ уважаемой. Публичная женщина не должна брать съ одного больше, чѣмъ съ другаго. Она должна назначить себѣ таксу, и тогда это будетъ соглашеніе между ею и ея посѣтителемъ. Посѣтитель даетъ ей деньги, а она ему свое тѣло, какъ трактирщикъ — вино. Но приличная и уважаемая женщина можетъ требовать, сколько вздумаетъ, потому что, при отсутствіи определенной таксы, продавецъ воленъ просить за товаръ, сколько хочетъ. Стало-быть, такая женщина, какъ невинная дѣвушка, можетъ запрашивать за свою честь, сколько угодно, и никто не можетъ упрекнуть ее за это въ лихоимствѣ.“

Теперь послушаемъ, что говорятъ іезуиты о воровствѣ. Вотъ какъ рассуждаетъ о. *Пьеръ Аррагонъ* (*Abrégé de la*

Somme théologique de St. Thomas d'Aquin): „Позволительно ли въ нуждѣ воровать?—Да, позволительно воровать и тайно, и явно, но только за неимѣніемъ иныхъ средствъ помочь своей нуждѣ. Притомъ здѣсь нѣтъ ни насилія, ни похищенія, потому что по естественному праву все принадлежитъ всѣмъ, и кромѣ того каждый обязанъ поддерживать свое существованіе.“ О. *Бенедиктъ Штатлеръ* говоритъ тоже самое въ своемъ знаменитомъ сочиненіи: „Общее католическо-христианское нравственное ученіе или истинная наука блаженства; составлено на основаніи началъ божественнаго откровенія и философіи для высшихъ школъ фальцъ-баварскихъ лицеевъ по высочайшему курфиршескому повелѣнію“ (Мюнхенъ 1790 г.). Здѣсь въ I томѣ говорится между прочимъ: „Если по болѣзни или неимѣнію работы человекъ не въ состояніи удовлетворять своимъ насущнымъ потребностямъ трудомъ, то онъ въ правѣ тайной или открытой силой брать у богатаго излишекъ.“ *Антоніо де Эскобаръ* говоритъ то же самое (Theologia moral. Tract. V Exempl. V, № 120), прибавляя однако, что обкрадывать позволительно только богатыхъ. „Поэтому, — объясняетъ онъ, — если ты видишь человека, который собирается обворовать бѣдняка, то удержи его и укажи ему на какого-нибудь богача, чтобы онъ обокралъ его вмѣсто бѣдняка.“ Еще подробнѣе разсуждаетъ о. *Антуанъ-Поль Габріель*, въ точности опредѣляющій сумму, которую позволительно украсть заразъ, — а именно, 3 франка (Theologie morale universelle), но полагаетъ, что воровство можно повторять столько разъ, сколько нужно, и что воръ не обязанъ возвращать украденнаго, хотя бы въ сложности составила значительная сумма. Менѣе опредѣленно, но тоже самое говоритъ о. *Лонге* (Questions IV): „Если одинъ человекъ дотого бѣденъ, а другой такъ богатъ, что послѣдній обязанъ помочь первому, но не дѣлаетъ этого, то бѣдный можетъ безъ грѣха взять у богатаго, сколько нужно, не обязываясь возвратить, но долженъ дѣлать это тайно и такъ, чтобы не кидалось въ глаза.“ „Если, говоритъ о. *Х. де Кар-*

денасъ (*Crisis theologica*), хозяева отпускаютъ слугу, не заплативъ ему жалованья, онъ можетъ или обратиться къ правосудію, или самъ доставить себѣ удовлетвореніе, воспользовавшись *правомъ тайнаго вознагражденія*.“ Тому же учить о. Кс. Фегели (*De Confessore*), который еще прибавляетъ: „Позволительно обокрасть хозяина въ вознагражденіе себѣ, но съ тѣмъ, чтобы не быть пойманнымъ на дѣлѣ.“ По ученію *Хуана де Луго* (*De incarnatione*) можно обворовать и должника, если нѣтъ надежды получить съ него долга; „но,“ поясняетъ другой іезуитъ, *Валерій Реджинальдъ*, „надо вознаграждать себя добросовѣстно и не брать больше, чѣмъ въ правѣ получить.“

Ложь и клятвопреступленіе дозволены ученіемъ іезуитовъ во всѣхъ случаяхъ, гдѣ дѣло идетъ о чести, имуществѣ, здоровьѣ или жизни человѣка, которому правда могла бы повредить. „Дозволительно, говорить *Х. де Карденасъ*, давать клятву въ важныхъ и неважныхъ дѣлахъ съ намѣреніемъ не сдержать ее, если есть достаточное основаніе на это.“ „Иногда позволительно говорить двусмысленно и обманывать судей, пишетъ о. Кастропалосъ (*Tract. 14*), если есть уважительное основаніе скрыть истину. Напр., чтобы не быть казненнымъ за убійство, необходимо притворство, и оно вполне позволительно въ подобномъ случаѣ и не составляетъ ни малѣйшаго грѣха. Въ такихъ обстоятельствахъ дозвоительно даже дать двусмысленную клятву, потому что первый долгъ человѣка, который выше всего,—заботиться о сохраненіи своей жизни всѣми зависящими отъ него средствами. Въ этомъ отношеніи со мною согласны ученѣйшіе наши богословы, такъ что я могу сослаться на сочиненія *Наварры*, *Толета*, *Суареса*, *Валенсіи* и *Лесія*.“ *Санчесъ* и *Бонацинъ* учатъ тому же, и второй говоритъ: „Будучи допрашиваемъ о какомъ-нибудь совершенномъ тобою проступкѣ, не вѣдая себѣ въ обязанность сознаваться, пока можешь пріискать правдоподобныя уловки. Если при судебномъ допросѣ ты видишь, что изъ сознанія проступка произойдетъ для тебя

большой и важный вредъ, смѣло отрицай, говоря, что не дѣлалъ, но выражайся такъ, чтобы впослѣдствіи имѣть возможность растолковать свои слова, какъ угодно. Если тебя будутъ спрашивать о сообщникахъ, то и здѣсь молчи или отвѣчай неправду, а всего лучше, говори такъ, чтобы истинный смыслъ отвѣта былъ непонятенъ.“ Знаменитый о. *Филиппи* раздѣляетъ мнѣніе ученаго Кастропалоса въ своемъ большомъ сочиненіи о богословіи (т. X, трактатъ 25, гл. 12). „Спрашиваютъ, говоритъ онъ, можно ли иногда давать двусмысленную клятву съ заднею мыслью или скрытымъ смысломъ. Отвѣчаю — да; но клятва должна быть такъ выражена, чтобы въ случаѣ инаго оборота дѣла умѣть истолковать ее иначе и не поставить себя въ затрудненіе.“

Въ отношеніи разныхъ обмановъ и плутней іезуиты оказывали въ своихъ поученіяхъ удивительную предусмотрительность и входили въ самыя тонкія подробности. Такъ о. Толетъ въ сочиненіи „О семи смертныхъ грѣхахъ“ говорить слѣдующее: „Если продавецъ не можетъ распродавать вино по настоящей цѣнѣ, потому что оно оказалось слишкомъ дорого для его покупателей, то онъ можетъ обмѣривать или примѣшивать воду, но, конечно, такъ, чтобы покупатели думали, что мѣра полна и вино чистое.“ О подкупкахъ разсуждаетъ о. *Таберна* въ своемъ очеркѣ практическаго богословія (1736 г.): „Спрашиваютъ, обязанъ ли судья возвращать взятку, поднесенную ему одной изъ сторонъ за рѣшеніе дѣла въ ея пользу. Отвѣчаю: онъ обязанъ возвратить взятку, если дѣло, за которое она дана, правое; но если дѣло, за которое ему дали деньги или цѣнную вещь, несправедливо, то онъ въ правѣ удержать взятку, потому что заслужилъ ее.“ Бенедиктъ Штатлеръ говоритъ о другаго рода подкупѣ (Ученіе Нравственности, т. I) такъ: „Если по себялюбію или пристрастію высшаго начальства личныя заслуги и достоинства человѣка не могутъ открыть ему пути къ общественнымъ должностямъ, то ему не только дозволительно, но будетъ даже вѣнчено въ заслугу, если онъ, побуждаемый

къ желанію занять какую-либо должность любовью къ Богу или ближнимъ, постарается подаркомъ расположить къ себѣ тѣхъ, отъ кого зависитъ полученіе мѣста.“ Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, которые могутъ имѣть впрочемъ весьма обширное примѣненіе, іезуиты разрѣшаютъ вытравлять младенцевъ. Объ этомъ говоритъ напр. о. *Эро* (*Propositions sur le cinquième précepte du Décalogue*). „Спрашиваютъ, можетъ ли женщина принимать плодывыгоняющія средства? Отвѣчаю: да, если плодъ умеръ или если беременность или роды опасны. Равнымъ образомъ въ правѣ дѣлать это обольщенная дѣвица, для которой честь должна быть дороже жизни.“ Любопытно также, какъ о. *Гоба* въ своихъ *Oeuvres morales* (т. II) судитъ о преступленіяхъ, совершаемыхъ въ нетрезвомъ состояніи. Доказавъ, что пьяный неответственъ за свои поступки, онъ заключаетъ такъ: „Сынъ, убившій въ пьяномъ видѣ отца, не только не преступникъ, но иногда можетъ даже радоваться совершенному имъ при такихъ условіяхъ убійству, если напр. черезъ него ему достается въ наслѣдство большое состояніе, ибо богатство — самая желанная вещь въ мірѣ, особенно если умѣть пользоваться имъ.“

Но особенно замѣчательна іезуитская теорія права самозащиты. Іезуиты утверждаютъ, что всякій въ правѣ воздавать строгое возмездіе обидчику не только судебнымъ путемъ, но и клеветою, позореніемъ его чести и мараніемъ его добраго имени. „Оклеветавъ его, говоритъ о. Тамбурины въ своемъ *Decalogus* (Lib. IX, гл. II, § 2), можно быть увѣреннымъ, что найдется множество людей, которые будутъ клясться, что клевета справедлива, потому что люди вообще отъ природы злы и любятъ зло, такъ что обидчикъ наконецъ совершенно лишится чести, и всякій будетъ указывать на него пальцами.“ Осторожнѣе говоритъ объ этомъ Германнъ Бузенбаумъ (*Христіанское Богословіе*, Кн. III, отд. VI, гл. I): „Если кто-нибудь несправедливо обнесетъ васъ клеветой, и у васъ не будетъ инаго средства защититься, какъ обезчестивъ обидчика, то вы совершенно въ правѣ сдѣлать это. Но

безчестія его, вы не должны лгать, и не слѣдуетъ болѣе позорить его, чѣмъ сколько необходимо для защиты вашей собственной чести, не слѣдуетъ болѣе безчестить обидчика, чѣмъ онъ обезчестилъ васъ, и должно строго принимать въ соображеніе его значеніе въ обществѣ сравнительно съ вашимъ.“ Леонгардъ Лесіусъ гораздо откровеннѣе; тотъ прямо говоритъ (*Lib. II. de Anst.* гл. 2): „Если кто оскорбитъ васъ, вы тотчасъ можете воспользоваться правомъ возмездія, не взирая ни на что и стараясь только не зайти въ мщеніи слишкомъ далеко.“ Но всего выразительнѣе объясняетъ Б. Штатлеръ: „Будучи кѣмъ-нибудь опозоренъ, человѣкъ имѣетъ полное право лишить обидчика той репутаціи, благодаря которой онъ находитъ довѣріе къ своимъ клеветамъ; для этого можно обнаружить и обличить какой-нибудь тайный проступокъ его или преступленіе. Можно даже выдумать объ обидчикѣ какую-нибудь клевету, если нѣтъ другаго средства справиться съ нимъ и лишить его клевету довѣрія. Однако другіе іезуиты шли еще дальше Штатлера. Такъ о. Эро говоритъ рѣшительно: „Чтобы пресѣчь клеветы, можно приказать убить клеветника, но, конечно, по возможности осторожно, чтобы не возбудить подозрѣній.“ Профессоръ парижской коллегіи, о. *Герро*, говорилъ (въ 1641 г.) своимъ ученикамъ на лекціи слѣдующее: „Будучи оклеветанъ передъ государемъ, судомъ или другимъ вліятельнымъ лицомъ и не имѣя возможности возстановить свою репутацію иначе, какъ убійствомъ клеветника, я въ правѣ убить его. Я въ правѣ даже сдѣлать это и въ томъ случаѣ, если поступокъ, въ которомъ онъ обвиняетъ меня, дѣйствительно совершенъ мною, но такъ тайно, что судебному слѣдствію трудно открыть его.“ Эскобаръ въ „нравственномъ богословіи“ своемъ, которое вышло въ 1655 г., говоритъ, что „человѣка можно убить, если того требуетъ общее благо или личная безопасность.“ Г. Бузенбаумъ развиваетъ это положеніе, прибавляя, что „для защиты своей жизни, здоровья или чести, даже сыну позволительно убить отца, монаху — аббата и подданному — госу-

даря.“ О. Франсуа Лами входитъ въ подробное разсмотрѣніе этого вопроса (Disp. 36, № 148). „Несомнѣнно, говорить оу, что духовныя и монашествующія лица должны больше всего заботиться о сохраненіи чести и репутаціи, которую доставляетъ имъ ихъ добродѣтельная жизнь и научное образованіе. Эта репутація внушаетъ почтеніе къ нимъ мірянамъ, состоящимъ подъ ихъ руководствомъ, такъ что потерявшій ее уже не можетъ приносить пользы и руководить совѣстью. Стало-быть, очевидно, что духовнымъ лицамъ надо во что бы то ни стало беречь свою честь и репутацію и спасать ихъ даже цѣною жизни оскорбителей. Они даже обязаны избавляться отъ клеветниковъ убійствомъ за неимѣніемъ другихъ средствъ, особенно, если ущербъ ихъ чести можетъ опозорить весь орденъ.“ То же проповѣдуетъ отецъ Генрикесъ въ своей *Summa theologiae moralis* (Венеція, 1600 г.), но въ очень развязныхъ выраженіяхъ: „Если духовное лицо, имѣя связь съ замужнею женщиною и будучи пойманъ мужемъ, убьетъ его, защищая свою честь и жизнь, то не только останется правъ, но и не лишится возможности отправлять церковныя требы.“ Знаменитый Санчесъ прямо утверждаетъ, что дозвоительно убивать всякаго, кто несправедливо жалуется на человѣка въ судъ или лжесвидѣтельствуеетъ противъ него, если эти поступки наносятъ обиженному важный вредъ. „Подобныя убійства, объясняетъ іезуитъ, собственно нельзя назвать убійствами; это просто дозвольтельныя мѣры самозащиты; но, конечно, прежде чѣмъ убивать, надо вполне удостовѣриться въ вредныхъ намѣреніяхъ врага.“ Всего яснѣе говоритъ объ этомъ Б. Штатлеръ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Если нѣтъ никакихъ средствъ избѣжать тяжкаго позорящаго оскорбленія, какъ напр. палочный ударъ или пощечина, то дозвоительно убить оскорбителя. Правда, христіанская любовь требуетъ не прибѣгать къ такимъ мѣрамъ защиты; но подобное снисхожденіе дозвоительно только въ томъ случаѣ, если обида не причиняетъ особеннаго вреда ни обиженному, ни другимъ

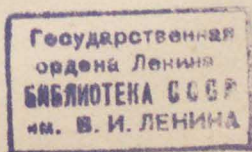
лицамъ, которыя съ нимъ связаны. Вообще говоря, не слѣдуетъ прибѣгать къ убійству для предупрежденія другихъ обидъ, особенно клеветы; но иногда это позволительно: 1) когда мы заранѣе убѣждены, что клеветнику всѣ повѣрятъ; 2) когда мы не имѣемъ другихъ средствъ спасти свою честь; 3) когда убійство врага не представляетъ для насъ никакой опасности.“

Эти выдержки доказываютъ, что ошибочно было бы смотрѣть на іезуитовъ, какъ на обыкновенныхъ ханжей, подобно всему остальному католическому монашеству и множеству мірянъ. У нихъ ханжество и лицемеріе было дѣло далеко второстепенное, а прежде всего они были практическіе дѣятели, чрезвычайно прямо и практично смотрѣвшіе на свою задачу и средства и понимавшіе себя лучше самыхъ проникательныхъ враговъ. Эта практичность ихъ, это здравое пониманіе и смѣлая рѣшительность сознавать голую истину, что дотога рѣдко въ природѣ человѣка, — какъ доказываетъ большинство, дѣлающее преступленія безсознательно, бессмысленно, безцѣльно и потому обыкновенно даже бесполезно для самихъ себя, — это качество и возвело іезуитовъ на такую высокую степень могущества. И немудрено. Никогда еще ни одна каста и ни одна партія не доходила до такого спокойнаго сознанія практическихъ цѣлей и ихъ требованій. Только современные политико-экономы успѣли въ этомъ случаѣ возвыситься (или, пожалуй, унизиться) до іезуитскаго пониманія жизни, и потому, безъ сомнѣнія, ихъ ждетъ въ будущемъ такая же роль и такая же власть. Не познакомившись съ этою внутреннею стороною общества Іисуса, судя его снаружи только по его внѣшнимъ дѣйствіямъ, мы никогда не могли бы объяснить себѣ, какъ могъ онъ достичь такого могущества при такомъ явно подломъ образѣ дѣйствій и притомъ, начавъ свою дѣятельность не въ эпоху застоя, гдѣ удобно ловить рыбу въ мутной водѣ, а именно въ ту минуту, когда въ обществѣ былъ такъ силенъ порывъ къ высокому, къ болѣе чистому и просвѣтленному. Но теперь мы

видимъ, чему орденъ обязанъ былъ своимъ торжествомъ. Дѣйствительно, для борьбы съ идеальнымъ увлеченіемъ, съ стремленіемъ къ болѣе нравственному и возвышенному нужна была именно такая закаленная мѣднolocность, такое полное отрицаніе всякой совѣсти и нравственности, словомъ, такая голая практика. Чтобы осмѣлиться поднять перчатку, брошенную новымъ старому, высокимъ грязному, гениемъ пошлости, надо чувствовать въ себѣ силу сказать въ лице обществу: „Мое дѣло чуждо нравственности *) — я знаю только наживу и средство пріобрѣсти ее. Идите за мною и наслаждайтесь или слѣдуйте за врагами моими и страдайте.“

---

*) Autre chose est l'economie politique, autre chose la morale — говорятъ экономисты.

ГЛАВА III.

Удары іезуитамъ отъ возрастающаго просвѣщенія и отъ внутреннихъ измѣнъ.

Говоря о возникновеніи ордена Іисуса, мы слегка коснулись тѣхъ причинъ, которыя въ эпоху учрежденія общества подорвали уже значеніе католицизма. Причины эти, конечно, продолжали дѣйствовать, потому что въ нихъ заключался прогрессъ, неотразимый никакими усиліями стараго порядка. Однимъ изъ могущественнѣйшихъ орудій его была свѣтская литература образованныхъ европейскихъ націй, которая въ вѣкъ основанія іезуитовъ нанесла католицизму такіе тяжкіе удары въ лицѣ *Рабле*, *Ульриха Гуттена*, *Эразма Роттердамскаго* и проч. Іезуиты задержали паденіе римской церкви, даже доставили папству временное торжество; но не въ ихъ власти было остановить просвѣщеніе, удержать развитіе чело-вѣчества. Свѣтская литература въ лучшихъ своихъ представителяхъ продолжала распространять свѣтъ и, быть можетъ, больше всего содѣйствовала паденію іезуитовъ, съ которыхъ въ XVIII столѣтіи началось общее разрушеніе отжившихъ началъ. Пока іезуиты истощали свои силы въ без-полезной борьбѣ съ доминиканцами и Сорбонной, съ правами галликанской церкви и съ янсенистами, пока они одерживали надъ этими безвредными врагами бесполезныя торжества, при дворахъ и подъ покровомъ тѣхъ самыхъ монарховъ, которые помогали имъ одолевать какіе-нибудь жалкіе Поръ-

Ройяли, дѣйствовали противъ нихъ враги, гораздо болѣе опасные, потому что были представителями всепобѣждающей силы прогресса. Такъ напр., въ самое блистательное время ихъ, въ XVII вѣкѣ, при томъ самомъ благочестивѣйшемъ, всехристианнѣйшемъ государѣ, который, называя себя солнцемъ міра, былъ въ сущности рабомъ стараго іезуита Ла-Шеза и старой іезуитки Ментенонъ, явился одинъ изъ знаменитѣйшихъ бойцовъ за просвѣщеніе и, стало-быть, противъ іезуитства, *Жанъ-Батистъ Покленъ*, по прозванію *Мольеръ*. Съ ранней молодости страстно полюбивъ театръ, онъ 22-хъ лѣтъ вступилъ въ 1642 г. въ труппу актеровъ, которая давала тогда представленія въ одномъ парижскомъ предмѣстьѣ; съ ней онъ 16 лѣтъ скитался по всеѣмъ французскимъ провинціямъ, играя по нѣскольку недѣль то въ одномъ, то въ другомъ городѣ. Но у труппы не было хорошихъ пьесъ, а тогдашнія мнимоклассическія трагедіи очень не нравились публикѣ, такъ что и собственное произведеніе Мольера въ этомъ родѣ, трагедія *La Thebaïde*, потерпѣла fiasco. Тогда ему пришла въ голову счастливая мысль писать вмѣсто трагедій комедіи, и уже первое комическое сочиненіе его, *l'Etourdi*, 1659 года, имѣло чрезвычайный успѣхъ. Онъ взялъ въ немъ сюжетъ прямо изъ жизни, и публика живо сочувствовала этому. Онъ писалъ съ тѣхъ поръ комедію за комедіей, затрогивая въ каждой какой-нибудь современный недостатокъ, какое-нибудь вредное учрежденіе, какое-нибудь нелѣпое притязаніе людей и сословій и предавая все это на общественное осмѣяніе. Вскорѣ имя его прославилось во всей Франціи. Прибывъ въ 1658 г. съ труппою въ Парижъ, онъ и тамъ имѣлъ полный успѣхъ. Самъ Лудовикъ XIV, любившій поощрять искусства, взялъ его труппу въ дворцовую службу подъ именемъ „королевской“ и ея представленіями украшалъ блестящіе праздники своего двора. Съ тѣхъ поръ Мольеръ окончательно распростился съ классиками и принялся позорить глупость и порочность современной дѣйствительности. Одно за другимъ явились на сценѣ „Школа женъ“, „Школа му-

жей“, „Мизантропъ“ и др. произведенія, которыя удостоивались всеавгустѣйшихъ рукоплесканій великаго короля. Это обезпечивало автора отъ всякихъ гоненій, хотя многія лица и цѣлыя сословія, непощаженныя имъ, питали къ нему глубокую ненависть. Долго не рѣшался онъ затронуть лицемѣріе іезуитовъ и прочихъ ханжей, потому что напасть на нихъ казалось безуміемъ въ то время, когда они пользовались во Франціи полновлѣстїемъ. Но геній увлекалъ его противъ воли, и въ 1664 г. явился его „Tartuffe“, ядовитѣйшая изъ сатиръ, направленныхъ на чернорясниковъ. Осмѣивать іезуитовъ передъ лицомъ всего свѣта было отчаянною смѣлостью, и Мольеру скоро пришлось испытать, чего это стоитъ. Узнавъ о существованіи подобной пьесы, іезуиты выхлопотали ея запрещеніе, и она пять лѣтъ пробыла подъ запретомъ, не смотря на всѣ старанія автора. Наконецъ Мольеру удалось убѣдить Лудовика, что онъ осмѣиваетъ въ „Тартюфѣ“ не все общество Іисуса, а только лицемѣрныхъ членовъ его; впрочемъ король уступилъ больше изъ любопытства посмотрѣть пьесу на сценѣ и приказалъ поставить ее. Постановка „Тартюфа“ увѣнчалась полнѣйшимъ успѣхомъ. Весь почти Парижъ рукоплескалъ и былъ въ восхищеніи отъ неподражаемой сатиры. Потомъ „Тартюфъ“ былъ поставленъ на всѣхъ провинціальныхъ театрахъ и переведенъ на всѣ европейскіе языки. На іезуитовъ указывали пальцами, и у общества какъ будто открылись глаза на нихъ. Въ отмщеніе они проклинали поэта со всѣхъ кафедръ и заживо осудили его на вѣчный огонь, и когда въ февралѣ 1673 г. онъ умеръ, архіепископъ парижскій запретилъ хоронить его похристіански. Однако, король, защищавшій своего любимца при жизни, заступился и за прахъ его, и по его приказанію Мольеру былъ данъ уголокъ на кладбищѣ Сен-Жозефъ. Изъ продолжателей Мольера, имена и дѣятельность которыхъ извѣстны изъ исторіи французской литературы, мы упомянемъ только о *Франсуа-Мари Аруэ де-Вольтерѣ*, который больше всѣхъ способствовалъ паденію іезуитовъ и на-

несъ имъ гораздо болѣе чувствительные удары, чѣмъ всѣ либеральныя министры, разразившіеся противъ нихъ со всею тираніею своею „просвѣщеннаго абсолютизма.“ Вольтеръ родился въ 1694 г. и получилъ первое воспитаніе въ іезуитской коллегіи Louis le Grand. Потомъ онъ сталъ изучать право. Въ теченіе своей долгой жизни (ум. 1778 г.) онъ нанесъ іезуитамъ самыя тяжелыя удары, и вѣкъ, гдѣ такой чело-вѣкъ стоялъ во главѣ просвѣщенія, не могъ быть благопріятнымъ временемъ для ордена Іисуса.

Очень много способствовала также паденію ордена измѣна нѣкоторыхъ членовъ его. Они, измѣнивъ обществу, выводили на свѣжую воду капитальныя тайны его и такимъ образомъ разоблачали іезуитовъ и выставляли ихъ въ истинномъ свѣтѣ. Нѣкоторые имѣли смѣлость совершенно разрывать связь свою съ орденомъ и, бѣжавъ въ протестантскія земли, гдѣ имъ было безопасно, сообщали изумленному свѣту тайны общества. Впрочемъ такіе случаи составляли рѣдкія исключенія. Хотя члены нерѣдко выходили изъ ордена и возвращались въ свѣтъ; но болѣею частью то были іезуиты низшихъ степеней, которые только назывались іезуитами, но въ сущности оставались чуждыми главной дѣятельности общества и важныхъ дѣлъ его не знали; поэтому выходя, они не могли разболтать его тайнъ. Ихъ исключали изъ ордена за неспособность или по другимъ причинамъ, зная, что они не могутъ повредить. Но бывало, хотя рѣдко, что изъ ордена выходили самыя посвященные члены, доказавшіе долгимъ опытомъ свои іезуитскіе таланты и потому принятые въ разрядъ профессовъ, гдѣ имъ ввѣрялись важнѣйшія тайны. Они-то и нанесли ордену вредъ, выдавая все, что знали о его дѣятельности и учрежденіяхъ.

Такъ, въ 1648 г. въ Лейденѣ въ Голландіи въ протестантскомъ соборѣ явился проповѣдникъ, съ ожесточеніемъ напавшій на іезуитовъ, и въ то же время тамъ же вышла французская книга подъ заглавіемъ: „Іезуиты на лобномъ мѣстѣ за преступленія ихъ въ провинціи Гіени.“ Авторомъ

этой книги былъ этотъ самый проповѣдникъ, *Петръ Ярриге*, бывшій іезуитъ и професъ четырехъ обѣтовъ; онъ долго служилъ учителемъ, проповѣдникомъ и духовникомъ въ Бордо и въ другихъ городахъ Гіени, гдѣ были іезуитскія коллегіи, и былъ наконецъ нѣсколько лѣтъ ректоромъ въ одной коллегіи. Онъ родился въ 1605 г., рано попалъ къ іезуитамъ, былъ ими воспитанъ и, какъ талантливый человѣкъ, привлеченъ въ орденъ, гдѣ быстро проходилъ одну степень за другой и наконецъ былъ посвященъ во всѣ четыре обѣта. Однако, не смотря на іезуитское воспитаніе, онъ остался честнымъ и, какъ скоро, сдѣлавшись професомъ, подробно узналъ гнусность ордена Іисуса, обратился къ чтенію реформатскихъ книгъ и рѣшился, покинувъ орденъ, обратиться въ протестантство. Онъ выхлопоталъ себѣ переводъ въ протестантскій городъ Ла-Рошель, гдѣ 25 декабря 1647 г. тайно отрекся отъ католицизма въ кальвинской консисторіи и при помощи своихъ новыхъ единовѣрцевъ поспѣшно бѣжалъ въ Голландію, чтобы избѣжать страшныхъ іезуитскихъ тюремъ, гдѣ лойолиты заглушали воли и обличенія своихъ непокорныхъ и невѣрныхъ сочленовъ. Бѣгство его возбудило сильное волненіе, которое еще болѣе усилила книга его „Іезуиты на лобномъ мѣстѣ.“ Въ 12-ти главахъ ея онъ подробно описывалъ дѣятельность іезуитовъ, какъ мы видѣли въ 3, 4 и 5 книгахъ этого сочиненія, приводилъ въ подтвержденіе множество фактовъ и, хотя говорилъ только о томъ, что видѣлъ своими глазами, не выходя за предѣлы провинціи Гіени и, стало-быть, касаясь только сотои доли іезуитскихъ подвиговъ, однако вполне разоблачилъ ихъ. Свѣтъ изумился этимъ разсказами, а іезуиты пришли въ ярость. Не имѣя возможности захватить въ свои руки самого отступника, они сожгли въ ларошельской коллегіи его изображеніе. вмѣстѣ съ тѣмъ іезуиту Якову *Восфе* было поручено написать опроверженіе книги Ярриге. Сочиненіе его было съ начала до конца полно ругательствами. „Патеръ Ярриге, писалъ онъ: — подлый мошенникъ, позорный клеветникъ, лгунъ и ренегатъ, незаслуживающій ни-

какого довѣрія. Онъ самъ совершилъ всѣ преступленія, которыя приписываетъ своимъ сочленамъ, и за это былъ бы позорно изгнанъ изъ ордена, если бы не убрался самъ. Кроме того книга его дышитъ мстью за то, что его не повысили на степень, которой онъ добивался, но которой совершенно недостоенъ по своему невѣжеству и почти животной глупости.“ Ярригію нетрудно было отвѣтить на эту брань: — „Если я такой злодѣй“, писалъ онъ, „какъ утверждаетъ о. Бофе, то какъ же орденъ держалъ меня 25 лѣтъ въ своей средѣ? Какъ же я попалъ въ професы 4-хъ обѣтовъ? Какъ же мнѣ позволяли учить и проповѣдовать? Впрочемъ дѣло вовсе не въ моей личности, а въ тѣхъ преступленіяхъ, о которыхъ я рассказываю, о тѣхъ фактахъ, которыхъ я былъ очевидцемъ. Отчего никто не опровергнетъ ихъ? Отчего не докажутъ, что это неправда? Ясно—потому, что истину нельзя опровергнуть.“ О. Бофе, конечно, не замедлилъ отвѣтомъ; его поддержали другіе іезуиты, а за Ярриге вступились голландскіе реформаты. Скандалъ получилъ большую огласку къ удовольствію всѣхъ любителей такихъ исторій съ духовенствомъ. Наконецъ римскій генералъ предписалъ іезуитамъ перемѣнить тактику. „Понося Ярриге бранью, писалъ онъ, вы не возстановите репутаціи ордена; для этого надо снова привлечь его къ себѣ и побудить отречься отъ всѣхъ своихъ обвиненій.“ Тогда іезуиты внезапно прекратили споръ, и извѣстный умомъ и ловкостью о. *Понтелье* съ нѣсколькими товарищами отправился переодѣтый въ Лейденъ, гдѣ жилъ Ярриге. Что тамъ произошло — неизвѣстно, и о дальнѣйшей судьбѣ Ярриге рассказываютъ различно. Іезуитская партія, представляемая преимущественно пристрастнымъ историкомъ Э. Балюзомъ, говоритъ, что краснорѣчіе Понтелье возбудило въ отступникѣ глубокое раскаяніе, и онъ рѣшился дать полное удовлетвореніе тяжко оскорбленному имъ обществу. Онъ тотчасъ отправился съ Понтелье въ Атверпенъ, гдѣ была іезуитская collegія, и оттуда обратился въ Римъ къ генералу Пикколомини съ просьбой о дозволеніи ему воз-

вратиться въ орденъ и принять искушительное наказаніе. Генераль отвѣчалъ на это письменнымъ всепрощеніемъ съ приложеніемъ папскаго ручательства въ безопасности, и это такъ тронуло Ярриге, что онъ тотчасъ печатно опровергъ всѣ свои клеветы противъ ордена. Очистивъ свою совѣсть, онъ переѣхалъ изъ Антверпена въ профессорскую обитель въ Тюль во Франціи, гдѣ жилъ до 1670 г., уважаемый и любимый всѣми своими сочленами. Въ подтвержденіе этого разсказа ссылаются на опроверженіе Ярриге, изданное въ 1651 г. въ антверпенской іезуитской коллегіи. Но противная сторона говоритъ, что это опроверженіе написано самими іезуитами, и что Ярриге потому уже не могъ написать его, что въ 1651 г. его не было уже на свѣтѣ. Онъ внезапно исчезъ вскорѣ по приѣздѣ Понтелье въ Лейденъ, и съ тѣхъ поръ о немъ не было ни слуха, ни духа. Всѣ розыски, даже официальные, не привели ни къ чему, потому что одновременно съ нимъ исчезъ и Понтелье съ своими товарищами, не оставивъ никакого слѣда. Должно предположить, стало быть, что здѣсь скрывается преступленіе. Понтелье или убилъ Ярриге, или насильно и тайно похитилъ и увезъ и онъ сгнилъ потомъ въ какомъ-нибудь іезуитскомъ подвалѣ.

Но вскорѣ другая книга надѣлала еще больше шума, чѣмъ „Іезуиты на лобномъ мѣстѣ“. То была „*Lucii Cornelii Europaei Monarchia Solipsorum*“ (Монархія Себялюбцевъ, описанная Луціемъ Корнеліемъ Европеусомъ). Всѣ тотчасъ узнали іезуитовъ подъ этимъ именемъ *Solipsorum* (собственно — сами — одни, т. е. люди, желающіе владычествовать безраздѣльно). Авторъ начинаетъ съ описанія чрезвычайнаго могущества, величія и распространенія монархіи себялюбцевъ и особенно верховнаго владыки ея. „Власть его такъ безгранична, говоритъ онъ, что подданные слѣпо и безпрекословно исполняютъ всѣ его приказанія, хотя бы явно противорѣчащія разсудку, нравственности и справедливости.“ Потомъ авторъ описываетъ столицу монархіи, т. е. Римъ, великолѣпные дворцы, принадлежащіе сольипсамъ, и царскую рос-

кошъ тогдашняго владыки, деспотическаго *Авидія Клувія* (т. е. генерала Клавдія Аквавивы) — „этого гордаго властелина, который, подражая другимъ государямъ востока и запада, иначе не допускаетъ къ себѣ всѣхъ, не исключая и министровъ, какъ съ лобызаніемъ руки.“ Послѣ дворцовъ описываются коллегіи солипсовъ, прославляемыя хозяевами своими, какъ лучшія воспитательныя и учебныя заведенія въ свѣтѣ. Но авторъ предостерегаетъ не увлекаться внѣшнимъ блескомъ и разсмотрѣть дѣло попристальнѣе, чтобы увидѣть, что воспитанники этихъ заведеній не пріобрѣтаютъ большихъ познаній ни въ богословіи, ни въ языкахъ, ни въ философіи. „Управленіе монархіей, говоритъ онъ далѣе, отличается тою особенностью, что высшія должности поручаются непременно самымъ порочнымъ людямъ. Вся администрація основывается на системѣ удивительно выработаннаго шпионства, и доносчиковъ поразительно много; кто отличится на этомъ поприщѣ, можетъ навѣрно рассчитывать на повышение, хотя бы попался въ воровствѣ, грабежѣ и какомъ угодно преступленіи. Дѣло въ томъ, что въ этомъ государствѣ господствуютъ совершенно иныя поятія о нравственности, чѣмъ въ остальномъ родѣ человѣческомъ, и тамъ многое считается добродѣтелью, что у другихъ — преступленіемъ.“ Книга эта съ такимъ знаніемъ дѣла раскрывала сокровеннѣйшія тайны ордена, что по появленіи ея всѣ съ любопытствомъ спрашивали, кто ея авторъ? Ясно было, что подъ псевдонимомъ *Луція Корнелія Европеуса* скрывается настоящий іезуитъ, дѣйствительный членъ ордена и притомъ высоко стоящій, потому что непосвященный не могъ бы сообщить такихъ важныхъ тайнъ. Итакъ въ средѣ обществъ былъ измѣнникъ, и іезуиты стали искать его. Сперва подозрѣніе обратилось на *Мельхіора Инкюфера*, профессора римской германской коллегіи. Но онъ оправдался и избѣжалъ ожидавшаго его страшнаго наказанія. Въпослѣдствіи заподозрили венеціанскаго іезуита, Джуліо Клементо *Скотти*, что подтверждалось и тѣмъ, что книга вышла въ первый разъ

изъ одной венеціанской типографіи; но достовѣрно узнать дѣло было невозможно, потому что Скотти уже умеръ, а типографщикъ не согласился выдать автора. Какъ бы то ни было, книга произвела сильное впечатлѣніе, имѣла много изданій и была переведена почти на всѣ европейскіе языки.

Такимъ образомъ слава іезуитовъ постепенно меркла передъ силою просвѣщенія и передъ грозою обличеній. Наконецъ въ половинѣ XVIII вѣка въ Неаполѣ вышла книга „*Monita ad Principes*“. Въ этихъ „Совѣтахъ Государямъ“ доказывалась необходимость уничтоженія всѣхъ монашескихъ орденовъ и особенно іезуитовъ. И какъ то былъ вѣкъ такъ называемаго „просвѣщеннаго абсолютизма“, то государи не замедлили воспользоваться этимъ совѣтомъ, какъ мы увидимъ ниже.

КНИГА ШЕСТАЯ.

ДОБРОДУШНЕ ІЕЗУИТОВЪ, или ПРОПОВѢДЬ УБИЙСТВА.

ГЛАВА І.

Іезуитскія покушенія въ Германіи.

Въ предыдущей книгѣ мы говорили, что іезуиты считали убійство въ нѣкоторыхъ случаяхъ дозволительнымъ и даже прямо утверждали, что человѣкъ обязанъ убивать своихъ враговъ, если того требуетъ сохраненіе собственной жизни или чести. Они развивали это положеніе, доказывая, что въ извѣстныхъ обстоятельствахъ дозвоительно и царское убійство. Они формулировали это мнѣніе въ видѣ нравственнаго принципа, высказывали его печатно въ своихъ сочиненіяхъ и проповѣдовали съ каѳедръ; при этомъ они нерѣдко прямо вызывали подданныхъ отдѣляться отъ недостойнаго государя посредствомъ яда или ножа. Въ подтвержденіе этого мы можемъ привести очень ясныя мѣста изъ іезуитскихъ сочиненій. Напр. Мартинъ *Беканъ* въ „Opuscula theologica“ говоритъ: „Всякій подданный имѣетъ право убить государя, который овладѣлъ престоломъ хищнически, и исторія показываетъ, что у всѣхъ націй убійцамъ подобныхъ тирановъ воздавались величайшія почести. Но можно убить

не только узурпатора, но и законного государя, если онъ обременяетъ подданныхъ несправедливыми налогами, продаетъ правосудіе и тираннически дѣйствуетъ только въ видахъ личныхъ выгодъ.“ Италіанскій іезуитъ, Паоло *Комитоло*, въ „*Decisiones morales*“ (кн. IV) пишетъ: „Дозволительно убить всякаго, кто несправедливо обижаетъ, будь то генераль, принцъ или король. Своя жизнь дороже чужой, а правитель, обижающій своихъ подданныхъ, подобенъ дикому, хищному звѣрю, котораго надо истребить.“ О. Жакъ *Комоле*, проповѣдую въ Парижѣ въ одно воскресенье 1594, взявъ въ текстъ проповѣди рассказъ книги Судей о томъ, какъ Аодъ убилъ моавитянскаго царя и воскликнулъ, явно намекая на короля Генриха IV: „Намъ нуженъ Аодъ, намъ необходимъ второй Аодъ, будь онъ изъ монаховъ, воиновъ или пастуховъ!“ Далѣе онъ называлъ Генриха Нерономъ, Моавомъ, Олочерномъ, Иродомъ, упрекалъ слушателей, что они допустили на царство лицемѣра, притворившагося католикомъ, и утверждалъ, что народъ можетъ избрать на престолъ другую фамилію. О. Германъ *Бузенбаумъ* совершенно соглашался съ этими воззрѣніями и въ своей „*Medulla theologia moralis*“ утверждалъ, что совершенно законно убивать всѣхъ оскорбляющихъ человечество и истинную вѣру: книга этого моралиста возбудила въ сочленахъ его такое сочувствіе и одобреніе, что генераль приказалъ ввести ее во всѣ коллегіи. Имануель Са (въ своихъ афоризмахъ на слово „*Clericus*“) говоритъ: „Возстаніе духовнаго лица противъ государя той страны, гдѣ оно живетъ, не составляетъ государственнаго преступленія; потому что духовное лицо не можетъ быть подданнымъ никакого государя. Справедливо также, что народъ можетъ убить незаконнаго государя; убить же тирана считается даже заслугой.“ Совершенно то же говорятъ оо. Адамъ *Таннеръ*, извѣстный и уважаемый въ Германіи іезуитскій профессоръ, и столь же знаменитый Іоаннъ *Маріана*, учившій въ Римѣ, Палермо и Парижѣ. Книга послѣдняго, „*De Rege*“, была одобрена генераломъ Аквавивой и всѣмъ обществомъ.

Въ ней онъ между прочимъ говоритъ: „Полезно внушать всѣмъ государямъ мысль, что если они будутъ притѣснять свои народы или превзойдутъ терпимую мѣру порочности и сдѣлаются невыносимы по гнусности своихъ дѣйствій, то тогда не только каждый будетъ въ правѣ убить ихъ, но даже убійство ихъ будетъ считаться славнымъ, геройскимъ подвигомъ.“ Италіанскій іезуитъ, о. Николай *Serrarius*, проповѣдуетъ эту мысль въ своихъ комментаріяхъ на біблію и особенно распространяется объ убійствѣ Аодомъ царя Эглона: „Многіе ученые полагаютъ, что Аодъ сдѣлалъ хорошо на томъ основаніи, что его подвинулъ на этотъ поступокъ самъ Богъ; но я утверждаю, что поступокъ его хорошъ и самъ по себѣ, какъ направленный противъ тираніи. Несомнѣнно, что всякій вассаль или поданный въ правѣ убить правителя, доказавшаго своими поступками, что онъ тиранъ; при этомъ поданный можетъ не стѣсняться своей присягой и не ожидать приговора суда или судьи.“ Еще опредѣлительнѣе выражается знаменитый Белларминъ, причисленный папами къ лику блаженныхъ. Въ сочиненіи своемъ „*De Summa Pontificis auctoritate*“ (т. IV) онъ говоритъ: „Священникамъ и монахамъ неприличествуетъ убивать государей, и державные первосвященники чуждаются этого средства для укрощенія властелиновъ. Въмѣсто того, если отеческія увѣщанія ихъ не возымѣютъ дѣйствія, они исключаютъ государей отъ общенія съ вѣрующими черезъ церковныя таинства, разрѣшаютъ подданныхъ отъ присяги на вѣрность и лишаютъ виновныхъ царской власти и достоинства, а затѣмъ экзекуція предоставляется уже недуховнымъ лицамъ.“ Но всего яснѣе проповѣдуетъ іезуитъ Суаресъ въ прославленной католическою церковью книгѣ своей „*Defensio fidei catholicae et apostolicae*“, которая вышла въ Лиссабонѣ въ 1614. Тамъ (кн. VI, гл. IV, № 13 и 14) говорится: „Право папъ низлагать еретическихъ и непокорныхъ государей составляетъ догматъ вѣры; монархъ, низложенный папою, уже не король и не законный государь. Если и по низложеніи

онъ не хочетъ покориться папѣ, то обращается въ тирана, и первый встрѣчный имѣетъ право убить его. Вообще всякій имѣетъ право убить тирана, если того требуетъ общественное благосостояніе.“ Такое ясное и положительное разрѣшеніе царевубійства такъ ужаснуло парижскій парламентъ, что онъ немедленно (17 іюня 1614) приказалъ сжечь эту книгу рукой палача. Но іезуиты отвѣчали на это, что это самая ученая и благочестивая книга въ мірѣ и что нападающій на нее нападаетъ на самую церковь. Съ тѣхъ поръ всѣ іезуитскіе профессоры и моралисты приняли книгу Суареса въ основаніе своихъ ученій, а многіе, какъ напр. оо. Рибаденейра, Комоле, Сальмеронъ, Яковъ Келлеръ, Антонъ *Сантарель*, Батистъ *Бони*, Жакъ Герро, Жанъ *Дикастиль*, Эскобаръ, Гретзеръ и другіе даже превзошли Суареса. Даже картины, которыми былъ съ четырехъ сторонъ украшенъ куполь церкви св. Игнатія въ Римѣ, многозначительно выражали миѣнія и воззрѣнія общества Іисуса на царевубійство и убійство вообще. Здѣсь были представлены Іаиль, вбивающая гвоздь въ голову Сисары, Юдиѣ, одушевленная св. Духомъ, отсѣкающая голову Олоферну, Самсонъ, избивающій филистимлянь, и Давидъ, торжествующій надъ Голиафомъ. Въ срединѣ былъ изображенъ самъ св. Игнатій Лойола во всей славѣ святости, мечущій огненные столбы во всѣ стороны свѣта, какъ бы зажигаая съ четырехъ концевъ міръ.

Іезуиты не останавливались на ученіи, и какъ скоро представлялся случай, осуществляли его на практикѣ, впрочемъ сообразуясь, конечно, съ условіями страны. Такъ напр. въ Германіи имъ было бы совершенно бесполезно убить какого-нибудь протестантскаго государя, потому что ему наслѣдоваль бы опять протестантъ, и дѣло этимъ не измѣнилось бы. Стало быть, въ Германіи приходилось дѣйствовать иначе, не убійствами, а раздорами, возбуждая ненависть католиковъ противъ протестантовъ, чтобы лишить еретиковъ спокойствія, истребить ихъ или принудить возвратиться въ като-

лицизмъ. Мы видѣли, какъ тридцатилѣтняя война осуществила эти цѣли ордена Іисуса. Но вестфальскій миръ возстановилъ и торжественно обезпечилъ протестантамъ спокойствіе и безопасность. Религіозныя партіи, утомленныя продолжительной борьбой, примирились. Однако іезуиты, недовольные этимъ, надѣялись возобновить раздоръ, разсчитывая на католическихъ германскихъ государей и особенно на Габсбургскій домъ. Габсбургскіе императоры были усердными слугами ордена и содѣйствовали ему очень ревностно во время тридцатилѣтней войны. Однако и между ними нашлся государь, который, не смотря на свое ханжество и полную преданность іезуитству, не удовлетворилъ ихъ ожиданіямъ, такъ что они обратили противъ него свою теорію цареубійства.

То былъ *Леопольдъ I*, наслѣдовавшій отцу своему, императору Фердинанду III, въ 1657 въ Австріи, Венгріи и Богеміи, а въ слѣдующемъ году на престолѣ Римской Имперіи. Онъ былъ воспитанъ іезуитами *Мюллеромъ* и *Нейндардомъ*, которые съ юныхъ лѣтъ внушили ему такую слѣпую преданность ордену Іисуса, что, по выраженію одного историка, онъ считалъ орденъ непогрѣшимѣе самого Бога и самъ вступилъ въ него въ качествѣ свѣтскаго іезуита. Какъ мы уже знаемъ, орденъ давно хлопоталъ о возстановленіи католической всемірной монархіи Карла Великаго, гдѣ исключительно преобладала бы папско-іезуитская религія. Они долго надѣялись осуществить этотъ планъ черезъ Габсбургскій домъ, который по смерти Карла V раздѣлился на двѣ вѣтви — испанскую и австрійскую. Но надежда эта рушилась, потому что ни испанскіе Филиппы, ни Фердинанды австрійскіе не оправдали возлагаемыхъ на нихъ упованій. Напротивъ того, вслѣдствіе постоянныхъ войнъ и тупоумной тираніи этихъ правителей Испанія и Австрія пали такъ низко, что о возрожденіи ихъ нечего было и думать. Тогда іезуиты обратили свои взоры на третью великую католическую державу Европы — на Францію, которая послѣ тридцатилѣтней войны

при молодомъ королѣ Лудовикѣ XIV пріобрѣла въ Европѣ первенство. Очевидно было, что изъ всѣхъ современныхъ государей одинъ умный и энергическій Лудовикъ XIV въ состояніи основать желаемую всемірную монархію, и потому іезуиты начали усердно содѣйствовать его честолюбивымъ замысламъ. Стало быть, при столкновеніи интересовъ Франціи и Австріи іезуитамъ приходилось поддерживать первую, и они всею силою своего вліянія склоняли Леопольда къ уступчивости въ отношеніи Лудовика. Слабый императоръ во многомъ подчинялся имъ, но наконецъ воспротивился, когда, подстрекаемые Лудовикомъ, іезуиты потребовали, чтобы онъ нарушилъ въ Венгріи религіозную свободу и силою принудилъ бы многочисленныхъ венгерскихъ протестантовъ возвратиться въ католичество. При тогдашнемъ положеніи Австріи, въ 1670 году, это было невозможно: государство было еще истощено тридцатилѣтней войной; ему грозили съ одной стороны турки, съ другой—Лудовикъ XIV, такъ что было бы величайшимъ безуміемъ вызывать еще революцію въ Венгріи. Іезуиты, правда, руководили вѣнскимъ правительствомъ въ лицѣ императорскаго духовника, о. Филиппа Мюллера, о. *Бальтазара Мюллера*, духовника жены Леопольда, о. *Монтекукули*, духовника матери его, и о. *Рихарда*, духовника императорскаго главнокомандующаго, герцога Карла III Лотарингскаго. Тѣмъ не менѣ императоръ рѣшительно отказался возбуждать при такихъ опасныхъ обстоятельствахъ смуты въ Венгріи. Но Лудовику XIV, который готовился въ то время къ завоеванію германской имперіи, возстаніе въ Венгріи было необходимо, чтобы отвлечь силы Австріи. Видя непоколебимость Леопольда въ этомъ отношеніи, іезуитская партія рѣшилась отдѣлаться отъ него, чтобы въ малолѣтство его наслѣдника при слабой женѣ его, которую рѣшено было сдѣлать регентшей, привести намѣреніе свое въ исполненіе.

Въ апрѣлѣ 1670 миланскій дворянинъ Іосифъ Францъ *Борро* ѣхалъ изъ Варшавы черезъ Моравію и Венгрію въ

Константинополь. Онъ былъ искусный врачъ и химикъ и отличался такими свободными религіозными воззрѣніями, что подвергся ненависти и преслѣдованіямъ римской инквизиціи. По требованію папскаго нунція австрійское правительство приказало арестовать его, какъ еретика и чернокнижника, осужденнаго инквизиціей, и 22 апрѣля онъ былъ взятъ въ Гольдингенъ на силезской границѣ и отправленъ въ Вѣну. Дорогой сопровождавшій его ротмистръ Скотти сообщилъ ему, что императоръ Леопольдъ уже нѣсколько мѣсяцевъ боленъ, и болѣзнь не уступаетъ никакимъ лекарствамъ. Разспросивъ о симптомахъ болѣзни, Борро сказалъ, что императоръ навѣрно отравленъ, и прибавилъ, что, можетъ быть, ему удастся спасти его. Ротмистръ Скотти, прибывъ 23 апрѣля въ столицу и сдавъ арестанта въ крѣпость, отправился во дворецъ и просилъ тайной аудіенціи у императора, говоря, что имѣетъ сообщить ему нѣчто очень важное. Допущенный къ Леопольду, онъ рассказалъ ему, что везъ ученаго врача, который, разспросивъ его о болѣзни императора, нашелъ въ ней признаки отравленія и надѣется вылечить ее. Государь приказалъ въ тотъ же вечеръ привести кавалера Борро во дворецъ, но тайно, потому что такая ханжа, какъ Леопольдъ, не посмѣлъ публично принять человѣка, обвиненнаго въ ереси и преслѣдуемаго инквизиціей. Онъ даже чувствовалъ сомнѣніе въ совѣсти, принимая его ночью тайкомъ, и потому сдѣлалъ ему подробный экзаменъ насчетъ его религіозныхъ убѣжденій, прежде чѣмъ рѣшился разспрашивать о своей болѣзни. Борро, разумѣется, отвѣчалъ на этомъ экзаменѣ удовлетворительно, потомъ осмотрѣлъ больного и нашелъ, что онъ страшно исхудалъ, истощился, страдаетъ безпрестанно судорогами и чувствуетъ постоянную жажду. Во время разговора Борро обратилъ вниманіе на восковыя свѣчи, горѣвшія на столѣ очень страннымъ краснымъ пламенемъ, чрезвычайно сильнымъ и распространявшимъ тонкое бѣлое испареніе, отъ котораго на потолокъ комнаты уже образовался порядочный слой какого-то вещества. Онъ тотчасъ сказалъ

императору, что подозрѣваетъ отраву въ воздухѣ этой комнаты, и что она именно происходитъ отъ свѣчей. Въ доказательство были принесены свѣчи изъ покоевъ императрицы, и оказалось, что онѣ горѣли бѣлымъ и ровнымъ пламенемъ безъ всякаго испаренія.

Сдѣлавъ это важное открытіе, императоръ немедленно приказалъ тайно позвать своего лейбъ-медика и принести весь запасъ свѣчей, назначенныхъ для его покоевъ. Ихъ было еще болѣе 30 фунтовъ, и по крайней мѣрѣ столько же было уже сожжено, потому что съ февраля для императорскихъ покоевъ употреблялись только эти свѣчи. Свѣчи были изслѣдованы. Прежде всего оказалось, что на каждой изъ нихъ сверху и снизу по позолоченному вѣнчику, вѣроятно, чтобы не перемѣшать съ другими. Воскъ былъ тщательно отдѣленъ отъ свѣтиленъ и подвергнутъ анализу; но въ немъ не оказалось ничего подозрительнаго, и оба врача признали его чистымъ. Когда стали изслѣдовать свѣтильни, подозрѣнія Борро совершенно оправдались: всѣ свѣтильни оказались пропитанными мышьяковымъ растворомъ въ такомъ количествѣ, что при дальнѣйшемъ изслѣдованіи, въ нихъ нашли $2\frac{3}{4}$ фун. мышьяку. Сгораніе такой массы этого яда совершенно разстроило дыханіемъ паровъ его здоровье императора, который очень скоро погибъ бы, если бы продолжалъ такимъ образомъ отравляться. Чтобы убѣдить въ этомъ императора, одну свѣтильню изрѣзали въ мелкіе куски и, смѣшавъ съ мясомъ, дали собакѣ, которая быстро околѣла.

Убѣжденный въ покушеніи отравить его, Леопольдъ въ ту же ночь перешелъ спать въ другую комнату и предоставилъ лечить себя своему спасителю Борро, который въ нѣсколько мѣсяцевъ совершенно вылечилъ его. Въ то же время государь велѣлъ найти поставщика отравленныхъ свѣчей, арестовать его и тайно отправить въ крѣпость. Но тутъ оказалось, что поставщикомъ былъ самъ отецъ-прокураторъ вѣнскихъ іезуитовъ и что, стало-быть, покушеніе противъ Леопольда было дѣломъ іезуитовъ. Императоръ былъ пора-

жени горестью при видѣ коварства своихъ друзей, а іезуиты перепугались, полагая, что насталъ конецъ ихъ владычеству при вѣнскомъ дворѣ. Однако они опомнились и быстро придумали планъ, какъ сохранить вліяніе на австрійскій домъ. На другой день важнѣйшіе члены ихъ отправились во дворецъ съ поздравленіями и выраженіями неописанной радости по случаю чудеснаго спасенія его величества. При этомъ они поносили отца-прокуратора, который къ несчастію былъ членомъ ихъ ордена, называя его низкимъ негодемъ, гнуснымъ злодѣемъ, недостойнымъ, чтобы его носила земля; они объявили, что уже отослали его подъ арестомъ въ Римъ къ генералу, который накажетъ его, какъ заслуживаетъ такой страшный преступникъ. Но, прибавляли они, почтенное общество Іисуса, эта опора престоловъ, этотъ столпъ церкви и государства, не виновато, что въ средѣ его нашелся такой негодай, и было бы несправедливо подвергать отвѣтственности все благочестивое братство за одного недостойнаго члена тѣмъ болѣе, что братство не замедлитъ доказать свое негодованіе противъ этого злодѣйства строжайшимъ наказаніемъ злодѣя. Леопольдъ зналъ однако, что члены ордена Іисуса не дѣлаютъ ничего безъ предписанія своего начальства и что, слѣдовательно, іезуитъ, хотѣвшій отравить его, былъ слѣпымъ орудіемъ генерала. Но опасность, которой онъ избѣжалъ, вмѣсто того, чтобы возстановить его противъ іезуитовъ, только запугала его, такъ что онъ сталъ слушаться ихъ больше прежняго. Онъ и не спросилъ, какое наказаніе ожидаетъ отца-прокуратора, зная, что все это вздоръ и что онъ будетъ скорѣе награжденъ, чѣмъ наказанъ. Вмѣсто того онъ исполнилъ ихъ желаніе — лишилъ венгровъ религіозной свободы. Венгры не замедлили взбунтоваться, и такимъ образомъ іезуиты добились своей цѣли, ради которой хотѣли отравить своего покровителя, Леопольда. Въ остальные 35 лѣтъ его правленія они безусловно владычествовали въ Австріи, и хотя въ кратковременное царствованіе его старшаго сына, Іосифа I (1705—11), были принуждены нѣ-

сколько ограничить свое властолюбіе, но при второмъ сынѣ Леопольда, Карлѣ VI, опять пріобрѣли прежнее вліяніе. Дочь и наслѣдница Карла, императрица Марія-Терезія, величайшая ханжа въ свѣтѣ, дала имъ полную власть въ то самое время, когда въ другихъ государствахъ ихъ изгоняли. Поэтому въ Германіи имъ больше не приходилось осуществлять свое ученіе царевубійства *).

---

*) Вся эта исторія заговора не совсѣмъ правдоподобна, потому что венгерское возстаніе вспыхнуло раньше 70-го года, и іезуиты не могли ожидать себѣ лучшаго правителя, какъ Леопольдъ I.

ГЛАВА II.

Заговоры іезуитовъ въ Англіи.

Король Генрихъ VIII запретилъ, но не уничтожилъ католицизмъ въ Англіи. При дочери его, Маріѣ, справедливо прозванной „Кровожадною“, онъ снова возвысилъ голову, и тысячи протестантовъ погибли на эшафотахъ. Преемница ея, побочная сестра ея, Елисавета, дочь Анны Болейнъ, была протестантка, и потому дѣло приняло другой оборотъ. Однако положеніе католиковъ при ней было не совсѣмъ дурно, потому что она была чужда религіознаго фанатизма, требуя только безусловнаго политическаго повиновенія себѣ. Англійскіе католики могли бы пользоваться свободой религіи, если бы согласились быть вѣрноподданными королевы; большинство ихъ, вѣроятно, приняло бы это условіе, если бы не происки ультра-католической партіи и іезуитовъ. Іезуиты не довольствовались терпимостью: они хотѣли владычествовать и съ этою цѣлью истребить протестантизмъ и по-прежнему подчинить Англію Риму, папѣ и духовному игу.

Вслѣдствіе этого возникъ рядъ покушеній на жизнь Елисаветы и ея преемника, Іакова I, дабы возвести на престолъ другихъ членовъ англійской королевской фамиліи, слѣпо преданныхъ католицизму и іезуитамъ. Дѣло началъ самъ папа Павелъ IV. Онъ предаль Елисавету проклятію и объявилъ ее похитительницей престола. Въ буллѣ своей святой отецъ говорилъ, что бракъ Генриха VIII съ Анной Болейнъ былъ

не бракъ, а прелюбодѣяніе, какъ уже доказано папами Клементомъ VII и Павломъ III: стало быть, Елисавета незаконнорожденная и потому не имѣетъ права на престолъ. Притомъ Англія издавна составляетъ ленъ св. престола, и потому безъ позволенія Рима тамъ нельзя царствовать. На этомъ основаніи незаконной дочери тирана Генриха приказывалось сложить съ себя корону Англіи и смиренно удалиться въ частный бытъ. Законною королевою провозглашалась Марія Шотландская, внучка Маргариты Англійской, жены короля Іакова IV Шотландскаго и матери Іакова V, отца Маріи. Папа, конечно, не ожидалъ, чтобы англичане, давно принявшіе протестантство и зная его нехотѣвіе, по первому его приказанію свергли свою королеву съ престола; но онъ рассчитывалъ поселить въ англійскихъ католикахъ убѣжденіе въ незаконности Елисаветы и въ правахъ Маріи Стюартъ на престолъ, что давало поводъ къ смутамъ въ будущемъ. Для внушенія англійскимъ католикамъ убѣжденія въ незаконности Елисаветы, іезуиты при помощи папы, Римѣ, Дуэ короля испанскаго и кардинала Лотарингскаго основали въ Реймсѣ такъ называемыя „англійскія коллегіи“, т. е. воспитательныя заведенія для молодыхъ англійскихъ католиковъ. Здѣсь королеву иначе не называли, какъ тиранкой, еретичкой, проклятой гонительницей законной королевы, проклятой святымъ отцемъ и проч. Молодежь, возвращаясь изъ этихъ школъ на родину, распространяла эти воззрѣнія между своими единовѣрцами. Изъ іезуитскихъ коллегій выходили агенты революціи, возбуждавшіе мятежи и покушавшіеся на убійство королевы. Іезуиты возбуждали въ нихъ такой фанатизмъ, что они не боялись никакихъ трудовъ и опасностей и даже желали мученической смерти.

Такимъ образомъ іезуиты дѣйствовали противъ королевы Елисаветы систематично и много лѣтъ готовились, прежде чѣмъ приступили къ дѣйствіямъ. Въ теченіе этого времени случилось многое, очень невыгодное для ихъ плановъ. Такъ, въ 1568 г. возстаніе шотландцевъ принудило Марію Стюартъ

бѣжать въ Англію, гдѣ Елисавета взяла ее подъ арестъ за ея притязанія на англійскій престолъ. Многія попытки освободить ее, напр. предпріятіе герцога Норфолька и др., кончились неудачно, и наконецъ іезуиты рѣшились нанести сильный ударъ.

Въ 1581 г. они рѣшились убить королеву Елисавету, освободить Марію Стюартъ и провозгласить ее королевой Англіи. Елисавета давно знала, что въ іезуитскихъ школахъ въ Реймсѣ и Дуэ сочиняются замыслы противъ ея жизни и власти. Она знала, что въ этихъ collegiяхъ находятъ пристанище всѣ англійскіе недовольные, изгнанники и эмигранты. Она послала въ Дуэ и въ Реймсъ нѣсколько шпионовъ, на которыхъ могла вполнѣ положиться, въ томъ числѣ *Элліота*, *Крадока*, *Следа*, *Мунди* и *Гилля*, разузнать, что дѣлается въ collegiяхъ. Эти шпионы прикинулись гонимыми католиками и посредствомъ этой хитрости проникли въ іезуитскія заведенія. Здѣсь они узнали, что недавно трое іезуитовъ, *Александръ Брайантъ*, *Эдмундъ Кампіанъ* и *Радульфъ Северинъ*, уѣхали въ Англію по разнымъ дорогамъ переодѣтые, и что въ Лондонѣ ихъ ожидаютъ 50 человекъ, вполнѣ вооруженныхъ и рѣшившихся убить королеву Елисавету, любовника ея, Роберта Додли графа Лейстера, и государственнаго секретаря Вольсингема. Послѣ этого убійства заговорщики хотѣли провозгласить королевой Марію Шотландскую, а правителемъ Англіи сдѣлать одно важное лицо изъ тамошнихъ католиковъ. По доносу шпионовъ трое іезуитовъ были схвачены по пріѣздѣ въ Англію, умыселъ ихъ доказанъ, и 1-го декабря 1581 г. они повѣшены съ нѣсколькими другими заговорщиками. Англійское правительство издало строгіе указы противъ іезуитовъ и всѣхъ состоящихъ съ ними въ сношеніяхъ. Англичанамъ подъ страхомъ смертной казни было запрещено учиться и жить въ іезуитскихъ collegiяхъ, и всякій, кто ѣхалъ на континентъ, долженъ былъ дать строгій отчетъ, куда ѣдетъ.

Но іезуиты не унывали. Прославивъ своихъ трехъ по-

гибшихъ членовъ, особенно Кампіана, мучениками, святыми и героями, они снова принялись за свои замыслы и нашли себѣ агента въ лицѣ *Вилльяма Парри*. Парри былъ бѣдный дворянинъ; чтобы поправить свои обстоятельства, онъ поѣхалъ въ 1582 г. на континентъ, принявъ въ Парижѣ католицизмъ и отправился оттуда въ Венецію, гдѣ сошелся съ іезуитами, особенно съ о. *Бенедиктомъ Пальміо*. Этотъ іезуитъ склонилъ его пожертвовать жизнью для убійства Елисаветы, чтобы избавить англійскихъ католиковъ отъ ея ужасныхъ гоненій. Получивъ отъ Пальміо деньги и рекомендательныя письма, Парри отправился въ Парижъ, гдѣ іезуитъ *Анибаль Кодре* укрѣпилъ его въ его намѣреніяхъ. Причистившись въ парижской іезуитской коллегіи, онъ въ февралѣ 1584 г. вернулся въ Англію. Прибывъ въ Лондонъ, онъ прикинулся усерднымъ протестантомъ и написалъ королевѣ, что во время своего путешествія по Франціи и Италіи собралъ важныя свѣдѣнія о замыслахъ противъ нея іезуитовъ и имѣетъ сообщить ей важныя тайны. Королева дала ему аудіенцію, причемъ онъ дѣйствительно сообщилъ ей кое-что и прикинулся до того преданнымъ ей, что она принимала его еще нѣсколько разъ. Такимъ образомъ ему удалось найти удобный случай, и онъ рѣшился убить королеву, когда она по обыкновенію выйдетъ одна гулять въ Сентъ-Джемскій паркъ. Онъ хотѣлъ заготовить себѣ лодку на Темзѣ, чтобы бѣжать на ней по совершеніи убійства. Для этого ему нужно было найти товарища и помощника, и онъ обратился къ своему двоюродному брату, *Невилю*, человѣку бѣдному, безчестному и взбалмошному. Невиль согласился участвовать въ заговорѣ и тотчасъ досталъ лодку, на которой сталъ разѣзжать по Темзѣ, чтобы пріучить публику къ своимъ разѣздамъ. Парри осталось только дождаться удобной минуты для убійства, а между тѣмъ іезуиты, тайно пребывавшіе въ Лондонѣ, подготовляли движеніе, которое должно было вспыхнуть по смерти Елисаветы въ пользу Маріи Стюартъ и католиковъ. Въ это время пришло извѣстіе, что въ Парижѣ

умеръ знатный англійскій эмигрантъ, католикъ графъ Вестморлендъ, человѣкъ бездѣтный и близкій родственникъ Невилля. Послѣдній тотчасъ сообразилъ, что, выдавъ заговоръ королевѣ, можетъ получить титулъ и имѣнія своего родственника. Онъ отправился прямо къ графу Лейстеру и при министрѣ Вольсингемѣ и камергерѣ Гонсдонѣ разсказалъ все, конечно, притворившись, что вступилъ въ заговоръ только для того, чтобы выдать его. Парри былъ тотчасъ арестованъ и на очной ставкѣ съ Невилемъ сознался во всемъ. У него были найдены бумаги, которыя компрометировали, кромѣ оо. Пальміо и Кодре, іезуита *Крейктона* и кардинала *Комо*, такъ что участіе іезуитовъ въ заговорѣ не подлежало сомнѣнію, и было очевидно, что Парри дѣйствовалъ по ихъ наущенію. Но всѣ іезуиты успѣли во время спастись бѣгствомъ. За то Вильямъ Парри былъ приговоренъ къ варварской казни, совершенной надъ нимъ втораго марта 1584 г. Англійскіе судьи, какъ людоеды или дикіе звѣри, приговорили привязать его къ висѣлицѣ, вскрыть живому грудь и животъ, вынуть внутренности, сжечь ихъ на кострѣ, разрѣзать тѣло на четыре части и прибить ихъ къ главнымъ воротамъ Лондона.

Въ 1586 г. іезуитамъ удалось устроить новый заговоръ и опять подослать къ Елисаветѣ убійцу. Католикъ *Антони Бабингтонъ*, молодой человѣкъ хорошей фамиліи, родомъ изъ Дотика въ графствѣ Дербі, поѣхалъ въ этомъ году во Францію и для окончанія своего воспитанія тайно поступилъ въ Реймскую коллегію. Здѣсь онъ сошелся съ о. *Балляромъ*, который постоянно говорилъ ему о несчастіяхъ Маріи Стюартъ и о правахъ ея на англійскій престолъ. Пылкій юноша возгорѣлся пламеннымъ сочувствіемъ къ плѣнной королевѣ и вдобавокъ влюбился въ нее по портрету, который показывалъ ему о. Балляръ. Онъ рѣшился убить тиранку Елисавету, жестокую гонительницу его королевы, которой онъ хотѣлъ возвратить корону Англій и Шотландіи. Въ такомъ настроеніи онъ вернулся на родину. Но какъ онъ медлилъ, то Балляръ, переодѣвшись, отправился самъ тайно въ До-

тикъ къ Бабингтону въ сопровожденіи одного мрачнаго фанатика *Джона Севеджа*. Эти три заговорщика привлекли къ себѣ еще 9 человекъ, которые присягнули іезуиту скорѣе погибнуть, чѣмъ покинуть свое священное предпріятіе. Балляръ говорилъ имъ, что убить тиранку Елисавету такое же святое дѣло, какъ низвергнуть какого-нибудь идола или побѣдить какого-нибудь проклятаго богоотступника. Онъ обѣщалъ имъ райское блаженство и блестящія награды на землѣ. Побуждаемые этими рѣчами, они рѣшились осуществить свой замыселъ 24 августа, въ воспоминаніе Варѣоломеевской ночи. Но случай спасъ Елисавету, и все заговорщики были арестованы, въ томъ числѣ и Балляръ. Ихъ приговорили къ смерти и перваго октября казнили тѣмъ же каннибальскимъ способомъ, какъ и Парри. Слѣдствіемъ ихъ заговора были процессъ и казнь Маріи Стюартъ. Подъ предлогомъ, что она состояла въ сношеніяхъ съ заговорщиками, ей отрубили голову 8 февраля 1587 г. Но, не смотря на все неудачи и на ужасныя казни своихъ агентовъ, іезуиты не покинули своего намѣренія лишить Елисавету престола и жизни. Дѣйствуя въ ихъ духѣ, Филиппъ II Испанскій послалъ 1588 г. противъ Англіи свою громадную Армаду, а папа Сикстъ V издалъ противъ Елисаветы новую буллу, гдѣ она объявлялась еретичкой и незаконнорожденной, недостойной престола, и все вѣрующіе приглашались наложить на нее руку и выдать ее живою или мертвою главѣ католиковъ, королю Филиппу. Но непобѣдимая армада погибла отъ бурь, а папская булла не произвела никакого дѣйствія. Тщетно затѣвали іезуиты еще нѣсколько покушеній на жизнь королевы. Такъ въ 1592 г. іезуитъ *Гольтъ* склонилъ одного ирландца, *Патрика Коллена*, поклясться на причастіи, что убьетъ тиранку Елисавету. Но прибывъ въ Англію, онъ былъ схваченъ и казненъ. Черезъ два года тотъ же іезуитъ выслалъ еще двухъ заговорщиковъ, *Вильямса* и *Йорка*, которыхъ постигла та же участь. Последнее покушеніе было сдѣлано *Эдуардомъ Сквайромъ*, которому іезуитъ *Ричардъ Вальподъ* самъ далъ яду для

отравленія англійской королевы. Но и онъ кончилъ жизнь на эшафотѣ, а Елисавета, охраняемая своими многочисленными шпіонами, спокойно умерла 24 марта 1603 г., издавъ незадолго до смерти, 15 ноября 1602 г., строжайшій указъ противъ іезуитовъ, которыхъ навсегда изгоняла изъ всѣхъ своихъ владѣній.

Смерть Елисаветы тѣмъ болѣе обрадовала католиковъ, что ей наслѣдовалъ сынъ Маріи Стюартъ, *Іаковъ I*, при которомъ они надѣялись добиться не только свободы, но и господства въ Англіи, особенно іезуиты, столько сдѣлавшіе для его матери и бывшіе ея лучшими друзьями. Правда, Іаковъ, какъ всѣ шотландцы, былъ протестантъ и, вдобавокъ, очень ученый богословъ. Но іезуиты думали, что онъ только притворяется протестантомъ, чтобы не лишиться шотландскаго престола, и не замедлить сбросить маску, какъ скоро воцарится въ Англіи. Притомъ Іаковъ былъ человѣкъ безхарактерный, вполне поддававшійся вліянію окружающихъ. Однако расчеты эти не оправдались. Іаковъ тотчасъ по вступленіи на престолъ даровалъ католикамъ терпимость и амнистію многимъ осужденнымъ Елисаветою. Но по совѣту своего вліятельнаго министра, Роберта Сесия графа Салисбери, онъ подтвердилъ запрещеніе іезуитамъ пріѣзжать въ Англію. Любя больше всего спокойствіе, онъ не хотѣлъ допускать ихъ въ свое государство, справедливо полагая, что присутствіе ихъ породило бы только безконечныя смуты. Тогда они рѣшились неслыханнымъ во всемірной исторіи ударомъ разомъ отдѣлаться отъ короля, отъ всего его семейства и отъ главныхъ представителей протестантизма въ Англіи.

Прежде всего необходимо было организовать въ Англіи сильную партію, которая могла бы воспользоваться страшнымъ замѣшательствомъ, произведеннымъ этимъ избіеніемъ, и съ оружіемъ въ рукахъ одолѣть протестантовъ. Надо было также найти претендента на престолъ, католика и притомъ имѣющаго какія-нибудь права. Наконецъ, надо было отыскать и людей, способныхъ выполнить такое отчаянное дѣло,

а это было очень трудно, потому что такіе люди рѣдки. Стало быть, труда предстояло немало. Поэтому въ Англію были посланы самъ о. провинціалъ Англіи, *Генри Гарнетъ*, съ многими лучшими членами ордена, въ томъ числѣ о. о. *Освальдъ Тесмондъ*, *Джонъ Джерардъ* и *П. Ольдекорнъ*. Чтобы не возбуждать подозрѣнія, они поѣхали каждый особо, самъ по себѣ, переодѣтые, подъ чужими именами: кто подъ видомъ купца, кто—работника, кто—отставнаго солдата. Такъ Ольдекорнъ назывался *Голлемъ*, Джерардъ—то *Брукъ*, то *Ли*, Тесмондъ—*Гринвеллемъ* и *Гринвудомъ*, Гарнетъ—*Волли*, *Дарси*, *Робертсомъ*, *Фармеромъ*, *Генри* и *Филиппсомъ*. Прибывъ въ Англію, они обратились къ наиболѣе усерднымъ изъ тамошнихъ католиковъ, а черезъ нихъ вступили въ сношенія съ другими, на которыхъ могли положиться въ религіозномъ и политическомъ отношеніяхъ. Разыгрывая передъ протестантами роль самыхъ ревностныхъ пуританъ, они постепенно объѣздили всю Англію, тайно проповѣдуя, что король, преданный ереси—незаконный король, а похититель власти, и потому повиноваться ему—грѣхъ. При этомъ они называли законную королеву Англіи—а именно, *Арабеллу Стюартъ*, дочь графа Леннокса, бабка которой происходила по прямой линіи отъ короля Генриха VII. Прекрасная Арабелла согласилась принять престолъ отъ іезуитовъ, такъ что оставалось только отдѣлаться отъ царствующаго короля. Оставалось найти людей, которые рѣшились бы истребить Іакова I со всѣмъ семействомъ и со всѣми главными представителями протестантства. Это была самая трудная часть дѣла, но іезуиты побѣдили и это затрудненіе.

Провинціалъ Гарнетъ еще на континентѣ познакомился съ однимъ англійскимъ католикомъ, *Робертсомъ Кетсби*, дворяниномъ изъ очень хорошей фамиліи. Онъ тогда же замѣтилъ, что изъ честолюбія, чтобы самому играть роль въ государствѣ, Кетсби не прочь способствовать ниспроверженію существующаго порядка въ Англіи. Онъ обратился къ нему и склонилъ его предпринять опасное дѣло. Но самъ Кетсби

былъ неспособенъ выполнить предпріятіе; ему надо было найти помощниковъ, которые соединяли бы съ необыкновенной энергіей, смѣлостью и твердостью величайшую скрытность и преданность дѣлу. Приходилось дѣйствовать крайне осторожно, и потому Кетсби не принималъ въ заговоръ никого, не посовѣтовавшись съ Гарнетомъ и съ другими іезуитами. Такъ продолжалось до конца 1604 года, пока не набрали полного комплекта заговорщиковъ. То были: *сэръ Томасъ Перси* изъ знаменитой фамиліи графовъ Нортонберлендскихъ, развратный юноша, но смѣлый до безумія; братья *Винтеры*, Томасъ и Робертъ, потерпѣвшіе въ царствованіе Елисаветы жестокаго гоненія за католицизмъ; *Гай Фоксъ*, храбрый рубака, служившій прежде офицеромъ въ испанскихъ войскахъ; *Френсисъ Трешамъ* и *Амеросій Руквудъ*, дворяне и близкіе пріатели Кетсби; *сэръ Эверардъ Дигби*, очень богатый и талантливый человѣкъ, недовольный, что, какъ католику, ему не даютъ хода; *Робертъ Кейсъ*, *Христофоръ Райтъ* и *Джонъ Граунтъ*, дѣйствовавшіе по тому же побужденію; наконецъ слуга Кетсби, *Томъ Бетсъ*, необыкновенно умный и смѣлый малый, котораго уже потому пришлось принять въ заговоръ, что онъ съ самаго начала угадалъ тайну своего господина. Но такъ какъ онъ еще выказывалъ нѣкоторое колебаніе, то Кетсби поручилъ о. Освальду Тесмонду наставить его, и изъ рукъ іезуита онъ вышелъ дѣятельнѣйшимъ членомъ общества.

Въ концѣ 1604 г., въ темную ноябрьскую ночь, Кетсби созвалъ заговорщиковъ къ себѣ въ домъ, гдѣ, кромѣ него, ихъ ожидали оо. Гарнетъ и Джерардъ. Они начали съ того, что исповѣдались отцу Джерарду и, принимая св. тайны, дали ему такую клятву: „Именемъ св. Троицы и принимаемаго причастія, клянусь ни прямо, ни косвенно, ни словомъ, ни дѣломъ ничего никому не выдавать о томъ, что знаю и что узнаю; клянусь безъ согласія моихъ соучастниковъ не отступаться отъ нашего предпріятія; клянусь жертвовать жизнью и членами моего тѣла за нашу единоспасающую вѣру и за

все, за что прикажутъ ей священники.“ Когда всѣ присягнули, Кетсби изложилъ свой удивительно задуманный планъ. „Убить короля, говорилъ онъ, очень легко, и есть множество вѣрныхъ средствъ сдѣлать это. Но это ни къ чему не поведетъ, потому что и принцъ Уэльскій, и герцогъ Йоркскій, и жена его, и дочь, останутся въ живыхъ и наслѣдуютъ ему. Наконецъ если бы даже удалось перебить всѣхъ ихъ, то останется парламентъ, останутся могущественные перы и представители, въ которыхъ протестантизмъ найдетъ себѣ достаточную опору и безъ королевской фамилии. Стало бытъ, нечего и рассчитывать на вѣрный успѣхъ, если мы не съумѣемъ однимъ ударомъ истребить ихъ всѣхъ. Этой цѣли мы можемъ достигнуть, проведя подъ зданіе парламента подкопъ и положивъ туда пороха. Когда король, по обыкновенію въ сопровожденіи всего своего семейства, будетъ открывать парламентъ, мы подожжемъ порохъ и погребемъ въ развалинахъ дворца короля, весь королевскій домъ и весь парламентъ.“ Этотъ планъ былъ одобренъ и принятъ. Только нѣкоторые выразили сомнѣнія. Томасъ Винтеръ больше всѣхъ возражалъ на него: „Въ числѣ лордовъ и представителей, сказалъ онъ, есть и католики; особенно же много ихъ будетъ между зрителями, которые обыкновенно стекаются на открытіе парламента; стало бытъ, намъ придется погубить много вѣрующихъ, погубить ихъ, не давъ имъ покаяться. Можно ли брать на себя такой грѣхъ?“ На это о. провинціалъ Генри Гарнетъ, почитаемый всѣми англійскими католиками оракуломъ самого божества, возразилъ, что сомнѣнія Винтера неосновательны. „Въ посажденной крѣпости, говорилъ онъ, всегда есть какіе-нибудь единовѣрцы или соотечественники осаждающихъ; тѣмъ не менѣе осаждающіе стрѣляютъ въ городъ, хотя бы отъ этого потерпѣли ихъ союзники. Слѣдовательно, планъ Кетсби надо принять, потому что при взрывѣ парламента еретиковъ погибнетъ несравненно больше, чѣмъ вѣрующихъ.“ Мнѣніе Гарнета устранило всѣ сомнѣнія, и планъ былъ принятъ единогласно. Кетсби развилъ его подробности, объяснивъ, отъ

куда онъ предполагаетъ провести подкопъ. Такимъ образомъ созрѣлъ этотъ такъ называемый *пороховой заговоръ*. Когда все было рѣшено, заговорщики помолились, и Гарнетъ благословилъ ихъ, предавъ проклятію враговъ въ слѣдующихъ словахъ: „Боже, истреби эту невѣрную націю, сотри ее съ лица земли, дабы мы могли съ радостнымъ сердцемъ воздать должную хвалу Господу нашему Іисусу Христу!“

По плану Кетсби, Томасъ Перси тотчасъ купилъ домъ; этотъ домъ давно продавался, но былъ въ такомъ плохомъ состояніи, что на него не находилось покупателя; зато для заговорщиковъ онъ былъ драгоценной находкой, потому что находился какъ разъ рядомъ съ Вестминстерскимъ дворцомъ, гдѣ собирался парламентъ, и при немъ былъ садикъ, окруженный такой высокой стѣной, что за нее не могъ проникнуть ни чей любопытный взоръ. Перси съ Бетсомъ, который перешелъ къ нему въ услуженіе, поселились въ этомъ домѣ, а остальные перебрались къ нимъ тайно, такъ что изъ сосѣдей никто и не подозревалъ, что въ старомъ домѣ такъ много жильцовъ. Пища и всѣ рабочіе инструменты, какъ-то: заступы, лопаты, ломы и проч., необходимое для рытья подкопа, доставлялись также тайно, и въ этихъ приготовленіяхъ прошло нѣсколько недѣль. Наконецъ съ 10 на 11 декабря началась работа, и 12 заговорщиковъ работали день и ночь, смѣняя другъ друга. Предпріятіе было очень трудно, потому что работу непременно надо было кончить къ 7-му февраля 1605 г., когда открывался парламентъ. Къ счастью, почва сада была очень мягка, а стѣна такъ высока, что имъ никто не могъ помѣшать. Но когда они добрались до толстаго фундамента дворца, то встрѣтили тутъ такое затрудненіе, что пришли въ отчаяніе и хотѣли покинуть замыселъ, какъ вдругъ къ ихъ неописанной радости открытіе парламента было отложено на неопредѣленное время, стало быть, по крайней мѣрѣ на нѣсколько мѣсяцевъ. Они съ новымъ рвеніемъ принялись за работу и къ марту почти прорыли 9-ти-футовую стѣну фундамента; оставалась только тонкая перегородка.

Они уже готовились разрушить и ее, какъ вдругъ услышали за ней громкіе голоса. Полагая, что тайна ихъ открыта, они выскочили изъ подкopa и побѣжали въ домъ за оружіемъ, желая дорого продать свою жизнь. Только смѣльчакъ Гай Фоксъ остался на своемъ мѣстѣ и даже, сдѣлавъ отверстіе, просунулъ въ него голову, посмотрѣть, что тамъ дѣлается. При первомъ же взглядѣ онъ совершенно успокоился: Оказалось, что за стѣной, какъ разъ подъ залой засѣданій палаты лордовъ находится подвалъ, занятый однимъ торговцемъ дровами и углемъ. Этотъ торговецъ недавно умеръ, и наслѣдники, прекращая торговлю, очищали подвалъ. Собравъ эти свѣдѣнія, Фоксъ успокоилъ заговорщиковъ, которые тотчасъ сообщили, что эти обстоятельства, которыя имъ открылъ случай, могутъ послужить имъ съ пользою. Перси было поручено поскорѣе нанять подвалъ и скупить у наслѣдниковъ уголь и дрова. Онъ исполнилъ это порученіе, и такимъ образомъ въ рукахъ заговорщиковъ оказался подвалъ подъ самой палатой перовъ, куда они могли положить сколько угодно пороха тайкомъ черезъ свой подкопъ. Мало-по-малу они помѣстили въ подвалъ 36 боченковъ съ порохомъ, что было совершенно достаточно, чтобы взорвать Вестминстерскій дворецъ со всѣми сосѣдними зданіями. Бочки были искусно прикрыты дровами, хворостомъ и углемъ, такъ что если бы кто-нибудь и вошелъ въ подвалъ, то не замѣтилъ бы ничего подозрительнаго. Отверстіе подкopa было также прикрыто грудой хвороста, такъ что ничто не могло выдать странную тайну.

Наконецъ послѣ многихъ проволочекъ открытіе парламента было окончательно назначено во вторникъ 5 ноября 1605 г. Въ октябрѣ заговорщики сдѣлали послѣднія приготовления. Отецъ-провинціалъ Гарнетъ послалъ въ Римъ къ генералу Аквавивѣ сэра Эдмунда *Байтма*, а іезуитовъ *Стенли* и *Овена* — въ Мадридъ просить короля Филиппа тотчасъ по совершеніи замысла прислать въ Англію испанскія войска на помощь англійскимъ католикамъ. Въ то же

время Кетсби послалъ сэра Эверарда Дигби въ графство Варвикское, чтобы, пользуясь первымъ смятеніемъ, овладѣть 8-ми-лѣтней принцессой Елисаветой, бывшей въ этомъ графствѣ въ гостяхъ у лорда Гаррингтона, потому что было положено не оставлять въ живыхъ ни одного члена семейства Иакова I. Такимъ образомъ все было предусмтрѣно, и заговорщики разсчитывали на вѣрный успѣхъ. Вдругъ вечеромъ 28 октября одинъ изъ членовъ парламента, лордъ *Моунтигль*, получилъ письмо безъ подписи и написанное фальшивымъ почеркомъ, которое какой-то незнакомецъ отдалъ его слугѣ и ушелъ, не дожидаясь отвѣта. „Дружба, писали ему, которую я питаю къ вамъ и къ нѣкоторымъ вашимъ друзьямъ, обязываетъ меня спасти васъ. Если вы дорбжите жизнью, то найдите предлогъ не присутствовать при открытіи парламента, ибо Богъ и люди рѣшили наказать безбожіе нынѣшняго вѣка. Прошу васъ уважить этотъ совѣтъ и какъ можно скорѣе уѣхать въ деревню. Страшный ударъ поразить парламентъ, и незрима будетъ рука, которая нанесетъ его. Онъ придетъ и минуетъ такъ же быстро, какъ сгоритъ это письмо, которое прошу васъ сжечь. Надѣюсь, что Богъ внушитъ вамъ воспользоваться этимъ письмомъ.“ Лордъ Моунтигль былъ католикъ и побоялся, что если что-нибудь случится, то ему достанется, когда узнаютъ, что онъ скрылъ такое письмо. По этой причинѣ онъ немедленно сообщилъ его министру графу Салисбери. Сесиль также ничего не понялъ и сказалъ, улыбаясь, что это вѣрно просто мистификація, чтобы напугать лорда Моунтигля; однако онъ счелъ обязанностью показать письмо королю. Иаковъ былъ человѣкъ не храбраго десятка; онъ страшно испугался угрозъ неизвѣстнаго сочинителя письма и тотчасъ собралъ совѣтъ. Слова, что готовится страшный ударъ, направленный незримою рукою, что опасность отъ него минуетъ такъ же быстро, какъ сгоритъ письмо — эти намеки навели короля на мысль, что рѣчь идетъ о пороховомъ взрывѣ. Онъ сообщилъ свои подозрѣнія Сесилю, и лорду-каммергеру графу *Соффольку* было

поручено осмотрѣть подвалы Вестминстерскаго дворца и всѣ сосѣдніе погреба. Но чтобы не встревожить заговорщиковъ, если они существовали, чтобы они не обратились въ бѣгство и чтобы не тревожить понапрасно публику, если дѣло окажется пустяками, обыскъ назначено было произвести не раньше, какъ въ ночь на самое 5-е число. Въ ночь съ 4 на 5 ноября графъ Соффолькъ съ отрядомъ гвардіи подъ начальствомъ смотрителя дворца Виньярда отправился въ вестминстерскія подземелья. Онъ осмотрѣлъ ихъ, въ томъ числѣ и подвалъ, занимаемый Перси, гдѣ засталъ какого-то человѣка, который занимался укладкой дровъ. Этотъ человѣкъ сказалъ, что его зовутъ Джонсономъ, что онъ служитъ у сэра Томаса Перси, который велѣлъ ему уложить закупленные сегодня дрова. Графъ не нашелъ въ этомъ ничего подозрительнаго и, возвратясь къ королю, который ждалъ его въ совѣтѣ министровъ, доложилъ, что въ Вестминстерѣ все спокойно и рассказалъ, что видѣлъ. Однако министрамъ показалось страннымъ, что знатный человѣкъ, какъ сэръ Томасъ Перси, нанимаетъ подвалъ и торгуетъ дровами и что слуга его такъ поздно возитея въ подвалѣ. Король немедленно призвалъ мирового судью Томаса *Невета*, который былъ поумнѣ лорда-камергера, и приказалъ ему тщательно обыскать подвалы парламента и домъ, занимаемый подлѣ Вестминстера сэромъ Томасомъ Перси. Сэръ Томасъ Неветъ съ отрядомъ стражи отправился въ часъ ночи въ подвалъ Перси, сопровождаемый смотрителемъ Виньярдомъ. Тамъ они опять застали того же слугу Джонсона. Онъ стоялъ въ дверяхъ дровянаго подвала съ потайнымъ фонаремъ. Сэръ Томасъ Неветъ приказалъ одному констеблю арестовать его, и послѣ отчаяннаго сопротивленія мнимый слуга былъ взятъ. У него нашли кусокъ трута, три фитиля, освященный розовый вѣнокъ, кинжалъ и пистолетъ; самъ онъ былъ въ ботфортахъ и шпорахъ, какъ будто собирался въ дорогу. Это показалось до того подозрительно, что мировой судья приказалъ произвести въ подвалѣ строжайшій обыскъ. Тогда къ величай-

шему ужасу всѣхъ присутствующихъ были найдены 36 бочекъ пороха, который черезъ нѣсколько часовъ взорвалъ бы Вестминстерскій дворецъ.

Въ 4 часа ночи Джонсонъ былъ представленъ въ королевскій дворецъ, гдѣ тотчасъ собрался совѣтъ министровъ подъ предсѣдательствомъ самого короля. Арестованному былъ сдѣланъ строгій допросъ. Онъ сознался, что его зовутъ Гай Фоксъ и что онъ хотѣлъ взорвать Вестминстерскій дворецъ при открытіи парламента, но не выказалъ ни малѣйшаго раскаянія и только сожалѣлъ, что дѣло не удалось. Не смотря на страшныя пытки, онъ не выдалъ своихъ сообщниковъ, взявъ всю вину на себя. Только черезъ два дня, когда по его расчету товарищи его могли уже спастись бѣгствомъ, онъ уступилъ наконецъ мученіямъ и далъ полное показаніе, такъ что можно было преслѣдовать его соумышленниковъ. Объ арестѣ Гая Фокса первый узналъ о. Тесмондъ и тотчасъ оповѣстилъ всѣхъ заговорщиковъ. Они бѣжали въ графство Варвикское, гдѣ находился баронетъ Дигби, посланный туда для похищенія принцессы Елисаветы и уже успѣвшій приобрѣсти небольшое число приверженцевъ. Но шерифъ графства, сэръ *Ричардъ Вальшъ*, выступилъ противъ нихъ съ нѣсколькими тысячами войска. Они бѣжали въ замокъ Гольбичъ въ графствѣ Стаффордскомъ, принадлежавшій сэру *Стефану Литльтону*, который, какъ усердный католикъ, рѣшился укрыть ихъ. Они приготовились отчаянно защищаться здѣсь, предпочитая погибнуть съ оружіемъ въ рукахъ, чѣмъ на эшафотѣ. Но несчастный случай помѣшалъ имъ и въ этомъ. У нихъ подмокъ порохъ, и они положили его для просушки на печку; вдругъ онъ загорѣлся, и взрывъ такъ искалѣчилъ многихъ изъ нихъ, что они не могли сражаться, а между тѣмъ и всѣхъ-то ихъ было съ небольшимъ 80 человекъ. Войска безъ труда овладѣли замкомъ. Человекъ 20, въ томъ числѣ Робертъ Кейсъ и Христофоръ Райтъ, были при этомъ убиты. Граунтъ, Дигби, Руквудъ, Бетсъ и еще 10 человекъ были взяты въ плѣнъ. Робертъ Винтеръ съ Трешамомъ,

Литльтономъ и нѣкоторыми другими успѣлъ бѣжать, но черезъ нѣсколько дней они были принуждены сдаться. Самъ Кетсби съ сэромъ Перси и Томасомъ Винтеромъ укрѣпился въ маленькой башнѣ, поклявшись умереть, но не сдаваться. Послѣ геройскаго сопротивленія Кетсби и Перси пали, но Винтеръ, тяжело раненный, попался въ плѣнъ. Всѣ плѣнные были отправлены въ Лондонъ и посажены въ Тоуеръ, гдѣ уже сидѣлъ Гай Фоксъ. Всѣ они совершенно сознались во всемъ, такъ что пытки не понадобилось. Они были приговорены къ смерти и казнены 30 января 1606 г. на площади передъ Вестминстерскимъ дворцомъ. Менѣ виновные, представшіе къ заговорщикамъ уже въ Варвикѣ, были наказаны тюремнымъ заключеніемъ и вѣчнымъ изгнаніемъ изъ Англіи. Но правительство не удовольствовалось этими жертвами. Хотя никто изъ заговорщиковъ не сдѣлалъ ни малѣйшаго показанія противъ іезуитовъ, но правительство было убѣждено въ ихъ участіи въ заговорѣ. 15 января 1606 вышелъ указъ, которымъ подъ страхомъ тяжкаго наказанія запрещалось укрывать іезуитовъ Гарнета, Джерарда, Тесмонда и Ольдекорна, которыхъ велѣно было арестовать и обѣщано было большое вознагражденіе за поимку или выдачу ихъ. Однако оо. Джерарду и Тесмонду удалось убѣжать во Францію, а Гарнетъ и Ольдекорнъ также было спаслись. Съ своимъ преданнымъ слугой они убѣжали въ Кенлипъ, замокъ ревностнаго католика *Абингтона*, гдѣ долго скрывались отъ всѣхъ поисковъ, хотя преслѣдователи знали, что они скрываются въ замкѣ. Но они были спрятаны въ печной трубѣ, гдѣ ихъ никакъ не могли найти. Наконецъ всѣ слуги Абингтона были удалены, а самъ онъ отданъ подѣ стражу. Тогда голодь принудилъ бѣглецовъ покинуть свое убѣжище, и они были немедленно отправлены въ лондонскій Тоуеръ. Въ началѣ февраля они прибыли въ Лондонъ, гдѣ народъ очень радовался ихъ поимкѣ. Но въ первую же ночь слуга Гарнета вскрылъ себѣ животъ перочиннымъ ножичкомъ, который успѣлъ припрятать, чтобы пытка не вынудила у него

показаній. Преданный слуга тотчасъ умеръ, а сами іезуиты упорно отрицали свое участіе въ заговорѣ. Такъ какъ противъ нихъ не было никакихъ уликъ, то судьи, рѣшившіеся, во что бы то ни стало, погубить ихъ, прибѣгли къ позорной хитрости. Одинъ тюремный сторожъ прикинулся усерднымъ, хотя тайнымъ католикомъ, и такъ хорошо разыгралъ свою роль, что Гарнетъ совершенно повѣрилъ ему. Отецъ-провинціаль далъ ему письма для передачи Ольдекорну и нѣкоторымъ лондонскимъ католикамъ. Письма эти доказывали участіе его сотоварищей въ заговорѣ или, по крайней мѣрѣ, были сочтены за доказательство, и судъ приговорилъ оо. Гарнета и Ольдекорна къ смерти. 3 мая 1606 приговоръ былъ исполненъ со всѣмъ варварствомъ тогдашнихъ казней.

Такъ кончился знаменитый пороховой заговоръ, и іезуиты, прославивъ своихъ погибшихъ членовъ святыми мучениками, не возобновляли покушеній противъ Іакова I, который съ тѣхъ поръ началъ свирѣпствовать противъ всѣхъ католиковъ. Преемникъ его, Карлъ I, былъ женатъ на французской принцессѣ, католичкѣ, имѣвшей на него большое вліяніе. На этомъ основаніи іезуиты стали надѣяться на лучшія для себя времена въ Англіи, тѣмъ болѣе, что королева была очень набожна, а духовникъ ея былъ преданъ ордену Іисуса. Притомъ, вступая съ ней въ бракъ, король Карлъ обязался покровительствовать католицизму въ Англіи и, вступивъ на престолъ, хотѣлъ выполнить свое обѣщаніе. Но возгорѣвшаяся у него важная борьба съ парламентомъ отвлекла его вниманіе на болѣе важные предметы, а послѣ казни его, которою кончилась эта борьба, въ господствѣ строгихъ пуританъ Долгаго Парламента и Кромвеля, интересы католицизма вообще не имѣли представителей въ Англіи и выражались только неудачными волненіями въ Ирландіи.

Реставрація снова подала іезуитамъ надежду. Карлъ II, возстановленный на престолѣ отца, преданный разврату, былъ управляемъ любовницами, которыхъ поставлялъ ему

духовникъ Лудовика XIV, о. Ла-Шезъ, и которыя, конечно, не упускали изъ вида интересовъ ордена Иисуса. Королева была португальская принцесса и ревностная католичка; она привезла съ собою духовника, іезуита *Антоніо Фернандеса*, который имѣлъ на нее безграничное вліяніе. Въ довершеніе братъ и наслѣдникъ короля, неимѣвшаго законныхъ дѣтей, герцога Іаковъ Йоркскій, тайно обратился въ католичество и по требованію своего духовника, *Симонса*, сдѣлалъ это гласно. Такимъ образомъ короля Карла окружала іезуитская среда, и іезуиты не безъ основанія рассчитывали, что онъ самъ обратится въ католицизмъ и отмѣнитъ строгіе законы противъ католиковъ вообще и іезуитовъ въ особенности. Передъ смертію Карлъ дѣйствительно тайно принялъ католичество. Но при жизни онъ былъ человѣкъ невѣрующій и слишкомъ преданный разврату, чтобы заботиться о религіозныхъ вопросахъ, тѣмъ болѣе, что ему была памятна плачевная участь его отца. Вслѣдствіе этого, хотя при дворѣ его окружали іезуиты, но онъ не только ничего не сдѣлалъ для католиковъ, но даже позволялъ преслѣдовать ихъ больше прежняго, въ томъ числѣ и своего брата. Обстоятельства перемѣнились, когда въ 1685 г. этотъ братъ наслѣдовалъ ему подъ именемъ Іакова II. Отецъ *Петръ*, духовникъ новаго короля, наслѣдовавшій въ этой должности отцу Симонсу, имѣлъ на короля огромное вліяніе, такъ что Англія начала управляться по принципамъ іезуитства. Но это продолжалось недолго: черезъ 3 года англичане возстали, приняли сторону зятя короля, протестанта принца Вильгельма Оранскаго, и прогнали Іакова съ его іезуитами во Францію. Съ тѣхъ поръ іезуитамъ пришлось навсегда отказаться отъ своихъ видовъ на Англію.

ГЛАВА III.

Убійство принца Вильгельма Оранскаго.

Читателю вѣроятно уже извѣстно изъ всеобщей исторіи, что жители Нидерландовъ и Зеландіи, приведенные въ отчаяніе деспотическою жестокостію Филиппа II, который хотѣлъ лишить ихъ политической и религіозной свободы, въ началѣ второй половины XVII столѣтія подняли знамя мятежа и послѣ сорокалѣтней войны свергли испанское иго. Іезуиты съ самаго начала этой войны принимали въ ней дѣятельное участіе. Тиранъ и деспотъ Филиппъ II ни въ комъ не находилъ такихъ энергическихъ помощниковъ, а нидерландцы, поборники правды и свободы — такихъ заклятыхъ враговъ, какъ въ іезуитахъ. Всякое средство было ими оправдываемо, коль скоро вело къ тому, чтобы повредить нидерландцамъ или оказать пользу королю испанскому. При этомъ они пускали въ ходъ насиліе, обманъ и коварство. Такимъ образомъ извѣстно за достовѣрный фактъ, что въ своихъ различныхъ коллегіяхъ въ Антверпенѣ, Дорникѣ, Брюгге, Дуэ, Маастрихтѣ, Гренингенѣ, Нимвегенѣ, Герцогенбушѣ, Бредѣ и т. д., они держали въ запасѣ для испанцевъ оружіе и порохъ, а въ Утрехтѣ были даже обвинены въ государственной измѣнѣ за намѣреніе предать городъ въ руки непріятеля. Именно по этому случаю были преданы уголовному суду ректоръ тамошней коллегіи, патеръ *Іоаннъ Батистъ Бодденъ*, прокураторъ *Гервардъ Пасманнъ* и коадьюторъ

Филиппъ Ноттингъ, которыхъ по приговору суда публично казнили на площади какъ измѣнниковъ. Подобная же участь постигла многихъ изъ нихъ, такъ какъ всюду, гдѣ лишь представлялась возможность, они тайно, посредствомъ измѣны, старались вредить нидерландскому народу, который потому и питалъ къ нимъ такую ненависть, что только уваженіе къ магистрату и вообще къ властямъ спасало ихъ отъ ярости толпы. Главною причиною этой ненависти было ихъ постыдное поведеніе относительно оранскаго дома, и если бы въ то время, какъ они приводили въ исполненіе свои замыслы, можно было овладѣть ими, каждый изъ нихъ попался бы жизнью.

Изъ исторіи извѣстно, что *Вильгельмъ I принцъ Оранскій* и *графъ Нассаускій*, прозванный „Молчаливымъ“, играли не только значительную роль въ войнѣ нидерландскаго народа за освобожденіе отъ испанскаго ига, но и положили основаніе свободѣ Нидерландовъ. Въ 1570 г. онъ стоялъ во главѣ великаго движенія, и единственно его мудрости, храбрости и способностямъ генеральныя цитаты обязаны, что такъ долго съ успѣхомъ выдерживали неравную борьбу съ испанскимъ могуществомъ. Немудрено, что при подобныхъ обстоятельствахъ Молчаливый былъ предметомъ ненависти короля Филиппа и его вѣрныхъ друзей, іезуитовъ, и что послѣдніе рѣшились, во что бы то ни стало, прибѣгая къ средствамъ самымъ крайнимъ, вредить столь опасному сопернику.

Первая попытка къ убійству принца Вильгельма была сдѣлана *Хуаномъ Хаурегои*, юношей, еще не достигшимъ двадцатипятилѣтняго возраста: дѣло происходило слѣдующимъ образомъ. Въ началѣ 1582 г. одинъ изъ поселившихся въ Антверпенѣ испанцевъ, нѣкто *Кастаръ Анастро*, находился въ такихъ обстоятельствахъ, что пришлось сдѣлаться банкротомъ, въ чемъ онъ и открылся, жалуясь на свое печальное положеніе искреннему другу своему, извѣстному ему подъ именемъ *Хуана де-Изунка*, но который на самомъ дѣлѣ былъ никто иной, какъ переодѣтый іезуитскій патеръ, кото-

рый, проживая въ Антверпенѣ, долженъ былъ скрывать, что принадлежитъ къ ордену. Нѣсколько времени спустя, другъ Изунка, успѣвшій между тѣмъ сдѣлать небольшую поѣздку, безъ сомнѣнія, чтобы запастись нѣкоторыми инструкціями отъ начальниковъ ордена, сообщилъ разорившемуся кушцу, подъ условіемъ глубочайшей тайны, что есть средство выйти изъ его несчастнаго положенія, средство даже очень похвальное, но, чтобы привести его въ исполненіе, требуется нѣкоторое мужество. Очень естественно, что Анастро пожелалъ узнать подробности и узналъ, что дѣло идетъ объ убійствѣ принца Оранскаго, за что ассигнована сумма въ восемьдесятъ тысячъ дукатовъ. Предложеніе это привело его въ восхищеніе, и такъ какъ Изунка позаботился при этомъ еще возбудить въ немъ религіозный фанатизмъ, предсказывая ему, что если онъ освободитъ свѣтъ отъ этого ужаснаго еретика, то получитъ царствіе небесное, мѣсто въ раю какъ разъ между Иисусомъ и Маріей — Анастро обѣщаль совершить убійство. Но между словомъ и дѣломъ большая разница, и не всякій способный рѣшиться на преступленіе, обладаетъ въ то же время такимъ мужествомъ, чтобы совершить его. Подобный разладъ слова съ дѣломъ оказался и у Анастро, который былъ слишкомъ малодушенъ, чтобы даже попытаться совершить обѣщанное убійство. Онъ обратился къ своему кассиру *Венеро*, который много лѣтъ занималъ у него эту должность и на скромность котораго онъ могъ положиться, и спросилъ его, не можетъ ли онъ за извѣстную долю награды замѣнить его своею особою или по крайней мѣрѣ подыскать такого человѣка, который привелъ бы въ исполненіе задуманное предпріятіе. Что касалось собственно Венеро, то онъ отказался положительно, хотя и не оттого, чтобы гнушался этимъ дѣломъ, но изъ страха; зато онъ сообщилъ Анастро, что ему извѣстенъ одинъ юноша, фанатикъ по имени *Іоаннъ Хауреви*, и предложилъ пріобрѣсти его для этого дѣла. Изунка и Анастро приняли предложеніе и всѣ трое, принявшись за юнаго фанатика, трудились надъ нимъ

до тѣхъ поръ, пока не привели его въ самое пылкое одушевленіе. Такимъ образомъ поклявшись, что, желая заслужить царствіе небесное, онъ избавитъ свѣтъ отъ принца Оранскаго, этого непримиримаго врага католичества, онъ назначилъ 18 мая для совершенія этого дѣла. Вслѣдъ затѣмъ онъ исповѣдался у своего всегдашняго духовника, *Антонія Тимермана*, доминиканскаго монаха, и такъ какъ этотъ еще болѣе утвердилъ его въ его похвальномъ намѣреніи, предпринимаемомъ единственно во славу Божию, то Хаурегви съ нетерпѣніемъ ждалъ часа, въ который должно было совершиться обѣщанное убійство. Но чѣмъ болѣе приближался означенный день, тѣмъ сильнѣе беспокойство овладѣвало главнымъ зачинщикомъ задуманнаго преступленія, такъ называемымъ Хуаномъ де-Изунка, который около 18-го мая внезапно скрылся изъ Антверпена съ своимъ другомъ, Каспаромъ Анастро. Для безопасности они удалились въ городъ Турнэ къ принцу пармскому. Они опасались, что юноша, если будетъ схваченъ на мѣстѣ преступленія, можетъ подъ пыткой назвать своихъ сообщниковъ, и понятно, что въ такомъ случаѣ, если бы ихъ забрали, то дни ихъ были бы сочтены; въ Турнэ же господствовали ихъ друзья, испанцы, стало быть, здѣсь они были въ безопасности отъ мщенія Вильгельма. Наконецъ наступилъ многообѣщавшій день, когда Хаурегви долженъ былъ исполнить свое кровавое намѣреніе. Это было въ воскресенье, и принцъ Оранскій по своему обыкновенію отправился въ церковь, чтобы присутствовать при богослуженіи. Хаурегви, одѣтый по праздничному, слѣдилъ за нимъ, но по многочисленности свиты принца не могъ подойти къ нему близко.

Изъ церкви принцъ отправился обратно въ крѣпость, гдѣ имѣлъ свое мѣстопребываніе, и при открытыхъ дверяхъ, такъ что всякій могъ его видѣть, сѣлъ съ своимъ семействомъ и нѣкоторыми почетными гостями за столъ. Послѣ обѣда ему доложили, что одинъ проситель желаетъ съ нимъ говорить; онъ немедленно всталъ, чтобы изъ столовой отправиться въ сосѣднюю комнату; но едва онъ вошелъ туда,

какъ раздался выстрѣлъ, и онъ почувствовалъ, что раненъ пулей, которая прошла подъ правымъ ухомъ и черезъ верхнюю челюсть и лѣвую щеку опять вышла наружу. Какъ пораженный громомъ, принцъ упалъ лицомъ на полъ. Выстрѣлъ былъ сдѣланъ такъ близко, что пороховой огонь опалилъ ему волосы, и въ первый моментъ ему показалось, что на него обрушились крѣпостные своды. Но безпамятство продолжалось недолго, и когда онъ пришелъ въ себя, ему успѣли донести, что въ него выстрѣлили убійца. „Пощадите его жизнь, — вскричалъ тогда принцъ—и какъ только мнѣ сдѣлаютъ перевязку, приведите его ко мнѣ; я желаю самъ его выслушать.“ Но, къ несчастію, это приказаніе опоздало; гости, вслѣдъ за сдѣланнымъ выстрѣломъ, бросились на преступника и въ ярости буквально искрошили его своими саблями. Такимъ образомъ никто даже не позаботился спросить, кто онъ такой; но когда стали обыскивать карманы его платья, то нашли въ нихъ іезуитскій катихизисъ и пергаментный листокъ, на которомъ помѣчено было все, что необходимо было знать. Стало извѣстно не только, кто былъ онъ самъ, но и имена его соучастниковъ; сдѣланы были всевозможныя распоряженія, чтобы захватить преступниковъ. Но вслѣдствіе вышеприведенныхъ обстоятельствъ, удалось овладѣть только *Венеро*, бывшимъ кассиромъ *Анастро* и *Тимерманомъ*, доминиканскимъ монахомъ, которые, показавъ подъ пыткою о всѣхъ подробностяхъ преступленія, были присуждены по тогдашнимъ нравамъ къ самой ужасной мучительной смерти. Но приговоръ этотъ былъ неполнѣ исполненъ, т. е. Вильгельмъ избавилъ ихъ отъ страданія и смягчилъ казнь: они были удавлены, и четвертованные трупы ихъ для устрашительнаго примѣра были насажены на высокіе колья. Такимъ образомъ оставались они четыре года, до 1586 года, когда испанцы вступили въ Антверпенъ; тогда іезуиты сняли ихъ; они появлялись всюду за испанцами и вмѣстѣ съ ними водворялись въ завоеванныхъ мѣстахъ; устроивъ торжественное погребеніе, они причислили казнен-

ныхъ къ мученикамъ, геройски положившимъ жизнь свою за святое дѣло.

Вильгельмъ Оранскій совершенно выздоровѣлъ отъ тяжелой раны, нанесенной ему эmissаромъ іезуитовъ, фанатикомъ Хаурегви. Но спустя нѣсколько лѣтъ снова подвергся покушенію со стороны іезуитовъ, не смотря на то, что сыны Лойолы вскорѣ послѣ первой попытки были изгнаны изъ всѣхъ голландскихъ провинцій и что каждый, подозрѣваемый въ тайной преданности имъ или считаеый за дѣйствительнаго члена ордена подвергался настоящей травлѣ въ буквальный смыслъ слова. Въ первыхъ числахъ мая 1583 года Молчаливый принялъ къ себѣ одного верхнебургундца, выдававшего себя за самаго яраго реформата, за сына одного мученика, пострадавшаго за новую религію, и который могъ засвидѣтельствовать это наилучшими рекомендательными письмами о себѣ. Настоящее имя этого человѣка было *Бальтазаръ Герертсъ*, или Герардъ; самъ же онъ называлъ себя *Бальтазаромъ Гюйономъ* и изъ документовъ его было видно, что онъ сынъ извѣстнаго Гюйона, который немного лѣтъ тому назадъ былъ казненъ въ Безансонѣ за новую религію. Герардъ обманулъ принца своимъ именемъ и притворнымъ усердіемъ къ протестантству. Онъ правильно посѣщалъ протестантскую церковь и иначе не показывался, какъ съ библіею въ рукахъ, будучи въ то же время самымъ яростнымъ католикомъ, какого можно себѣ вообразить. Но это обнаружилось уже позже, а при своемъ первомъ появленіи ко двору принца Оранскаго онъ счумѣлъ такъ хорошо притвориться, что ни одинъ человѣкъ не могъ сомнѣваться въ его искренности. Поэтому Молчаливый и взялъ его къ себѣ на службу, употребляя его при различныхъ порученіяхъ, гдѣ требовались умъ и ловкость, также вслѣдствіе знанія имъ языковъ—для шпионства въ непріятельскомъ лагерѣ. Исполнивъ одно изъ подобныхъ порученій, Герардъ въ началѣ іюня 1584 г. вернулся въ Дельфтъ, гдѣ въ то время находился Вильгельмъ Оранскій, и безъ затрудненія былъ допущенъ къ принцу, ко-

торый еще лежалъ въ постелѣ. Онъ сообщилъ ему самыя точныя свѣдѣнія о томъ, что ему было поручено, и Молчаливый былъ такъ доволенъ результатомъ, что тутъ же отдалъ приказаніе за услуги ловкаго эмиссара отпустить ему въ награду значительную сумму денегъ. При этомъ онъ кромѣ того лично замѣтилъ ему, что въ скоромъ времени поручить ему новое важное дѣло и потому чтобы онъ черезъ нѣсколько дней снова явился во дворецъ. Такимъ образомъ они разстались, какъ казалось, довольными съ обѣихъ сторонъ другъ другомъ, и окружающіе принца смотрѣли на Гюйона, какъ онъ называлъ себя, какъ на любимаго слугу государя, которому всякій долженъ оказывать полное довѣріе. 10 іюля утромъ, Герардъ снова появился во дворцѣ и велѣлъ доложить о себѣ принцу, который, занятый чѣмъ-то другимъ, не принялъ его, а приказалъ явиться послѣ обѣда. Герардъ сошелъ внизъ и оставался на дворѣ почти до часу пополудни. Этимъ временемъ Вильгельмъ долженъ былъ отправиться въ сенатъ и, окруженный небольшою свитою, проходилъ по двору. Тогда Герардъ, быстро приблизившись къ нему и какъ бы желая что-то сказать, выстрѣлилъ ему прямо въ животъ изъ пистолета, заряженаго тремя пулями. „Помилуй меня, Господи, и народъ мой“ вскричалъ Вильгельмъ Оранскій и упалъ, чувствуя, что раненъ смертельно. Его подняли, отнесли въ его покои и немедленно призвали докторовъ; но прежде чѣмъ dospѣли они, онъ умеръ на рукахъ своей супруги, бывъ не въ состояніи промолвить болѣе ни одного слова. Тѣмъ временемъ убійца послѣ выстрѣла бросился бѣжать и, пользуясь всеобщимъ смятеніемъ, успѣлъ невредимо достигъ городского вала. Но здѣсь, пробираясь черезъ рвы, онъ былъ настигнутъ гвардейцами принца, которые, наконецъ прійдя въ себя, пустились за нимъ въ погоню; догнавъ его, они съ яростнымъ крикомъ бросились на него и безъ труда овладѣли имъ. Тотчасъ былъ созванъ государственный совѣтъ, чтобы допросить убійцу, который съ полною откро-

венностью признался въ слѣдующемъ: „Имя мое, сказалъ онъ, Балтазаръ Герардъ; родился я въ Виллѣ во Франшъ-Конте, и отъ роду мнѣ двадцать шесть лѣтъ. Что касается фальшивыхъ документовъ, продолжалъ онъ, то они приобрѣтены мною еще раньше, когда нѣсколько лѣтъ тому назадъ вступилъ въ службу къ секретарю графа Мансфельда, по имени Жану Дюпре. Здѣсь я досталъ открытый бланковый листъ за подписью графа, составленный Дюпре; убійство же принца Оранскаго задумалъ лишь тогда, какъ узналъ о неудавшемся покушеніи Хаурегви. Но долго совѣсть удерживала меня отъ преступленія; и вѣроятно я никогда не рѣшился бы на него, если бы въ прошедшемъ мартѣ мѣсяцѣ не случилось по обязанности побывать въ Трирѣ, гдѣ вопросъ объ этомъ долженъ былъ рѣшиться“. Тамъ онъ выслушалъ совѣты одного іезуитскаго патера, который не только подкрѣплялъ его въ намѣреніи, но и поучалъ, что подобное убійство будетъ дѣломъ въ высшей степени достойнымъ; что даже если бы ему пришлось за это поплатиться жизнью, то взаменъ ее онъ наслѣдуетъ царство небесное и будетъ причисленъ къ лику святыхъ мучениковъ. Невполнѣ удовлетворенный поученіемъ одного патера, онъ обращался поочередно къ тремъ другимъ патерамъ, членамъ благословеннаго ордена Іисуса, исповѣдывался у каждаго изъ нихъ и отъ всѣхъ получилъ подобное же завѣреніе въ богоугодности задуманнаго дѣла. Такимъ образомъ, наконецъ, рѣшеніе это созрѣло, и онъ привелъ его въ исполненіе и нисколько не раскаявался въ этомъ. Все это Герардъ разсказалъ совершенно добровольно при первомъ же допросѣ; о соучастникахъ же своихъ ничего не хотѣлъ сказать и касательно именъ четырехъ іезуитовъ объявилъ, что они ему неизвѣстны. На слѣдующій день 11 іюля, чтобы вывѣдать отъ него всю правду, онъ былъ подвергнутъ пыткѣ, но къ сказанному прибавилъ лишь, что нѣсколько недѣль тому назадъ, во время поѣздки своей изъ Трира въ Турна, открылъ намѣреніе свое принцу Пармскому, намѣстнику короля испан-

скаго въ Нидерландахъ и, какъ имъ, такъ и призваннымъ президентомъ правительственнаго совѣта, Кристофомъ Ассонвилемъ, былъ вполне одобренъ, при чемъ ему были даны многія обѣщанія и самыя блестящія надежды. При слѣдующемъ допросѣ, который былъ снятъ съ него 12 іюля, онъ повторилъ всѣ свои показанія, и такъ какъ не было никакой причины сомнѣваться въ нихъ, то уже 14 числа того же мѣсяца онъ былъ приговоренъ къ смерти. Приговоръ этотъ отличался изумительнымъ варварствомъ, которое впрочемъ было обыкновеннымъ въ тогдашней юстиціи, достойной звѣрей, а не людей. На слѣдующій день 15 числа, приговоръ этотъ былъ приведенъ въ исполненіе. Сначала раскаленнымъ желѣзомъ Герарду жгли руку, которой сдѣланъ былъ выстрѣлъ. Потомъ горячими щипцами вырывали изъ тѣла его мясо кусокъ за кускомъ. Наконецъ еще живаго стали разрубать его на четыре части, начиная съ ногъ; четвертую часть, грудь, отдѣляя отъ туловища, палачи вскрыли быстрымъ разрѣзомъ, и, вырвавъ изъ нея еще трепещущее сердце, ударили имъ его въ лице, говоря: „Убійца, вспомни убитаго тобою нашего (sic!) отца“. Болѣе двухъ часовъ продолжалась эта ужасная, людоедская сцена, и когда замерло послѣднее судорожное движеніе отдѣленныхъ членовъ, четыре окровавленные части трупа были насажены и прикрѣплены цѣпью къ четыремъ главнымъ бастионамъ города, а отдѣленная отъ туловища голова казненнаго была выставлена на самомъ высокомъ шпигель башни.

Такъ кончилъ жизнь Балтазаръ Герардъ, убійца Вильгельма Оранскаго Молчаливаго. Филиппъ II возвелъ въ дворянское достоинство семейство убійцы, а іезуиты на всѣхъ своихъ кафедрахъ торжественно возвѣстили хвалу ему за его геройское мужество. Въ честь его они устраивали праздничныя процессіи, при которыхъ носили его портретъ, какъ изображеніе мученика, надѣясь, что со смертію ихъ главнаго врага, мятежь въ Нидерландахъ будетъ подавленъ, черезъ что и еретичество будетъ искоренено. Они надѣялись не только

вступить опять во владѣніе отнятыми у нихъ тучными пастбищами, но распространить свое владычество и далѣе, такъ чтобы вся Голландія въ скоромъ времени пала къ ихъ ногамъ. Но надеждѣ этой не суждено было исполниться. Молчаливый оставилъ сына, принца Морица Оранскаго, который, не смотря на свою молодость; былъ избранъ генеральными штатами штатгальтеромъ, предводителемъ и главою республики. Онъ превосходилъ своего отца военнымъ мужествомъ и военными способностями. Съ этихъ поръ испанцы стали терять въ Нидерландахъ болѣе, чѣмъ при жизни Вильгельма, а черезъ десять лѣтъ имъ начала грозить опасность въ скоромъ времени совершенно лишиться голландскихъ владѣній. При подобныхъ обстоятельствахъ можно ли удивляться, что ненависть іезуитовъ къ Морицу съ каждымъ годомъ увеличивалась и наконецъ привела ихъ къ старой мысли — посредствомъ убійства уничтожить преграду? „Гибель Морицу Оранскому!“ громко взывали они въ своихъ коллегіяхъ, и если не дѣлали этого публично въ другихъ мѣстахъ, зато дѣятельно хлопотали найти себѣ исполнителя. Но долгое время такового не оказывалось, люди стали бояться одинаковой участи съ Балтазаромъ Герардомъ и увѣренность въ земныхъ благахъ было имъ милѣе надежды на райское блаженство. Наконецъ, въ 1595 г. провѣдали іезуиты объ одномъ индивидуумѣ, который хотя и не подходилъ подъ требуемыя условія, но котораго, за неимѣніемъ лучшаго, рѣшено было взять въ качествѣ орудія. Это былъ бочаръ, или обручникъ въ Дуэ, по имени *Петръ Панне*, бѣднякъ, который едва могъ зарабатывать кусокъ хлѣба, чтобы не дать умереть съ голода своей женѣ и ребенку. Прежде всего потребовалъ его къ себѣ его духовникъ, іезуитскій патеръ (въ Дуэ, какъ въ то время, такъ и позже, іезуиты имѣли большую силу, такъ какъ городъ этотъ принадлежалъ Бельгій, которая до самаго прошлаго столѣтія продолжала быть испанско-австрійской провинціей) и наговорилъ ему такъ много о заслугѣ убійства еретика, что Панне наконецъ возымѣлъ

сильную охоту когда-нибудь принять участіе въ подобной за-слугѣ. Достаточно обработавъ его, патеръ представилъ его въ свою коллегію ректору, а тотъ провинціалу французской Бельгіи, который имѣлъ свое мѣстопробываніе въ Дуэ; они посвятили его во все, что онъ долженъ былъ дѣлать, чтобы сжить со свѣта великаго еретика, покровителя еретичества, Морица Оранскаго, и, кромѣ небесныхъ благъ, обѣщали ему ежегодный пенсіонъ и прибыльное мѣсто. При этомъ, какъ бы для предвкушенія блаженства, къ которому бѣднякъ стремился, они дали ему значительную для него сумму денегъ въ видѣ задатка и послѣ приличнаго наставленія приобщили святыхъ таинъ. Послѣ всѣхъ этихъ предвари-тельныхъ церемоній, избранный отправился въ Лейденъ, въ то время резиденцію Морица Оранскаго. Едва прибывъ въ этотъ городъ, онъ былъ принятъ на попеченіе двухъ переодѣтыхъ іезуитовъ, главною заботою которыхъ было вну-шить ему, чтобы дѣло шло со всевозможною осторожностію и что только черезъ это можно надѣяться на вѣрный ре-зультатъ. Обѣщавъ все это, Петръ Панне сталъ употреблять всѣ старанія, какъ бы вѣрнѣе исполнить свое дѣло. Но нѣ-сколько дней спустя, 27 мая, онъ неожиданно попалъ въ руки правосудія, не успѣвъ употребить въ дѣло освящен-ный благочестивыми отцами четырехгранный кинжалъ. При-чиною ареста были его частые и озабоченные распросы о Морицѣ Оранскомъ, а сбивчивые отвѣты на то, зачѣмъ онъ пріѣхалъ въ Лейденъ и что намѣренъ дѣлать, совершенно погубили его. Велико было заблужденіе іезуитовъ относи-тельно бѣднаго парня, который совсѣмъ не годился для роли убійцы; при первомъ же сдѣланномъ ему судьей допросѣ онъ признался во всемъ, что было у него на сердцѣ, такъ что дѣло обошлось безъ пытокъ. Тотчасъ бросились отыски-вать двухъ переодѣтыхъ іезуитовъ, но они какъ будто про-валились сквозь землю; точно также нельзя было добраться до патеровъ въ Дуэ. За всѣхъ ихъ заплатился бѣдный бо-чаръ, который среди различныхъ мученій перешелъ въ вѣч-

ность; весь процесс съ принадлежавшими къ нему документами и актами былъ доведенъ до свѣдѣнія публики.

Съ этихъ поръ генеральныя штаты Голландіи приняли еще болѣе строгія мѣры относительно іезуитовъ, изъ которыхъ каждый подвергался смерти, коль скоро переступалъ границы государства. Всѣмъ гражданамъ государства было строго-на-строго запрещено отдавать своихъ сыновей, хотя на самое короткое время, на воспитаніе въ іезуитскія школы. Такимъ образомъ, іезуиты совершенно лишились голландской территоріи. Къ тому же и въ другихъ мѣстахъ на нихъ стали смотрѣть, какъ на общество, опасное для спокойствія государства и для жизни правителей.

ГЛАВА IV.

Знаменитая распря за Парагвай или донъ Себастьянъ Хозе Карвальо и Мельо графъ д'Ойрасъ и маркизь де-Помбаль.

Во второй книгѣ этого сочиненія было рассказано, какъ прочно умѣли утвердиться іезуиты въ Португаліи еще при самомъ основаніи ордена, а потому почти бесполезно упоминать, что они сами безусловно вѣрили своему могуществу и не воображали, чтобы что-нибудь могло поколебать его. Имъ постоянно поручалось воспитаніе наслѣдниковъ престола и прочихъ принцевъ крови. Слѣдовательно, уже въ дѣтскихъ сердцахъ принцевъ они поселяли глубочайшую преданность и искреннюю любовь къ ордену Іисуса. При дворѣ короля они были полновластными блюстителями совѣсти, какъ его самого, такъ и всего королевскаго дома, примѣру котораго слѣдовали, конечно, всѣ министры, сановники, однимъ словомъ всѣ, кто только могъ чего-либо ожидать отъ правительства или бояться его! Послѣ этого, кто бы осмѣлился противиться ихъ предпріятіямъ или помѣшать исполненію ихъ плановъ? Кто бы подумалъ вырвать изъ ихъ рукъ кормило государственнаго правленія, осудить ихъ своеволие и низвести въ то скромное положеніе, которое прилично служителямъ Господа и гдѣ ничего болѣе не остается, какъ только заботиться о спасеніи душъ своихъ духовныхъ дѣтей? Но извѣстно, что не одобровать кувшину, который повадился

ходить по воду. Здѣсь предвѣстники подобнаго крушенія появились уже въ царствованіе короля *Іоанна V* съ 1706 по 1750 г. Не смотря на то, что этотъ король съ самыхъ раннихъ лѣтъ былъ воспитанъ іезуитами и въ молодости имѣлъ ихъ духовниками, при вступленіи на престолъ онъ избралъ себѣ духовника изъ бѣлаго духовенства и въ продолженіе всего своего царствованія не измѣнялъ этому выбору. Безъ сомнѣнія, такой поступокъ его объясняется скорѣе личнымъ нерасположеніемъ къ тому или другому изъ придворныхъ іезуитовъ, чѣмъ убѣжденіемъ въ безнравственныхъ основаніяхъ ордена и въ его вредномъ и сильномъ вліяніи,—что подтверждается и тѣмъ, что онъ по прежнему оставилъ имъ свободу дѣйствій и ничего не имѣлъ противъ того, что всѣ члены его семейства, т. е. всѣ принцы и принцессы королевскаго дома продолжали исповѣдывать свою совѣсть передъ іезуитами. Съ перемѣною королевскаго духовника, іезуиты старались показать, что они отъ этого ничего не теряютъ, и между прочимъ распространяли слухъ, что даже сами желали этого, потому что ихъ могли сдѣлать нравственно отвѣтственными за дикія и свирѣпыя выходки полоумнаго государя, который зачастую собственноручно угощалъ высшихъ придворныхъ властей и дворянъ палками и пинками. Въ 1714 г. *Іоаннъ V* учредилъ, по французскому образцу, академію „*Academia potu-queza*,“ что заставило іезуитовъ призадуматься, потому что это было не только официальнымъ ударомъ ихъ монополіи въ образованіи и воспитаніи юношества, но сверхъ того академія эта стала средоточіемъ всѣхъ тогдашнихъ умныхъ людей Португаліи, рѣчи и сочиненія которыхъ, подобно согрѣвающимъ лучамъ, проникали въ холодную и мрачную литературу того времени. Кромѣ того академики требовали, чтобы по крайней мѣрѣ въ большихъ городахъ Португаліи были безотлагательно открыты новыя школы, гдѣ преподавали бы по другому методу, отбросивъ прежній іезуитскій; однимъ словомъ, замѣтно было, что что-то собирается надъ членами ордена *Іисуса*. Король, старѣясь все болѣе и болѣе слабѣлъ мораль-

но, а іезуиты дѣлались все смѣлѣе, и въ 1750 году, когда на престолъ вступилъ *Іосифъ I*, имѣвшій духовникомъ одного изъ умнѣйшихъ іезуитовъ, патера *Морейру*, никому изъ нихъ, да вѣроятно, никому и въ цѣломъ мірѣ, не приходило въ голову, что черезъ какое-нибудь десятилѣтіе существованіе ихъ окончательно прекратится, какъ въ самой Португаліи, такъ и во всѣхъ ея колоніяхъ. Существуетъ старая пословица: „Человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ“; подобное произошло при настоящемъ случаѣ, такъ какъ ударъ, поразившій іезуитизмъ въ самыхъ его основаніяхъ сдѣланъ былъ съ такой стороны, откуда его всего менѣе ожидали.

Читатель, конечно, не забылъ моего разсказа о владѣніяхъ іезуитовъ въ южной Америкѣ. Но особенно прошу его вспомнить о томъ, что касается огромнаго іезуитскаго царства въ Парагваѣ. Въ этой обширной странѣ, равняющейся пространствомъ всей Франціи, іезуиты господствовали безусловно, отдавая отчетъ только своему генералу въ Римѣ; они властвовали тамъ монархически-неограниченно, хотя испанскій король назывался верховнымъ государемъ этой области; но ни одинъ его намѣстникъ не смѣлъ перейти предписанныхъ орденомъ границы, и вся верховная власть испанскаго правительства ограничивалась лишь тѣмъ, что оно собирало съ Парагвая подушную подать, при чемъ слѣдуетъ замѣтить, что размѣръ подати опредѣлялся іезуитами, слѣдовательно, правительство получало гораздо менѣе, чѣмъ ему слѣдовало. Такого рода дѣла происходили въ Парагваѣ, но о нихъ въ Европѣ почти ничего не знали до 1750 г., какъ я уже замѣтилъ въ первой книгѣ. Такія же неполныя свѣдѣнія существовали и о торговлѣ этой страны, о ея произведеніяхъ, обитателяхъ, границахъ, учрежденіяхъ; — все это было покрыто мракомъ неизвѣстности, развеять который могли только сами іезуиты. А если путешественнику и случалось когда-нибудь, не смотря на эту герметическую замкнутость, проникнуть во внутренность этой обширной земли, то при этомъ

нельзя было обойтись безъ хитрости или другого какого-либо подобнаго средства. Если же онъ осмѣливался высказывать свое справедливое мнѣніе, то его тотчасъ вышпроваживали изъ страны, если не причиняли еще чего-либо худшаго; такимъ образомъ, рассказы о Парагваѣ въ Европѣ принимались за сказку, и имъ не придавали никакой вѣры. Но вдругъ въ 1750 г. пролился свѣтъ на всѣ американскія дѣла іезуитовъ. Португальской коронѣ принадлежала обширная страна, извѣстная подъ названіемъ Бразиліи; собственностью же Испаніи была пространныя территорія, тянувшаяся отъ Бразиліи на западъ до Тихаго океана, слѣдовательно, заключающая теперешнія республики Боливію, Перу, Чили, Аргентинскую, Монтевидео, Урагвай, Буэносъ-Айресъ, Парагвай и т. д. Многія изъ этихъ странъ не имѣли большой цѣны, потому что ихъ не умѣли разрабатывать. Многія извѣстны были только по имени, т. е. онѣ значились только на географическихъ картахъ, которыя составлялись кое-какъ людьми, едва свѣдущими. Не смотря на это, оба правительства зорко наблюдали за цѣлостію своихъ границъ, о которыхъ часто происходили продолжительные споры, а съ 1748 г. велись переговоры о болѣе точномъ опредѣленіи ихъ. Наконецъ въ 1750 году (13 января) дѣло это было рѣшено, и между обоими государствами заключенъ договоръ передъ самою смертію Іоанна V. Въ этомъ договорѣ было выговорено, что для удобнѣйшаго округленія съ обѣихъ сторонъ границъ Португалія должна уступить Испаніи большую колонію С. Сакраменто, а Испанія съ своей стороны отдастъ Португаліи значительную часть Парагвая, какъ впослѣдствіи оказалось, округи ст. Анжелло, С. Доріованне, С. Михель, С. Лоренцо, С. Луиджи, С. Николо и С. Борджія, которые предполагалось присоединить къ Бразиліи. Эта статья договора вызвала страшное неудовольствіе между іезуитами, такъ какъ, если бы условіе это было приведено въ исполненіе, то ихъ парагвайское владѣніе сильно уменьшилось бы; кромѣ того, они опасались, что португальская

часть, составлявшая около четвертой части прежняго Парагвая, совершенно ускользнетъ отъ нихъ, потому что португальское правительство до сихъ поръ во всѣ свои колоніи посылало правителей, которые умѣли дѣятельно управлять колоніями. Даже со стороны Испаніи должно было опасаться подобныхъ мѣръ, если правительство ознакомится съ величиною и богатствомъ до сихъ поръ неизвѣстной пріобрѣтенной страны. Однимъ словомъ іезуитамъ предстояло лишиться всего своего богатаго владѣнія, если бы договоръ о раздѣлѣ Парагвая состоялся. Такъ или иначе, слѣдуетъ воспрепятствовать, во что бы то ни стало, приведенію въ исполненіе этой статьи договора, ибо всякій владѣтель защищаетъ свои права и предѣлы до послѣдней капли крови, когда врагъ угрожаетъ имъ.

Сначала іезуиты попробовали миролюбивыми путями воспрепятствовать предполагаемому раздѣлу Парагвая; получивъ вѣрныя свѣдѣнія о заключеніи договора, они тотчасъ сдѣлали обстоятельное представленіе испанскому правительству о затрудненіяхъ, опасностяхъ и невыгодахъ предполагаемаго раздѣла. „Новообращенные туземцы“, писали они, питаютъ такое отвращеніе къ португальцамъ за притѣсненіе ихъ братій въ пограничныхъ съ Бразилією мѣстахъ, что скорѣе готовы бѣжать въ американскіе лѣса, чѣмъ подчиниться португальскому правительству. Если же мѣна эта должна состояться, то Испанія потеряетъ отъ этого болѣе 40,000 трудолюбивыхъ подданныхъ, не вознаградивъ себя за эту потерю колонією С. Сакраменто. Слѣдовательно, Португалія обогатится на счетъ Испаніи, а кромѣ того прекрасные колоссальные лѣса отходящихъ къ ней семи округовъ снабдятъ какъ португальскій флотъ, такъ и дружественный Португаліи англійскій корабельнымъ лѣсомъ, что дастъ имъ возможность вооруженною силою завладѣть испанскими колоніями въ Америкѣ. Этими и подобными представленіями іезуиты надѣялись подѣйствовать на испанское правительство, рассчитывая, что эта статья договора будетъ отмѣнена,

въ чемъ имъ дѣятельно помогаль одинъ изъ ихъ собратій, патеръ *Раваго*, духовникъ короля Филиппа V. Достойно замѣчанія, что въ то самое время, когда они писали въ Мадридъ свое посланіе, подобное же представленіе было отправлено ими и въ Лиссабонъ къ португальскому правительству, причемъ они утверждали, что размѣнъ этотъ послужить чисто во вредъ Португаліи, слѣдовательно, португальское правительство будетъ обмануто испанскимъ, если договоръ будетъ приведенъ въ исполненіе. Стало быть, они по старой своей привычкѣ играли въ двойную игру, причемъ ихъ поддерживали своею энергіею и властію духовники, въ Мадридѣ патеръ Раваго, а въ Лиссабонѣ—патеръ Морейра. Такимъ образомъ имъ едва не удалось добиться своего. Въ 1751 г. король Іосифъ I послалъ въ Мадридъ своего министра, *Антоня Лобо де-Гама*, въ качествѣ уполномоченнаго съ порученіемъ, если возможно, стараться объ отмѣнѣ статьи договора относительно Парагвая. Но всѣ его старанія были напрасны передъ непреклонною волею королевы *Елисаветы*, супруги Филиппа V, имѣвшей сильное вліяніе на своего мужа; такимъ образомъ ничего болѣе не оставалось, какъ назначить съ обѣихъ сторонъ комиссаровъ для опредѣленія границъ американскихъ колоній. Со стороны Испаніи назначенъ былъ для этой цѣли *маркизь де-Вальдирилюсъ*; Португалія же поручила это дѣло *генералу Гомесу Фрейре д'Андрада*. Оба комиссара были люди испытаннаго ума и энергіи и обладали весьма умѣренными характерами, такъ что не питали ни вражды, ни дружбы къ іезуитамъ, что и подавало надежду на скорое и безъ особенныхъ затрудненій окончательное размежеваніе. Оба уполномоченные съ радостію принялись за исполненіе возложенныхъ на нихъ порученій, чему сочувствовала и свита ихъ, состоявшая болѣею частію изъ математиковъ и землеѣровъ.

Пока все это происходило въ Европѣ, іезуиты въ Парагваѣ имѣли достаточно времени принять необходимыя мѣры, чтобы получить должныя наставленія отъ своего рим-

скаго генерала и рѣшить, какъ имъ дѣйствовать. Что имъ оставалось дѣлать, когда ихъ миролюбивыя желанія не исполнились: слѣдовало ли имъ добровольно подчиниться и отказаться отъ своего давнишняго владычества и связаннаго съ нимъ богатства, или же рѣшительно, съ оружіемъ въ рукахъ, противостать врагамъ своимъ, испанцамъ и португальцамъ, и не дать имъ высадиться въ своихъ владѣніяхъ? „Мы имѣемъ“, думали іезуиты, „полмилліона подданныхъ, изъ нихъ по крайней мѣрѣ 50,000 способны носить оружіе и хорошо обучены военному дѣлу; оружія у насъ много, имѣются даже пушки, число которыхъ мы можемъ удвоить въ короткое время отливкою новыхъ на нашихъ литейныхъ заводахъ; слѣдовательно, мы въ состояніи бороться даже съ сильною арміею; враги же наши, по причинѣ отдаленности Испаніи и Португаліи и тѣхъ затрудненій, съ которыми сопряжена перевозка войскъ моремъ, могутъ противопоставить намъ только незначительную силу; и такъ, почему же намъ не прибѣгнуть къ сопротивленію?“ Такъ соображали іезуиты и согласно этимъ соображеніямъ приняли рѣшеніе. Однако, не смотря на эту самоувѣренность, расчетъ говорилъ имъ, что не слѣдуетъ „открыто“ становиться во главѣ возстанія, чтобы тѣмъ не вооружить противъ себя всю Европу, но что нужно только пустить пыль въ глаза свѣту, какъ и сказано въ дальнѣйшемъ предписаніи изъ Рима: „Возстаніемъ должны руководить отцы патеры, но только тайно и издали.“

Безъ сомнѣнія, читателя интересуетъ дальнѣйшій ходъ событій; поэтому я буду говорить какъ можно короче. Едва уполномоченные обоихъ правительствъ явились на тотъ пунктъ, откуда должно было начаться размежеваніе, а именно въ округѣ С. Николо, какъ толпа собравшихся индійцевъ выслала отъ себя депутацію, которая просила уполномоченныхъ, не приступая къ дѣлу, удалиться, если они не желаютъ встрѣтить энергическаго сопротивленія. Конечно, уполномоченные остановились и потребовали, чтобы патеры, какъ предста-

вители округовъ, объяснили, почему они поднимаютъ бунтъ; но патеры исчезли, и ихъ не могли нигдѣ отыскать. Будучи вынуждены, уполномоченные удалились, и ихъ послѣдующія попытки въ другихъ мѣстахъ были столь же безуспѣшны; результатъ вездѣ былъ одинъ и тотъ же; они нигдѣ не могли приступить къ дѣлу. Эти обстоятельства заставили ихъ отправиться въ Монтевидео на устьѣ рѣки Ла-Платы, гдѣ они начали — а также и выше по этой рѣкѣ, около города Колоніи — набирать себѣ войска, чтобы силою привести въ повиновеніе возмущившихся туземцевъ. Но это не могло быть такъ скоро приведено въ исполненіе, какъ они желали; только весною 1754 г. они были въ состояніи начать военныя дѣйствія. Такимъ образомъ, соединивъ обѣ свои небольшія арміи, они поднялись на судахъ вверхъ по Ла-Платѣ въ рѣку Парану и ударили на индійцевъ, укрѣпившихся при устьѣ небольшой рѣчки Пардо. Имъ удалось разбить туземцевъ и захватить 50 человекъ плѣнныхъ. Но этимъ они ничего не выиграли, потому что индійцы снова собрались неподалеку и разбили укрѣпленный лагерь. Отъ своихъ плѣнниковъ европейцы узнали, что руководители и подстрекатели возстанія не кто другой, — что и предполагали сначала уполномоченные, — какъ іезуитскіе патеры. Послѣ непродолжительнаго отдыха соединенныя португальскія и испанскія войска снова напали на туземцевъ, и имъ опять удалось одержать легкую побѣду. Чѣмъ глубже они подвигались во внутрь страны, тѣмъ многочисленнѣе становились массы индійцевъ, а такъ какъ они оказывали необыкновенныя познанія въ военномъ искусствѣ и слѣдовательно, очевидно имѣли опытныхъ предводителей, то не оставалось ничего болѣе, какъ заключить съ ними перемиріе, чтобы, по крайней мѣрѣ, не имѣть стыда потерпѣть отъ нихъ пораженіе. Это перемиріе было заключено 16 ноября 1754 г. Со стороны индійцевъ его подписали: Донъ Франсиско Антоніо, главный начальникъ С. Анжело, начальники округа С. Луиджи, *донъ Христовъ Акуату* и *донъ Бартоломео Кан-*

дѣу, и смотритель въ С. Николо, *донъ Франсиско Гуаку* — послѣ чего оба уполномоченные обратились въ Мадридъ и Лиссабонъ къ своимъ правительствамъ, испрашивая новыхъ повелѣній, а главное — оружія, аммуниціи и войска. И съ той и съ другой стороны просьбы были немедленно исполнены, такъ что въ концѣ 1755 г. Испанія и Португалія не только прислали нѣсколько тысячъ вспомогательнаго войска, но и строжайшія повелѣнія іезуитскимъ властямъ содѣйствовать всѣми средствами къ соглашенію по размежеванію, съ угрозой, что если возмутившіеся индійцы не будутъ приведены къ скорому повиновенію, то іезуиты заплатятъ за это жизнью, „такъ какъ правительству извѣстно, что настоящее возстаніе есть исключительно дѣло патеровъ ордена, слѣдовательно, сочувствуя индійцамъ, они нарушаютъ права гражданскія и каноническія, за что ихъ величества вынуждены будутъ поступить съ ними, какъ съ оскорбителями верховной власти.“ Но все это ни мало не подѣйствовало на іезуитовъ, и о покорности не было и рѣчи. Испанскія и португальскія войска были вынуждены въ январѣ 1756 г. соединиться и во второй разъ двинуться во внутренность Парагвая черезъ горный проходъ С. Теклы. 10 февраля они дали первое сраженіе, въ которомъ индійцы потеряли 1,200 человекъ. Второе и третье сраженія даны были 22 марта и 10 мая, въ которыхъ туземцамъ также былъ нанесенъ уронъ. Но и европейцы понесли потери, и ихъ предводители имѣли возможность убѣдиться, что о благополучномъ окончаніи войны не можетъ быть и рѣчи, если имъ снова не вышлютъ подкрѣпленій изъ Европы. Они имѣли случай узнать отъ плѣнныхъ, что индійцами руководятъ люди очень опытные, какихъ не всегда можно встрѣтить въ самыхъ испытанныхъ арміяхъ, какъ, напримѣръ, патерь *Грибувалье*, который распоряжался пѣхотой, патерь *Карлосъ д'Аниересъ*, командовавший кавалеріей, и патерь *Глауъ*, прозванный „ужаснымъ братомъ,“ начальствовавший артиллеріей. И на этотъ разъ подкрѣпленія были присланы, потому что оба правительства

испанское и португальское, сильно заинтересованныя іезуитскими владѣніями въ Парагваѣ и принадлежащими къ нему областями, желали положить конецъ этому недоразумѣнію. Такимъ образомъ генералы Вальдилиріасъ и д'Андрада, хотя только чрезъ три года, достигли наконецъ того, что возстаніе можно было считать совершенно потушеннымъ, по крайней мѣрѣ до 1759. Въ продолженіе войны оба генерала успѣли захватить въ плѣнъ нѣсколько іезуитовъ, игравшихъ немало-важную роль въ возстаніи и не успѣвшихъ ускользнуть; ихъ отослали въ Европу, чѣмъ лишили возмущеніе главныхъ двигателей; къ окончательному спокойствію эти провинціи были приведены только въ 1768 г., когда всѣ іезуитскія миссіонерства были переданы гражданскому управленію.

Пока это происходило въ Парагваѣ, въ Португаліи произошли очень важныя событія, и такъ какъ одни съ другими имѣютъ тѣсную связь, то теперь самое удобное время обратиться къ лиссабонскому двору. Судя по наружности, іезуиты достигли въ Португаліи полнаго могущества, когда на престолъ вступилъ Іосифъ I въ 1750 г.; по крайней мѣрѣ они стали сильнѣе, чѣмъ прежде, потому что король и королева (какъ я уже замѣтилъ выше) избрали своими духовниками іезуитовъ, король — патера *Хозе Морейру*, королева мать — патера *Хозе Рибейра*, королевскія принцессы — патера *Тимотео Оливейра*, братъ короля, донъ Педро — патера *Гіацинта де Коста*, принцы донъ Антоніо и донъ Эммануель, двоюродные братья короля, — патера *Самуеля де Кампосъ* и *Хозе Ароджіо*; кромѣ того большимъ вліяніемъ пользовались у королевы патерь *Рохусъ Гундертпеундъ*, а у короля — патерь *Габріэль Малагрида*. Однимъ словомъ, весь свѣтъ былъ убѣжденъ, что іезуиты никогда не были такъ могущественны, какъ именно въ то время, да и сами іезуиты полагали, что они непоколебимо утвердились въ Португаліи. Нашелся однако человѣкъ, который колебалъ ихъ величіе, и этотъ единственный человѣкъ былъ донъ *Себастьянъ Хозе Карвальо* и *Мельо*, впоследствии графъ

д'Ойрасъ и *маркизь де Помбаль*. Онъ родился въ 1699 г. въ замкѣ Суре, близъ Коимбры, воспитывался при весьма посредственныхъ обстоятельствахъ — его отецъ былъ капитанъ и не принадлежалъ къ высшему дворянству; поэтому, не надѣясь на блестящую будущность, онъ, подобно всемъ недостаточнымъ дворянамъ, весьма рано поступилъ въ армию. Высланный за буйство изъ Лиссабона, онъ поступилъ въ коимбрскій университетъ на юридическій факультетъ, гдѣ своими способностями скоро превзошелъ всѣхъ своихъ товарищей. Вслѣдствіе этого ему предсказывали быструю карьеру на государственномъ поприщѣ, если онъ посвятитъ себя судебной службѣ, на что онъ уже и рѣшился; но одна женщина совершенно неожиданно дала другое направленіе его будущности. Онъ познакомился съ прекрасною, богатою и знатною вдовою, донною Терезою де Норонхо Альмада, которую умѣлъ такъ завлечь, что она, не смотря на препятствія своихъ гордыхъ родственниковъ, вышла за него замужъ. Въ свою очередь проснулась и его гордость. Всѣ его мысли и поступки направлены были теперь къ тому, чтобы какъ можно скорѣе возвыситься и поставить себя на ту высоту, съ которой онъ могъ бы съ презрѣніемъ смотрѣть на родственниковъ своей жены. Представившись ко двору, онъ остался въ Лиссабонѣ и началъ искать случая обратить на себя вниманіе Іоанна V. Но это было не такъ-то легко, потому что знатная родня его жены разными путями интриговала противъ него и успѣла въ такой степени, что все благородное португальское дворянство преслѣдовало его съ ненавистью, какъ незваного пришлеца въ ихъ среду. Наконецъ въ 1739 г. онъ получилъ мѣсто при посольствѣ въ Англіи, чему былъ очень радъ, имѣя возможность посвятить свободное время на изученіе системы торговли Англіи съ Португаліей, столь вредной для послѣдней. Спустя 6 лѣтъ, въ 1745 г., онъ былъ отозванъ изъ Лондона, потому что новый министръ Іоанна V, Петръ де Мотта, не могъ его терпѣть; такимъ образомъ онъ опять нѣсколько мѣсяцевъ про-

жилъ при португальскомъ дворѣ. Въ продолженіе этого времени умерла его жена, жертва ненависти своихъ родныхъ, которые насильно удалили теперь его отъ двора. Но онъ не успокоился, пока опять не получилъ назначенія посланникомъ въ Вѣну, которое принесло ему болѣе счастія, чѣмъ онъ ожидалъ. Онъ женился тамъ въ другой разъ на графинѣ Даунъ, которая имѣла большое вліяніе на мать португальскаго короля, какъ бывшая ея штатсъ-дама; кромѣ того онъ такъ хорошо сошелся съ нѣкоторыми изъ іезуитовъ, бывшихъ тогда въ силѣ при императорскомъ дворѣ, что они въ виду своихъ корыстныхъ предположеній обѣщали ему всевозможную помощь. Пребываніе Помбала въ Вѣнѣ было не очень продолжительно; лиссабонскіе враги его повели дѣло такъ, что чрезъ два года онъ былъ снова отозванъ и во второй разъ остался безъ должности и значенія. Какъ ни тяжело казалось ему это бездѣйствіе, но онъ умѣлъ извлечь изъ него для себя выгоды, стараясь снискать расположеніе патера Морейры, а чрезъ него и наслѣдника престола, Иосифа. Приобрѣсти его расположеніе было не трудно, потому что Помбаль былъ прекрасно рекомендованъ ему вѣнскими іезуитами; снискивая любовь будущаго монарха Португаліи, онъ въ своей прежней дипломатической карьерѣ выказалъ такія необыкновенныя познанія и способности, что Иосифъ, вступивъ въ 1750 г. на престоль, тотчасъ сдѣлалъ его статсъ-секретаремъ иностранныхъ дѣлъ, а вскорѣ и своимъ первымъ, почти полновластнымъ министромъ. Наконецъ-то Помбаль достигъ цѣли своихъ многолѣтнихъ стремленій, наконецъ онъ могъ осуществить свои планы, давно созрѣвшіе въ его головѣ, наконецъ-то онъ былъ въ состояніи извлечь свое прекрасное, нѣкогда цвѣтущее отечество изъ того безжизненнаго положенія, въ которомъ оно находилось такъ много лѣтъ. Впрочемъ рассказывать о всѣхъ реформахъ этого министра здѣсь не мѣсто; не могу однако умолчать, что, видя главную причину такого глубокаго паденія страны въ совершенномъ упадкѣ торговли, которая прежде

была неисчерпаемым источником богатства португальцев, Помбаль стал искать разгадки этого паденья. Онъ нашелъ ее въ томъ, что англичане, а еще болѣе іезуиты захватили всю торговлю съ Остъ-Индіей и Вестъ-Индіей, а въ особенности всю торговлю съ Южною Америкою; фонды ихъ были необыкновенно высоки; они образовали торговыя компаніи, съ которыми не могли состязаться частныя торговыя лица и должны были мало-по-малу терять свои капиталы и кредитъ. Для отвращенія этого зла Помбаль рѣшился образовать свою собственную торговую компанію и, предоставивъ ей безплатную торговлю съ португальскими колоніями въ Америкѣ, въ то же время стоялъ на томъ, чтобы духовенство не вмѣшивалось въ коммерческія дѣла, согласно папскимъ указамъ. Какъ человѣкъ энергическій, онъ не остался при одномъ намѣреніи, не успокоился, пока задуманная имъ компанія не получила полныхъ правъ, а папскіе указы не были возобновлены, не смотря на то, что этимъ онъ наносилъ смертельный ударъ своимъ прежнимъ друзьямъ, іезуитамъ. Последнее обстоятельство дѣйствительно было таково, и іезуиты объявили себя открытыми его врагами. Такъ напримѣръ, патеръ *Эммануель Балестеръ* въ лиссабонскомъ соборѣ произнесъ противъ него проповѣдь, въ которой грозилъ всѣмъ, кто вложитъ свои капиталы въ фонды новой торговой компаніи, гнѣвомъ Божіимъ и вѣчнымъ проклятіемъ, а другой іезуитъ, по имени *Бенедиктъ Фонсека*, по порученію своего начальства написалъ статью, долженствовавшую раскрыть королю всѣ недостатки новыхъ министерскихъ реформъ. Помбаль скоро порѣшилъ съ этими обоими противниками, выславъ ихъ немедленно изъ Лиссабона и пригрозивъ при этомъ такую же участь всѣмъ, кто будетъ поступать подобно Балестеру и Фонсекѣ. Это заставило іезуитовъ быть осторожнѣе, особенно когда они убѣдились, что трудно поколебать довѣріе короля Іосифа къ его любимцу; но тѣмъ тверже стало ихъ тайное рѣшеніе—не пренебрегать никакими средствами для

уничтоженія такого опаснаго для нихъ человѣка, который вмѣсто благодарности нанесъ такую глубокую рану ихъ собственнымъ интересамъ и даже отвратилъ отъ нихъ сердце короля.

Случай скоро представился. Въ 1755 г. ужасное землетрясеніе поколебало всю Португалію, а столицу ея, Лиссабонъ, почти всю превратило въ груды развалинъ. Положеніе народа было безвыходно; къ этому присоединились еще эпидемическія болѣзни и голодъ. „Это Богъ посылаетъ ангела своего для наказанія!“ заговорили іезуиты, появившіеся почти вездѣ. „Онъ караетъ насъ всѣхъ за этого богоотступника, котораго король имѣлъ слабость поставить во главѣ правленія, и никогда не смягчится гнѣвъ Всевышняго, пока этотъ пришелецъ, возстающій даже противъ святыни, не будетъ изгнанъ и не получитъ достойнаго наказанія.“ Подобныя слова повторялись ежедневно вслухъ на публичныхъ площадяхъ и провозглашались съ кафедръ, а суевѣрный народъ, повѣрившій, что дѣйствія перваго министра, противныя церкви, были причиною разрушенія Лиссабона и ужаснаго положенія многихъ тысячъ человѣкъ, громкими криками требовалъ удаленія и смерти маркиза Помбаля. Король колебался, и если бы дворянство, какъ мы уже знаемъ, глубоко ненавидѣвшее министра, успѣло уговорить короля выѣхать изъ разрушеннаго города, гдѣ присутствіе Помбаля было необходимо, то участь его была бы рѣшена. Но и на этотъ разъ вліяніе министра одержало верхъ, и вообще его геній и энергія никогда еще не казались столь велики, какъ въ настоящую минуту. „Мѣсто государя среди своего народа!“ сказалъ онъ королю, и король остался. „Похоронимъ мертвыхъ и позаботимся о живыхъ!“ обратился онъ къ народу, и толпа стала благословлять его, возстановившаго порядокъ, построившаго жилища и подавшаго бѣднымъ руку помощи. Онъ отмстилъ аристократіи, издавъ именемъ короля эдиктъ, въ силу котораго преступники противъ правительства безъ различія сословія наказывались наистрожай-

шимъ образомъ, что и было приведено въ исполненіе надъ дворянами, донъ Хуаномъ Браганца, донъ Хозе Гальва де ла Серда и другими. Наконецъ іезуитамъ было запрещено проповѣдывать и даже всходить на кафедру во всей Португаліи и вмѣстѣ съ тѣмъ у нихъ была отнята всякая свѣтская власть въ ихъ португальско-американскихъ миссіонерскихъ колоніяхъ. Таковы были отвѣты Помбала сумасбродно оклеветавшимъ его врагамъ; такимъ образомъ онъ всѣхъ заставилъ молчать, кромѣ іезуитовъ. Чѣмъ сильнѣе были препятствія, тѣмъ больше расла ихъ ненависть. Собравъ тайно множество доносовъ и ложныхъ обвиненій противъ министра, они 21 сентября 1757 г. рѣшились, подъ предводительствомъ вліятельнаго королевскаго духовника, патера Морейры, открыто обвинить Помбала передъ монархомъ. Къ ихъ несчастію, маркизь узналъ объ этихъ тайныхъ намѣреніяхъ еще вечеромъ 20 сентября, а потому имѣлъ возможность предупредить своихъ неутомимыхъ враговъ. Эти обстоятельства вынудили его въ ту же ночь, съ 20 на 21 сентября, просить короля собрать государственный совѣтъ подъ предсѣдательствомъ его величества, въ которомъ единогласно было рѣшено лишить мѣстъ всѣхъ придворныхъ духовниковъ, отославъ ихъ въ коллегію, а на мѣсто ихъ пригласить патеровъ другихъ орденовъ; такимъ образомъ низкіе поступки духовника были разоблачены. Едва состоялось это рѣшеніе, какъ королевскій камергеръ, донъ Педро Гозе де Сильвейра и Боттела, получилъ повелѣніе въ ту же ночь вывести ихъ изъ дворца. Камергеръ, какъ человѣкъ весьма энергическаго характера, дѣятельно исполнилъ повелѣніе, и къ четыремъ часамъ утра ни одного іезуита не осталось въ королевскомъ жилищѣ.

Столь смѣлый поступокъ Помбала произвелъ необыкновенный шумъ не только въ Лиссабонѣ и Португаліи, но и въ цѣломъ свѣтѣ; рѣшаясь на такой шагъ, министръ очень хорошо понималъ, что если онъ ему не удастся, то онъ погибъ. Однако, какъ ни смѣлъ былъ его поступокъ, съ ка-

кими ужасными препятствіями ни пришлось ему бороться,— онъ не отступилъ и ни минуты не медлилъ окончательнымъ ударомъ завершить свое великое дѣло. Разумѣется, удаленіе патеровъ отъ двора было только началомъ: окончаніемъ же должно было служить совершенное изгнаніе іезуитовъ изъ Португаліи, а если возможно, то и повсемѣстное уничтоженіе ихъ ордена. Для этой цѣли Помбаль нашелъ необходимымъ предварительно познакомить свѣтъ съ самою сущностью іезуитизма, для чего онъ приказалъ сдѣлать выписки изъ архивовъ, изъ указовъ генераловъ ордена, писанныхъ къ парагвайскимъ іезуитамъ во время вышеописаннаго разграниченія колоній; такимъ образомъ онъ собралъ много интересной правды объ іезуитахъ *). Нѣсколько экземпляровъ этой записки онъ разослалъ ко всѣмъ дворамъ и въ то же время болѣе 20,000 экземпляровъ выпустилъ въ публику. Онъ также не преминулъ упомянуть при этомъ, что король португальскій былъ принужденъ удалить іезуитовъ отъ двора и отъ своего лица собственно за ихъ грубыя преступленія въ Парагваѣ, при чемъ предостерегалъ челоѣчество отъ ихъ вреднаго вліянія для каждаго правительства. Однимъ словомъ Помбаль сдѣлалъ все отъ него зависящее, чтобы пролить ясный свѣтъ на поступки ордена Іисуса, а такъ какъ члены его, обыкновенно не терявшіеся ни при какихъ обстоятельствахъ, на этотъ разъ примолкли и въ испугѣ ничего не сказали въ свое оправданіе, не пытаясь опровергать писаннаго о нихъ, то, конечно, всякій долженъ былъ убѣдиться, что эти смиренные патеры сознаютъ свою вину. Такимъ образомъ первый португальскій министръ легко пріобрѣлъ себѣ доброе мнѣніе цѣлаго свѣта; всѣ поздравляли другъ

---

*) Полное заглавіе этого переведеннаго на всѣ европейскіе языки сочиненія слѣдующее: „Краткія свѣдѣнія о республикѣ, основанной іезуитами въ испанскихъ и португальскихъ земляхъ и владѣніяхъ по ту сторону океана, которую они пытались оружіемъ отнять у этихъ державъ; извлечено изъ государственныхъ архивовъ обоихъ королевствъ и другихъ документовъ.“

друга съ тѣмъ, что нашелся наконецъ отважный человѣкъ, рѣшившійся сокрушить орденъ іезуитовъ, распространившійся повсемѣстно и до сихъ поръ считавшійся несокрушимымъ. Самъ же Помбаль признавалъ, что все, исполненное имъ до сихъ поръ, далеко не все, что слѣдуетъ ему еще совершить; въ особенности онъ былъ убѣжденъ въ томъ, что принятые имъ мѣры въ отношеніи іезуитовъ не могутъ быть прочны въ такой фанатически-католической странѣ, какъ Португалія, если самъ глава католическаго христіанства не приметъ его сторону и не одобритъ его мѣръ. Для достиженія этой цѣли онъ отправилъ въ Римъ португальскаго уполномоченнаго, *де Алмада*, съ депешою весьма убѣдительнаго содержанія, отъ 8 октября 1757 г., къ папѣ Бенедикту XIV, поручивъ ему посвятить его святѣйшество во всѣ вышеописанныя интриги іезуитовъ и, опираясь на это, требовать заступничества высшаго духовенства противъ ихъ необузданнаго произвола. Въ этой депешѣ между прочимъ сказано: „Святой престолъ убѣдится въ необходимости подвергнуть пересмотру религіозныя правила ордена и отстранить его ради *интересовъ вѣка отъ всякаго вмѣшательства въ политическія дѣла и въ торговлю*, дабы они, обуздавъ свою *страсть управлять государствами, обогащаться посредствомъ торговли, процентовъ, взаимныхъ сношеній и всякихъ мірскихъ благъ*, были всегда готовы служить Богу и быть полезными своимъ ближнимъ. Тамплиеры были строго наказаны за свои поступки; однако никто не слыхивалъ, чтобы они были виновны въ такой степени, какъ іезуиты. Они никогда не учреждали своихъ республикъ внутри государствъ и не возстановляли подданныхъ противъ законныхъ государей. Неизвѣстно также, чтобы тамплиеры вмѣшивались въ дѣла цѣлыхъ странъ и королевствъ. *Всего подобнаго не чуждались іезуиты; ихъ колоніи простирались отъ Амазонской рѣки до Уругвая. Наконецъ, въ короткое время ихъ американскія владѣнія до того увеличились и получили такую прочную организацію,*

что вскорѣ никакая европейская сила не въ состояніи была бы прогнать ихъ съ этой колоссальной территоріи, тѣмъ болѣе, что вся масса туземнаго населенія была на ихъ сторонѣ, потому что они одни понимали ея языкъ и нравы.“ Основываясь на такихъ убѣдительныхъ доводахъ, Помбаль велъ переговоры съ Римомъ, склоняя папу на скорѣйшее рѣшеніе; видя, что Бенедиктъ не соглашается, онъ подтвердилъ свою депешу 10 февраля 1758 г. въ еще болѣе побудительныхъ выраженіяхъ, и посоль долженъ былъ грозить папѣ разрывомъ Португаліи съ св. престоломъ, если требованія Помбаля не уважатся. Наконецъ папа убѣдился въ необходимости уступить справедливымъ требованіямъ и приказалъ увѣдомить маркиза Помбаля, что кардиналъ Салданья назначенъ имъ генераль-визитаторомъ ордена Иисуса въ Португаліи для пересмотра статута, если министръ ничего не имѣетъ противъ этого назначенія. Помбаль изъявилъ свое согласіе, и Салданья 1 апрѣля 1758 г. получилъ неограниченное право разобрать всѣ дѣйствія ордена въ Португаліи, какъ вообще, такъ и каждого члена его въ отдѣльности, и, судя по обстоятельствамъ, основательно преобразовать его. Въ то же время кардиналъ получилъ отъ св. отца тайныя инструкціи, въ которыхъ ему предписывалась возможная осторожность, благоразуміе, умѣренность и разумныя дѣйствія, а особенно строго повелѣвалось избѣгать всякаго шума, раздора и огласки, чтобы тѣмъ не причинить іезуитамъ еще болѣе вреда, который можетъ возникнуть изъ оглашенія слѣдствія. Какъ видно, папа дѣйствовалъ двулично и во всякомъ случаѣ хотѣлъ по возможности щадить іезуитовъ. Но они, узнавъ о полномочіи Салданьи въ Португаліи, подняли страшный крикъ, не признавая дѣйствительными повелѣнія папы и осыпая оскорбленіями какъ самого папу, такъ и посла, повредивъ впрочемъ этой безсильною злостію себѣ гораздо болѣе, чѣмъ всѣми своими прежними преступленіями. Кардиналу Салданьи ничего болѣе не оставалось дѣлать, какъ начать настоящее фактическое слѣдствіе, а

такъ какъ, по его собственному выраженію, онъ вполнѣ убѣдился, что іезуиты превратили свои коллегіи, новиціаты и резиденціи въ складочныя магазины, конторы и кредитныя учрежденія, то онъ издалъ декретъ, въ силу котораго имъ запрещалась всякаго рода торговля подѣ страхомъ отлученія отъ церкви. Сверхъ того по требованію Помбала онъ приказалъ опечатать ихъ счетныя книги, наложилъ запрещеніе на магазины и конфисковалъ въ пользу королевскаго имущества всѣ ихъ товары. Въ заключеніе Салданья вступилъ въ соглашеніе съ главою католицизма въ Португаліи, архіепископомъ *Хозе Мануэлемъ Аталара*, результатомъ котораго былъ декретъ, обнародованный *Аталарою* 7 іюня 1758 г., „не только запрещающій іезуитамъ на всемъ пространствѣ португальскихъ владѣній быть духовниками и проповѣдниками, но и повелѣвавшій закрыть ихъ коллегіи и совершенно устранившій ихъ отъ воспитанія юношества; все это постановлялось съ благими намереніями, которыхъ онъ однако же не хотѣлъ дѣлать гласными.“

Опять Помбаль одержалъ верхъ и еще на шагъ подвинулся къ достиженію высокой цѣли — „освобожденія Португаліи отъ гнета ордена іезуитовъ.“ Но много еще осталось преодолѣть; іезуиты не падали еще духомъ; тутъ случилось одно обстоятельство, которое могло бы принести имъ большія выгоды, если бы они разумно воспользовались имъ. 3 мая 1758 г. умеръ Бенедиктъ XIV, и если бы имъ удалось посадить на вакантный папскій престолъ кардинала ихъ партіи, то событія должны были бы необходимо повернуться въ ихъ пользу. Въ надеждѣ на лучшія времена они дѣйствовали энергически; не скупились на деньги, которыя такъ любили, и дѣйствительно имъ удалось склонить на свою сторону большинство кардиналовъ, такъ что по желанію ихъ папою былъ избранъ Клементъ XIII. Это былъ человѣкъ безхарактерный, легкомысленный, слабоумный, безъ большихъ познаній и слабый духомъ, совершенно негодившійся для столь высокаго поста, особенно въ такое смутное время;

онъ былъ выбранъ единственно потому, что всею душою былъ преданъ іезуитамъ. Подъ его владычествомъ они процвели себѣ лучшія времена; казалось, оно такъ и будетъ, потому что онъ назначилъ своимъ статсъ-секретаремъ или первымъ министромъ двоюроднаго брата тогдашняго іезуитскаго генерала *Риччи*—кардинала *Торреджіани*. Вслѣдъ затѣмъ 31 іюля генераль Риччи подалъ папѣ длинную защитительную статью въ пользу своего ордена, имѣвшую цѣлью убѣдить папу измѣнить распоряженія своего предшественника. Согласившись на это, Клементъ созвалъ комисію изъ кардиналовъ и повелѣлъ ей снова подробно пересмотрѣть весь іезуитско-португальскій процессъ. Комисія спорила о неосновательности папскихъ распоряженій, а потому не согласилась на требуемыя отмѣненія; такимъ образомъ Риччи было отказано. Тогда генераль напечаталъ свою защитительную рѣчь и издалъ ее въ свѣтъ, въ томъ убѣжденіи, что онъ торжественно опровергнулъ въ ней всѣ нападки на орденъ, поднятыя противъ него въ Португаліи. Но результатъ послѣдовалъ совершенно противный тому, какого онъ ожидалъ. Въ печати не замедлило явиться опроверженіе на его защитительную рѣчь, гдѣ указывалось на грубѣйшіе недостатки ея, чрезъ что проливался еще болѣе ясный свѣтъ на всѣ дѣянія іезуитовъ въ Португаліи. Между тѣмъ Помбаль не оставлялъ въ покоѣ іезуитовъ ни въ Португаліи, ни въ ея американскихъ колоніяхъ, откуда не приходило почти ни одного судна, которое не привозило бы нѣсколькихъ измѣнниковъ патеровъ. Все это страшно бѣсило іезуитовъ; они изыскивали всевозможныя средства къ ниспроверженію португальскаго правительства. Они упрекали аристократію въ равнодушіи къ игу этого временщика, удалившаго достойнѣйшихъ людей государства отъ важнѣйшихъ должностей. Стараясь убѣдить духовенство, что Помбаль смотритъ на него тѣми же глазами, какъ и на орденъ Іисуса, они мало-по-малу съ каедръ и въ исповѣдальняхъ начали тайно возстановлять народъ противъ министра, какъ противъ

врага религіи. Даже о королѣ они распускали дурные слухи и призывали его на судъ Божій. Чтобы окончательно переполнить чашу, они предсказывали государю скорую смерть и даже назначили ее не позже сентября 1758 г. *)

Такимъ образомъ въ умахъ португальцевъ было развито искусственное броженіе, которое въ короткое время приняло такіе размѣры, что дальновидные люди предполагали близкую катастрофу, и дѣйствительно безъ нея не обошлось; но она разразилась совершенно неожиданно. Именно въ два часа ночи съ 2 на 3 сентября 1758 г. во время возвращенія португальскаго короля, дона Іосифа I Браганца, въ свой замокъ Белемъ изъ дворца молодой графини донны Таворы, которую онъ нерѣдко посѣщалъ, были сдѣланы три мушкетные выстрѣла, изъ которыхъ одинъ тяжело ранилъ короля въ руку; большаго несчастія не произошло единственно потому, что кучеръ, услыхавъ шорохъ, погналъ лошадей полнымъ галопомъ къ загородному дому маркиза дона Ангея. Тамъ король вышелъ, и рана его была тотчасъ перевязана прибывшимъ лейбъ-медикомъ, Антономъ Соаресомъ, въ сопровожденіи котораго король отправился въ Белемъ, чтобы провести тамъ всѣ три мѣсяца своего выздоровленія, во время котораго онъ допускалъ къ себѣ только Соареса, своего перваго министра, маркиза Помбала, и иногда свою супругу королеву съ принцессами дочерьми. Слухъ о покушеніи на жизнь короля, понынѣ, распространился съ быстротою молніи, и всякій желалъ знать о степени опасности, которой она подвергалась. Такъ какъ король не имѣлъ дѣтей мужескаго пола, то наслѣдникомъ престола былъ меньшей братъ его *донъ Педро*,

---

*) На вопросъ о состояніи ордена въ Португаліи, іезуитъ Туркони въ Римѣ 1758 г. словесно отвѣчалъ: „Все идетъ хорошо; въ сентябрѣ дѣло будетъ покончено, и мы восторжествуемъ.“ Акты также доказываютъ, что патеръ Малагрида писалъ подобныя пророческія слова разнымъ высшимъ сановникамъ.

къ которому уже стали стекаться многіе изъ высшаго дворянства и духовенства, чтобы выразить ему свою преданность и принести присягу, при чемъ особенно отличались главы ордена іезуитовъ, къ которымъ, какъ всеѣмъ было извѣстно, наслѣдный принцъ питалъ большую дружбу и расположеніе, ненавидя въ то же время противника ихъ, Помбала. Уже подумывали о томъ, чтобы отправить могущественнаго любимца въ изгнаніе, и немало нашлось такихъ, которые мечтали объ устраненіи его посредствомъ палача. Хотя Помбаль и объявилъ, что медики короля, не смотря на важность раны, отвѣчаютъ за его жизнь, но многіе принимали извѣстіе это за уловку, чтобы обмануть любопытныхъ, и продолжали спекулировать на низверженіе министра и дѣлать противъ него заговоры. Между тѣмъ этотъ послѣдній, какъ мы сейчасъ убѣдимся, никогда еще не находился на такой высокой степени могущества, какъ именно теперь. Увѣдомляя своего повелителя о всеѣхъ проискахъ партіи дона Педро, онъ получилъ отъ Іосифа I, и безъ того никогда не довѣрившаго своему честолюбивому брату, а теперь тѣмъ болѣе ненавидѣвшаго его партію, стремившуюся только къ тому, чтобы свергнуть его съ престола, неограниченное полномасіе дѣйствовать на благо государства.

Первою задачею Помбала было розыскать главныхъ виновниковъ покушенія, и понятно, что для этого онъ не щадилъ никакихъ средствъ, чтобы открыть истину въ самомъ ея корнѣ. Но совершившееся было облечено такою глубокою таинственностью, что все нити къ открытію виновныхъ, казалось, были потеряны, и они, вѣроятно, заблаговременно скрылись въ безопасное мѣсто; чтобы изъ-за этого подозревать въ измѣнѣ кого-либо изъ окружавшихъ, не было никакого законнаго основанія. Для начала надо было удовольствоваться ничтожнымъ и маловажнымъ результатомъ розысканій, при чемъ получено было лишь показаніе королевскаго кучера и одного дворянина, жившаго по близости

отъ того мѣста, гдѣ было сдѣлано покушеніе. Дворянинъ этотъ, донъ *Хуанъ де Лобо*, слышалъ выстрѣлъ, но ничего не видалъ кромѣ скачущей въ галопъ коляски; королевскій же кучеръ, *Кустодіо да Коста*, кромѣ слышанныхъ выстрѣловъ, ясно видѣлъ трехъ вооруженныхъ мушкетами всадниковъ; но при царствовавшей тогда темнотѣ и за масками, покрывавшими ихъ лица, не могъ дать о нихъ болѣе точныхъ подробностей. Вотъ каково было единственное положительное свѣдѣніе, и всякій согласится, что оно было очень недостаточно. Но если не доставало истинной фактической точки опоры, то тѣмъ болѣе представлялось обширное поле для догадокъ и предположеній; особенно преобладали два взгляда. Одни говорили, что покушеніе это есть не что иное, какъ актъ личной мести, т. е., что донъ *Луисъ Бернардо де Тавора* изъ мщенія за частыя ночныя посѣщенія королемъ супруги его, *донны Хуаны Терези*, урожденной графини д'Альборъ, внѣ себя отъ отчаянія въ сопровожденіи нѣкоторыхъ родственниковъ, а, можетъ быть, и служителей, покусился на жизнь короля. Другіе, которымъ вторила большая часть, утверждали, что нападеніе это было направлено іезуитами или по крайней мѣрѣ брало у нихъ свое начало, потому что при подобныхъ преступленіяхъ прежде всего рождается юридическій вопросъ: „*Cui prodest*,“ т. е. съ какой цѣлію? вопросъ, впрочемъ рѣдко приводившій къ открытію истинныхъ преступниковъ. Понятно, что главный интересъ имѣли здѣсь іезуиты. Если бы убійство короля удалось, и донъ Педро вступилъ на престолъ португальскій, новое царствованіе открыло бы имъ новую эру счастья; слѣдовательно, каждый можетъ самъ вывести для себя заключеніе, котораго я не буду прибавлять здѣсь. Которое изъ этихъ обоихъ предположеній было справедливо — не могъ рѣшить и самъ маркизь де Помбаль; между прочимъ, поддерживаемый нѣкоторыми указаніями, онъ склонялся въ пользу послѣдняго, хотя и не могъ придавать ему полного вѣ-

роятія. Наконецъ послѣ двухмѣсячныхъ розысковъ ему пришло въ голову употребить военную хитрость, которая и привела его вѣрно къ цѣли. Полагая, что если ударъ былъ направленъ дѣйствительно іезуитами, то, вѣроятно, они захотятъ при первомъ удобномъ случаѣ дать о немъ извѣстіе своимъ собратіямъ въ Бразилію, онъ, согласно этому предположенію, распорядился отправить туда, но понятно, чтобы этого никто не подозрѣвалъ, купеческій корабль. Взявъ свой грузъ и пассажировъ, корабль этотъ снялся съ якоря, при чемъ капитанъ его получилъ королевскій приказъ съ наставленіемъ въ извѣстномъ отдаленіи отъ берега обыскать свое судно. Капитанъ повиновался, т. е. вскрылъ все письма и вещи, находившіяся у него на кораблѣ, и наложилъ запрещеніе на все подозрительное. Кромѣ того онъ сдѣлалъ обыскъ всемъ пассажирамъ и каждого, подавшаго малѣйшій поводъ къ подозрѣнію, вмѣстѣ съ конфискованными письмами и вещами отправилъ въ Лиссабонъ. Черезъ это достигли важныхъ результатовъ, и наконецъ можно было рѣшиться произвести важные аресты. Но чтобы сдѣлать это съ полнѣйшимъ успѣхомъ, Помбаль вызвалъ стоявшіе въ другихъ мѣстахъ гарнизоны въ Лиссабонъ подъ предлогомъ, что полки эти будутъ помогать жителямъ при поправкѣ домовъ послѣ землетрясенія.

12 декабря 1758 все мѣры были приняты, и день сну-стя, 13 числа, столица Португаліи должна была узнать, кто три мѣсяца тому назадъ пытался совершить убійство надъ королемъ Іосифомъ. Ужасъ, произведенный этимъ извѣстіемъ, былъ великъ, потому что, хотя имена арестованныхъ производились заранѣе, но никому и въ голову не приходило, что заговоръ дотого обширенъ. 13 декабря 1758 въ 4 часа утра все дома и дворцы высокопоставленныхъ дворянскихъ семей, *Авейро* и *Тавора*, были окружены сильнымъ военнымъ отрядомъ, а сами члены семей были взяты подъ стражу: *герцогъ д'Авейро*, обергофмейстеръ короля съ своимъ

сыномъ, *маркизомъ де Говора*; старый маркизъ *де Тавора* генераль отъ кавалеріи, бывшій вице-король Индіи, и молодой маркизъ *Луисъ-Бернардо* съ меньшимъ братомъ, *Иосифомъ-Маріей*; оба брата старого маркиза, *Эмануель* и *Иосифъ Марія де Тавора*; *графъ д'Антуіа* и *маркизъ д'Алорно*, зятя старого маркиза; губернаторъ Кавеса, донъ *Хуанъ де Тавора* и губернаторъ Алемтехо, *Нунъ де Тавора*; *архіепископъ эворекій* и *епископъ портъ-о-портскій*, также родственники этой фамиліи; наконецъ всѣ домоладцы и служители, которые, какъ напр. довѣренный камердинеръ герцога д'Авейро, *Иосифъ Поликарпіо д'Асеведо*, не успѣли спастись бѣгствомъ. Связанныхъ по рукамъ и ногамъ ихъ отвезли въ строеніе, служившее прежде звѣринцемъ въ Белемѣ на берегахъ Тахо. Этими плѣнниками мужескаго рода не удовольствовались; стали хватать и женщинъ, именно старую маркизу *де Тавора* съ дочерьми, которыхъ заключили въ монастырѣ „do Grillo“, герцогиню *д'Авейро* съ дочерьми отправили въ монастырь Божьей Матери, и молодую маркизу *де Тавора*, уже упомянутую нами *донну Хуану Терезію*, которую такъ охотно посѣщалъ король. Съ послѣднею впрочемъ обращались очень вѣжливо и поселили ее въ дворянскомъ монастырѣ *Dos Santos*, гдѣ она по желанію могла принимать и сама дѣлать визиты. Всѣ эти особы, арестованныя утромъ 13 декабря, какъ можно видѣть, принадлежали къ высшему дворянству. Едва привели къ окончанію это важное дѣло, какъ семь домовъ, принадлежавшихъ въ Лиссабонѣ іезуитамъ, окружили каждый стражею въ пятнадцать человѣкъ солдатъ, не считая офицеровъ и капраловъ, съ приказаніемъ не впускать туда никого безъ особаго на то позволенія отъ государственнаго совѣта. Кромѣ того отъ кардинала Салданьи былъ отданъ приказъ до дальнѣйшаго распоряженія не позволять выпускать за порогъ домовъ ни одного изъ членовъ ордена; такимъ образомъ съ этой минуты всѣ проживавшіе въ Лис-

бонанѣ іезуиты могли считать себя плѣнниками, развѣ только съ той разницей, что они не были связаны и могли свободно расхаживать во внутренности своихъ домовъ.

Допросъ арестованнымъ, начатый 20 декабря 1758, производился такъ называемымъ трибуналомъ „da inconfidencia“, самымъ высшимъ свѣтскимъ судебнымъ мѣстомъ Португаліи. Не многого труда стоило трибуналу раскрыть истину, потому что герцогъ д'Авейро вскорѣ сознался во всемъ, и ложь остальныхъ не послужила никому въ пользу. Подобныя же признанія сдѣланы были *Беасомъ Иосифомъ Ромейро*, довѣреннымъ служителемъ маркиза Луиса Бернардо Таворы, *Антоніемъ Альваресомъ Ферейра* и братомъ его, *Мануэлемъ*, камердинерами герцога д'Авейро, и лейбнажемъ его, *Хуаномъ Мигуэлемъ*; изъ признаній ихъ стало очень ясно, что дѣло шло не болѣе, не менѣе какъ объ убійствѣ царствовавшего короля. Самое дѣятельное участіе принимала въ этомъ, какъ оказывалось, старая маркиза Элеонора де Тавора, ежедневно подвигавшая на это дѣло своего мужа, сыновей и родственниковъ и сдѣлавшая изъ отеля своего истинный притонъ заговорщиковъ. Сама же она дѣйствовала подъ вліяніемъ іезуитовъ, особенно подъ вліяніемъ патеровъ *Малагриды*, *Маттоса* и *Александра де Суза*, духовниковъ фамиліи Тавора, такъ что въ моральномъ отношеніи главными виновниками преступленія все-таки оказывались іезуиты. Вслѣдствіе этого трибуналъ рѣшилъ наивинновѣйшихъ изъ нихъ предать заключенію, что и было поручено исполнить нѣкоторымъ сенаторамъ въ сопровожденіи коннаго пикета въ ночь съ 11 на 12 января. Арестованные были слѣдующіе: *Иосифъ Морейра*, бывшій духовникъ короля, *Гіацинтъ да Коста*, бывшій духовникъ королевы, *Тимотео д'Оливейра*, прежній духовникъ принцессъ, *Габріэль Малагрида*, *Иосифъ Пардида*, генераль-прокураторъ ордена въ Португаліи, *Иосифъ Соаресъ*, прокураторъ ордена въ Бразиліи, *І. Генрикецъ*, провинціаль Португаліи, *Іоаннъ де Маттосъ*, *Іоаннъ Але-*

сандръ де Суза, Стефанъ Лопесъ и Иосифъ Оливейра. Они были судимы той же самой „*da inconfidencia*“, которая вела судебныя преслѣдованія противъ фамилій Тавора и Авейро, и слѣдствіе начато было допросомъ рано утромъ 12 числа. Это новое преслѣдованіе не остановило дѣйствій трибунала и не замедлило рѣшенія участи прежде арестованныхъ, процессъ которыхъ ужъ подвигался къ окончанію, и результатъ его былъ уже извѣстенъ публикѣ. Десятеро изъ обвиненныхъ были приговорены къ смерти, съ лишеніемъ правъ дворянства и имущества ихъ дѣтей, а для остальныхъ наказаніе ограничивалось заключеніемъ. Исполненіе приговора надъ іезуитами отложили до дальнѣйшаго времени, при чемъ трибуналъ ясно выразился, что согласно съ показаніями преступниковъ на нихъ слѣдуетъ смотрѣть, какъ на главныхъ руководителей покушенія. По объявленіи приговора, который, чтобы довести его до всеобщаго свѣдѣнія, былъ сейчасъ же напечатанъ *), стали дѣлать приготовленія къ приведенію его въ исполненіе. Въ ночь на 13 число на площади Лиссабона воздвигли помость въ осьмнадцать футовъ вышиною, окруживъ его сильнымъ конвоемъ. Ровно въ семь часовъ первая была привезена на мѣсто казни, какъ самая виновная изъ осужденныхъ, старая *маркиза де Тавора* со связанными руками и съ веревкою на шеѣ. Ее посадили на стулъ, завязали глаза, и палачъ снесъ ей голову, не причиняя, какъ женщинѣ, предварительно никакого мученія. За нею слѣдовалъ двадцатиднолѣтній сынъ ея, *Иосифъ Марія де Тавора*. Его привязали къ приготовленному нарочно для этого андреевскому кресту, пригвоздили къ нему желѣзными гвоздями руки и ноги и потомъ задушили ремнемъ. Подобной же участи подверглись *Иеронимо д'Атаиде, графъ д'Антугя*,

---

*) Процессъ этотъ переведенъ былъ на всѣ европейскіе языки, и еще въ 1759 подъ заглавіемъ: „Португальская государственная измѣна и процессъ приговоренныхъ и казненныхъ лицъ,“ былъ напечатанъ во Франкфуртѣ.

молодой маркизъ *Луисъ Бернардо де Тавора*, кавалерійскій капитанъ, служитель его, *Блазіо Іосифъ Ромейро*, капраль, *Эмануилъ Альваресъ Феррейра*, камердинеръ герцога Авейро и лейбпажъ *Іоао Мигуэль*. Трупы каждого изъ нихъ потомъ привязывали къ колесу, которое укрѣплялось на палкѣ: процедура эта заняла такъ много времени, что только полчаса спустя можно было приступить къ новой казни. Послѣ пажа Мигуэля или Михаеля палачи взяли стараго маркиза *Франциско д'Ассизъ де Тавора*, привязали его къ кресту, ударили три раза желѣзнымъ молоткомъ въ грудь, такъ что она затрещала, раздавили ему потомъ руки и ноги и наконецъ ударомъ въ сердце покончили жизнь. На девятую жертву, *герцога д'Авейро*, помощники палача бросились съ дикимъ крикомъ, стали вырывать у него руки, ноги и бедра, наконецъ, умертвивъ его ударомъ въ грудь, бросили трупъ его въ пылающій костеръ. Наконецъ дошла очередь до десятаго преступника, камердинера *Антоня Альвареса Феррейра*, брата Эмануила, котораго, показавъ ему сначала по очереди тѣла казненныхъ, привязали къ столбу, обложили кругомъ хворостомъ, зажгли и поддерживали огонь до тѣхъ поръ, пока несчастный не обуглился. Такимъ образомъ кара постигла этихъ десятихъ, о которыхъ положительно было извѣстно, что они принимали непосредственное участіе въ покушеніи. По совершеніи казни тѣла ихъ были положены въ костеръ и превращены въ пепелъ, который былъ брошенъ въ Тахо. Въ заключеніе всего дворцы казненныхъ были разрушены, сравнены съ землею, и мѣсто ихъ посыпано солью въ знакъ того, что зданія эти никогда не должны возобновляться.

Одиннадцать виновныхъ іезуитовъ, какъ мы уже видѣли, съ 12 января 1759 находились въ заключеніи; остальные были окружены стражею въ своихъ жилищахъ. Понятно, что Помбаль не могъ остановиться на этомъ, такъ какъ полумѣры были бесполезны. На седьмой день ихъ ареста пу-

бликованъ былъ королевскій эдиктъ, которымъ повелѣвалось на всѣ движимыя и недвижимыя имущества іезуитовъ, на всѣ ихъ ренты, доходы и пенсіи, наложить запрещеніе и прекратить всѣ сношенія членовъ ордена съ жителями Португаліи. Эдиктъ этотъ былъ исполненъ со всею строгостью и принесъ много денегъ государству. Именно въ одной миссіонерской кассѣ при приютѣ святаго Франциска Борджіа было найдено столько наличныхъ денегъ, что потребовалось двѣ недѣли для приведенія ихъ въ извѣстность, и если въ остальныхъ іезуитскихъ домахъ нашли меньше денегъ, чѣмъ ожидали, зато въ магазинахъ ихъ оказалось такое количество сахара, какао, ванили и другихъ подобныхъ предметовъ, что нужно было употребить цѣлую недѣлю для распродажи всего этого запаса съ аукціона. Въ одно время съ эдиктомъ о конфискаціи, Помбаль выпустилъ прокламацію, распространенную во всей массѣ публики, гдѣ разоблачалъ безбожныя и возмутительныя заблужденія, которыми руководствовались іезуиты, вліяя на казенныхъ преступниковъ, и требовалъ помощи у высшаго духовенства Португаліи въ дѣйствіяхъ противъ ордена Іисуса. Всѣ епископы государства выразили готовность содѣйствовать ему и многіе изъ нихъ своими пастырскими посланіями о вредныхъ и постыдныхъ стремленіяхъ іезуитовъ мало-по-малу поколебали уваженіе, которое простой народъ питалъ къ обществу Іисуса. Когда наконецъ и эта цѣль была достигнута, португальское правительство обратилось къ папѣ въ Римъ, чтобы и онъ въ качествѣ высшаго судьи и духовнаго правителя католическаго міра выразилъ свое согласіе какъ на приведенныя, такъ и на готовящіяся мѣры противъ іезуитовъ. 20 апрѣля 1759 прокламація эта достигла Ватикана, и Помбаль далъ замѣтить его святѣйшеству, что его король и повелитель рѣшился удалить іезуитовъ изъ своихъ владѣній, такъ какъ не остается никакой надежды другими средствами избавиться отъ ихъ происковъ и козней.

Понятно, что Помбаль, рѣшившись на такой поступокъ, предварительно представилъ римской куріи самыя полныя доказательства происковъ и интригъ іезуитскихъ, ихъ вредныхъ, измѣнническихъ плановъ въ Парагваѣ, и того, какъ они, по удаленіи ихъ отъ двора и отъ духовныхъ и пастырскихъ обязанностей въ Лиссабонѣ, составили постыдный заговоръ противъ жизни монарха, желая въ видахъ своихъ интересовъ произвести перемѣну въ правительствѣ Португаліи. Опираясь на эти факты, Помбаль въ заключеніе требовалъ папскаго бреве, которое уполномочило бы его предать въ руки свѣтскаго трибунала духовныхъ особъ, обвиняемыхъ въ измѣнѣ королю и государству, такъ какъ іезуиты были гарантированы въ своемъ статутѣ такъ называемой „*immunitas ecclesiastica*“, т. е. неприкосновенностью или исключеніемъ отъ обыкновеннаго суда, въ самомъ обширномъ смыслѣ слова; поэтому если бы процессъ былъ начатъ безъ предварительнаго папскаго уполномочія, впослѣдствіи могли бы родиться многія возраженія.

Эта депеша тотчасъ по полученіи была вручена папской куріи аккредитованнымъ португальскимъ посломъ при римскомъ дворѣ, *Франсискомъ д' Альмада де Мендоза*, и весь свѣтъ съ напряженнымъ вниманіемъ ждалъ рѣшенія куріи по этому дѣлу. Болѣе посвященные въ эти событія могли заранѣе предвидѣть, что изъ этого должно выйти, зная, какой слабый человѣкъ пана Клементъ XIII и какъ управляетъ имъ кардиналъ-статсъ-секретарь *Торреджіани*, близкій родственникъ генерала іезуитовъ *Риччи*. Дѣйствительно, Клементъ XIII отвѣчалъ совершенно въ духѣ іезуитовъ. Въ своемъ письмѣ отъ 11 августа къ королю португальскому, онъ относится объ іезуитахъ вообще съ чрезмѣрною похвалою, и проситъ Іосифа Эмануила, чтобы съ членами ордена, замѣшанными въ процессъ о царевубійствѣ, было поступлено поспѣшительнѣе, именно, чтобы имъ была дарована жизнь. Между тѣмъ одновременно съ этимъ письмомъ было при-

слано изъ Рима посланнику папы въ Лиссабонѣ, нунцію *Ачаджоли*, бреше совершенно иного содержанія; въ немъ нунцію предписывалось не уступать ни одной пяди свѣтскому правительству Португаліи въ этомъ дѣлѣ объ іезуитахъ. Бреше это, — Помбаль успѣлъ достать себѣ копію съ него, — ясно доказывало, какъ сильная въ то время іезуитская партія въ Римѣ старалась произвести формальный разрывъ между папою и короною Португаліи въ твердомъ убѣжденіи, что министерство Помбала черезъ это сдѣлается ненавистнымъ такимъ добрымъ католикамъ, какъ португальцы и что поэтому король изъ страха революціи дастъ министру отставку. Для этой цѣли папскій нунцій Ачаджоли вступилъ въ тайныя сношенія съ знатными дворянскими родами Португаліи и даже нашелъ себѣ сторонниковъ между принцами крови, все еще внутренно душою и тѣломъ преданными іезуитамъ. Короче, подготавлился великій ударъ, посредствомъ котораго іезуиты могли вернуть прежнее свое могущество въ Португаліи. Но Помбаль предупредилъ его. Чрезъ посланника Альмаду онъ категорически велѣлъ требовать точнаго объясненія у папской куріи, намѣрена она или нѣтъ исполнить его справедливыя требованія, и когда не было получено ни этого объясненія, ни даже аудіенціи, которую просилъ у папы португальскій посланникъ, энергическій министръ рѣшился обойтись безъ согласія папы. Иначе сказать, онъ рѣшился, не обращая вниманія на римскій дворъ, предать суду и держать въ заключеніи виновныхъ іезуитовъ, а всѣхъ остальныхъ, жившихъ въ Португаліи и ея колоніяхъ, подвергнуть изгнанію изъ государства подѣ страхомъ тяжелыхъ наказаній въ случаѣ тайной или явной попытки къ возвращенію.

Уже 3 сентября 1759 декретъ, заключавшій въ себѣ означенное рѣшеніе, былъ изготовленъ и подписанъ королемъ. Но, вѣроятно, поджидая благоприятныхъ извѣстій изъ Рима,

Помбаль еще двѣ недѣли медлить его обнародованіемъ и исполненіемъ. Когда ожиданія его не оправдывались, а опасность, въ которой онъ находился, все увеличивалась, онъ наконецъ рѣшился безъ боязни перейти Рубиконъ. Обратный путь былъ ему невозможенъ, и теперь іезуиты должны были убѣдиться въ исполинскомъ могуществѣ своего противника. Уже одного тона, которымъ былъ написанъ декретъ, было достаточно, чтобы уничтожить ихъ. Точно изложивъ всѣ постыдныя дѣла и преступленія, въ которыхъ обвинялись іезуиты въ Португаліи относительно короля и государства, и пояснивъ каждый отдѣльный фактъ необходимыми доказательствами, онъ, словами монарха, продолжалъ:

„Для соблюденія моей королевской чести, которая составляетъ душу и жизнь всей монархіи, для охраненія независимости моей, какъ государя и правителя, для удаленія изъ среды государства великихъ и чрезвычайныхъ соблазновъ, дабы чрезъ это оградить моихъ подданныхъ отъ подобныхъ ужасныхъ несприятностей и ихъ печальныхъ послѣдствій, я объявляю названныхъ духовныхъ, именно іезуитовъ, отклонившимися отъ своихъ священныхъ орденскихъ правилъ. Снова научиться слѣдовать этимъ правиламъ они уже совершенно неспособны по причинѣ глубоко укоренившагося въ нихъ порока. Объявляю ихъ явными мятежниками, измѣнниками, врагами и нарушителями спокойствія, которые посягали и посягаютъ противъ моей королевской особы и правительства, противъ спокойствія моего государства и всеобщаго благополучія моихъ подданныхъ. Послѣднимъ я повѣлываю обращаться съ ними, какъ съ мятежниками и измѣнниками. Въ силу вышеприведеннаго объявляю ихъ лишенными правъ гражданства, изгнанниками, ссыльными и опальными, и приказываю, чтобы они были удалены изъ всего моего королевства и всѣхъ моихъ владѣній, чтобы никогда болѣе въ оныя не возвращаться. Наконецъ, подѣ страхомъ смертной казни и конфискаціи имущества въ пользу

государственной казны, запрещаю всѣмъ моимъ подданнымъ безъ различія званія и состоянія, оказывать кому бы то ни было изъ членовъ названнаго изгнаннаго духовенства пристанище, одолженіе, и поддерживать съ ними сношеніе изустно, письменно или посредствомъ третьяго лица. Доктору Эммануилу Гомесу де Карвальо (т. е. Помбалу), сенатору двора и великому канцлеру моего государства, повелѣваю обнародовать это мое рѣшеніе, пославъ копіи съ него во всѣ трибуналы, главные города провинцій и въ прочіе города моего государства.“

Такъ гласилъ декретъ, которымъ всѣ іезуиты изгонялись изъ португальскихъ владѣній. Такъ же рѣшительно приступлено было и къ приведенію его въ исполненіе. Уже 17 сентября первый корабль, нагруженный сто двадцатью тремя іезуитами, распустилъ свои паруса изъ Тахо къ Чивита-Веккии, въ папскія владѣнія. Туда рѣшился Помбаль отправить іезуитовъ, чтобы они имѣли возможность собраться у своего великаго друга и покровителя, папы. Вторичный транспортъ отправился 7 октября съ семнадцатью іезуитами; за нимъ съ извѣстными промежутками послѣдовало еще пять транспортовъ, такъ что въ общей сложности въ церковныя владѣнія отправлено было двѣнадцать тысячъ іезуитовъ. Тщетно надѣялись патеры, что народъ, умомъ котораго они такъ долго управляли, возстанетъ противъ поступка Помбаля; ни одна рука не протянулась для защиты ихъ, а въ иныхъ мѣстахъ даже не сохранилось о нихъ никакого воспоминанія. Такимъ образомъ съ величайшимъ спокойствіемъ совершилось изгнаніе іезуитовъ изъ всей Португаліи и черезъ годъ это государство со всѣми своими колоніями было совершенно освобождено отъ чернаго общества. Впрочемъ надо прибавить, что Помбаль выслалъ не всѣхъ членовъ ордена Іисуса въ Италію, но часть ихъ, т. е. самыхъ виновныхъ и опаснѣйшихъ, удержалъ въ Португаліи. Кромѣ названныхъ мною одиннадцати, сто тринадцать человекъ, въ томъ числѣ провинціалы, проку-

раторы, ректоры и другія выдающіеся, личности были отправлены въ крѣпость св. Юліана, находившуюся на скалѣ въ морѣ въ трехъ часахъ пути отъ Лиссабона *). Тридцать девять изъ нихъ тамъ и умерли уже въ глубокой старости съ 1759 по 1777 годъ; тридцать шесть были въ 1767 году отправлены въ Италію, а остальные, за исключеніемъ одного, который впослѣдствіи былъ преданъ суду, въ 1777 по смерти короля Іосифа были выпущены на свободу. Этотъ единственный былъ патеръ *Габріэль Малагрида*, о которомъ было уже неоднократно упомянуто. Это былъ одинъ изъ самыхъ вліятельнѣйшихъ членовъ ордена, обвиняемый, какъ главный виновникъ покушенія 3 сентября 1758. Но такъ какъ папа не уполномочилъ маркиза Помбала „предавать свѣтскому суду духовныхъ за свѣтскія преступленія“, то семидесятидвухлѣтній старецъ былъ отданъ подъ судъ святой инквизиціи, которая за ересь и другія подобныя мнимыя преступленія присудила его къ сожженію. Король былъ нерасположенъ его помиловать, и казнь была совершена 20 сентября 1761; такимъ образомъ на него одного обрушилось все наказаніе; поэтому не мудрено, что впослѣдствіи онъ былъ причисленъ къ лику святыхъ членами своего ордена, за который пострадалъ.

Подобная участь постигла іезуитовъ въ Португаліи. Нужно сознаться, что изгнаніе это составляетъ необыкновенное явленіе, такъ какъ первая неудача встрѣтилась имъ именно при

---

*) Между ними находились іезуиты всѣхъ націй, именно изъ нѣмцевъ слѣдующіе: *Рудігеръ Гундтъ*, съ Нижняго Рейна; *Францъ Вольфъ*, изъ Богеміи; *Инатій Шентмартинскій*, изъ Австріи; *Мартинъ Шварцъ*, изъ Верхней Германіи; *Іосифъ Книлинъ*, изъ Австріи; *Морицъ Тома*, изъ Аугсбурга; *Іаковъ Мюллеръ*, съ Нижняго Рейна; *Іаковъ Дельзартъ*, съ Эльзена; *Лоренцъ Кауленъ*, съ Нижняго Рейна; *Антонъ Мюнстербургъ* и *Ансельмъ Эккартъ*, оба съ Верхняго Рейна; *Іоаннъ Коффлеръ*, изъ Праги; *Іаковъ Графъ*, съ Нижняго Рейна; *Іоаннъ Брауэръ*, изъ Вестфаліи и *Матѳей Пиллеръ* изъ Австріи.

такомъ дворѣ, гдѣ доселѣ, въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій, они царили такъ неограниченно. И случилось это только потому, что бразды правленія были въ рукахъ такого человѣка, какъ маркизь де-Помбаль, который, обладая энергіей, геніемъ и желѣзною волею, осмѣлился вступить въ борьбу съ такимъ противникомъ, который доселѣ былъ оракуломъ королей и полубогомъ всего народа. Какъ и слѣдовало ожидать, послѣдствіемъ этого смѣлаго поступка былъ взрывъ сильнѣйшей ярости со стороны всего ордена Іисуса, и генераль ихъ съ этихъ поръ безпрестанно твердилъ папѣ Клементу XIII, что на королевство Португалію слѣдуетъ наложить интердиктъ. Между тѣмъ святой отецъ не рѣшался на эту мѣру, такъ какъ разсудительнѣйшіе изъ кардиналовъ дали ему понять, что время Гильдебрандовъ уже миновало, и люди вездѣ не очень стали заботиться о папскомъ отлученіи. Напротивъ, подобный поступокъ могъ принести большой вредъ, если бы вдругъ маркизу Помбалу вздумалось сдѣлать Португалію независимою отъ Рима и составить свое собственное духовное правленіе подъ предѣлательствомъ лузитанскаго патріарха. Хотя дѣло не дошло до интердикта, но тѣмъ не менѣе миръ между Лиссабономъ и Римомъ былъ нарушенъ. Въ сопровожденіи всей своей свиты португальскій посланникъ 5 іюля 1760 г. оставилъ Римъ, гдѣ не въ состояніи былъ переносить постоянныхъ оскорбленій отъ іезуитовъ; между тѣмъ уже нѣсколько недѣль до этого, 15 іюня, нунцій, обвиненный въ оскорбленіи королевской фамилии, былъ удаленъ Помбалемъ изъ Лиссабона съ приказаніемъ въ четыре дня оставить границы государства. Съ отъѣздомъ обоихъ посланниковъ прекратилось всякое сношеніе между Португаліей и Церковной Областью, и главною задачею іезуитовъ стало по возможности, во время царствованія Клемента XIII, предупреждать всякую попытку примиренія. Безумцы думали, что безъ папы не можетъ существовать никакое католическое государство и что король

португальскій рано или поздно долженъ будетъ поклониться кресту; однако Португалія продолжала существовать, и донъ Иосифъ не кланялся кресту, а папа между тѣмъ цѣлыя восемь лѣтъ былъ такъ сказать изгнанъ изъ Португаліи.

ГЛАВА V.

Педро Пабло Абарака де-Болеа графъ д'Аранда или разрушеніе іезуитскаго владычества въ Испаніи.

При королѣ *Филиппъ II* іезуиты достигли въ Испаніи необыкновеннаго могущества, какъ мы уже видѣли во второй книгѣ, и если оно впослѣдствіи поколебалось доминиканцами, противопоставившими ему свою инквизицію, то тѣмъ не менѣе орденъ Іисуса сохранилъ свои разнородныя приобрѣтенія и свое необыкновенное вліяніе при дворѣ и даже на самихъ правителей королевства. Вліяніе это будетъ очень понятно, когда мы припомнимъ, что, начиная съ *Филиппа II* до середины осьмнадцатаго столѣтія, разсудокъ королевъ Испаніи былъ совершенно омраченъ ханжествомъ. *Филиппъ V*, подъ вліяніемъ своей супруги, женщины веселаго и оживленнаго нрава, но въ то же время благочестивой и почти ханжи, королевы *Елисаветы*, урожденной принцессы пармской, не составлялъ также исключенія между ними, а въ 1746 году со вступленіемъ на престолъ *Фердинанда VI*, сына *Филиппа* и *Елисаветы*, ханжество при дворѣ еще усугубилось. Больной душою человѣкъ, король этотъ имѣлъ такъ мало нравственной силы, что былъ не въ состояніи стать выше наущеній своего духовника, доминиканца, вліяніе котораго было парализовано только могуществомъ королевы. Королева, португальская принцесса Бар-

бара, державшая мужа подъ башмакомъ, сама находилась во власти іезуитовъ, поэтому всѣ правительственныя мѣры клонились только къ тому, чтобы не противорѣчить планамъ доминиканцевъ и членовъ ордена Іисуса. Это и было главной причиной того, что измѣнническія дѣйствія іезуитовъ въ Парагваѣ, который былъ пріобрѣтенъ Испанією, также какъ и Португалією, ни при испанскомъ дворѣ, ни при португальскомъ долго не возбуждали недовѣрія, а напротивъ того, на это смотрѣли, какъ на нѣчто справедливое. Слабоумный король позволялъ убѣждать себя наговорами отца іезуита, „что будто бы маркизь Вальдилиріосъ, который, какъ мы уже видѣли, исправлялъ должность испанскаго генерал-комиссара при парагвайской пограничной стражѣ, — врагъ ордена Іисуса и хочетъ, посредствомъ лжи и клеветы, до основанія уничтожить это невинное общество.“ Давая вѣру подобнымъ словамъ, Фердинандъ въ 1757 году отправилъ *дона Педро Кавальоса*, одного изъ преданнѣйшихъ членовъ ордена, въ свои южноамериканскія колоніи, чтобы на мѣстѣ подвергнуть вторичному испытанію стремленія іезуитовъ. Можно себѣ представить, какія свѣдѣнія были присланы изъ Новаго свѣта этимъ ревнителемъ ордена; результатомъ присланныхъ извѣстій было то, что, хотя министръ короля, *герцогъ Альба*, принималъ мемуаръ Кавальоса въ настоящемъ его значеніи, т. е. считалъ его за романъ, написанный во вкусъ іезуитовъ, но испанскій король ни въ какомъ случаѣ не рѣшился допустить точныхъ и справедливыхъ розысковъ о дѣйствіяхъ іезуитовъ въ Парагваѣ. Согласно этому, во все время царствованія Фердинанда VI, преступныя дѣйствія іезуитовъ въ Южной Америкѣ оставались ненаказанными въ Испаніи; напротивъ того, они праздновали здѣсь свое торжество, въ то время какъ въ сосѣдней Португаліи ихъ подвергали жестокому заключенію или изгнанію изъ страны.

Но еще побѣдоноснѣе развернули они свое знамя, когда, по смерти Фердинанда, вдова Филиппа V, *Елисавета*, на довольно

продолжительное время завладѣла кормиломъ правленія, пока второй сынъ ея (Фердинандъ VI, имѣвшій въ супружествѣ португальскую принцессу, Анну Барбару, умершую годомъ ранѣе его, былъ бездѣтенъ), въ послѣдствіи король *Карль III*, царствовавшій въ Неаполѣ и Сициліи, не прибылъ въ Мадридъ. Елисавета дѣлала все, чего бы ни пожелали ея любезные патеры. Дѣло дошло даже до того, что, по ея повелѣнію, появившіяся при Помбалѣ въ Португаліи печатныя обвиненія, въ которыхъ доказывалось возмущеніе въ Южной Америкѣ сыновъ Лойолы противъ испанской и португальской короны, были публично преданы сожженію, и кромѣ того отъ ея имени изданъ былъ декретъ святой инквизиціи, гдѣ высказывалось благорасположеніе къ дѣйствіямъ іезуитовъ. Но къ великому несчастію общества, регентство его высокой покровительницы продолжалось не болѣе года, а Карль III, вступившій на престолъ въ началѣ 1760 года, далъ замѣтить при самомъ вступленіи, что не намѣренъ слѣдовать примѣру брата своего, Фердинанда, и матери Елисаветы. Къ ужасу благочестивыхъ отцевъ, король и просвѣщенный другъ его, маркизъ *де-Монтеаллегро*, приняли благосклонно нечестивое „*Monita ad principes*“, о которомъ говорено было въ пятой книгѣ. Но не говоря уже объ этомъ, духовникъ его, францисканецъ *Іоахимъ Эмела*, епископъ османскій, былъ открытымъ врагомъ іезуитовъ, и при самомъ вступленіи короля на престолъ процессъ о десятинномъ сборѣ капитуловъ кафедральныхъ соборовъ Мексико и Пуэблы делось Ангелось съ орденомъ Іисуса, отвергавшимъ этотъ десятинный сборъ, былъ рѣшенъ королемъ во вредъ іезуитамъ. Понятно, немного хорошаго могли они ожидать отъ подобнаго государя, и потому съ трепетомъ взирали въ даль будущаго. Но какъ бы то ни было, открытыхъ мѣръ противъ нихъ первое время не принималось; напротивъ того, ихъ совсѣмъ не беспокоили; они продолжали говорить свои проповѣди и выслушивать исповѣди даже при дворѣ, какъ бывало при королевѣ-матери. Однако,

не смотря на это видимое спокойствіе, они не могли не замѣтить, что за всѣми дѣйствіями и поступками ихъ вездѣ слѣдятъ зоркими глазами, и этотъ невидимый надзоръ стѣснялъ ихъ болѣе, чѣмъ открытая борьба. Можетъ быть, въ тишинѣ этой отыскивали противъ нихъ доказательства, которыми хотѣли погубить ихъ и въ Испаніи, какъ только что погубили въ Португаліи. Такъ по крайней мѣрѣ казалось, потому что во всѣхъ окружающихъ короля не находилось не только ни одного іезуита, но даже сторонника ордена, исключая единственно патера *Браміери*, духовника королевѣ-матери. Число враговъ іезуитовъ все болѣе и болѣе увеличивалось, особенно если причислить къ нимъ такъ называемыхъ просвѣщенныхъ людей того времени. Уже въ 1762 году король, не стѣняясь, поручилъ одному изъ подобныхъ людей, именно *Педро Родригесу, графу де-Кампанесу*, отъявленному еретику, важный постъ фискала въ высшемъ совѣтѣ Кастиліи. Да и самый министръ, *Грегори маркизъ де-Сквилъяче*, со многими другими высокопоставленными людьми въ государствѣ, принадлежалъ, какъ извѣстно, не къ строговѣрующимъ. Короче, съ каждымъ днемъ все хуже и хуже приходилось при мадридскомъ дворѣ іезуитамъ, и когда наконецъ они съ достовѣрностью узнали, что епископъ *Рохасъ*, другой довѣренный Карла III, въ одномъ избранномъ обществѣ благосклонно отзывался о поступкахъ Помбаля противъ ордена, имъ не оставалось болѣе никакого сомнѣнія, что противъ нихъ злоумышляютъ. Въ этихъ обстоятельствахъ нечего было задумываться, какъ поступить въ столь критическую минуту, тѣмъ болѣе, что никто изъ нихъ не имѣлъ причины предполагать въ королѣ много мужества и энергіи.

Въ концѣ поста 1766 г. въ Мадридѣ замѣтно было въ простомъ народѣ необычайное волненіе, такъ что нерѣдко по-вечерамъ дѣло доходило до беспорядковъ. Не менѣе бросались въ глаза и поступки іезуитовъ, которые въ то время съ большимъ усердіемъ привлекали въ основанныя ими кон-

грегации работников и служителей всякаго рода и даже людей очень сомнительнаго поведенія, какъ напр. воровъ и подобный людѣ; они посѣщали самолично тюрьмы и подъ видомъ духовныхъ наставленій располагали въ свою пользу заключенныхъ. Понятно, что подобными поступками они приобрѣли большое вліяніе на низшіе классы населенія Мадрида, и, дѣйствительно, вліяніе это съ каждымъ днемъ увеличивалось все болѣе и болѣе. По мѣрѣ увеличенія этого вліянія, увеличивались и народныя сборища, такъ что правительству приходилось прибѣгать къ вооруженной силѣ; но дѣйствій полиціи оказывалось недостаточно, чтобы разгонять эти сборища. Наконецъ въ ночь на 23 марта возмущеніе приняло такіе размѣры, что въ каждомъ кварталѣ города явились толны, направлявшіяся къ королевскому жилищу и врывавшіяся по дорогѣ въ дома непопулярныхъ чиновниковъ. Они несли съ собою камни и дубины, а нѣкоторые имѣли оружіе; подойдя къ запертому входу во дворецъ, они начали кричать: „Долой Грегори! Да здравствуетъ Энсе-нада! Долой плута духовника! Да здравствуютъ святыя отцы ордена Іисуса!“ Стало быть, ясно было, что возстаніе имѣетъ политическій характеръ и именно стремится къ перемѣнѣ правительства въ интересахъ іезуитовъ, такъ какъ Энсе-нада былъ отставленный за дружбу съ іезуитами прежній министръ, между тѣмъ какъ духовникъ короля и министръ Грегори были извѣстные враги іезуитовъ. Призваны были всѣ наличныя военныя силы для разсѣянія мятежниковъ, но напрасно; войско оказалось слишкомъ слабымъ, а народное скопище слишкомъ сильнымъ, такъ что слѣдовало опасаться, что весь Мадридъ будетъ уничтоженъ пламенемъ, если будетъ сдѣлана попытка болѣе энергическаго сопротивленія. Рѣшено было, что Карль III удалится въ Аранжуэсъ и что за нимъ послѣдуетъ дворъ и всѣ, имѣвшіе причины бояться мщенія народа. Король былъ принужденъ удалить нѣкоторыхъ, наиболѣе ненавистныхъ народу совѣтниковъ, чтобы успокоить возставшее населеніе сто-

лицы. Онъ далъ отставку своему министру Грегори и епископу Рохасу и призвалъ графа *д'Аранду*, генералъ-капитана Валенсіи, чтобы составить новое министерство. Карль III зналъ его за энергическаго и смѣлаго, умнаго и образованнаго человѣка, которому безъ боязни могъ поручить кормило правленія. И дѣйствительно, Аранда вполнѣ оправдалъ его довѣріе. Новый министръ во-первыхъ окружилъ себя преимущественно людьми одинаковаго характера, какъ напр. графъ *де-Пило*, донъ *Пабло Олавидесъ*; во-вторыхъ, обнаруженіемъ полной амністіи мятежникамъ возстановилъ спокойствіе въ столицѣ, гдѣ праздновалось удаленіе Грегори и Рохаса. Однако, несмотря на амністію, нарядила особую комиссію подъ предсѣдательствомъ самого Аранды, чтобы отыскать зачинщиковъ возстанія. Было допрошено множество свидѣтелей, частью очевидцевъ, которые сами принимали участіе въ возмущеніи. Впрочемъ, къ пыткамъ не прибѣгали и довольствовались добровольными показаніями и отвѣтами. Результатъ былъ слѣдующій. Главными зачинщиками возмущенія, кромѣ пылавшаго мщеніемъ маркиза *Вальдефлореса*, оказались три іезуитскіе патера, *Изидоръ Лопесъ*, *Михаэль Бенавенте* и *Инатій Гонсалесъ*. Истина была раскрыта точными показаніями вполнѣ уважаемыхъ людей, какъ напр. дона *Сильвестра Паламареса*, *Бенедикта Наварры*, *Хуана Барракана* и другихъ; кромѣ того извѣстно было, что многіе другіе іезуиты, переодѣтые, находились среди самыхъ многочисленныхъ скопищъ и воодушевляли людей во время возстанія.

Это было плохимъ открытіемъ для добрыхъ патеровъ; имъ тѣмъ болѣе пришлось плохо, когда, по мѣрѣ обнаруженія измѣны, стало ясно, что возмущеніе имѣло цѣлью не только удаленіе ненавистнаго министра, но стремилось къ болѣе важнымъ результатамъ, именно къ низложенію самаго короля. Дѣйствительно, при вѣствованіи на престолѣ Карла III, вліяніе іезуитовъ, какъ было уже сказано, колебалось, и такъ какъ для спасенія ордена нужна была

помощь основательная, а не временная, то ему оставался одинъ исходъ — заставить враждебнаго имъ монарха отказаться отъ престола въ пользу меньшаго брата, инфанта дона *Луиса*, принца, вполне преданнаго іезуитамъ. Подобные планы, какъ оказалось при дальнѣйшемъ изслѣдованіи дѣла, дѣйствительно замыслились іезуитами; при подобныхъ обстоятельствахъ неудивительно, что нѣкоторые члены государственнаго совѣта, приведя въ доказательство измѣнническіе поступки ордена, дали монарху понять, что спокойствіе и безопасность государства зависятъ отъ удаленія іезуитовъ изъ Испаніи. Однако это пока осталось на словахъ, и еще не было принято никакого рѣшенія, хотя уже самъ Карлъ начиналъ убѣждаться, что изгнаніе іезуитовъ есть единственное радикальное средство для спокойствія государства. Между тѣмъ мать его Елисавета, провѣдавъ, что ордену угрожаетъ опасность, энергично вступилась за него и своими убѣжденіями достигла того, что сынъ ея сталъ опять колебаться привести въ исполненіе задуманный планъ. Ей даже посчастливилось вселить въ сердце короля недовѣріе къ людямъ, которымъ онъ прежде довѣрялъ. Стадо быть, вліяніе Аранды, Кампоманеса, Олавидеса, д'Оссуны, Альбы, Флорида-Бланки, казалось должно было поколебаться, и дѣламъ Испаніи предстояло остаться въ прежнемъ положеніи. Однако этому не суждено было случиться. Пока продолжалось слѣдствіе о мятежѣ, старая королева-мать умерла, а со смертію ея прекратилось ея вліяніе, и почти въ то же время слѣдственная коммисія сдѣлала такія открытія по дѣлу возстанія, что дальнѣйшее существованіе ордена въ Испаніи стало невозможно, въ чемъ долженъ былъ убѣдиться самъ Карлъ III. Благодаря бдительности графа д'Аранды, удалось перехватить курьера съ письмомъ отъ генерала *Риччи* къ провинціалу Толедкому, гдѣ излагался планъ свергнуть съ престола царствовавшаго короля подъ предлогомъ, что онъ незаконнорожденный, и на его мѣсто возвести инфанта Луиса. Вслѣдъ затѣмъ при обыскѣ у генераль-прокуратора ордена въ Мадридѣ найдена

была отпечатанная рукопись, въ которой приводились доказательства, что Карль III не сынъ Филиппа V, а плодъ любовной связи покойной королевы съ кардиналомъ Альберони. Далѣе, при обыскѣ двухъ захваченныхъ на французской границѣ іезуитовъ, отправлявшихся изъ Мадрида въ Римъ, найдены были два экземпляра вышеприведенной рукописи, въ пакетѣ, адресованномъ генералу ордена, Риччи. Кажется, доказательствъ было слишкомъ достаточно, и при такомъ порядкѣ вещей, понятно, какъ долженъ былъ поступить король. Его престолъ, честь, честь его матери, оказавшей столько благодѣяній ордену и теперь, въ могилѣ, получившей отъ него такую благодарность,—все было поставлено іезуитами на карту и требовало возмездія, наказанія примѣрнаго.

Оставалось одно: какъ приняться за дѣло? Прибѣгнуть къ средству Помбаля, т. е. доказать преступленіе іезуитовъ открытымъ процессомъ, оказывалось неудобнымъ, такъ какъ при этомъ приходилось упоминать о незаконномъ рожденіи короля, — открытіе, хотя сдѣланное іезуитами, но тѣмъ не менѣе скандальное для королевской чести. Кампоманесъ и Маньино, государственные фискалы и въ то же время главные юристы Испаніи, подали слѣдующій совѣтъ, который и былъ принятъ какъ государственнымъ совѣтомъ, такъ и тайно спрошеннымъ юридическимъ факультетомъ Алкалы: „По причинѣ вредныхъ и измѣнническихъ дѣйствій общества Іисуса 28 февраля 1767 года рѣшено было изгнать на вѣчныя времена изъ испанскихъ владѣній это общество,“ и при этомъ данъ былъ приказъ графу д'Арандѣ привести это рѣшеніе въ исполненіе. Вслѣдъ затѣмъ весь государственный совѣтъ поклялся королю ни словомъ, ни намекомъ, никакимъ другимъ образомъ до времени не выдавать этой тайны, не показывать патерамъ и вида о принятомъ противъ нихъ рѣшеніи, чтобы тѣмъ вѣрнѣе нанести имъ ударъ. Устроивъ такимъ образомъ все это дѣло, графъ д'Аранда приступилъ къ выполненію возложенной на него

обязанности способомъ, который, вѣроятно, покажется очень оригинальнымъ. Всѣмъ высокопоставленнымъ государственнымъ чиновникамъ испанской монархіи, главнымъ образомъ комендантамъ гарнизонныхъ войскъ тѣхъ городовъ, гдѣ находились іезуитскія коллегіи, резиденціи или дома, были посланы пакеты подъ королевскою печатью съ совершенно одинаковымъ содержаніемъ. Содержаніе это было въ высшей степени таинственное, такъ какъ въ пакетѣ, кромѣ того, находилась другая бумага, снабженная тремя печатями, и при ней записка слѣдующаго содержанія: „Подъ страхомъ смерти запрещается вскрывать эту бумагу ранѣе 2 апрѣля въ часъ заката солнца; такому наказанію подвергнется всякій, кто бы ни былъ, за нарушеніе этого запрещенія. Въ ней содержится государственная тайна.“ Совершенно подобныя приказанія получены были всѣми намѣстниками, губернаторами и комендантами въ различныхъ колоніяхъ Азіи и Америки съ тою только разницею, что по отдаленности этихъ провинцій срокъ открытія пакета назначенъ былъ болѣе отдаленный.

Можно себѣ вообразить, какое любопытство должны были почувствовать лица, получившія это таинственное приказаніе, и какого труда стоило имъ противиться этому чувству. Какъ бы то ни было, но тайна оставалась неразгаданною до 2 апрѣля. Вотъ наконецъ насталъ желанный часъ заката солнца, когда въ одну и ту же минуту открыта была всѣми таинственная бумага—и каково было удивленіе, когда узнали, въ чемъ дѣло. „Уполномочиваю васъ моею королевскою властію, — такъ между прочимъ говорилось въ бумагѣ, — какъ только будетъ вамъ извѣстно содержаніе этого письма, собрать въ округѣ вашемъ вооруженный отрядъ и въ сопровожденіи его немедленно отправиться въ домъ или коллегію іезуитовъ. Прийдя туда, вы поставите у каждого входа стражу и потомъ разбудите членовъ ордена и арестуете одного за другимъ. Затѣмъ вы наложите королевскую печать на ихъ архивъ и на кладовыя дѣла; взявъ оттуда съ

собою на сохраненіе всѣ книги и бумаги, которыя тамъ найдете, сообщите іезуитамъ, что они должны слѣдовать за вами, имѣя при себѣ лишь молитвенники, мантии, шляпы и бѣлье, необходимое для дальняго переезда. Исполнивъ это, вы потребуете нужное число повозокъ и подъ надлежащимъ конвоемъ отправите въ нихъ іезуитовъ въ назначенную мною гавань. Тамъ будутъ ихъ ждать готовые корабли, которые отвезутъ патеровъ, куда они сами пожелаютъ; какъ скоро плѣнные будутъ сданы капитанамъ кораблей, съ васъ снимается всякая отвѣтственность за нихъ. Но если по отправленіи патеровъ, хотя одинъ изъ ихъ общества, не исключая и больныхъ, окажется въ вашей провинціи, то вы отвѣчаете за это жизнью. Yo el Rey, т. е. я король.“ Такъ гласило приказаніе, полученное высшими правительственными лицами Испаніи. Оно было въ точности исполнено. Въ одинъ и тотъ же часъ, т. е. въ полночь 2 апрѣля 1762 г., всѣ члены ордена Іисуса, находившіеся въ Испаніи, были арестованы въ числѣ шести тысячъ человѣкъ. Нѣсколько дней спустя всѣ они безъ исключенія находились на готовыхъ къ отплытію корабляхъ.

Это была мастерская штука, которую едва ли вторично придется увидѣть свѣту, и весь христіанскій міръ долго не могъ придти въ себя отъ удивленія. Король былъ принужденъ изложить причины, побудившія его поступить такимъ образомъ; тогда-то и появился тотъ знаменитый декретъ, извѣстный подъ именемъ „прагматической санкціи“, въ которомъ оправдывалось какъ изгнаніе іезуитовъ изъ Испаніи, такъ и присвоеніе казною всего ихъ имущества. Кромѣ того черезъ особаго курьера король увѣдомилъ о происшедшемъ папу, объясняя ему, что поступить такъ низко, какъ онъ поступилъ, заставила его самая горькая необходимость. Папа и вообще все духовенство были внѣ себя отъ ужаса, и самому генералу ордена такой поступокъ съ патерами былъ невыносимъ. Но лишь только миновалось первое впечатлѣніе, какъ мѣсто его заступили ярость и ненависть, такъ что если

бы отъ нихъ зависѣло, то королю испанскому не усидѣть бы на престолѣ. Вскорѣ, 16 апрѣля, его святѣйшество отправилъ къ королю Карлу III письмо, въ которомъ, заклиная его спасеніемъ души, просилъ отмѣнить мѣры, принятыя противъ іезуитовъ, — общества самаго невиннаго, полезнаго, благочестиваго и святаго. На это король Карль, посовѣтовавшись съ своими вельможами, отвѣчалъ коротко и сильно, что, относительно іезуитовъ, онъ остается при прежнемъ своемъ рѣшеніи и останется при немъ даже и въ такомъ случаѣ, если бы изгнанниковъ не приняли въ папскія владѣнія, какъ угрожаетъ римскій дворъ и отправили обратно въ Испанію.

Каждый изъ 6,000 изгнанниковъ получилъ отъ короля ежегодный пожизненный пенсіонъ въ сто піастровъ, который выплачивался исправно каждому изъ нихъ, пока не умеръ послѣдній изгнанный испанскій іезуитъ. Но во все время царствованія Карла III и сына его, Карла IV, ни одинъ изъ нихъ не вернулся въ Испанію.

ГЛАВА VI.

Цареубійцы во Франціи.

Мы уже видѣли, какъ, побѣдивъ много препятствій, іезуиты проникли наконецъ во Францію и приняли живое участіе въ борьбѣ тамошнихъ религіозныхъ партій. Торжество католической реакціи ознаменовалось страшной ночью 24 августа 1572. Въ этой борьбѣ іезуиты были недовольны образомъ дѣйствій французскаго правительства, т. е. королевы-матери Екатерины Медичи. Эта правительница играла очень двусмысленную роль, не желая полной побѣды ни католикамъ, ни реформатамъ. Французское правительство сносилось и съ королевой Елисаветой Англійской, и съ нидерландскими мятежниками, и вообще во внѣшней политикѣ было враждебно цѣлямъ Рима и Испаніи, а слѣдовательно и іезуитовъ. Такого поведенія не могли загладить его жестокости противъ своихъ собственныхъ реформатовъ. Въ слѣдствіе этого французская ультра-католическая партія, къ которой принадлежали іезуиты и которая была подъ предводительствомъ Гизовъ, еще въ царствованіе Карла IX была въ непріязненныхъ отношеніяхъ къ королевскому дому. Однако королева изъ политическихъ расчетовъ часто дѣйствовала съ ней заодно и, воображая, что поступаетъ очень хитро, въ дѣйствительности служила орудіемъ испанско-іезуитской партіи. Въ интересахъ этой партіи было совершено злодѣйство варооломеевской ночи, столь безразсудное и вредное для истинныхъ выгодъ короля.

Впрочемъ и для католической партіи это злодѣйство не принесло особенныхъ выгодъ, потому что, опомнившись отъ перваго ужаса, гугеноты возстали, и правительству съ Гизами пришлось не подъ силу покорить ихъ въ открытой борьбѣ. Въ это время умеръ Карль IX (30 мая 1574 г.), и братъ его, Генрихъ III, убѣждалъ съ польскаго престола, чтобы занять французскій. Гугеноты были въ это время очень сильны и готовы были бороться на жизнь и смерть. Если бы король непременно хотѣлъ покорить ихъ, ему пришлось бы вполнѣ предаться ультра-католической партіи, т. е. обратиться въ слугу и вассала Филиппа II испанскаго, а у себя дома отдаться подъ опеку Лотарингскимъ принцамъ. Но Генрихъ III, хотя ханжа и человѣкъ совершенно дрянной, безхарактерный, дорожилъ однако независимостью. Мать его также не желала, чтобы онъ попалъ подъ чье нибудь вліяніе, кромѣ ея. По этимъ соображеніямъ они нашли невозможнымъ продолжать войну съ гугенотами и храбрымъ вождемъ ихъ, Генрихомъ, королемъ наваррскимъ, женатымъ на сестрѣ французскаго короля. Они заключили религіозный миръ, даровавъ реформатамъ важныя уступки. Вмѣстѣ съ тѣмъ они, хотя нерѣшительно, продолжали держаться въ иностранныхъ дѣлахъ политики, враждебной Испаніи, помня старую вражду дѣда Генриха III съ отцемъ Филиппа II. Государственные интересы побуждали ихъ противоудѣйствовать могуществу Испаніи, и хотя Екатерина съ сыномъ такъ же мало заботились о государствѣ, какъ и о религіи, однако братъ короля, Францискъ герцогъ Анжуйскій, съ согласія ихъ, предпринималъ экспедицію на помощь нидерландцамъ противъ испанцевъ. Такая двуличная политика привела въ негодованіе іезуитскую партію. Миръ короля съ реформатами былъ для нея такимъ ударомъ, что она рѣшилась принять самыя крайнія мѣры, лишь бы поставить правительство въ необходимость подчиниться ей. Главой этой партіи былъ дядя тогдашняго Гиза, старый кардиналъ Карль Лотарингскій, который былъ болѣе іезуитъ, чѣмъ всѣ настоя-

щіе іезуиты. По его плану въ 70-хъ годахъ была составлена такъ называемая священная лига. Присутствуя на знаменитомъ тридентскомъ соборѣ, кардиналъ увлекъ папу и короля испанскаго въ свои замыслы противъ дома Валуа, имѣвшіе цѣлью доставить полное торжество католицизму во Франціи и вмѣстѣ съ тѣмъ возвысить его родню.

Когда поступки французскаго правительства возмутили всѣхъ ревностныхъ католиковъ, іезуиты рѣшились привести въ исполненіе планъ священной лиги. Лига эта была ничто иное какъ огромный заговоръ противъ существующаго правительства, съ цѣлью принудить его перемѣнить внутреннюю и внѣшнюю политику, а въ случаѣ его сопротивленія ниспровергнуть его. Агенты іезуитовъ и Испаніи разъѣзжали по всей Франціи, набирая членовъ въ лигу, собирая подписи, раздавая деньги и организуя въ каждомъ городѣ, въ каждой провинціи лигистскіе комитеты. Такимъ образомъ имъ удалось настроить на свой ладъ значительное большинство французской націи. Духовенство изъ ненависти къ еретикамъ вступило въ лигу всей массой и, дѣйствуя на умы, доставляло ей множество приверженцевъ между дворянствомъ, буржуазіей и народомъ.

Цѣлямъ короля испанскаго и Гизовъ благопріятствовало то обстоятельство, что король Генрихъ III былъ бездѣтенъ, такъ что по смерти послѣдняго брата его, герцога Анжуйскаго, у него не оставалось прямыхъ наслѣдниковъ. Со смертію его дому Валуа предстояло пресѣчься. Тогда по закону престолъ долженъ былъ перейти къ Бурбонамъ, ближайшимъ родственникамъ этого дома. Но представитель Бурбоновъ, Генрихъ Наваррскій, и всѣ его родные, кромѣ стараго дѣда, бывшаго кардиналомъ, были еретики. Папа и все католическое населеніе Франціи, настроенное лигой, считали невозможной чудовищностью, чтобы королемъ Франціи сдѣлался гугенотъ. Поэтому Гизы льстили себя надеждой, что по смерти короля и кардинала Карла Бурбонскаго престолъ Франціи перейдетъ къ нимъ, хотя французы считали ихъ ино-

странцами, потому что Лотарингія, откуда они были родомъ принадлежала тогда къ Германіи. Они даже сочинили генеалогію, гдѣ доказывали свои права на престолъ по происхожденію своему отъ Каролинговъ. Напротивъ того, союзникъ и покровитель ихъ король испанскій, рассчитывалъ, что по пресѣченіи царствующаго дома его связи съ французскими католиками откроютъ ему путь къ овладѣнію Франціей. Мечтая о всемірной монархіи, которой напрасно добивался его отецъ, Филиппъ II считалъ дѣломъ легкимъ овладѣть Франціей, потому что папа и французскіе католики должны были поддерживать его въ интересахъ своей религіи, для истребленія еретиковъ и для устраненія отъ престола Генриха Бурбонскаго. Мы уже знаемъ, что іезуиты всѣми силами содѣйствовали осуществленію испанскаго идеала всемірной монархіи, считая, что вмѣстѣ съ тѣмъ осуществится ихъ собственный идеаль — католическое единство вѣры и полное господство ихъ ордена. Поэтому они были самыми дѣятельными членами лиги.

Наконецъ лига усилилась дотого, что стала грозить королю уже явно. Если бы Генрихъ III былъ сколько-нибудь путный человѣкъ, онъ рѣшительно воспротивился бы ей или откровенно соединился бы съ ней, т. е. согласился бы сдѣлаться слугой Филиппа Испанскаго. Но онъ только хитрилъ и лицемѣрилъ. Когда папа Сикстъ V издалъ противъ Бурбоновъ грозную буллу, которой лишилъ ихъ не только права наслѣдовать французскій престолъ, но и Наварры и всѣхъ прочихъ владѣній и помѣстій, разрѣшая подданныхъ ихъ отъ присяги и вѣрности и приказывая каждому истреблять ихъ, Генрихъ III отказался обнародовать эту буллу во Франціи. Булла была сигналомъ возстанія лиги противъ всего враждебнаго папѣ и Испаніи. Такимъ образомъ при самомъ началѣ борьбы король Генрихъ показалъ, что не желаетъ быть союзникомъ католической партіи. Но когда вслѣдъ затѣмъ лигисты на общемъ собраніи рѣшительно потребовали, чтобы король нарушилъ миръ съ гугенотами и привелъ въ испол-

неніе папскую буллу противъ Бурбоновъ, начавъ съ ними войну, Генрихъ III струсилъ. Онъ не только послалъ противъ реформатовъ свои войска, но даже принялъ титулъ главы лиги, т. е. одной партіи своихъ подданныхъ противъ другой. Онъ даже имѣлъ наивность думать, что сдѣлалъ этимъ большую непріятность вождю лиги, герцогу Генриху де Гизу, разстроивъ всѣ его планы. Будь на его мѣстѣ другой человѣкъ, онъ, можетъ быть, могъ бы дѣйствительно овладѣть движеніемъ и направить его сообразно своимъ интересамъ. Но послѣдній Валуа былъ презрѣнный шутъ и развратникъ, сидѣвшій подъ баншакомъ старой бабы, своей матери, окончательно исплутовавшей и изолгавшейся. Всѣ ихъ коварства были давно всѣмъ извѣстны, такъ что имъ никто не вѣрилъ. Бояться же такого человѣка никому не приходило въ голову, а тѣмъ болѣе такой страшной силѣ, какъ лига, поддерживаемая всѣмъ могуществомъ Испаніи, іезуитовъ и французскихъ католиковъ, и такому герою, какъ Генрихъ Гизъ.

Война, которую короля заставили начать съ зятемъ, была для него очень несчастлива. Его миньонъ, герцогъ де Жойёзъ посланный имъ противъ вѣликаго Бурбона, былъ на голову разбитъ и убитъ. Герцогъ Гизъ и лига, презиравшіе короля и рѣшившіеся низложить и запереть его въ монастырь, конечно не были расположены помогать ему и съ радостью видѣли его совершенное безсиліе. Въ этихъ плачевныхъ обстоятельствахъ король, не зная, что дѣлать, созвалъ въ Блуа государственныя сословія. Но герцогъ Гизъ, выгнавшій его передъ этимъ изъ столицы и бывшій уже полнымъ властелиномъ государства, твердо шелъ къ своей цѣли, т. е. къ низложенію Генриха. Все предвѣщало, что блуасское собраніе, на которое Гизъ не замедлилъ явиться съ братомъ своимъ, кардиналомъ Лудовикомъ Гизомъ, кончится этимъ роковымъ для Генриха III образомъ. Сестра Гиза, герцогиня де Монпансье, уже показывала золотыя ножницы, которыми

предполагалось постричь Генриха III по обычаю временъ меровингскихъ.

Неожиданная катастрофа въ Блуа придала дѣламъ новый оборотъ. Король всегда отличался жестокостью и низостью. Извѣстно, что по его приказанію капитанъ его гвардіи, Монтескіу, предательски застрѣлилъ послѣ сраженія при Жарнакѣ взятаго въ плѣнъ принца Конде, дядю Генриха Наварскаго; извѣстно также, что онъ принималъ дѣятельное личное участіе въ рѣзнѣ 24 августа 1574 г. Но въ послѣднее время онъ палъ такъ низко, что его никто не считалъ способнымъ на смѣлое злодѣйство. Когда герцога Гиза предостерегали противъ извѣстнаго коварства короля, онъ отвѣчалъ: „Онъ не посмѣетъ.“ Однако король посмѣлъ, доведенный до храбрости отчаяніемъ.

23 декабря 1588 г. онъ пригласилъ герцога и кардинала Гизовъ съ архіепископомъ ліонскимъ, также дѣятельнымъ членомъ лиги, во дворецъ на совѣтъ. Когда герцогъ прибылъ, его пригласили во внутренніе покои. Войдя въ маленькую комнату передъ королевской спальней, онъ засталъ тамъ сидящими нѣсколькихъ служившихъ у короля сборовъ. При входѣ его они не встали и посмотрѣли на него такъ грозно, что онъ схватился за шпагу. Тогда они вскочили, кинулись на него и закололи. Тѣло было втащено въ спальню, гдѣ король топталъ его ногами, хотя онъ еще дышалъ. Услышавъ шумъ, кардиналъ де Гизъ вскричалъ: „Боже, это убиваютъ брата!“ и хотѣлъ идти къ нему, но маршалъ д'Омонъ арестовалъ его и архіепископа ліонскаго. Ихъ посадили подъ арестъ, и на другой день кардинала задушили. Кардиналъ Бурбонскій, принцъ Жуанвильскій и герцогъ де Неверъ были также арестованы. Но когда король съ восторгомъ пришелъ рассказать свой подвигъ умирающей матери, она выслушала его очень сухо и выразила сомнѣніе въ успѣхѣ.

Она не ошиблась. Убіенство герцога де Гиза подняло на ноги всю лигу. Братъ убитыхъ, герцогъ де Майенъ, спасся и былъ провозглашенъ столицей и всей Франціей намѣстни-

комъ государства. Духовенство и Сорбонна разрѣшили подданныхъ отъ вѣрности королю. Папа предаль его проклятію за убійство князя церкви. Ему не оставалось ничего болѣе, какъ кинуться въ объятія гугенотамъ и своему зятю, Генриху Наваррскому. 30 апрѣля 1589 короли заключили тѣсный союзъ и лѣтомъ осадили Парижъ, защищаемый Майеномъ.

Парижъ былъ центромъ лиги. Сорбонна, все духовенство, все гражданство, особенно дума и начальники кварталовъ были все ярые лигисты. Во всехъ церквахъ читали папскія буллы противъ обоихъ королей и проповѣдовали іезуитское ученіе о царевубійствѣ. Движеніе приняло характеръ революціонный, и іезуиты явились, какъ и прочее духовенство, на этотъ разъ горячими демагогами.

Оно открыто и прямо говорило о безконечной заслугѣ того, кто избавилъ бы религію и націю отъ презрѣннаго „Нерона-Сарданапала“, дотога забывшаго долгъ „христіаннѣйшаго короля“, что привелъ полчища еретиковъ осаждать вѣрную церкви столицу свою.

Такія рѣчи не остались гласомъ вопіющимъ въ пустынь. Въ одномъ доминиканскомъ монастырѣ былъ молодой служка 19 лѣтъ, по имени *Жакъ Клеманъ*. Человѣкъ недалекій, онъ былъ самый пламенный фанатикъ и аскетъ. Страстно желая заслужить царствіе небесное, хотя бы съ мученическимъ вѣнцомъ, онъ возымѣлъ намѣреніе избавить Францію отъ изверга, губившаго истинную вѣру. Нѣтъ никакихъ доказательствъ, чтобы іезуиты или, какъ говорили другіе, герцогиня де Монпансье, направили непосредственно его руку противъ короля. По всей вѣроятности онъ дѣйствовалъ по собственному побужденію, подъ влияніемъ того фанатизма, который одушевлялъ тогда всехъ защитниковъ Парижа и такъ ярко выразился въ рѣчахъ пламеннаго проповѣдника лиги, Буше. Впрочемъ впослѣдствіи настоятель монастыря, гдѣ жилъ Клеманъ, о. Эдмонъ Бургуень, сознался, что зналъ о замыслѣ его и по приговору турецкаго парламента былъ въ

слѣдующемъ году четвертованъ. Сверхъ того Клеманъ имѣлъ нѣкоторыя политическія свѣдѣнія, которыя едва ли почерпнулъ самъ. Такъ онъ зналъ, что проживающій въ Парижѣ графъ де Бріенъ — тайный приверженецъ короля. Какъ бы то ни было, онъ, отправившись къ нему и, сказавъ ему, что имѣетъ передать королю важныя извѣстія, просилъ рекомендательнаго письма. Получивъ письмо, онъ вышелъ изъ Парижа и пошелъ въ королевскій лагерь. Дорогой его встрѣтилъ генераль прокуроръ, Жакъ де ла Гель, которому онъ объяснилъ, что имѣетъ надобность видѣть короля, и тотъ провелъ его къ Генриху III въ Сень-Клу. Рано утромъ 1-го августа Клеманъ былъ введенъ къ королю де ла Гелемъ и засталъ Генриха, только-что вставшаго съ постели, сидящимъ на томъ креслѣ, на которомъ циническій маршалъ де Вандомъ любилъ принимать своихъ гостей. При этой церемоніи присутствовали адъютанты короля, знаменитый сборъ Ловьякъ, убійца Гиза, и баронъ де Мирпуа. Клеманъ подаль королю записку де Бріеня, и Генрихъ, прочитавъ ее, спросилъ его: „Что же ты мнѣ скажешь?“ Клеманъ попросилъ присутствующихъ отойти въ сторону, приблизился къ королю и, внезапно выхвативъ ножъ, спрятанный въ рукавъ его рясы, поразилъ короля въ животъ. Генрихъ съ крикомъ: „Негодяй, онъ убилъ меня!“ выхватилъ ножъ и ударилъ убійцу въ лицо, но тотчасъ упалъ безъ чувствъ съ своего ночнаго трона. Де ла Гель и адъютанты кинулись на Клемана и въ минуту изрубили его въ куски. Но послѣднему Валуа это не помогло, и черезъ сутки онъ умеръ.

Если іезуиты и вообще лигисты не принимали непосредственнаго участія въ замыслѣ Клемана, то зато и не думали скрывать своего сочувствія его поступку. Во всѣхъ городахъ, занятыхъ лигой, духовенство служило благодарственнымъ молебствіямъ, гдѣ Клеманъ прославлялся мученикомъ, а смерть Генриха III приписывалась явному чуду и содѣйствію Бога, который покаралъ отступника и присудилъ насильственную смерть отлученному отъ церкви грѣшнику. Знаменитый іезуитъ

скій писатель Маріана прямо называетъ Клемана „вѣчной красой Франціи“ (*aeternum Galliae decus*), а о поступкѣ его говорить: „Этотъ чудный, великій подвигъ да послужить урокомъ всѣмъ монархамъ“ (*De Rege lib. I, cap. VI*). Самые горячіе фанатики желали даже причисленія Клемана къ лику святыхъ, а духовенство сравнивало его съ Юдиною, убившей Олоферна, и съ братьями Маккавеями. Такъ выразился даже самъ Сикстъ V въ кардинальской коллегіи, когда пришло извѣстіе объ убійствѣ Генриха III. Іезуиты же писали между прочимъ слѣдующее: „Замѣчательно, что въ тотъ самый день, когда насъ королевскимъ указомъ выгнали изъ Бордо, виновникъ этого указа былъ убитъ. Онъ хотѣлъ всѣхъ насъ уничтожить, а вмѣсто того уничтожили его самого.“

Убійства герцога Гиза и Генриха III очень послужили расчетамъ Филиппа Испанскаго, а слѣдовательно, и іезуитовъ. Теперь не было уже никого, кто могъ бы претендовать на французскій престолъ, потому что Майеннъ былъ слишкомъ ничтоженъ, а кардиналь Бурбонскій, хотя и провозглашенный королемъ, былъ взятъ внукомъ въ плѣнъ, и отъ старости и отъ передрагъ вскорѣ умеръ. Единственнымъ соперникомъ Филиппу II, который ссылался на права своей давно-умершей жены, сестры Генриха III, былъ Генрихъ Бурбонскій. Но объ немъ вся католическая Франція не хотѣла и слышать. Религіозное увлеченіе было такъ сильно, что французы предпочитали отдаться подъ власть иностраннаго деспота, чѣмъ имѣть королемъ еретика. Іезуиты всѣми силами поддерживали такое настроеніе, потому что возведеніе Филиппа II на французскій престолъ было главной задушевной цѣлью лиги съ самаго ея начала. Овладевъ Франціей, ему ничего не стоило бы раздавить нидерландскій мятежъ, завоевать Англію, и тогда въ союзѣ съ племянникомъ, императоромъ Рудольфомъ, онъ овладѣлъ бы всѣмъ міромъ, всюду истребилъ бы ересь и доставилъ бы торжество католицизму и іезуитамъ. Эти обширные замыслы были такъ близки къ осуществленію, что ихъ испугался самъ Сикстъ V. Этотъ

папа, болѣе дипломатъ, чѣмъ фанатикъ, не желалъ Филиппу такой полной побѣды, потому что, владѣя всѣмъ міромъ, онъ завладѣлъ бы и Италіей, и римскій первосвященникъ обратился бы въ его придворнаго капеллана. Какъ мы уже говорили, испанско-іезуитская партія имѣла вообще много причинъ быть недовольной папой. Сикстъ самъ говорилъ, что боится ее, и скоропостижная смерть его оправдала эти опасенія. Его преемникомъ былъ Григорій XIV, фанатикъ, достойный среднихъ вѣковъ и готовый, какъ угодно, служить Филиппу.

Съ этихъ поръ въ теченіе четырехъ лѣтъ всѣ силы Испаніи, папства и іезуитовъ были обращены противъ Генриха Бурбонскаго, принявшаго титулъ короля французскаго Генриха IV. Лига, враждебная королю, приняла самый радикально-демократическій характеръ, и Франція, особенно Парижъ 1590 — 95 гг., во многихъ отношеніяхъ напоминаютъ тѣ же года XVIII столѣтія. Іезуиты играли здѣсь роль террористовъ. Многіе изъ отцовъ ордена особенно прославились дѣятельностью своей въ лигѣ. Такъ, особенно знаменитъ былъ о. *Клодъ Матте*, прозванный „курьеромъ лиги.“ Въ Тулузѣ, городѣ всегда ультра-католическомъ, отличались оо. *Эдмондъ Оже*, обратившій, по словамъ своихъ сочленовъ, болѣе 40,000 гугенотовъ и за это въ глазахъ многихъ членовъ ордена взятый живой на небо, и преемникъ его, *Одонъ Пижна*, котораго де Ту называетъ яростнымъ проповѣдникомъ, а Арно въ своей полемикѣ — свирѣпымъ животнымъ. Вообще іезуиты, оказавъ самыя разностороннія способности, уже явившись богословами, миссіонерами, профессорами и воспитателями, мучениками, министрами, учеными филологами и естествоиспытателями, банкирами, спекуляторами, торговцами и контрабандистами, дипломатами, воинами *) и проч.,—въ лигѣ

---

*) Таковъ былъ, между прочимъ, знаменитый *Арнимъ*. Въ тридцатилѣтнюю войну онъ служилъ саксонцамъ, императору и шведамъ, безпрестанно

явились еще въ новомъ видѣ — въ видѣ демагоговъ и революціонеровъ. Вотъ что говорилъ объ ихъ дѣятельности парижскій университетъ, много времени спустя послѣ смутной эпохи, гдѣ онъ самъ дѣйствовалъ заодно съ ними:

„Собранія лиги происходили въ іезуитскихъ коллегіяхъ, какъ дознано изъ процесса лейтенанта *Пулена*. Коллегія іезуитовъ въ улицѣ Сень-Жакъ служила лигистамъ мѣстомъ тайныхъ сборищъ, на которыхъ составлялись ихъ страшные заговоры подъ руководствомъ отцовъ. Въ іезуитскихъ обителяхъ испанскіе агенты, Мендоса, Аквилонъ и Феріа, строили свои ковы противъ Франціи. Однимъ словомъ, дома іезуитовъ были пещерами тирановъ и логовищами тигровъ; царевубійцы точили тамъ кинжалы на грудь государей.“

Замѣчательно, что это писано не въ XVIII вѣкѣ, въ эпоху общаго негодованія противъ ордена, а задолго до того, именно 5 декабря 1643, во время той распри Сорбонны съ орденомъ, о которой мы говорили выше.

Дѣйствительно, если послушать, что проповѣдовали іезуиты во Франціи во время лиги, то можно подумать, что это совершенно не тѣ люди, которые возстановляли въ Богеміи власть Фердинанда или въ Швеціи права Сигизмунда. Знаменитѣйшій членъ ордена, котораго римская курія удостоила кардинальской багряницы за великія услуги церкви, ученый Белларминъ, глава новѣйшихъ богослововъ, проповѣдуетъ верховную власть народа! Англійскій іезуитъ, Уилліамъ Алланъ, говоритъ, что „если государи нарушаютъ вѣру, народъ обязанъ отказать имъ въ повиновеніи.“ А знаменитый кардиналъ, развивая эту мысль, утверждаетъ, что „народъ можетъ устанавливать какую ему угодно форму правленія и измѣнять ее, какъ только вздумаетъ.“ Іезуитъ Комоле, одинъ изъ бойцовъ лиги, въ церкви громогласно называлъ короля Франціи

мѣняя партіи и знамена: но и въ шведской службѣ дѣйствовалъ въ тѣхъ же видахъ, какъ и въ валленштейновской, т. е. на пользу католицизма, потому что въ сущности былъ тайный іезуитъ (ум. 1641).

„тираномъ, еретикомъ и оспемъ.“ Проповѣдуя на Рождествѣ въ церкви св. Варфоломея, онъ взялъ темой 3-ю главу книги Судій, гдѣ рассказывается, какъ Аодъ убилъ царя Моава. Восхваливъ подвигъ Клемана, проповѣдникъ обратился къ слушателямъ съ такимъ увѣщаніемъ: „Намъ нуженъ Аодъ; пусть то будетъ монахъ, солдатъ, пастухъ или мошенникъ, но намъ нуженъ Аодъ! Только этого намъ и нужно, чтобы исполнѣ достигнуть нашей святой цѣли.“

При такой проповѣди орденъ Іисуса, конечно, не могъ уже не принимать на свою отвѣтственность дальнѣйшихъ революціонныхъ мѣръ и покушеній. Если можно сомнѣваться, что убійца Генриха получилъ отъ нихъ кинжалъ, погруженный имъ въ животъ послѣдняго Валуа, то убійцы Генриха IV, по крайней мѣрѣ двое первыхъ, были несомнѣнно солидарны съ св. отцами дотого, что орденъ можно прямо считать виновникомъ этихъ покушеній.

О. Комоле говорилъ правду, что имъ нуженъ Аодъ. Побѣды при Иври и Акрѣ, успѣшный походъ противъ испанской арміи герцога Пармскаго, а главное, кротость и благородство Генриха IV необыкновенно возвысили его дѣло, вначалѣ совершенно отчаянное. Притомъ французская церковь и преданные ей парламенты стали бояться за такъ называемую галликанскую вольность, которой Римъ грозилъ въ то самое время, какъ національной независимости грозила Испанія. Парламенты и духовенство, кромѣ іезуитовъ, у которыхъ нѣтъ отечества, и нафанатизированнаго ими меньшинства, парламенты и духовенство, говоримъ мы, воспротивились папскимъ булламъ и легатамъ, *Каэтану* и *Ландріану*, которые въ сопровожденіи Баллармина прибыли овладѣть французской церковью для папы, между тѣмъ какъ герцогъ Пармскій шелъ съ сильной арміей овладѣть французской монархіей для короля испанскаго. Сопротивленіе, оказанное папскимъ притязаніямъ парламентомъ и церковью, ободрило Генриха. Человѣкъ невѣрующій, уже дважды ренегать, онъ не поколебался въ третій разъ перемѣнить вѣру, шутливо го-

вора, что „Парижъ стоитъ обѣдни.“ Разсчитывая, что переходъ въ католицизмъ примиритъ его съ націей, онъ 25 іюля 1593 г. торжественно принялъ эту религію.

Можетъ быть, расчетъ его оправдался бы, если бы онъ имѣлъ дѣло только съ галликанскимъ духовенствомъ. Но во Франціи были іезуиты, которымъ надо было, во что бы то ни стало, передать Францію Филиппу II. Поэтому поступокъ короля тѣмъ болѣе взбѣсилъ ихъ, что устранялъ единственное важное препятствіе, отдѣлявшее его отъ націи и ея престола. Іезуитскіе проповѣдники принялись вопить противъ лицемѣрнаго перехода короля и увѣщевать вѣрующихъ не соблазняться этимъ, потому что „волкъ надѣлъ овечью шкуру, чтобы вѣрнѣе истребить овецъ.“ Но какъ ни были краснорѣчивы эти воззванія, однако іезуиты видѣли, что утомленная междоусобицею нація готова примириться съ королемъ, и что преданность національному врагу, королю Филиппу, никогда не бывшая искренней, готова уступить мѣсто патріотической ненависти. Вотъ почему іезуитамъ былъ нуженъ Аодъ, и онъ не замедлилъ явиться.

Лѣтомъ 1593 г. на одной изъ улицъ Ліона доминиканецъ *Серафимъ Барни*, встрѣтилъ человѣка лѣтъ тридцати, по видимому, отставнаго солдата. Этотъ человѣкъ, поразившій монаха страннымъ, фанатическимъ выраженіемъ лица, остановилъ его и просилъ немедленно выслушать его исповѣдь. Въ то время было неизвѣстно, что сказалъ этотъ человѣкъ своему духовнику; но видно было, что исповѣдь произвела на выслушавшаго ее страшное впечатлѣніе, и онъ, не давъ грѣшнику отпущенія, въ рѣзкихъ выраженіяхъ удалилъ его отъ себя. Въ то время, какъ исповѣдникъ выходилъ отъ духовника, къ монаху входилъ камергеръ вдовствующей королевы Луизы (жены Генриха III), *Бранкалеонъ*. Лице незнакомца поразило и его, и онъ по всему замѣтилъ, что у него вышло съ духовникомъ что-то необычайное. Но о. Серафимъ, еще дрожа отъ волненія, самъ разрѣшилъ его недоумѣніе, выдавъ ему тайну исповѣди. Незнакомецъ былъ солдатъ, слу-

жившій нѣкогда въ войскахъ герцога Гиза, по имени Пьеръ Барьеръ, и онъ имѣлъ намѣреніе убить короля Генриха IV. По словамъ его, безъ сомнѣнія, искреннимъ, мысль эта была внушена ему однимъ іезуитомъ, и съ тѣхъ поръ онъ долго лелѣялъ ее; но другіе священники, которымъ онъ сознавался въ своемъ намѣреніи, усовѣщивали отстать отъ него. О. Серафимъ съ своей стороны отговаривалъ его, но, повидимому, безуспѣшно, потому что, выходя, Барьеръ сказалъ, что немедленно отправится въ Парижъ, гдѣ іезуиты дадутъ ему лучший совѣтъ. Выслушавъ все это, Бранкалеонъ вскочилъ на коня и помчался къ герцогу де Неверу въ Неверъ за паспортомъ, чтобы пройти къ королю. Получивъ паспортъ, онъ, не теряя ни минуты, помчался далѣе; но дорогой съ нимъ случились разныя неудачи, такъ что онъ нѣсколько недѣль пробылъ въ пути. Между тѣмъ Барьеръ прибылъ въ Парижъ, гдѣ священникъ церкви Ст. Андре дез-Аръ, *Кристопъ Обри*, тотчасъ отрекомендовалъ его ректору іезуитской коллегіи, о. *Клоду де Вараду*. Оо. Варадъ и Комоле, призывавшій Аода, совершенно одобрили его намѣреніе, подтвердивъ, что обращеніе Генриха IV не измѣняетъ дѣла, потому что это только притворство, съ цѣлью вѣрнѣе погубить католицизмъ. Комоле, нашедшій Аода, съ радостью возвѣстилъ объ этомъ своимъ прихожанамъ, говоря: „Утѣшьтеся, черезъ нѣсколько дней совершится чудо; помолимся, чтобы оно совершилось благополучно.“ Барьеръ, окончательно утвердившись въ своемъ намѣреніи, купилъ большой ножъ, наточилъ его съ обѣихъ сторонъ и, узнавъ, что король въ Сень-Дени, отправился туда. Но не найдя въ Сень-Дени удобнаго случая, онъ послѣдовалъ за Генрихомъ въ Груе, потомъ въ Креси, оттуда въ Шанъ-сюръ-Марнъ, въ Бри-Контъ-Робертъ и наконецъ въ Меленъ, все ожидая случая пустить въ дѣло свой ножъ. Но 26 августа въ Меленъ прибылъ и Бранкалеонъ, и по доносу его Барьеръ былъ въ тотъ же день арестованъ. Онъ сознался во всемъ и уже 31 августа былъ казненъ. Соумышленниковъ его, іезуитовъ, нельзя было взять,

потому что они были за стѣнами Парижа, а когда столица сдалась королю, Обри, Варадъ и Комоле удалились въ Авиньонъ въ свитѣ кардинала-легата.

Первая неудача не остановила іезуитовъ, тѣмъ болѣе, что король продолжалъ дѣлать успѣхи и наконецъ овладѣлъ Парижемъ. 27 декабря 1594 Генрихъ IV, одержавъ новыя побѣды надъ врагами, возвратился изъ Пикардіи въ Парижъ. Народъ привѣтствовалъ его съ восторгомъ, и веселый король съ блестящей свитой поѣхалъ прямо въ отель Бушажъ, гдѣ жила его любовница, Габріель д'Этре, герцогиня де Бофоръ. Сюда были допущены всѣ желающіе поздравить короля съ благополучнымъ возвращеніемъ. Между прочимъ къ нему приблизился одинъ дворянинъ, де Монтиньи, и преклонилъ предъ нимъ колѣно. Генрихъ живо нагнулся, чтобы поднять его. Въ ту же минуту изъ-за Монтиньи на короля бросился какой-то блѣдный, худой юноша и нанесъ ему сильный ударъ ножомъ. Ударъ былъ направленъ въ грудь, но какъ король нагнулся, то пришелся ему въ ротъ, вышибъ зубъ и прокололъ губу. Генрихъ упалъ безъ чувствъ. Всѣ присутствующіе бросились на убійцу, который едва не былъ тутъ же изрубленъ. Но король, прійдя въ себя, приказалъ арестовать его. Тотчасъ приступили къ допросу, который продолжался до поздней ночи, и здѣсь же узнали всю правду. Юноша назывался *Жанъ Шателъ* и былъ сынъ зажиточнаго ткача *Пьера Шателя* и *Денизы*, урожденной *Азоръ*. Отецъ, желая дать ему хорошее воспитаніе, отдалъ его въ клермонскую іезуитскую коллегію, гдѣ онъ учился до 18-лѣтняго возраста. Здѣсь профессоръ философіи, о. Жанъ Гере, часто внушалъ ему, какую услугу передъ Богомъ приобрѣлъ бы тотъ, кто убилъ бы тирана Генриха IV. Мало-по-малу эта мысль овладѣла умомъ молодаго фанатика, и онъ обратился за совѣтомъ къ ректору коллегіи, о. *Жану Гиньяру*, который окончательно укрѣпилъ его въ этомъ намѣреніи. Обнаруженіе всего этого привело парижанъ въ такое негодованіе, что пришлось окружить клермонскую коллегію войсками,

чтобы защитить ее отъ народа, который успокоился только, узнавъ, что оо. Гере и Гиньярь арестованы, и collegія будетъ строго обыскана. У Гиньяра нашли много іезуитскихъ сочиненій въ пользу царевубійства и между прочимъ его собственную рукопись, гдѣ онъ доказывалъ, что не будетъ церкви мира, пока престолъ не отнять у Бурбоновъ, и что не можетъ быть болѣе святаго поступка, какъ явно или тайно извести „беарнскую язву“ или „современнаго Ирода.“ Уже 29 декабря парламентъ приговорилъ всѣхъ трехъ арестантовъ къ варварской смертной казни, которая была совершена въ тотъ же вечеръ при свѣтѣ факеловъ. Шатель былъ проведенъ къ церкви Богоматери въ одной рубашкѣ, гдѣ его заставили на колѣняхъ молиться объ отпущеніи ему грѣха. Оттуда его отвезли на позорной колесницѣ на Гревскую площадь, гдѣ казнь началась раздираніемъ ему тѣла раскаленными щипцами. Потомъ взяли ножъ, которымъ онъ ранилъ короля, привязали къ рукѣ и сожгли эту руку на медленномъ огнѣ. Наконецъ къ рукамъ и ногамъ припрягли лошадей и, заставляя ихъ тянуть въ разныя стороны, разорвали его на четыре части. Потомъ эти куски положили на костеръ и сожгли. Такія каннибальскія жестокости, конечно, должны вызвать негодованіе, и несчастный Шатель вызываетъ только состраданіе, хотя жертвой его былъ одинъ изъ благороднѣйшихъ людей, когда-либо занимавшихъ престолы. Свирѣпыя палачи не удовольствовались однако этимъ зрѣлищемъ, которое могло бы заставить рыдать даже краснокожихъ индейцевъ. 7 января 1595 г. былъ проведенъ съ той же процессіей, какъ и Шатель, къ церкви Богоматери о. Жанъ Гиньярь и потомъ повѣшенъ на Гревской площади. О. Гере былъ помилованъ, но съ пятью товарищами изгнанъ на вѣчныя времена изъ Франціи. Наконецъ всѣмъ іезуитамъ было велѣно удалиться изъ Франціи, какъ нарушителямъ общественнаго спокойствія и развратителямъ юношества. Домъ, гдѣ жилъ Шатель, былъ по приговору парламента срытъ, и

на его мѣстѣ воздвигнута пирамида, на которой золотыми буквами описаны злые происки іезуитовъ.

Декретъ объ изгнаніи іезуитовъ изъ Франціи былъ подписанъ 8 января 1595, и всѣ власти сначала энергически принялись выполнять его. Были изгнаны не только іезуиты, но и многіе ученики ихъ, казавшіеся опасными по фанатизму. Такъ 21 марта 1595 былъ изгнанъ изъ Франціи нѣкто *Бель*, и другой іезуитскій воспитанникъ *Ге*, который неоднократно выражалъ желаніе, чтобы кто-нибудь сломилъ королю шею. Іезуиты думали избавиться отъ послѣдствій этого декрета мнимымъ выходомъ изъ ордена. Они слагали форменную одежду, объявляли, что вышли изъ ордена, но въ сущности, конечно, оставались, чѣмъ были. Но парламенты поняли эту продѣлку, и 21 августа 1597 г. вышелъ новый декретъ, которымъ іезуитамъ запрещалось проповѣдовать, преподавать и воспитывать. Этотъ декретъ соблюдался также очень строго. Когда городъ Ліонъ хотѣлъ назначить ректоромъ городской школы эксъ-іезуита *Порсана*, вышедшаго изъ ордена еще въ 1594 г., парламентъ воспротивился этому, и генераль-адвокатъ *Маріонъ* далъ въ своей рѣчи по этому поводу очень вѣрную оцѣнку іезуитовъ вообще, сказавъ: „Достаточно, чтобы кто-нибудь однажды побывалъ іезуитомъ, чтобы не довѣрять ему воспитанія.“

Тѣснимые правительствомъ, іезуиты искали убожища въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ еще была сильна лига, на югѣ и востокѣ Франціи, особенно въ Тулузѣ и Мецѣ. Но дѣла ихъ шли все хуже и хуже. Лига была побѣждена окончательно; герцогъ Майенъ покорился; Филиппъ II заключилъ съ Генрихомъ IV миръ; наконецъ вышелъ знаменитый нантскій эдиктъ, уравнявшій реформатовъ въ правахъ съ католиками, и папа далъ отпущеніе Генриху, признавъ его королемъ Франціи. По счастью для ордена, Генриху было необходимо содѣйствіе римскаго престола по дѣлу своему о разводѣ съ женой, Маргаритой Валуа. Когда въ 1599 г. шли объ этомъ переговоры, іезуиты употребляли всѣ усилія, чтобы заставить Клемен-

та VIII поставить возвращеніе ихъ во Францію необходимымъ условіемъ папскаго согласія на разводъ. Однако это пока не состоялось, такъ что еще около этого времени былъ строго наказанъ по приговору парламента нѣкто де *Турнонъ*, даровавшій іезуитамъ убѣжище въ принадлежавшемъ ему мѣстечкѣ Турнонѣ. Но въ 1600 Генрихъ IV, разведясь съ женой, женился на фанатичной итальянкѣ, *Маріи Медичи*, которая пріѣхала во Францію въ сопровожденіи разныхъ проныръ-итальянцевъ, въ томъ числѣ и іезуитовъ. Ея духовникомъ былъ іезуитскій патеръ, о. *Лоренцъ Магіусъ*, который, разумѣется, едва вѣхавъ во Францію, началъ хлопотать о возвращеніи своихъ собратьевъ. Пользуясь законной женой короля, іезуиты не пренебрегали и расположеніемъ его многочисленныхъ любовницъ и сводниковъ. За нихъ особенно хлопотали при дворѣ *Бельльсвръ* и *Ла-Варенъ*, игравшіе при Генрихѣ IV такую же роль, какъ поставщикъ знаменитаго Оленьяго парка, Лебель, при Лудовикѣ XV. Кромѣ того іезуиты еще существовали въ лотарингскихъ владѣніяхъ Франціи, особенно въ столицѣ ихъ Мецѣ. Когда и эта провинція была очищена отъ послѣднихъ остатковъ лиги, дворъ переѣхалъ въ Мецъ, и здѣшній іезуитскій провинціалъ, о. *Игнатій Арманъ*, въ союзѣ съ о. Магіусомъ и сводникомъ Ла-Варенемъ, пустилъ въ ходъ всевозможныя интриги, чтобы добиться отмѣны декрета 1595 года. Въ началѣ сентября 1603 интриги эти увѣнчались успѣхомъ. Іезуитамъ было дозволено возвратиться во Францію, хотя съ разными ограниченіями. Всѣ они должны были дать особую присягу въ томъ, что будутъ соблюдать государственные законы и не станутъ пользоваться тѣми изъ своихъ привиллегій, которыя противорѣчатъ этимъ законамъ. Сверхъ того дозволено было жить во Франціи только іезуитамъ, французамъ по происхожденію.

Конечно, всѣ эти ограниченія не могли связать орденъ, который всегда имѣетъ готовое средство не стѣсняться никакими клятвами и присягами. Притомъ самъ король, какъ

хитрый дипломатъ, желалъ угодить и нашимъ, и вашимъ, а главное — какъ можно болѣе заставить забыть свою прежнюю ересь, столь несогласную съ его положеніемъ на престолѣ „христіаннѣйшихъ“ государей. Онъ охотно исполнилъ желаніе жены взять себѣ іезуита въ духовники, хотя конечно, онъ былъ слишкомъ уменъ, чтобы это могло доставить ордену излишнее вліяніе, какое доставляло имъ руководство совѣстью другихъ королей. Для него, какъ для человека невѣрующаго, все это было политической комедіей, и ему было все равно, съ кѣмъ разыгрывать ее, съ іезуитомъ ли, или съ кальвинскимъ проповѣдникомъ. Но этотъ духовникъ, о. *Коттонъ*, былъ тоже малый непромахъ, и хотя не могъ претендовать на такое значеніе, какимъ пользовались Ла-Шезъ при Лудовикѣ XIV или Ламормайнъ при Фердинандѣ II, но умѣлъ-таки соблюдать интересы своего ордена. Первымъ результатомъ его стараній было уничтоженіе въ маѣ 1606 г. позорнаго столба, воздвигнутаго ордену послѣ покушенія Шателя.

Однако такой правитель, какъ Генрихъ IV, не могъ быть по сердцу католической партіи при тогдашнемъ положеніи дѣлъ въ Европѣ. Это положеніе было такого рода, что готовилась рѣшительная борьба между протестантствомъ и католичествомъ. Могущество Франціи, возстановленное мудрымъ управленіемъ Генриха IV и Сюли, должно было рѣшить эту борьбу въ ту сторону, на которую склонилось бы. Если бы во Франціи царствовалъ католическій фанатизмъ, какимъ была воодушевлена, напр., жена Генриха IV, Марія Медичи, тогда, безъ сомнѣнія, она приняла бы сторону напско-испанской партіи. Но такой политикъ, какъ Генрихъ IV, былъ чуждъ религіозныхъ соображеній. Зато онъ боялся могущества габсбургскаго дома, который страшно усилился бы, если бы задавилъ въ Германіи протестантство. Поэтому французскій король рѣшился принять сторону угрожаемыхъ протестантовъ и воспользоваться первымъ случаемъ, чтобы разсѣять замыслы австро-испанской политики, пока она не ус-

пѣла окончательно приготовиться къ своимъ завоевательнымъ планамъ. Этотъ случай представился въ 1609 г. въ дѣлѣ о наслѣдствѣ Юлиха, которое мы предполагаемъ извѣстнымъ читателю изъ всемірной исторіи. Весной 1610 Генрихъ IV приготовлялъ походъ на помощь протестантскому претенденту на Юлихъ, чтобы подъ этимъ предлогомъ нагрянуть на австро-испанскую партію и принудить ее отказаться навсегда отъ своихъ честолюбивыхъ намѣреній. Вся судьба католицизма стояла на картѣ. Онъ надѣялся воспользоваться слабостью и раздорами германскихъ реформатовъ и возвратить себѣ все потерянное въ прошломъ столѣтіи, и вотъ приходилось разстаться съ этими мечтами и ограничиться той скромной долей, какую согласенъ былъ предоставить ему французскій король. Но эти мечты могли осуществиться, опасность можно было отвратить и сдѣлать Францію изъ врага союзницей въ предстоящей борьбѣ. Для этого нужно было только, чтобы умеръ Генрихъ IV и чтобы за малолѣтствомъ его сына правленіе перешло въ руки жены его. Немудрено, что, понимая это, видя, какіе великіе интересы связаны съ его жизнью, Генрихъ вспомнилъ, какъ дѣйствуетъ въ такихъ случаяхъ партія, которой онъ грозилъ, вспомнилъ Барьера и Шателя и предался мрачнымъ предчувствіямъ. „Нѣтъ, мой другъ, говорилъ онъ Сюли, — не бывать мнѣ въ этомъ походѣ; они убьютъ меня здѣсь.“

14 мая 1610 г. въ 4 часа пополудни Генрихъ IV отправился изъ Лувра, чтобы сдѣлать визитъ больному Сюли и вмѣстѣ съ тѣмъ проститься съ нимъ, такъ какъ на слѣдующій день долженъ былъ выступить во главѣ арміи. Онъ ѣхалъ въ открытой со всѣхъ сторонъ каретѣ; рядомъ съ нимъ сидѣлъ герцогъ д'Эпернонъ, напротивъ маркизь де-Мирабо и Диплесси де-Ліанкуръ; мѣста направо у дверецъ (внутренность придворныхъ каретъ тогдашняго времени была иного устройства, чѣмъ теперь) занимали маршалы де-Лаварденъ и де Роклоръ, налѣво герцогъ де-Монбазонъ и маркизь де-Ла-Форсъ, такъ что можно было сказать, что король на-

ходилъся подъ хорошей защитой, хотя на этотъ разъ, во избѣжаніе блеска, его не сопровождала, какъ всегда, королевская гвардія. Въ довольно узкой улицѣ де-ла-Феронри карета должна была остановиться, такъ какъ улица загромождена была фурами, и король, наклонясь къ маршалу де-Лавардену, спросилъ его, что случилось. Въ эту минуту изъ стоявшей толпы выступилъ человѣкъ и приблизился къ каретѣ, какъ бы желая ближе посмотреть на короля. Подойдя къ экипажу, онъ, быстро вскочивъ за заднее колесо, вынулъ острый ножъ и дважды погрузилъ его въ грудь короля. Первый ударъ скользнулъ по ребру, второй прямо поразилъ въ сердце, и Генрихъ, исходя кровію, за-мертво палъ на руки герцога д'Эпернона. Убійца намѣревался бѣжать, но тщетно. Его схватили прежде, чѣмъ онъ успѣлъ отбросить свой окровавленный ножъ, и передали главному профосу, который отвезъ его въ Консьержри. Еще не успѣло остыть тѣло убитаго монарха, какъ вдова его, королева *Марія Медичи*, созвала парламентъ не съ тѣмъ, какъ бы слѣдовало ожидать, чтобы начать слѣдствіе о совершенномъ убійствѣ, но чтобы объявить себя опекуншей и правительницей за малолѣтствомъ девятилѣтняго сына своего, Людовика XIII. Это было ея главною заботою, точно такъ же, какъ и ея друзей, іезуитовъ, и тайнаго ея любимца и любовника Кончини, орудія ордена, котораго впослѣдствіи она сдѣлала маркизомъ и маршаломъ д'Анкрь. Только когда она дѣйствительно достигла своей цѣли, именно 17 мая, стало быть, три дня спустя по совершеніи убійства, виновный былъ призванъ къ допросу предъ парламентомъ. Онъ объявилъ, что его зовутъ *Франсуа Равальякъ*, что родился онъ въ 1578 году въ Ангюлемѣ, гдѣ много лѣтъ былъ учителемъ. На убійство короля онъ уже давно рѣшился и именно потому, что Генрихъ былъ врагомъ католицизма и вступилъ въ союзъ съ врагами церкви, еретиками протестантами. Убійство подобнаго государя, по его мнѣнію, не только позволительно, но составляетъ высокодостойный по-

двигъ; поэтому онъ, если только представится случай, намѣренъ и вторично поступить такъ же. Въ настоящемъ смыслѣ слова соучастниковъ у него нѣтъ, поэтому онъ и не можетъ назвать ихъ. Онъ не отрекался отъ своихъ словъ и подъ пыткой, прибавивъ лишь одно, что намѣреніе свое незадолго передъ выполненіемъ открылъ патеру *Обиньи* и, исповѣдывавшись у него, получилъ причастіе.

Стало быть, какъ выражался преступникъ, непосредственныхъ соучастниковъ, кромѣ патера *Обиньи*, у него не было. Но увѣреніе это было вѣроятно ложно, потому что враги *Генриха IV* уже давно знали, что убійство должно совершиться и когда именно. Такимъ образомъ достовѣрно извѣстно, что за двѣ недѣли до этого въ Мадридѣ, Миланѣ, Антверпенѣ, Дуэ, Аррасѣ, Брюсселѣ, Мехельнѣ и Прагѣ, гдѣ, какъ извѣстно, полновластвовали іезуиты, очень опредѣлительно было говорено о близкой смерти *Генриха*; кромѣ того многія лица въ Руанѣ получили письма изъ Брюсселя, въ которыхъ просили извѣстій объ убійствѣ, хотя въ то время король былъ еще живъ. За недѣлю до убійства одинъ курьеръ, проѣзжая черезъ Люттихъ, рассказывалъ, что везетъ нѣмецкимъ государямъ извѣстіе, что король французскій убитъ. На алтарѣ соборной церкви въ Монтаржи была найдена записка, въ которой говорилось, что одинъ смѣльчакъ скоро покончитъ съ королемъ; въ Неаполѣ патерь Лагона официально съ кафедры объявилъ о его смерти. Въ Пуатье, отстоявшемъ на два дня пути отъ Парижа, тамошній городской судья, за игрой въ кегли, въ большомъ обществѣ произнесъ слѣдующія слова: „Или король уже умеръ, или въ эту минуту умираетъ“; и когда былъ впоследствии арестованъ для допроса, такъ какъ у него было два сына въ іезуитахъ, то удавился своимъ поясомъ. Нѣкто *Тарге*, въ Парижѣ, получилъ изъ Герцогенбуша письмо, въ которомъ за двѣ недѣли до смерти короля его извѣщали, что въ этомъ городѣ почти съ каждымъ часомъ ждутъ извѣстія о великомъ событіи во Франціи, также

какъ и въ австрійскихъ провинціяхъ Бельгіи денно и ночью совершаютъ молебствія о томъ, чтобы важное намѣреніе было приведено къ желаемому концу. Точно также въ Кельнѣ на Рейнѣ между испанцами, занимавшими тамъ гарнизонъ, еще въ началѣ мая ходилъ таинственный слухъ, что скоро не будетъ Генриха, а въ Мاستрихтѣ къ этому прибавляли, что тогда-то наступитъ удобное время вмѣсто Бурбона возвести на престолъ Франціи короля испанскаго. Короче, между всѣми добрыми католиками, особенно же въ городахъ, въ которыхъ находились іезуитскія collegіи, за нѣсколько недѣль до смерти Генриха былъ распространенъ слухъ о его скоромъ убіеніи; слухъ этотъ не могъ существовать, если бы у Равальяка не было соучастниковъ, и если бы не было ужаснаго заговора о совершеніи убійства. Подозрѣніе, по справедливости, падало на іезуитовъ, такъ какъ они, въ качествѣ сторонниковъ испанскаго двора и габсбургскаго дома, имѣли причины желать смерти Генриха; однако ничего точнаго не было открыто о личномъ участіи кого бы то ни было въ этомъ заговорѣ, потому что благодаря вліянію королевы регентши, великой покровительницы ордена Іисуса, процессъ противъ Равальяка былъ веденъ поверхностно и съ небрежностью, невиданною до тѣхъ поръ во Франціи. Боясь открыть соучастниковъ, старались удалить всѣхъ, кто могъ сколько-нибудь навести на истину. Такимъ образомъ нѣкоторые лица, какъ капитанъ гвардіи Дю-Жарденъ и госпожа Команъ, прежняя камерфрау маркизы де Вернейль, которымъ по случаю особыхъ обстоятельствъ извѣстны были нѣкоторые изъ посѣщавшихъ Равальяка въ послѣднее время, были оставлены въ сторонѣ, пока не конченъ былъ процессъ, и потомъ посланы за границу. Кромѣ того, вмѣсто всякой ответственности, которой бы долженъ подвергнуться патеръ Обиньи, знавшій о задуманномъ преступленіи и не объявившій о немъ, удовольствовались его объясненіемъ, что онъ не можетъ вспомнить, что повѣрялъ ему Равальякъ, потому что благодаря Бога одаренъ качествомъ забывать сейчасъ же все,

въ чемъ ему каются на исповѣди. Однимъ словомъ, старались ничего не узнать и дѣйствительно не узнали; члены парламента, слѣдуя высшему распоряженію, уклонялись отъ всякаго точнаго изслѣдованія, а о томъ, чтобы Равальякъ оставался при своемъ прежнемъ показаніи, заботился патеръ *Коттонъ*, знаменитый придворный духовникъ, который неоднократно посѣщалъ преступника. Такимъ образомъ Франсуа Равальякъ пострадалъ одинъ и былъ приговоренъ къ такой же ужасной смерти, какъ и Жанъ Шатель. Казнь была совершена 27 мая 1610 года; между тѣмъ истинно виновные, приведшіе несчастнаго къ такому концу, потирали отъ удовольствія руки, потому что достигли того, къ чему стремились.

Упрочивъ за собою регентство, Марія, королева-вдова, измѣнила совершенно систему правленія, т. е. отказалась отъ основанной ея покойнымъ супругомъ коалиціи и заключила дружбу съ враждебной Франціи Испаніей. Въ довершеніе этого новаго союза она обручила сына своего, юнаго Лудовика XIII съ инфантой Анной, а дочь свою Елисавету— съ принцемъ Астурійскимъ. Чего послѣ этого оставалось желать іезуитамъ? Конечно, всякій разумный человѣкъ не могъ сомнѣваться, что подобный союзъ былъ не въ интересахъ Франціи, и ясно было, что послѣдствіемъ этого будетъ новая междоусобная распря съ гугенотами, которые въ царствованіе Генриха IV жили мирно и спокойно подъ защитою закона. Но все это нисколько не тревожило королеву-правительницу, которая принадлежала къ наибольшимъ ханжамъ своего времени и во весь періодъ своего правленія не переставала поступать такъ, какъ внушали ей іезуиты. Въ началѣ царствованія Лудовика XIII іезуиты также сохранили свое вліяніе при дворѣ, что доказывается тѣмъ, что духовники его, патеры *Коттонъ*, *Арну*, *Сирванъ*, и *Косанъ*, всѣ были іезуиты и это имѣло тотъ результатъ, что въ 1621 г. религіозная война дѣйствительно началась съ гугенотами. Однако черезъ годъ война кончилась тѣмъ, что протестанты получили снова

свою религиозную свободу, гарантированную нантскимъ эдиктомъ. Они опять могли исповѣдывать протестантскую религію, слушать протестантскія проповѣди и отправлять протестантское богослуженіе; однако при этомъ, по настоянію іезуитовъ, всѣмъ гугенотамъ запрещалось вступать въ государственную службу, и были произведены различныя мѣры, чтобы помѣшать благосостоянію протестантовъ во Франціи. Такимъ образомъ въ царствованіе Лудовика XIII большое число протестантовъ должно было обратиться къ католицизму, потому что самъ кардиналъ Ришелье, съ 1624 сдѣлавшійся первымъ министромъ короля, слѣдовалъ совѣтамъ іезуитовъ, хотя въ остальныхъ политическихъ вопросахъ сильно мѣшалъ ихъ намѣреніямъ. Именно онъ воскресилъ планъ Генриха IV, во что бы ни стало смирить габсбургскій домъ, вслѣдствіе чего во время тридцатилѣтней войны сталъ на сторонѣ Швеціи и протестантовъ. Эта политика его увѣнчалась полнымъ успѣхомъ, такъ что въ концѣ войны Франція сдѣлалась гораздо могущественнѣе, чѣмъ была до того времени, между тѣмъ какъ Испанія и Австрія стали не въ состояніи поддерживать свою прежнюю роль въ Европѣ. Самъ Ришелье не дожился до этой радости точно такъ, какъ и Лудовикъ XIII; оба они умерли прежде этого, первый въ 1642, второй на слѣдующій годъ, и имъ наследовалъ Лудовикъ XIV, котораго многіе называютъ великимъ, хотя онъ не заслуживаетъ этого названія. Какъ бы то ни было, онъ явилъ свое величіе тѣмъ, что слѣдовалъ политикѣ Ришелье и съ самаго начала царствованія стремился къ тому, чтобы какъ можно болѣе ослабить и смирить Испанію и Австрію. Тогда, по мѣрѣ угасанія величія Габсбурговъ, іезуитамъ блеснула новая мысль. Идею христіанской всемірной монархіи не могъ осуществить домъ Габсбурговъ, и эта роль, такъ рѣшили они теперь, скорѣе всего должна принадлежать Франціи, почему они не медля покинули знамена Австріи и Испаніи, чтобы душою и тѣломъ предаться христіаннѣйшему королю Лудовику XIV. Ему хотѣли они отсель служить всѣми своими силами, бороться за его

интересы, какъ за свои собственные, понятно, съ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ съ своей стороны оказывалъ имъ расположеніе и всегда былъ послушенъ ихъ совѣтамъ. Договоръ былъ заключенъ и вѣрно хранимъ обѣими сторонами. Съ этихъ поръ онъ былъ подъ полнымъ вліяніемъ іезуитовъ, которое было главнымъ образомъ сосредоточено въ королевскомъ духовникѣ, патерѣ *Ла-Шезъ*, и въ преемникѣ его, патерѣ *Летелье*, а также въ королевской фавориткѣ, госпожѣ *де Ментенонъ*, которая была вполне предана іезуитамъ. Я не буду распространяться объ ужасныхъ послѣдствіяхъ владычества іезуитовъ, владычества по-истинѣ исключительнаго; читатель можетъ узнать все это изъ всеобщей исторіи, гдѣ съ подробностью описанъ періодъ царствованія Лудовика XIV во Франціи и отношеніе его къ остальной Европѣ. Однако я не долженъ умолчать о томъ, что іезуиты главнымъ образомъ злоупотребляли своимъ могуществомъ съ цѣлію заставить короля нарушить нантскій эдиктъ, чтобы чрезъ это всѣхъ его протестантскихъ подданныхъ привести на лоно всесвятой церкви. Нарушеніе эдикта было встрѣчено стономъ, который раздался по всей Франціи до Савойи, гдѣ герцогъ, по повелѣнію Лудовика XIV, въ сопровожденіи цѣлаго полчища палачей и солдатъ, — частію драгуновъ, отчего и выраженіе „драгонады“ — началъ задуманное сынами Лойолы искорененіе презрѣннаго еретичества. И дѣйствительно, истребленіе это совершилось, но цѣною ста тысячъ жертвъ, которыя скорѣе рѣшились умереть, чѣмъ идти слушать мессу, за исключеніемъ другихъ ста тысячъ, которыя подъ чужимъ платьемъ, оставивъ все свое имущество, бѣжали за границу. Но умолчимъ обо всѣхъ этихъ ужасахъ, не уступающихъ тѣмъ, которые совершались во время тридцатилѣтней войны, умолчимъ о нихъ, потому что вездѣ, гдѣ только господствовалъ орденъ Іисуса, онъ ознаменовывалъ себя такими дѣлами.

Въ 1715 г. по смерти Лудовика XIV наслѣдовалъ престолъ его шестилѣтній правнукъ его, Лудовикъ XV, а за малолѣтствомъ его, правленіе государствомъ поручено было гер-

цогу Орлеанскому, какъ старшему принцу крови. Въ его регентство іезуиты сохранили свое могущество во Франціи, потому что любимецъ и министръ регента, знаменитый кардиналъ *Дюбуа*, былъ ихъ открытый другъ, посредствомъ ихъ получившій кардинальскую шапку и потому покровительствовавшій имъ въ ихъ спорахъ съ янсенистами. Еще большимъ преимуществомъ пользовались сыны Лойолы при Лудовикѣ XV; извѣстно, что королевскій духовникъ, патеръ *Клодъ Бертранъ Ташеро де-Меньересъ*, имѣлъ огромное вліяніе на короля. Кромѣ того они пользовались расположеніемъ кардинала *Флери*, который, въ качествѣ перваго министра Лудовика XV, безгранично властвовалъ во Франціи до 1743 года, а потому нельзя было предполагать, чтобы могущество ихъ поколебалось, пока Лудовикъ XV былъ на престолѣ. Однако такъ случилось и даже чрезъ посредство женщины, именно маркизы Помпадуръ, которая сдѣлалась съ 1745 года могущественной любовницей короля. Около этого времени, слѣдовательно, въ половинѣ 18 столѣтія образовались въ Парижѣ и во всей Франціи двѣ сильныя партіи, янсенистовъ и молинистовъ, боровшіяся на жизнь и смерть, какъ я уже сказалъ въ предъидущей книгѣ. Всякому свободномыслящему борьба эта покажется смѣшною, потому что она основывалась лишь на незначительныхъ уклоненіяхъ въ дѣлѣ религіи; не смотря на то, іезуиты пожертвовали всѣмъ, чтобы уничтожить янсенистовъ, и такимъ образомъ довели своего сообщника, архіепископа парижскаго *Христофа де-Бомона*, до того, что онъ запретилъ всему своему духовенству совершать таинства причащенія и миропомазанія надъ умирающими и больными, которые не признавали себя безусловно противниками янсенистовъ. Но маркиза Помпадуръ была на сторонѣ янсенистовъ и потому склонила короля издать совершенно противный указъ. Кромѣ того, архіепископъ, какъ глава заговорщиковъ, былъ сосланъ въ Конflanъ, и всѣмъ его сообщникамъ, которые будутъ продолжать дѣйствовать въ его духѣ, обѣщано то же нака-

заніе. Послѣ этого въ борьбу эту вмѣшался парламентъ, и наконецъ произошла такая безобразная кутерьма, что ежеминутно можно было ожидать ниспроверженія существующаго порядка вещей. При этомъ самыми дѣятельными двигателями оказались іезуиты; они изустно и печатно съ величайшимъ презрѣніемъ отзывались о вѣроломствѣ короля, такъ что свѣтъ не могъ надивиться ихъ смѣлости. Вдругъ во время этого страшнаго замѣшательства разнесся слухъ, что Лудовикъ XV убитъ подосланнымъ убійцею.

Это произошло 5-го января 1757 года, въ сочельникъ, около 7 часовъ вечера въ версальскомъ дворцѣ. Король намѣревался съ Дофиномъ ѣхать въ Триононъ ужинать; одна гвардейская рота получила приказъ сопровождать экипажъ. Все было парадно; монархъ вышелъ изъ покоевъ въ сопровожденіи толпы придворныхъ, между которыми находились маршалъ Ришелье, канцлеръ Ламуаньонъ и хранитель печати Маго. У дворецъ коляски стоялъ герцогъ д'Айенъ, капитанъ королевской службы, и когда король подходилъ къ экипажу, гвардейцы отдали ему честь. Впрочемъ необходимо замѣтить, что не смотря на темноту вечера, освѣщеніе было весьма слабое: оно состояло изъ нѣсколькихъ свѣчъ, которыя несли съ полдюжины лакеевъ, а потому не замѣтили, какъ кто-то безъ малѣйшаго шума протолкался мимо гвардейцевъ и замѣшался въ толпу придворныхъ, окружавшихъ короля, въ тотъ самый моментъ, когда король подошелъ къ дверцамъ коляски. Вдругъ онъ почувствовалъ ударъ кинжаломъ въ грудь и, ощутивъ грудь рукою, замѣтилъ, что она въ крови. Быстро обернувшись и увидавъ предъ собою человѣка, покусившагося на его жизнь, онъ громко закричалъ: „Возьмите убійцу!“ Все это было дѣломъ одной минуты, и несчастнаго, который тотчасъ сознался въ своемъ преступленіи, потащили въ нижній этажъ замка, въ такъ называемый гвардейскій залъ, гдѣ его подробно обыскали. Кромѣ 30 тяжеловѣсныхъ червонцевъ, молитвенника и остраго ножа о двухъ лезвяхъ, у него ничего не нашли.

Потомъ его передали немедленно явившемуся главному профессору, который отвелъ его въ ту тюрьму, куда и прежде заключались цареубійцы. Пока все это происходило, мгновенно разнесся по всему городу слухъ, что король раненъ и даже убитъ; легко себѣ вообразить, какое волненіе произвела эта новость. Смущеніе при дворѣ еще усилилось, потому что сначала полагали, что король, немедленно удалившійся во внутренние покои, опасенъ, слѣдовательно, дѣло легко можетъ дойти до перемѣны царствованія. Партія Дофина, въ которой главное значеніе имѣли іезуиты, торжествовала; они довели Дофина до того, что онъ немедленно отдалъ повелѣніе маркизѣ Помпадуръ удалиться изъ Версаля и оставить дворъ. Между тѣмъ вскорѣ оказалось, что рана всеѣмъ не такъ опасна, и дѣйствительно, король черезъ нѣсколько дней былъ здоровъ. Извѣстившись объ этомъ, мадамъ Помпадуръ торжествующею явилась снова при дворѣ, и пріемъ, сдѣланный ей королевѣю, ясно доказалъ всеѣмъ, что она нисколько не потеряла въ могуществѣ и вліяніи на короля. Обратимся теперь къ убійцѣ.

Произведенное надъ нимъ слѣдствіе обнаружило, что онъ назывался *Робертъ Франсуа Даміенъ*, 42 лѣтъ, уроженецъ деревушки Тьетуа близъ Арраса, въ графствѣ Артуа. Отецъ его былъ арендаторомъ, который, обанкротившись, не обращалъ должнаго вниманія на воспитаніе своего сына. Родители были очень рады, когда имъ удалось пристроить его въ поваренки на кухню іезуитской коллегіи въ Аррасѣ; съ тѣхъ поръ онъ былъ совершенно предоставленъ самому себѣ и своему счастью. Однако послѣднее кажется не очень благопріятствовало ему: онъ не пошелъ дальше повара; въ послѣдствіи, удалившись изъ Арраса, онъ былъ лакеемъ у разныхъ господъ и въ разныхъ городахъ. Онъ не отличался ни солидною, ни строгою жизнью, хотя былъ воспитанъ іезуитами въ слѣпомъ фанатизмѣ; не смотря на это онъ велъ себя безпорядочно; воровство было ему также хорошо знакомо. Все это однако не мѣшало іезуитамъ поддерживать его,

когда онъ оставался безъ куска хлѣба, а это случалось нѣрѣдко; за два года до совершеннаго имъ преступленія, они дали ему въ Парижѣ, какъ прежде въ Аррасѣ, мѣсто повара въ коллегіи,—на этотъ разъ, впрочемъ, на короткое время, потому что вскорѣ рекомендовали его опять господамъ въ качествѣ лакея. Это послѣднее мѣсто онъ оставилъ за нѣсколько недѣль до совершеннаго имъ злодѣйства. Больше ничего неизвѣстно о его прежней жизни; но недовольно ли и этого, чтобы убѣдиться, что убійца былъ ничто иное, какъ орудіе въ рукахъ ордена Іисуса? Онъ не выдавалъ своихъ соучастниковъ, запираясь въ этомъ до первой пытки. Тогда онъ сознался, что за 8 дней до преступленія исповѣдовался одному іезуитскому патеру, отъ котораго получилъ отпущеніе грѣховъ. Кромѣ того, было еще много показаній, слишкомъ ясно свидѣтельствовавшихъ, что фанатикъ былъ подвигнутъ на цареубійство іезуитами, которымъ, во всякомъ случаѣ, хорошо были извѣстны его намѣренія. Иначе быть не могло. 5 января въ 8 часовъ вечера, два человѣка спрашивали кучера, проѣзжавшаго изъ Версаля чрезъ королевскій мостъ въ Парижѣ, не случилось ли въ Версали чего-нибудь новаго; послѣ отвѣта кучера, что онъ ничего новаго не знаетъ, одинъ изъ спрашивавшихъ, обратившись къ другому, сказалъ: „стало быть, штука не удалась?“ Кучеръ ясно видѣлъ, что у этихъ господъ подъ плащами была іезуитская одежда. 31 декабря 1756 г. жена одного бабмачника въ Парижѣ, по имени *Маргарита Лепинъ*, имѣвшая сына въ іезуитской коллегіи, писала родственнику своему въ Ланже, что 6 января она сообщитъ ему новость, о которой ему теперь и не снится. *Де-ля-Буасьеръ*, англійскій казначей въ Кале, въ одномъ обществѣ, гдѣ жарко спорили о настоящемъ положеніи Франціи, былъ свидѣтелемъ, какъ одинъ іезуитскій патеръ вскричалъ: „Пусть король остерегается, Равальяки всегда найдутся!“ Духовникъ королевы, польскій іезуитскій патеръ *Брианскій* — королева Марія Лещинская была дочь польскаго ко-

роля Станислава—за нѣсколько дней до преступленія говорилъ великому референдарію Польши, графу *Залуцкому*: „Помпадуръ властвовала бы долѣе другихъ, если бы вскорѣ не случилось чего-нибудь особеннаго.“ Однимъ словомъ, было достаточно свидѣтельство тому, что іезуиты были главными зачинщиками и во всякомъ случаѣ соучастниками этого дѣла, а потому парижане прямо обвиняли ихъ въ преступленіи. Но такъ какъ не было совершенно положительныхъ доказательствъ, то президентъ судной коммисіи, *Люну*, доброжелатель іезуитовъ, чтобы не затягивать долѣе этого процесса, разбирая всѣ мелочныя побочныя показанія, положилъ заодно съ большинствомъ судей, ограничиться только однимъ приговоромъ убійцы, Робера Франсуа Даміена. Конечно, общественное мнѣніе было недовольно такимъ исходомъ процесса, потому что всѣ ожидали и надѣялись, что по этому случаю достанется іезуитамъ; но неудовольствіе это надѣялись легко заставить забыть, устроивъ изъ казни осужденнаго чрезвычайное зрѣлище. Такъ и сдѣлали — даже еще болѣе, угостивъ народъ зрѣлищемъ страшныхъ мученій, о которыхъ до сихъ поръ онъ не имѣлъ понятія, мученія, отъ которыхъ ужасъ беретъ, даже читая о нихъ. А потому я скажу о нихъ короче. 28 марта въ 4½ часа, Даміенъ былъ выведенъ изъ тюрьмы и повлеченъ на эшафотъ, поставленный на Гревской площади. Тамъ его раздѣли до-нага и желѣзными цѣпями приковали къ столбу, поставленному посрединѣ эшафота. Потомъ руку его, совершившую преступленіе, обвязали сѣрою и до тѣхъ поръ держали надъ раскаленнымъ тазомъ, пока она совершенно не изжарилась и обуглилась. Далѣе раскаленными желѣзными щипцами вырывали у него куски мяса изъ груди, рукъ и ногъ, а въ раны вливали кипящее масло съ растопленнымъ свинцомъ и горючею смолою. Наконецъ къ рукамъ и ногамъ несчастнаго привязали четырехъ лошадей и, постепенно натягивая веревки, разорвали тѣло на 4 части. Эта отвратительная операція продолжалась три часа, и въ продолженіе этихъ трехъ часовъ несчастный жилъ; только по

окончаніи четвертованія онъ потерялъ сознаніе и испустилъ духъ.

Ужасная казнь убійцы возбудила отвращеніе парижанъ; они начали забывать, что на сообщниковъ его по какой-то необъяснимой причинѣ смотрѣли сквозь пальцы. Но нельзя этого сказать о маркизѣ Помпадуръ; она питала страшную злобу на всѣхъ, кто содѣйствовалъ ея изгнанію изъ Версаля, когда король былъ раненъ, т. е. на іезуитовъ; сердце ея жаждало мести надъ ними. Зная, однако, съ какими опасными врагами имѣетъ дѣло, она рѣшилась какъ можно осторожнѣе взяться за него и обдумать прежде каждый свой шагъ. Прежде всего она нашла нужнымъ войти въ короткія отношенія съ умными людьми и для этой цѣли очень близко сошлась съ *герцогомъ Шуазелемъ*, котораго подъ ея вліяніемъ король назначилъ первымъ министромъ. Этотъ новый любимецъ обладалъ такою умною и свѣтлою головою и вмѣстѣ съ тѣмъ столь сильнымъ и энергическимъ характеромъ, что его вскорѣ прозвали французскимъ Помбалемъ. Слѣдовательно, іезуиты имѣли основательную причину опасаться его и, собравъ всѣ свои силы, мужественно встрѣтить составленную противъ нихъ коалицію Помпадуръ-Шуазеля. Однако та недостижимая высота, на которую они стали при Лудовикѣ XIV, поселила въ нихъ такой духъ высокомерія, что они считали невѣроятнымъ, чтобы ихъ могущество могло когда-либо поколебаться, а потому противопоставили этой коалиціи только дерзость и смѣлость. Они позволяли себѣ даже больше: въ церковныхъ проповѣдяхъ съ кафедры публично осуждали короля за его отношенія къ Помпадуръ, надѣясь въ то же время, въ своемъ высокомеріи, что отношенія эти тотчасъ разорвутся, и король прогонитъ свою любовницу! Но до этого далеко не дошло, напротивъ того, король сталъ чувствовать теперь глубокое презрѣніе къ ордену Іисуса и соглашался съ своимъ министромъ, что всѣмъ безпорядкамъ и всему злу, происходившимъ тогда во Франціи, виною только одни іезуиты. Когда дѣло дошло до этого, Помпадуръ уже нетрудно

было приучить его къ мысли, что полезно было бы наконецъ совсѣмъ изгнать іезуитовъ изъ Франціи; съ этихъ поръ Шуазель выжидалъ только приличнаго случая, чтобы навсегда избавить отечество отъ ужаснаго ига этой черной когорты. Случай скоро представился. Въ это время патеръ Ла-Валеттъ сдѣлалъ то знаменитое банкротство, о которомъ я рассказывалъ въ четвертой книгѣ. Парламентъ, которому жаловались займодавцы, рѣшилъ, если читатель помнитъ, не въ пользу іезуитовъ и принудилъ ихъ заплатить долги Ла-Валетта. Далѣе, въ рѣшеніи сказано было, что общество, слѣдующее такимъ правиламъ, какъ орденъ іезуитовъ, не должно быть терпимо въ благоустроенномъ государствѣ: на основаніи этого рѣшенія Лудовикъ XV обратился въ Римъ къ генералу ордена *Риччи* въ 1762 году, съ просьбою о нѣкоторомъ измѣненіи статута ордена, по крайней мѣрѣ, для Франціи. Риччи съ гордостію отвѣчалъ: „*Sint ut sunt, aut non sint*,“ т. е. іезуиты должны оставаться какими есть, или кончить свое существованіе. Подобный же отзывъ прислалъ и папа Клементъ XIII, котораго король также просилъ о преобразованіи ордена; конечно, оба они, и папа, и генералъ, полагали, что такой высокомерный отказъ испугаетъ робкаго Лудовика XV. Но умная Помпадуръ и энергическій министръ Шуазель позаботились о томъ, чтобы онъ не испугалъ короля, а напротивъ, они убѣдили его предоставить парижскому парламенту право снова подробно разсмотрѣть весь статутъ ордена іезуитовъ. Парламентъ, исполнивъ это порученіе, нашелъ общество Игнатія Лойолы вреднымъ вообще, ученіе его оскорбительнымъ для христіанской нравственности и противорѣчащимъ всякому религіозному принципу, вездѣ во всѣхъ государствахъ возбуждающимъ величайшіе беспорядки, такъ что даже священная особа государя подвергается опасности. Далѣе, въ опредѣленіи парламента сказано было: „Подобное общество не должно существовать и въ такомъ видѣ должно быть уничтожено во Франціи. Настоящимъ членамъ ордена предоставляется

право остаться во Франціи, если они согласятся выйти изъ ордена, не имѣть никогда никакихъ сообщеній съ римскимъ генераломъ, передать свои коллегіи и другія учрежденія въ распоряженіе правительства и жить отдѣльно частными людьми; присягнувъ на вѣрноподданство и подчинясь государственнымъ законамъ, они могутъ разсчитывать на положенную пенсію.“ Такъ рѣшилъ парламентъ, но іезуиты не хотѣли согласиться и отвергли присягу. Они даже изгнали изъ своей среды пятерыхъ или шестерыхъ, какъ отверженныхъ и возмутителей, которые изъ 5,000 членовъ — такъ велико было число послѣдователей Лойолы во Франціи — сдѣлали исключеніе, торжественно вышли изъ ордена и изъявили готовность покориться постановленію высшаго государственнаго учрежденія. Это было уже черезъ-чуръ, а потому 9 марта 1764 г. въ торжественномъ засѣданіи парламента почти единогласно было рѣшено, чтобы всѣ вообще члены ордена іезуитовъ оставили французское королевство въ теченіе одного мѣсяца; это рѣшеніе было поднесено на утвержденіе короля, безъ чего, конечно, не могло имѣть силы; вниманіе всего свѣта было обращено на это обстоятельство; всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали, что онъ сдѣлаетъ. Послѣдователи Лойолы все еще надѣялись, что король не рѣшится утвердить рѣшеніе парламента; они не допускали той горькой истины, чтобы потомокъ Лудовика XIV серьезно могъ думать объ ихъ уничтоженіи; да кромѣ того Дофинъ былъ вполнѣ въ ихъ рукахъ, и они атаковали его со всѣхъ сторонъ, чтобы онъ не давалъ своего согласія на подобное рѣшеніе. На самомъ дѣлѣ и самъ монархъ колебался нѣкоторое время, но наконецъ въ ноябрѣ 1764 г. рѣшился и, конечно, не въ пользу іезуитовъ. Рѣшеніе состояло въ слѣдующемъ: съ этого времени общество іезуитовъ совершенно должно оставить Францію и всѣ подвластныя французскому скипетру земли и колоніи; всѣ члены ордена, не французы, немедленно должны удалиться изъ государства, а французскіе уроженцы только въ томъ случаѣ могутъ осъ-

таться въ отечествѣ, если откажутся отъ всѣхъ своихъ духовныхъ обязанностей и на будущее время будутъ жить частными людьми, подчиняясь законамъ. Такимъ образомъ, Лудовикъ XV утвердилъ изгнаніе іезуитовъ, а чтобы декретъ этотъ былъ въ строгости исполненъ, о томъ позаботился герцогъ Шуазель, его первый министръ и совѣтникъ.

КНИГА СЕДЬМАЯ.

СМЕРТЬ И ВОСКРЕСЕНИЕ ІЕЗУИТОВЪ.

ГЛАВА І.

Уничтоженіе ордена Іисуса папой Клементомъ XIV.

Можно представить себѣ негодованіе генерала ордена Риччи при извѣстіи объ изгнаніи іезуитовъ изъ Португаліи, Испаніи и Франціи. Но ему предстояли еще худшія несчація. Въ 1767 году Фердинандъ IV, король неаполитанскій и сицилійскій, наслѣдовавшій въ 1759 эти владѣнія отъ своего отца, Карла III Испанскаго, побуждаемый отцомъ и своимъ либеральнымъ министромъ *Бернардо Тануччи*, рѣшился изгнать іезуитовъ изъ своихъ владѣній, такъ какъ они нарушали спокойствіе и благосостояніе его подданныхъ. Въ ночь съ 20 на 21 ноября всѣ іезуиты въ его владѣніяхъ, были внезапно арестованы, отправлены въ ближайшія гавани а оттуда на военныхъ судахъ въ Чивита-Веккію въ Церковной Области. Генераль и папа *Клементъ XIII* были приведены этимъ событіемъ въ величайшую ярость, и папа горячо протестовалъ противъ такого насилія. Но протестъ и жалобы императору не произвели никакого результата. Напротивъ того, примѣръ неаполитанскаго правительства увлекъ и дру-

гихъ итальянскихъ владѣтелей: гросмейстеръ Іоаннитскаго ордена на островѣ Мальтѣ, *Эммануэль Пинто*, и герцогъ пармскій, *Фердинандъ*, близкій родственникъ короля испанскаго, также приказали ночью перехватать іезуитовъ на Мальтѣ и въ Пармѣ и препроводить ихъ въ Церковную Область. Это тѣмъ болѣе возмутило папу, что герцогъ пармскій былъ вассаломъ св. престола. Въ своемъ негодованіи Клементъ XIII издалъ 30 января 1768 буллу подъ именемъ мониторинга, которая была совершенно несовременна и безсильна остановить паденіе іезуитовъ. Этой буллой Клементъ объявлялъ недѣйствительными декреты герцога пармскаго противъ іезуитовъ, запрещалъ пармскимъ епископамъ слѣдовать имъ и предавалъ церковному отлученію всѣхъ, кто затѣвалъ, обнародовалъ и выполнялъ ихъ, стало быть, прежде всего самого герцога и его министра, *Дю-Тильо*, повелѣвая не давать имъ причастія, пока они не подчинятся папѣ и не заслужатъ его прощенія. Но времена Григоріевъ VII и Иннокентіевъ III, когда подобныя буллы имѣли страшное дѣйствіе, прошли, и на громахъ Клемента XIII никто не обратилъ вниманія. Напротивъ того, когда онъ приказалъ прибить свою буллу къ дверямъ всѣхъ церквей Рима, со всѣхъ сторонъ поднялись крики о злоупотребленіяхъ духовной власти, и правительства французское, испанское, португальское и неаполитанское протестовали противъ буллы. Итальянскія правительства особенно горячо вступились за герцога пармскаго; въ Венеціи, Генуѣ, Монако и другихъ городахъ было всенародно прочитано при звукѣ трубъ и литавръ объявленіе, что папа не имѣетъ права вмѣшиваться въ государственныя дѣла. Всѣ требовали, чтобы Клементъ XIII отмѣнилъ свою буллу и уничтожилъ орденъ іезуитовъ. Но чѣмъ болѣе къ нему приставали, тѣмъ онъ становился упрямѣе. „Я скорѣе соглашусь погибнуть, говорилъ онъ, чѣмъ сдѣлаю что-нибудь противъ іезуитовъ, единственной опоры моего престола; пусть лучше погибнетъ весь міръ, чѣмъ падутъ іезуиты, потому что съ ними падетъ все христіанство.“ Онъ не только не снялъ съ герцога парм-

скаго проклятiя, но обратился ко всеѣмъ правительствамъ, изгнавшимъ iезуитовъ, съ требованiемъ отмѣнить это распоряженiе и отставить министровъ, которые издали его. Это побудило бурбонскiя правительства прибѣгнуть къ рѣшительнымъ мѣрамъ: король неаполитанскiй занялъ Беневентъ и Понте-Корво, а король французскiй — Авиньонъ и графство Венесенъ. Они не имѣли никакого права на эти папскiя владѣнiя, но хотѣли доказать папѣ, что не намѣрены терпѣть его притязанiй и въ случаѣ надобности не задумаются занять и самую Церковную область. Но дѣло до этого не дошло: въ ночь на 3 февраля 1769 Клементъ XIII скоропостижно умеръ отъ удара, и короли тотчасъ остановили дальнейшiя мѣры принужденiя, надѣясь, что наслѣдникъ его будетъ уступчивѣе.

Но въ конклавѣ у iезуитовъ была сильная партiя. Онъ открылся 15 февраля, и при первой подачѣ голосовъ большинство, хотя недостаточное, оказалось на сторонѣ извѣстнаго приверженца iезуитовъ, кардинала *Киджи*. Онъ непремѣнно былъ бы избранъ при второй подачѣ голосовъ, если бы кардиналы *Орсини* и *де Берни* не объявили отъ имени королей неаполитанскаго и французскаго, что избранiе будетъ считаться недѣйствительнымъ, если не дождутся съѣзда иностранныхъ кардиналовъ изъ Неаполя, Парижа, Лиссабона и проч. Впрочемъ и по прибытiи этихъ прелатовъ побѣда долго колебалась бы и, можетъ быть, кончилась бы торжествомъ iезуитовъ, если бы государи не объявили конклаву, что если онъ не выберетъ ихъ кандидата, то избранный будетъ уже не папа, а просто римскiй епископъ, потому что короли Францiи, Испанiи, Неаполя и Португалiи учредятъ въ своихъ государствахъ независимыхъ отъ Рима патрiарховъ. Тогда 18 мая былъ избранъ кардиналъ *Ганганелли*, давшiй государямъ письменное обязательство уничтожить орденъ iезуитовъ, если они возведутъ его на престолъ св. Петра. Джованни Виченцо Антонiо Ганганелли, сынъ добраго католика, итальянскаго врача, родился 31 октября 1705 въ Санъ-Арканджело

близъ Римини. Посвятивъ себя сначала медицинѣ, онъ оказалъ значительные успѣхи въ этой наукѣ, но по смерти отца 18 лѣтъ поступилъ въ монахи въ францисканскій орденъ и съ жаромъ принялся изучать богословіе. Впослѣдствіи на него обратилъ вниманіе умный папа Бенедиктъ XIV и далъ ему важную должность совѣтника инквизиціи. Клементъ XIII сдѣлалъ его въ 1759 году кардиналомъ и приглашалъ его въ совѣтъ во всѣхъ важныхъ дѣлахъ, особенно по дѣлу іезуитовъ. Іезуиты выдумали, будто онъ былъ родомъ нѣмецкій еретикъ, назывался Іоганъ Георгъ Ванге и пришелъ въ Римъ въ качествѣ типографскаго наборщика; здѣсь будто бы онъ перешелъ въ католичество, но въ душѣ остался еретикомъ; се это, конечно, неправда. Вступивъ на престолъ, онъ хотя принялъ имя своего предшественника и назвался *Клементом XIV*, но всѣ знали, что онъ избранъ подъ вліяніемъ бурбонскихъ государей, и потому были увѣрены, что послѣдуетъ совершенно противоположной политикѣ и не замедлитъ уничтожить орденъ іезуитовъ.

Общее ожиданіе было обмануто самымъ неожиданнымъ образомъ. Едва вступивъ на престолъ, Ганганелли совершенно усвоилъ себѣ взглядъ своего предмѣстника и не замедлилъ доказать это на дѣлѣ. Онъ поспѣшилъ дать іезуитамъ новыя обширныя привилегіи по части ихъ миссій въ отдаленныхъ странахъ. Вслѣдъ затѣмъ 15 іюля 1769 г. онъ писалъ королю французскому, что находить невозможнымъ уничтожить орденъ, столь почтенный, древній, полезный, основанный и утвержденный 19 предшественниками его. Клементъ XIV не могъ дѣйствовать иначе; онъ боялся іезуитовъ, и притомъ всѣ кардиналы были на ихъ сторонѣ и заставляли его дѣйствовать по ихъ волѣ, тѣмъ болѣе что онъ былъ человѣкъ довольно безхарактерный. Бурбонскія правительства, обманутыя въ своихъ ожиданіяхъ, разсердились и стали грозить папѣ обнародовать условія, которыя онъ заключилъ съ ними передъ избраніемъ своимъ. Заключать какія бы то ни было условія для достиженія папскаго пре-

стола и вообще духовнаго мѣста считается церковью смертельнымъ грѣхомъ, и выборъ, основанный на подобномъ условіи, не имѣетъ законной силы. Стало быть, если бы правительства обнародовали свое соглашеніе съ Клементомъ XIV, онъ не только былъ бы этимъ опозоренъ, но и низложенъ съ престола. Такимъ образомъ папа былъ между двухъ огней — между кардинальской коллегіей и бурбонскими правительствами. Четыре года лавировалъ онъ между ними, стараясь избѣгнуть разрыва съ государями, которыхъ боялся, и съ кардиналами, которые держали его въ своихъ рукахъ. Забравъ сначала іезуитовъ, онъ старался задобрить и государей; тайно отъ кардиналовъ переписывался съ королями португальскимъ, испанскимъ, французскимъ и неаполитанскимъ, и съ министрами: Помбалемъ, Арандой, Шуазелемъ, дю-Тильо и др.; снявъ съ герцога пармскаго проклятіе, отмѣнивъ мониторій Клемента XIII; просилъ короля португальскаго прислать въ Римъ посланника и съ своей стороны отправилъ въ Лиссабонъ нунція; возстановилъ сношенія съ испанскимъ дворомъ, который отнесся къ нему очень дружелюбно; смотрѣлъ сквозь пальцы, когда въ Неаполѣ, Венеціи и Тосканѣ правительства уничтожили множество монастырей и произвели другія церковныя реформы; словомъ, всячески угождалъ государямъ, лишь бы они не принуждали его выполнить обязательство. Но все было тщетно: бурбонскіе двory единодушно объявили ему, что до тѣхъ поръ не возвратятъ церкви Беневента, Понте-Корво, Авиньона и Венесена, до тѣхъ поръ не будутъ присылать въ Римъ никакихъ церковныхъ податей, пока папа не уничтожитъ іезуитовъ. Онъ умолялъ пословъ Франціи, Неаполя и Испаніи, кардиналовъ де Берни, Орсини и аббата Аспару, дать ему время „найти хотя причины уничтожить такой знаменитый орденъ, дабы оправдать себя, если не предъ Богомъ, то передъ людьми;“ онъ предлагалъ произвести въ орденѣ Іисуса какія угодно преобразованія; онъ самъ началъ ихъ, закрывъ въ 1772 г. семинаріи іезуитовъ въ Римѣ, Фраскати и Болоньѣ. Но и эти

усилія были напрасны: правительства рѣшительно требовали полного и немедленнаго уничтоженія ордена, грозя въ противномъ случаѣ опозорить и свергнуть папу.

Клементъ былъ въ отчаянномъ положеніи. Иезуиты уже ненавидѣли его за его прежнюю дѣятельность, когда при Клементѣ XIII онъ поддерживалъ въ кардинальской коллегіи враждебныя имъ требованія государей, за симоніальное избраніе, за его уступки правительствамъ, за снисхожденіе къ церковнымъ реформамъ въ Италіи. Онъ трепеталъ ихъ, вспоминая судьбу Клемента VIII и Сикста V, которые осмѣливались противодѣйствовать ордену и умерли прежде, чѣмъ успѣвали что-либо сдѣлать. Но дѣлать было нечего: несчастное обязательство связало его по рукамъ и ногамъ и сдѣлало покорнымъ рабомъ враговъ ордена Іисуса. 21 іюля 1773 было написано бреве, которымъ орденъ уничтожался. Но чтобы свалить съ себя хотя часть отвѣтственности, папа назначилъ конгрегацию, которой поручилъ рассмотреть правильность этого акта. Членами конгрегации были назначены кардиналы *Корсини*, *Марефоски*, *Караффа*, *Зелада* и *Казоли*, прелаты *Мачедонио* и *Альбани*, и знаменитые богословы, доминиканецъ домъ *Мамаки*, и францисканецъ, фра Кристофо де *Монферрате*. Съ нихъ была взята клятва хранить въ глубочайшей тайнѣ все, что дѣлалось въ конгрегации. Результатомъ трудовъ ихъ, при безпрестанныхъ понуканіяхъ пословъ, явилась подписанная папой 16 августа булла *Dominus ac Redemptor noster*. Подписывая этотъ смертный приговоръ ордена, папа понималъ, что подписываетъ и свой собственный смертный приговоръ: онъ самъ сказалъ при этомъ: „этотъ актъ—предвѣстіе моего смертнаго часа“.

Было положено немедленно выполненіемъ буллы. Въ тотъ же день 16 августа въ 8½ часовъ вечера вся корсиканская гвардія выступила изъ казармъ и заняла входы и выходы всѣхъ іезуитскихъ коллегій и домовъ. Вслѣдъ затѣмъ явились сильные отряды сбирровъ съ панскими комиссарами — по прелату и по нотаріусу при каждомъ отрядѣ полиціи. Они

входили въ дома, собирали всѣхъ живущихъ и прочитывали имъ буллу. Затѣмъ имъ давалось 3 дня срока обдумать, хотятъ ли они удалиться въ уединенную обитель, гдѣ будутъ жить подъ надзоромъ священника, не имѣя права отпирать духовныя обязанности, или предпочитаютъ возвратиться въ міръ. Въ обоихъ случаяхъ имъ было обѣщано пожизненное содержаніе, а тѣмъ, кто пожелаетъ возвратиться къ семейству, сверхъ того денегъ на путевые расходы. Всѣхъ ихъ принудили немедленно снять рясы и надѣть заранѣе заготовленное свѣтское платье. Сильный отрядъ полиціи занялъ великолѣпный дворецъ генерала Лоренцо Риччи. Его обязали клятвой выдать папскому правительству все имущество ордена безъ утайки. Затѣмъ были тщательно обысканы всѣ зданія, дома и квартиры іезуитовъ, архивы и залы запечатаны, входы заставлены стражей.

Ночью 17 августа Риччи перевели въ англійскую коллегію, гдѣ его было удобнѣе стеречь. Ассистенты его были также обысканы и взяты подъ стражу. Не смотря на всѣ мѣры предосторожности, ночью 18 августа выкинуло огонь изъ трубы нѣмецкой коллегіи, и при слѣдствіи оказалось, что іезуиты жгли тамъ свои бумаги. Вслѣдствіе этого подозрѣваемые въ сожженіи бумагъ, оо. *Стефануччи, Фавръ, Бенникоза, Кольтраро* и нѣкоторые другіе, были отправлены въ замокъ Ангела, гдѣ ихъ строжайше допрашивали о содержаніи сожженныхъ бумагъ. Но они ничего не сказали. Генераль и его ассистенты также ничего не показали, когда ихъ спрашивали, куда дѣлось золото и богатства изъ іезуитскихъ обителей и коллегій. Риччи отвѣчалъ, что у ордена никогда и не бывало никакихъ богатствъ, говорилъ, что все это — выдумки враговъ и дивился, какъ могутъ разумные люди вѣрить такимъ нелѣпостямъ. То же говорили на допросахъ секретарь его, *Камоли*, и ассистенты: португальскій — *Хуанъ де Гусманъ*, германскій — *Игнатій Ромбергъ*, французскій — *Карль Корикій*, испанскій — *Франсиско Монтесъ* и итальянскій — *Антоніо Гонго*. Тогда предсѣдатель

слѣдственной комисіи, *Андреатти*, приказаль 23 сентября отправить генерала съ секретаремъ и ассистентами въ замокъ Ангела. Арестантовъ держали въ самомъ жестокомъ арестѣ, но ничего не добились отъ нихъ, и Риччи до самой смерти 24 сентября 1775 г. упорно стоялъ на прежнихъ показаніяхъ, хотя тогда уже было почти доказано, что капиталы ордена сданы были заблаговременно на храненіе разнымъ высокимъ особамъ, въ томъ числѣ нѣсколькимъ кардиналамъ, преданнымъ іезуитамъ.

Паденіе іезуитовъ было ужасно, но не сломило мощнаго духа общества. Низвергнутые разомъ съ высоты величайшаго могущества, потерявъ однимъ ударомъ громаднѣйшія владѣнія и богатства во всѣхъ частяхъ свѣта, ограбленные, арестованные, сосланные, разоренные, они остались попрежнему дружнымъ обществомъ и прежде всего думали о мести врагамъ. Прежде всего долженъ былъ доплатиться жизнью за свою нечестивую буллу самъ папа Клементъ XIV, котораго и самый священный санъ его не могъ предохранить отъ заслуженной казни. Его уже и такъ все презирали за покупку престола недостойной цѣной, и вскорѣ распространился слухъ, что смерть не замедлитъ постигнуть его за его преступленіе. Слухъ этотъ сталъ расти, и весь Римъ говорилъ, что папа уже не встрѣтитъ будущаго юбилейнаго (1775) года. Наконецъ однажды ночью на воротахъ Ватикана явились буквы P. S. S. V., написанныя неизвѣстной рукой, и на другое утро неизвѣстно откуда взялось и толкованіе ихъ, а именно: *Presto sara sede vacante*, т. е. скоро будетъ престолъ пустъ. Буквы тотчасъ стерли, но на другой день, не смотря на часовыхъ, онѣ снова явились съ дополненіемъ: *I. S. S. S. V. — In settembre sara sede vacante*, т. е. въ сентябрѣ будетъ престолъ пустъ. Такимъ образомъ смерть папы была предсказана очень опредѣленно. Было произведено тщательное слѣдствіе, которое нашло виновною одну полоумную монахиню сосѣдняго монастыря Валентино, *Бернардину Беруцци*. Но очевидно было, что она служила только

орудіемъ, а настоящими сочинителями этой штуки были іезуиты. Нѣкоторые изъ нихъ были заподозрѣны и взяты подъ стражу. Но слухи о скорой смерти папы еще болѣе усилились и распространились по всей Италіи, Германіи и далѣе. Невольно всѣ, даже образованные люди, ждали въ сентябрѣ чего-нибудь необыкновеннаго.

Ожиданіе это было ни на чемъ не основано, потому что во время изданія буллы *Dominus ac Redemptor noster* Клементъ XIV былъ совершенно здоровъ, крѣпокъ и бодръ. Притомъ онъ велъ очень умѣренную жизнь и былъ еще такъ свѣжъ, что на видъ ему казалось не болѣе 50 лѣтъ, хотя уже шель 70-й. Вдругъ на страстной недѣлѣ 1774 г. послѣ легкаго завтрака онъ почувствовалъ сильнѣйшій ознобъ и судороги внутри. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ внезапно охрипъ. Весь его организмъ былъ пораженъ какимъ-то страннымъ катарромъ: во рту и въ горлѣ сдѣлались опухоли и жаръ; его мучила тошнота, безпокойство и такая одышка, что у него постоянно былъ открытъ ротъ. Затѣмъ началась рвота и сильная колика въ нижней части живота. Животъ распухъ; стали лѣзть волосы; даже ногти расшатались и начали выпадать; ноги такъ ослабли, что вскорѣ онъ не могъ ходить. Онъ весь началъ заживо разлагаться, ужасно ослабъ и исхудалъ, какъ скелетъ. Самъ онъ тотчасъ догадался, что отравленъ, и лейбъ-медикъ его, докторъ Маттео, вполне согласился съ этимъ. Но всѣ противоядія, которыя ему давали, не могли подѣйствовать, потому что не знали, чѣмъ онъ отравленъ. Такимъ образомъ онъ продолжалъ разлагаться. Сентября 10 съ нимъ сдѣлался обморокъ, послѣ котораго онъ такъ ослабѣлъ, что, казалось, не переживетъ ночи, однако онъ протомился еще 2 недѣли. Наконецъ 19 числа гангрена поразила у него низъ живота, и онъ впалъ въ безпамятство. Послѣ долгой агоніи при страшныхъ мученіяхъ онъ умеръ 22 сентября 1774 г. въ 7½ часовъ утра.

Въ Римѣ всѣ были увѣрены, что папа отравленъ такъ называемой водичей — *aqueta*, приготовляемой въ Апуліи и

Калабрії, которая дѣйствовала такъ, что, смотря по дозѣ, можно было заранѣе опредѣлить срокъ смерти. Состояніе трупа окончательно устранило всѣ сомнѣнія въ отравленіи. Когда на другой день, 23 сентября, хотѣли бальзамировать тѣло, оно оказалось совершенно сгнившимъ. Вынули внутренности и хотѣли изслѣдовать; но сосудъ, въ который ихъ положили, лопнулъ, и изслѣдованія не сдѣлали. Разложеніе шло такъ быстро, что тѣла нельзя было бальзамировать, и трупъ поспѣшили похоронить, такъ что римлянамъ на этотъ разъ не досталось зрѣлища всенародной выставки напскаго тѣла въ полномъ облаченіи. Какъ не было сомнѣнія, что Клементъ отравленъ, такъ не сомнѣвались и въ томъ, что его отравили іезуиты. Они не скрывали своей радости по случаю смерти изверга, еретика, обманщика и дурака Ганганелли. Они осыпали его бранью, но вскорѣ нашли, что ругательства не помогаютъ, и придумали такой обманъ: они издали документъ, будто бы написанный Клементомъ собственноручно не задолго до смерти и заключавшій въ себѣ полную отмѣну буллы *Dominus ac Redemptor noster*. Къ нему было приложено слѣдующее объясненіе: „Какъ только папа подписалъ свою нечестивую буллу, его начали мучить угрызенія совѣсти, и онъ рѣшился поправить зло, которое нанесъ всему христіанству уничтоженіемъ общества Іисуса. Онъ рѣшился торжественно и добровольно отмѣнить свою буллу, дабы преемникъ его могъ возстановить орденъ въ прежнемъ видѣ. Съ этою цѣлью онъ собственноручно написалъ и подписалъ этотъ документъ и отдалъ его великому пенитенціарію, кардиналу *Боски*, для передачи будущему папѣ. Онъ сдѣлалъ это тайно, чтобы бурбонскіе государи опять не подняли шума. Покойный Боски исполнилъ его приказаніе, и всѣ сановники церкви получили копій съ этого документа. Но до нынѣшняго времени его приходилось скрывать, и только теперь, спустя 18 лѣтъ по смерти Клемента XIV, когда бурбонскія правительства совершенно перемѣнились, имѣется возможность издать его въ свѣтъ.“

ГЛАВА II.

Возстановленіе ордена іезуитовъ.

Итакъ, 16 августа 1773 г. была обнародована булла, которою Клементъ XIV отмѣнилъ и уничтожилъ на вѣки орденъ Іисуса, какъ Клементъ V — орденъ тамплиеровъ, Пій V—орденъ гумиліатовъ, Урбанъ VIII—конгрегацію конвентуальныхъ братьевъ, Инокентій X—орденъ св. Василія. Съ этой минуты общество іезуитовъ перестало законно существовать во всемъ католическомъ мірѣ. Правительства, по настоянію которыхъ булла была издана, конечно, не замедлили обнародовать и ввести ее въ законную силу, а именно, во Франціи, Испаніи, Неаполѣ, Португаліи и Пармѣ. Венеція, Тоскана, вся вообще Италія и Польша послѣдовали этому примѣру. Одна Германія осталась позади, и особенно въ Австріи знаменитая ханжа Марія-Терезія рѣшительно воспротивилась допустить что бы то ни было противъ благочестивыхъ отцовъ общества Іисуса. Ея либеральный сынъ, императоръ *Іосифъ II*, тщетно уговаривалъ ее не идти противъ общаго направленія всѣхъ европейскихъ правительствъ. Мнѣніе это тщетно поддерживалъ и первый министръ ея, князь *Кауницъ*, который доказывалъ ей, что духовникъ ея, о. *Парамеръ*, выдастъ ввѣренныя ему государственныя тайны. Наконецъ самъ Клементъ XIV написалъ ей о необходимости уничтожить іезуитовъ и требовалъ, чтобы она, какъ вѣрная дочь церкви, выполнила его буллу. Тогда булла была

обнародована, іезуиты лишились и въ Австріи законнаго существованія; но при закрытіи ихъ коллегій и при конфискаціи ихъ имуществъ поступали такъ осторожно, что они поняли, что правительство желаетъ оставить ихъ попрежнему и только соблюдаетъ формальности. Точно также и въ Баваріи имъ дали время спасти всё свои капиталы, вообще все движимое имущество, архивы и бумаги. Однако и при этомъ оказалось, что прежніе слухи о непомѣрномъ богатствѣ ордена далеко не преувеличены, потому что одна недвижимость ингольштадтской коллегіи была оцѣнена больше 3 мил. гульд., а мюнхенской—еще дороже. Кромѣ того были найдены разные предметы, частію странные, нелѣпые и причудливые, но вообще очень компрометирующіе орденъ. Такъ въ Ингольштадтѣ, у іезуитовъ нашли распятіе, изъ котораго, когда къ нему прикладывались, выскакивалъ кинжалъ и убивалъ цалующаго; далѣе сѣкира съ латинскою надписью: „Это желѣзо отсѣкло 110 головъ.“ Въ подземельѣ мюнхенской коллегіи нашли 11 человѣческихъ скелетовъ, повѣшенныхъ въ цѣпяхъ и одѣтыхъ въ іезуитское платье: это, очевидно, были провинившіеся члены ордена, постигнутые его тайнымъ правосудіемъ. Курфиршескій комиссаръ, сдѣлавшій эту находку, хотѣлъ начать слѣдствіе; но правительство велѣло ему замять дѣло и удовольствоваться объясненіемъ ректора, который сказалъ, что это тѣла братьевъ, умершихъ въ помѣшательствахъ и содержавшихся поэтому при жизни въ цѣпяхъ. Не смотря на этотъ явный слѣдъ преступленія, баварское правительство продолжало покровительствовать іезуитамъ; такъ же поступали и другія южногерманскія правительства, и нѣкоторыя, какъ напримѣръ епископы эйхштедтскій, базельскій и аугсбургскій, даже не хотѣли исполнять папской буллы. Однако большинство принудило ихъ подчиниться папѣ, и іезуиты были закономъ уничтожены почти во всѣхъ католическихъ владѣніяхъ Германіи.

Іезуиты удержались только въ Силезіи, которую недавно завоевалъ прусскій король Фридрихъ Великій. По бреславль-

скому миру, которымъ Австрія уступила ему эту провинцію, онъ обѣщаль не дѣлать въ ней никакихъ религіозныхъ перемѣнъ и потому считаль себя обязаннымъ не трогать и іезуитовъ. Онъ, разумѣется, не имѣль къ нимъ никакого расположенія, но не хотѣль удалять ихъ потому, что отъ этого въ Силезіи пострадало бы народное образованіе, которымъ они одни занимались. Онъ самъ писалъ 18 ноября 1777 г. Вольтеру: „У насъ въ Силезіи нѣтъ никого, кто могъ бы учить народъ; нѣтъ ни отцовъ ораторіи, ни піаристовъ, а другіе монахи ужасно невѣжественны; стало быть, приходилось или оставить іезуитовъ, или погубить школы; я предпочелъ первое. Притомъ, если бы изгнать іезуитовъ, то палъ бы и университетъ (бреславльскій), и мнѣ приходилось бы пускать силезцевъ учиться въ австрійскій университетъ въ Прагу, что совершенно противорѣчитъ моей правительственной системѣ.“ Однако въ 1776 г. Фридрихъ II запретилъ обществу Іисуса называться іезуитами, велѣль имъ носить свѣтское платье и именоваться священниками народнаго просвѣщенія. Имъ было строжайше запрещено заниматься чѣмъ бы то ни было, кромѣ преподаванія, и въ этомъ отношеніи они были подчинены школьной коммисіи, т. е. высшему правительственному учрежденію по части народнаго просвѣщенія. Но и въ такомъ скромномъ видѣ іезуиты просуществовали въ Силезіи недолго: уже въ 1787 году, стало быть, тотчасъ по смерти Фридриха Великаго, преемникъ его, Фридрихъ Вильгельмъ II, уничтожилъ это учрежденіе и возвратилъ священниковъ народнаго просвѣщенія въ свѣтскій бытъ, давъ имъ небольшія пенсіи.

По уничтоженіи іезуитовъ въ Силезіи они перестали существовать законно во всемъ свѣтѣ, кромѣ Россіи. Еще Петръ Великій издалъ распоряженіе, навсегда изгонявшее іезуитовъ изъ Русской имперіи, и этотъ законъ оставался въ силѣ до 1772 г. Въ этомъ году при первомъ раздѣлѣ Польши къ Россіи отошли нѣкоторые польскіе города и провинціи, гдѣ у іезуитовъ было множество коллегій, имѣній и боль-

шое вліяніе. Чтобы изгнаніемъ ихъ не возбуждать въ ново-пріобрѣтенныхъ владѣніяхъ смуть, императрица Екатерина II рѣшилась оставить ихъ, и когда въ слѣдующемъ году вышла булла Клементя XIV, уничтожавшая орденъ іезуитовъ, Екатерина запретила обнародовать ее и объявила, что въ ея владѣніяхъ папскія постановленія не могутъ имѣть силы. Такимъ образомъ у іезуитовъ осталось на свѣтѣ убѣжище, гдѣ они могли существовать законно, гдѣ не трогали ни дѣятельности ихъ, ни имущества. Бурбонскіе дворы, выхлопотавшіе уничтоженіе іезуитовъ, были очень недовольны этимъ и настояли, чтобы преемникъ Клементя XIV, *Пій VI*, сдѣлалъ императрицѣ представленія по этому поводу черезъ нунція своего въ Варшавѣ. *Пій VI* сдѣлалъ это очень неохотно, потому что былъ преданъ іезуитамъ; но къ его радости его вмѣшательство принесло имъ вмѣсто вреда пользу. Недовольная чужимъ вмѣшательствомъ, Екатерина наотрѣзъ отказала папѣ и даже оказала іезуитамъ особенное покровительство, дозволивъ имъ указомъ 25 іюля 1782 г. выбрать себѣ генеральнаго викарія съ полною властью прежняго генерала ордена, дабы общество имѣло верховнаго главу, пока не будетъ возстановленъ римскій генераль. Вѣроятно, милостямъ императрицы къ ордену много содѣйствовала щедрость іезуитовъ къ фавориту ея, князю Потемкину. Какъ бы то ни было, но они не замедлили воспользоваться указомъ 25 іюля, и на собраніи въ Полоцкѣ въ октябрѣ того же года настоятель полоцкой обители, о. Станиславъ *Черневичъ* былъ избранъ генераль-викаріемъ іезуитовъ *).

Такимъ образомъ булла *Dominus ac Redemptor noster* далеко не достигла своей цѣли: іезуиты, хотя ограниченные предѣлами Россіи, удержались однако на свѣтѣ, и генераль-викарій *Черневичъ* дѣйствовалъ, какъ законный преемникъ покойнаго Риччи. Онъ основывалъ коллегіи и новиціаты, назначалъ прокураторовъ, ректоровъ и ассистентовъ, созывалъ конгрегаціи и издавалъ постановленія, какъ будто папа никогда не уничтожалъ ордена. Имѣя въ одной Россіи за-

*) См. прибавленіе: *Іезуиты въ Россіи*, стр. 209.

конное существованіе, іезуиты не ограничивали однако свою дѣятельность ея предѣлами; напротивъ того, они попрежнему дѣйствовали всюду, и можно сказать, что, за немногими исключеніями, всѣ бывшіе іезуиты іезуитами и остались. Разумѣется, они дѣйствовали тайно; но тайна не мѣшала имъ попрежнему составлять крѣпкое братство. Всюду, гдѣ орденъ былъ только отмѣненъ, но члены его не изгнаны, имъ было очень нетрудно продолжать свою дѣятельность, напр. въ Австріи, Баваріи, вообще въ Германіи, въ Польшѣ и и даже во Франціи. Труднѣе имъ было возвратиться туда, откуда ихъ выгнали, т. е. въ Португалію, въ Испанію и въ Неаполь; во Франціи они тоже находились подъ очень стѣснительнымъ надзоромъ. Однако и туда они проникали подъ видомъ свѣтскихъ людей разнаго званія. Что и тутъ старанія ихъ были успѣшны, доказываютъ эксъ-іезуиты *Ланфанъ* и *Геберъ*, бывшіе оба одинъ послѣ другаго, духовниками Людовика XVI французскаго. Внутренняя связь ордена во время его тайнаго существованія была такъ же крѣпка, какъ во время явнаго господства, и въ этомъ отношеніи іезуиты вѣрно слѣдовали предписанію генерала Риччи, который, когда орденъ былъ уничтоженъ во Франціи, издалъ слѣдующую тайную инструкцію членамъ его во Франціи: „Если вамъ придется уступить силѣ дотого, что даже окажется необходимымъ снять платье нашего святаго отца Игнатія, то, не смотря на это, вы можете сохранить внутреннее единство въ сердцахъ вашихъ въ ожиданіи болѣе благопріятнаго времени, когда можно будетъ сдѣлать союзъ нашъ снова явнымъ. Старайтесь только сохранить тѣсную внутреннюю связь между собою и помыслите, что нѣтъ той земной власти, которая могла бы разрѣшить ваши обѣты.“

Для іезуитовъ было очень важно, что при крушеніи имъ удалось спасти большую часть своего имущества, наличныя деньги и векселя. Суммы эти были очень значительны, и съ ними можно было многое сдѣлать — приобрести друзей, погубить враговъ и вообще устроить свои дѣла по возможно-

сти сносно. Но деньги, хотя и сильное средство, были недостаточны безъ другихъ способовъ вліянія. Прежде всего іезуиты старались склонить папу Пія VI утвердить все совершившееся въ ихъ пользу въ Россіи и признать о. Черневича генераль-викаріємъ. Они пытались даже побудить его отмѣнить буллу *Dominus ac Redemptor noster* и такимъ образомъ возстановить орденъ. Но Пій VI при всей благосклонности къ нимъ не согласился на это, во-первыхъ потому, что боялся бурбонскихъ дворовъ, а во-вторыхъ потому, что роздалъ конфискованныя имущества іезуитовъ своей роднѣ и не хотѣлъ отдавать назадъ. Впрочемъ іезуиты не слишкомъ настаивали на официальномъ возстановленіи своего ордена. Они хотѣли сперва подготовить для себя почву, чтобы возстановленный орденъ не могъ опять рушиться. Для этого имъ надо было опять склонить къ себѣ государей и извѣстную часть общества, пріобрѣсти поддержку даже ученыхъ и вожаковъ толпы и такимъ образомъ обезпечить себѣ торжество и господство.

Іезуиты поправили свое положеніе скорѣе, чѣмъ, можетъ быть, сами надѣялись. Они обязаны были этимъ главнымъ образомъ французской революціи. Когда она разразилась и привела въ трепеть всѣхъ деспотовъ Европы, которые чувствовали на совѣсти такія же страшныя преступленія, какъ преступленія французскихъ Лудовиковъ, и ожидали, что и ихъ постигнетъ такая же народная кара, какая постигла тирана Франціи,—тогда іезуиты смѣло выступили опять въ свѣтъ, уже не таясь и не скрываясь и грозно проповѣдуя, что революція есть бичъ Божій, карающій европейскія монархіи за ниспроверженіе главнаго столпа церкви и государства—святаго общества Іисуса. Они утверждали, а за ними хоромъ повторяли всѣ ретрограды и тупоумцы, повторяющіе это доселѣ, что революція вызвана не гнусной тираніей монархіи, не бѣдственной участью удрученнаго народа, а безбожіемъ, ересью; они утверждали, что для поправленія зла должно заботиться не объ улучшеніи соціальныхъ отношеній,

а о пущемъ омраченіи и одураченіи народа; что надо силою возстановлять деспотизмъ и суевѣріе, чтобы вновь забитый и одурманенный народъ забылъ поднявшія его на враговъ идеи. Они доходили даже до такой наивности, что прямо приписывали революцію уничтоженію ихъ ордена и утверждали, что если бы онъ не былъ уничтоженъ, революція никогда не вспыхнула бы. Какъ ни нелѣпо это было, но перепуганные государи и другіе друзья стараго порядка готовы были повѣрить всему и, видя въ іезуитахъ рьяныхъ враговъ революціи и усердныхъ защитниковъ своихъ, по прежнему предались имъ безусловно. Вообще дѣятельность іезуитовъ во время революціи, выражавшаяся главнымъ образомъ въ литературѣ, заслуживаетъ большаго вниманія и составляетъ замѣчательное явленіе этой громкой эпохи. Центромъ этой дѣятельности ихъ была Германія и особенно Аугсбургъ и Диллинггенъ, и на этомъ поприщѣ особенно отличились эксъ-іезуиты *Феллеръ*, *Экартсгаузенъ* (баварскій гофратъ), *Займеръ*, *Эстенбургъ*, *Мартинъ*, *Фабръ* и друг. *). Въ то же время іезуиты нашли безпрепятственный доступъ всюду, откуда были изгнаны и куда ихъ прежде не пускали. Не будучи еще официально возстановлены, они основали всюду разныя религіозныя общества, какъ напр. братство св. Сердца, общество о.о. вѣры, общество св. Винцента де-Пауло и проч. и дѣйствовали подъ этими именами въ качествѣ ревностнѣйшихъ поборниковъ потрясенныхъ церкви и государства. Они проповѣдовали, что просвѣщеніе есть путь къ смутамъ и мятежамъ, къ ниспроверженію церкви и государства; что свобода печати ведетъ только къ униженію престола и къ нарушенію порядка распространеніемъ anarchическихъ принциповъ; что все толки о свободѣ — бунтъ;

---

*) Въ числѣ тогдашнихъ іезуитскихъ памфлетовъ любопытно сочиненіе Экартсгаузена: „Объ опасностяхъ, которыми грозятъ престоламъ, государству и церкви ложная система современнаго просвѣщенія и дерзкія притязанія такъ называемыхъ философовъ.“

что подъ просвѣщеніемъ подразумѣвается невѣріе, ересь. Подобныя рѣчи очень нравились извѣстнымъ кружкамъ общества, и вскорѣ всѣ стали поговаривать, что бурбонскіе дворы сдѣлали величайшую ошибку, принудивъ Клементя XIV издать извѣстную буллу, и что необходимо поправить эту ошибку возстановленіемъ іезуитовъ.

Замѣчательно, что это убѣжденіе живѣе всѣхъ принялъ русскій царь. Императоръ Павелъ I, наслѣдовавшій Екатеринѣ въ 1796, хотя православный, первый началъ дѣятельно хлопотать о возстановленіи іезуитовъ и въ 1800 году обратился къ папѣ съ убѣдительною просьбою формально утвердить общество Іисуса, существовавшее въ Россіи съ 1782. Въ то время папой только-что сдѣлался на мѣсто Пія VI графъ Григорій Кіарамонти подъ именемъ Пія VII, который еще до вступленія на престолъ очень покровительствовалъ іезуитамъ. Онъ поспѣшилъ исполнить просьбу императора и за нѣсколько дней до смерти Павла, 7 марта 1801, издалъ бреве *De Catholicae fidei*, которымъ возстановилъ орденъ Іисуса, но только для Россіи, однако со всѣми прежними правами и привиллегіями. Такимъ образомъ іезуиты могли уже законно выбрать генерала. Генераломъ былъ выбранъ ректоръ *Габріэль Груберъ*. Къ нему тотчасъ стеклось множество братьевъ изъ Германіи, Франціи и Италіи; были учреждены коллегіи; въ разныхъ городахъ Россіи кромѣ того было устроено много новиціатовъ и другихъ школъ и воспитательныхъ заведеній.

Но, конечно, іезуиты не удовольствовались своимъ возстановленіемъ въ Россіи и стали стараться распространиться оттуда по всей Европѣ. Если православный императоръ Павелъ такъ усердно хлопоталъ за іезуитовъ, считая ихъ необходимыми въ политическомъ отношеніи, то католическіе государи и подавно желали ихъ возстановленія. Одинъ изъ прежнихъ враговъ ихъ, одинъ изъ Бурбоновъ, хлопотавшій объ ихъ уничтоженіи, Фердинандъ IV, король Неаполя и Сициліи, сдѣлался теперь усерднѣйшимъ слугою ихъ. Собы

тія революціи, вслѣдствіе которыхъ онъ лишился неаполитанскаго королевства, давно измѣнили его образъ мыслей. Онъ давно разошелся съ Тануччи и другими либералами, сдѣлался ханжей и попалъ подъ вліяніе своей жены, Каролины, и кардинала *Руффо*. Каролина была дочь Маріи-Терезіи Австрійской и отличалась страшнымъ деспотизмомъ и изувѣрствомъ. По ея настоянію, король весной 1804 обратился къ папѣ съ такою же просьбой, какъ три года назадъ императоръ Павелъ и почти въ тѣхъ же выраженіяхъ. „Христіанское благочестіе и нравственность, писалъ онъ Пію VII, всюду терпятъ въ нынѣшнее бѣдственное время гоненія и преслѣдованія. Возвращеніе іезуитовъ въ королевство Обѣихъ Сицилій (въ то время Фердинандъ еще царствовалъ въ Неаполѣ) да послужить залогомъ лучшихъ временъ и да возвратитъ юношество и воспитаніе его къ наукѣ и къ благочестію.“ Когда въ Римѣ было получено это письмо, тамъ начались необыкновенныя торжества, и всякій могъ заключить, что готовится нѣчто чрезвычайное. Въ день св. Игнатія, 31 іюля, была торжественная служба въ трехъ церквахъ—въ іезуитской, въ церкви св. Игнатія и въ квиринальской, изъ чего ясно было, что виновники радости — іезуиты. Дѣйствительно, еще наканунѣ папа подписалъ буллу о возстановленіи іезуитовъ въ королевствѣ Обѣихъ Сицилій, и 2 августа булла была торжественно обнародована въ Неаполѣ. Правительство тотчасъ возвратило имъ прежніе ихъ дворцы и имѣнія, и вскорѣ они стали попрежнему процвѣтать во всей южной Италиі.

Теперь іезуитамъ оставалось только добиться полного возстановленія ордена. Однако имъ пришлось прождать еще 10 лѣтъ, когда послѣ паденія Наполеона въ Европѣ стали возстановлять все старое, всѣ порядки, существовавшіе до 1789. Между прочимъ папѣ была возвращена Церковная Область, и онъ для возстановленія своего потеряннаго значенія поспѣшилъ отмѣнить буллу Клементя XIV, которою былъ уничтоженъ орденъ іезуитовъ. Августа 7 1814 Пій VII из-

далъ буллу *Sollicitudo omnium ecclesiarum*, возстановлявшую общество Іисуса со всѣми прежними его правами и во всемъ его первоначальномъ видѣ. „Въ силу нашей апостольской власти, гласила булла, и во уваженіе настоятельныхъ и непрестанныхъ просьбъ кардиналовъ, архіепископовъ, епископовъ и всѣхъ лучшихъ людей настоящаго времени; во вниманіе далѣе благодѣтельныхъ послѣдствій, которыя оказались въ Россіи, Неаполѣ и Сициліи; наконецъ во исполненіе почти единодушнаго желанія всѣхъ христіанъ — возобновляемъ для всѣхъ странъ христіанской церкви общество Іисуса со всѣми его прежними уярежденіями, уставами, правами, вольностями, учительскими, проповѣдническими и духовническими должностями, коллегіями, обителями, провинціями и членами, подчиняя его непосредственно покрову, защитѣ и власти священнаго престола и освобождая отъ всѣхъ послѣдствій изданнаго Клементомъ XIV бреве о его отмѣнѣ. Всякаго, кто дерзнетъ противиться или препятствовать этому постановленію о сильнѣйшихъ гребцахъ ладьи св. Петра, да постигнетъ гнѣвъ Всемогущаго Бога и его святыхъ апостоловъ Петра и Павла.“ Итакъ, Пій VII во-первыхъ, уничтожилъ бреве своего непогрѣшимаго предмѣстника, Клементя XIV, не приведя даже никакихъ причинъ и основаній, почему онъ считаетъ нужнымъ уничтожить его, а просто въ силу собственной непогрѣшимости; во-вторыхъ онъ не обратилъ никакого вниманія на правительства, предшественники которыхъ настояли въ прошломъ столѣтіи на уничтоженіи іезуитовъ; въ-третьихъ, онъ грозилъ отлученіемъ всѣмъ монархамъ и правительствамъ, которые не захотятъ возстановить орденъ. Но ни одно правительство не оскорбилось такими гильдебрандовскими замашками; въ эту эпоху мракобѣсія и изувѣрства всѣ они радостно привѣтствовали возрожденныхъ іезуитовъ, и съ реставраціей всѣхъ прежнихъ золъ возсіялъ съ новымъ блескомъ и орденъ Іисуса.

ГЛАВА III.

Иезуиты въ XIX столѣтіи.

Въ тотъ самый годъ, когда орденъ Іисуса былъ вполнѣ возстановленъ (1814), умеръ его правитель о. *Габріель Груберъ*, и преемникъ его былъ уже вполнѣ генераломъ ордена, какъ Лайнесъ или Аквавива. То былъ полякъ, о. *Таддей Бжозовскій*, правившій до 1820. Преемниками его были: италіанецъ *Лодовико Фортисъ* (1820 — 29), голландецъ *Янъ Филиппъ ванъ-Роотанъ*, не уступавшій умомъ и энергіей Клавдію Аквавивѣ (1829 — 53) и наконецъ нынѣшній генералъ, бельгіецъ *Іоаннъ Петръ Бекръ*. Послѣдній родился 8 февраля 1795 въ деревнѣ близъ Мехельна; 29 октября 1819 вступилъ въ орденъ Іисуса, вскорѣ сдѣлался духовникомъ новообращенныхъ супруговъ Ангальтъ-Кѣтенскихъ, былъ потомъ ректоромъ въ Лѣвенской коллегіи, потомъ провинціаломъ Австріи, а осенью 1853 былъ избранъ генераломъ.

Хотя съ возстановленіемъ его въ XIX вѣкѣ орденъ Іисуса ожидало необыкновенное счастье и процвѣтаніе, но на первыхъ порахъ онъ подвергнулся значительной неудачѣ, именно въ той самой странѣ, которая служила ему убѣжищемъ во время гоненія, и гдѣ онъ получилъ первое призваніе своего существованія, — въ Россіи. Императоръ Александръ I, вначалѣ столь же благосклонный къ іезуитамъ, какъ и отецъ его, вполсѣдствіи перемѣнилъ взглядъ и указомъ 20 декабря 1816 удалилъ ихъ изъ Петербурга и Москвы, а 13 марта

1820 изъ всѣхъ русскихъ владѣній за ихъ страсть къ обращенію, за алчность, непослушаніе и грубое нарушеніе законовъ гостепріимства. „Имъ была ввѣрена,“ говорилось въ указѣ, „священная обязанность воспитывать юношество ихъ исповѣданія, дабы они просвѣщали умъ его наукой, а сердце религіей. Но они злоупотребили довѣренностью и соблазнили своихъ неопытныхъ воспитанниковъ. Терпимостью, дарованною имъ, они воспользовались, чтобы внушать своимъ ученикамъ самую жестокую нетерпимость. Они старались разрушить главную опору государства — привязанность къ вѣрѣ отцевъ, и подрывали семейный миръ, поселяя пагубное разномысліе. Они вообще стремятся только къ личной выгодѣ, къ распространенію своего могущества, и при всякомъ безнравственномъ поступкѣ совѣсть ихъ находитъ себѣ оправданіе въ ихъ уставахъ.“ Съ тѣхъ поръ іезуиты никогда уже не могли найти себѣ доступа въ Россію.

Поступокъ русскаго правительства заслужилъ одобреніе всей образованной и просвѣщенной Европы. Оно поступило въ этомъ случаѣ умно и справедливо, и совершенно ясно и неопровержимо объяснило свой образъ дѣйствія. Но примѣръ его не послужилъ на пользу остальнымъ европейскимъ правительствамъ, которыя въ это время были преданы ордену Иисуса такъ же безгранично, какъ въ XVI вѣкѣ. Особенно отличались преданностью іезуитамъ италіянскія правительства. Самъ возстановитель ордена, Пій VII, тотчасъ послѣ своей буллы возвратилъ ордену всѣ его имущества, которыя еще не успѣли перейти въ частныя руки, въ томъ числѣ римскую и германскую коллегіи, много церквей и другихъ владѣній, и сверхъ того подарилъ великолѣпный дворецъ для новиціата. Всѣ преемники его, *Левъ XII* (1823—29), *Пій VIII* (1829—30), *Григорій XVI* (1830—46) и нынѣшній папа, Пій IX, равно горячо покровительствовали іезуитамъ, такъ что они чрезвычайно размножились и обогатились въ Римѣ и во всей Церковной Области и уже въ 1829 купили себѣ большое помѣщеніе за городской стѣной. Правда, въ нынѣш-

ній безпокойный вѣкъ и въ Римѣ существованіе ихъ было не совсѣмъ безмятежно. Пій IX въ началѣ своего царствованія, какъ извѣстно, затѣялъ либеральничать, и его уступки требованіямъ народа, а потомъ революція 1848 причинили іезуитамъ не мало непріятностей. Но возстановленный французскими войсками папа совершенно излечился отъ своихъ либеральныхъ причудъ и вполне предался обществу Іисуса. Генераль Бекръ можетъ похвалиться, что никогда еще ни одинъ генераль ордена не имѣлъ на папу такого вліянія, какое онъ имѣетъ на Пія IX. Также успѣшно водворились іезуиты въ другихъ итальянскихъ владѣніяхъ, особенно въ Генуѣ, Моденѣ, Пармѣ, Феррарѣ, Веронѣ и особенно въ Неаполѣ, гдѣ король Фердинандъ предоставилъ имъ исключительно воспитаніе дворянской молодежи, дабы она не заразилась ужасными современными идеями. Словомъ, они господствовали во всей Италіи, и господство это продолжается доселѣ. Они снова приобрѣли тамъ громадныя богатства и безграничное вліяніе на правительства. Не говоря уже о такихъ государяхъ, какъ короли неаполитанскіе, даже герой либерализма, *Карлъ Альбертъ Сардинскій*, былъ преданныйшимъ слугою ордена. Правда, зато нигдѣ такъ, какъ въ Италіи, они не навлекли на себя народной ненависти, и во всѣхъ итальянскихъ движеніяхъ съ 1820 и до 1860 первымъ требованіемъ возставшаго народа было — удаленіе іезуитовъ. При этомъ они понесли немало крушеній, но, испытанные въ буряхъ житейскихъ, быстро оправлялись послѣ cadaго удара, и доселѣ имѣютъ въ Италіи большую силу, когда уже простылъ и слѣдъ ихъ державныхъ покровителей, Бурбоновъ и Габсбурговъ.

Въ Испаніи торжество возстановленныхъ іезуитовъ было такъ же велико, какъ и въ Италіи. Изувѣръ и тиранъ, Фердинандъ VII, былъ самый горячій приверженецъ іезуитовъ. Когда геройская борьба испанскаго народа за его права спасла для него Испанію и дала возможность въ 1814 послѣ паденія Наполеона съ торжествомъ возвратиться въ Ма-

дридъ, онъ поспѣшилъ отблагодарить свою націю возстановленіемъ не только всѣхъ монашескихъ орденовъ, въ томъ числѣ и іезуитовъ, но и пытки и инквизиціи. Эдиктомъ 29 мая 1815 іезуитамъ были возвращены всѣ права и имѣнія, отнятыя въ 1767. Въ благодарность за это, іезуиты всѣми силами поддерживали средневѣковую тиранію Фердинанда, и для Испаніи наступили худшія времена, чѣмъ даже нашествіе Наполеона. Наконецъ измученный казнями народъ возсталъ (1820), и іезуиты со всѣми прочими врагами его были принуждены бѣжать. Но всѣ европейскія правительства признали испанское движеніе вреднымъ для началъ абсолютизма, утвержденныхъ 1814 годомъ, и французская армія, перейдя Пиренеи, возстановила старыи порядокъ, а съ нимъ и іезуитовъ, которые утвердились крѣпче прежняго. Черезъ 10 лѣтъ, 29 сентября 1833, Фердинандъ VII умеръ, и за престолонаслѣдіе началась междоусобная война, опустошавшая несчастную страну въ теченіе 17 лѣтъ. Фердинандъ VII назначилъ наслѣдницею дочь свою, Изабеллу II, нарушивъ салическій законъ, устранившій женщинъ отъ престола. Противъ нея возсталъ братъ Фердинанда, донъ Карлосъ, сторону котораго приняла вся поповская партія, въ томъ числѣ и іезуиты. Вслѣдствіе этого вдова Фердинанда, регентша въ малолѣтство Изабеллы, королева Марія Христина, была принуждена обратиться къ либеральной партіи, и въ 1835 Испанія снова получила конституцію, по которой іезуиты были опять изгнаны изъ страны. Но послѣ совершенной побѣды надъ донъ Карлосомъ королева Изабелла отравила по стомамъ отца, и іезуитско-поповская партія сдѣлалась снова господствующей. Теперь она владычествуетъ въ Испаніи безграницѣ, чѣмъ когда-либо, и нынѣшній порядокъ страны ничѣмъ не отличается отъ правительства Фердинанда VII.

Германія, особенно Австрія, Баварія и духовныя владѣнія, всегда представляли іезуитамъ самое удобное поприще, и можно было ожидать, что въ этихъ государствахъ, гдѣ

такъ неохотно уничтожали ихъ, возстановленіе ихъ будетъ принято съ восторгомъ. Но по смерти Маріи Терезіи направленіе австрійскаго дома измѣнилось, и ея сыновья принялись либеральничать и одобрять многія реформы послѣдняго времени. Даже въ страшный для коронованныхъ особъ 1793 годъ, когда министр курфирста трирскаго, предлагалъ отъ имени своего государя младшему сыну Маріи Терезіи, эрцгерцогу Максимилиану Францу, курфирсту кѣльнскому и епископу мюнстерскому, хлопотать заодно съ прочими германскими епископами и прелатами о возстановленіи іезуитовъ, какъ надежнѣйшаго оплота противъ развивающагося въ Германіи духа революціи и невѣрія — эрцгерцогъ-курфирстъ отвѣчалъ отказомъ, основаннымъ на очень нелестныхъ для іезуитовъ соображеніяхъ. Въ письмѣ своемъ отъ 29 ноября 1793 онъ между прочимъ говорилъ: „Они слишкомъ вмѣшиваются въ придворныя и государственныя интриги и вообще слишкомъ властолюбивы. Хотя они не взводили королей на эшафоты, зато не разъ подсылали къ нимъ убійцъ и столь же вредили общему благу, какъ общество иллюминатовъ, которое произвело парижскую рѣзню.“ (Это замѣчаніе даетъ интересное понятіе о взглядѣ эрцгерцога и ему подобныхъ людей на причины французской революціи.) „Во всѣхъ государствахъ они забирали въ свои руки всю молодежь и черезъ это имѣли слишкомъ сильное вліяніе на общественное мнѣніе. Обладая всѣми средствами чтобы дѣйствовать — деньгами, протекціей, духовнымъ вліяніемъ, они могли бы приносить большую пользу; вмѣсто того они искали только собственныхъ выгодъ и для нихъ часто нарушали общественные интересы. Поэтому я не вижу надобности возстановлять общество Іисуса.“ Это мнѣніе было и осталось господствующимъ въ Германіи и въ 1814, такъ что правительства Австріи и Баваріи, вынужденныя въ то время согласоваться съ желаніями народа, не рѣшились принять буллу *Sollicitudo omnium ecclesiarum*, хотя и австрійскій императоръ, Францъ I, и баварскій король

Максимилианъ Іосифъ, были лично преданы іезуитамъ. Они старались угодить имъ, не возбуждая неудовольствія народа, и потому, не допуская іезуитовъ, допустили въ свои владѣнія такъ называемыхъ редемптористовъ или литоріанцевъ, какъ будто не зная, что это тѣ же іезуиты. *Альфонсъ Марія де Лигори*, ревностный членъ пропаганды въ Неаполѣ, основалъ въ 1732 съ разрѣшенія папы Клементъ XII общество въ Маріинской пустынѣ въ городкѣ Вилла-Скала. Члены этого общества обязались учить юношество, распространять истинную вѣру и служить папѣ, какъ представителю Бога на землѣ. Стало быть, цѣль ихъ была та же, какъ и іезуитовъ; названіе ихъ было тоже одинаково: они назывались *братьями святаго Искупителя* или редемптористами. Но они отличались отъ іезуитовъ тѣмъ, что жили въ монастыряхъ, какъ все монашескія братства, тогда какъ іезуиты жили свободно въ мірѣ. Поэтому они всегда считались второстепенной отраслью ордена Іисуса, имѣли мало значенія и были немногочисленны, даже послѣ запрещенія настоящихъ іезуитовъ. Но когда Пій VII возстановилъ орденъ, а нѣкоторыя государства не признали этого возстановленія, іезуиты нашли возможнымъ проникнуть туда подъ именемъ своихъ младшихъ братьевъ редемптористовъ, пока не настала пора явиться подъ собственнымъ именемъ. Такимъ образомъ редемптористы были допущены въ Австрію, получили много владѣній, церквей и заведеній, распространились оттуда по всей Германіи, особенно въ Баваріи, и наконецъ, пріобрѣтя много приверженцевъ и прочно утвердившись, рѣшились открыться и объявили свои учебныя заведенія въ Львовѣ, Инспрукѣ и другихъ городахъ іезуитскими коллегіями. Правительство промолчало и такимъ образомъ допустило существованіе іезуитовъ въ Австріи. Это ободрило ихъ; они распространились и по рейнскимъ провинціямъ въ прусскихъ владѣніяхъ, гдѣ въ Кобленцѣ учредили обширную коллегію. Общество Іисуса готовилось уже занять въ Германіи свое прежнее положеніе, потерянное въ 1773 году, когда насталъ роковой 48 годъ и

мигомъ разсѣялъ всѣ плоды ихъ усилій. Но не надолго: уже черезъ годъ началась реакція, и іезуиты опять всплыли на поверхность въ качествѣ столповъ и защитниковъ монархіи и соціального порядка. Съ новой реакціей іезуиты процвѣли лучше прежняго. Теперь Австрія признала ихъ официально, а въ прочей Германіи они дѣйствуютъ подъ именемъ редemptористовъ.

Во Франціи Лудовикъ XVIII, возстановленный на престолѣ послѣ паденія Наполеона, былъ настолько уменъ, что не рѣшился оскорблять общественное мнѣніе реставраціей іезуитовъ. Возстановляя всѣ безобразія старой монархіи, онъ оказался однако довольно благоразумнымъ въ отношеніи религіозныхъ вопросовъ, потому что самъ былъ человѣкъ невѣрующій, воспитанный на Вольтерѣ. Зато братъ его, графъ Артуа, былъ самый отъявленный ханжа и побуждалъ короля къ реакціоннымъ мѣрамъ въ политикѣ и религіи. Но Лудовикъ не поддавался внушеніямъ Марсанскаго павильона, какъ называли партію Артуа и іезуитовъ. Онъ не уступилъ имъ и въ концѣ своего царствованія, когда послѣ убійства племянника своего, герцога Беррійскаго, сталъ дѣйствовать круче, но іезуитовъ все-таки не возстановилъ. Впрочемъ онъ дѣлалъ это только въ угоду націи, не желая ссориться изъ-за нихъ съ народомъ, но не желалъ также вооружать противъ себя и поповскую партію; поэтому онъ терпѣлъ тайную дѣятельность іезуитовъ во Франціи, гдѣ они дѣйствовали подъ именемъ *Pères de la Foi* — отцевъ вѣры и успѣли приобрести огромныя богатства и вліяніе. При этомъ у нихъ случалось много столкновеній, и палата депутатовъ нѣсколько разъ возставала противъ ихъ существованія во Франціи, но министры отрицали это и смотрѣли сквозь пальцы на дѣятельность отцевъ вѣры. Тѣмъ не менѣе іезуитамъ было очень непріятно, что имъ приходится скрываться, и потому, какъ скоро покровитель ихъ, Артуа, наслѣдовалъ брату подъ именемъ Карла X (1824), они поспѣшили снять маску. Въ 1826 они объявили, что всѣ многочисленныя коллеги и другія

заведенія, которыми до сихъ поръ они владѣли тайно, составляютъ собственность цѣлаго общества и подчинены римскому генералу іезуитовъ, а главный начальникъ этихъ заведеній прямо принялъ титулъ „провинціала общества Іисуса въ провинціи Галліи“ и подписывался имъ на всѣхъ бумагахъ. Палата депутатовъ подняла по этому случаю шумъ, и на запросъ ея министры были принуждены сознаться, что общество іезуитовъ фактически существуетъ во Франціи съ разрѣшенія правительства. Это привело въ негодованіе всю публику, а верховный королевскій судъ прямо объявилъ, что іезуиты ни подъ какимъ именемъ не могутъ существовать во Франціи и что возстановленіе ихъ противорѣчитъ конституціонной хартіи, которой присягали король и министры. Вслѣдствіе этого въ 1828 г. были закрыты іезуитскія коллегіи и школы въ Сентъ-Ашелѣ близъ Амьена, въ Сентъ-Анъ въ Бретани, въ Долѣ, въ Юрѣ, въ Монморильонѣ въ деп. Віени, въ Бордо, въ Эсѣ, въ Форкалькѣ и въ Вильонѣ, всего съ 3,500 учениками. Правительству съ трудомъ удалось спасти семинаріи въ Монружѣ и Сентъ-Ашелѣ близъ Парижа и нѣсколько другихъ. Въ негодованіи на палату, которая поступила такимъ образомъ съ его любимцами и вообще стѣсняла его произволъ, Карлъ X рѣшился уничтожить конституцію, казнить главныхъ депутатовъ и возстановить старую монархію. Въ августѣ 1829 г. онъ сдѣлалъ первымъ министромъ главнаго приверженца іезуитовъ, князя *Полиньяка*, и задумалъ произвести насильственный переворотъ. Въ концѣ іюля 1830 войска его напали на народъ, и въ Парижѣ произошла рѣзня, которая продолжалась нѣсколько дней и кончилась побѣдой народа. Карлъ X бѣжалъ въ Англію, а оттуда въ Австрію, и въ августѣ королемъ былъ избранъ его родственникъ, Лудовикъ Филиппъ герцогъ Орлеанскій. Съ паденіемъ Бурбоновъ пали и іезуиты, и нѣсколько времени объ нихъ не было во Франціи помину. Однако тайно они продолжали дѣйствовать въ ожиданіи болѣе благопріятнаго времени, которое наступило, когда по низверженіи Лудовика

Филиппа на престолъ вступилъ Наполеонъ III. Нуждаясь въ содѣйствіи духовенства, чтобы поддержать свой шаткій престолъ, онъ былъ принужденъ вступить въ союзъ съ іезуитами. Конечно, объ оффиціальномъ возстановленіи іезуитовъ не могло быть и рѣчи; но зато правительство оказывало имъ такое содѣйствіе, что черезъ десять лѣтъ наполеоновскаго господства во Франціи не осталось ни одного департамента, гдѣ іезуиты не забрали бы въ свои руки всего народнаго воспитанія и не приобрѣли бы огромныхъ богатствъ. При томъ противъ нихъ никто не осмѣливается возвысить голоса, и къ числу приверженцевъ ихъ принадлежатъ сама императрица и многіе важнѣйшіе сановники имперіи, такъ что теперь они могущественнѣе во Франціи, чѣмъ при Бурбонахъ, и Франція можетъ считаться самымъ іезуитскимъ государствомъ въ мірѣ.

Въ этомъ отношеніи ее перещеголяло развѣ только маленькое королевство, Бельгія, гдѣ подъ покровительствомъ правительства іезуиты процвѣтаютъ совершенно явно гораздо успѣшнѣе, чѣмъ даже въ Римѣ. По бельгійской конституціи религія и воспитаніе народа совершенно свободны, такъ что государство не имѣетъ никакого права вмѣшиваться въ эти дѣла. Умные іезуиты такъ же ловко воспользовались этой свободой, чтобы приобрѣсти въ Бельгіи монополію народнаго воспитанія, какъ хитрые барышники пользуются свободой торговли для приобретенія торговыхъ монополій. Въ этомъ отношеніи они достигли въ Бельгіи до того, что 4 ноября 1834 открыли въ Мехельнѣ свой собственный университетъ, и можно себѣ представить, съ какимъ направленіемъ выходятъ оттуда люди, когда всѣ тамошніе профессоры — іезуиты. Ученики этого университета занимаютъ въ Бельгіи всѣ государственныя должности, и потому немудрено, что правительство Бельгіи такъ покровительствуетъ іезуитамъ. Іезуиты съ ожесточеніемъ преслѣдуютъ всякое другое направленіе, и въ бельгійскихъ университетахъ у нихъ было не мало скандальныхъ столкновеній съ враждебными имъ профессо-

рами, какъ напр. исторія съ гентскимъ профессоромъ, *Лораномъ*, подобная недавней исторіи съ профессоромъ Ренаномъ въ Парижѣ. *)

Португалія, которая первая дала іезуитамъ могущество, первая уронила ихъ, сохранила и въ нашемъ столѣтіи взглядъ на нихъ Помбаля. Когда Пій VII возстановилъ орденъ, король Іоаннъ VI отказался обнародовать его буллу въ Португаліи и Бразиліи и даже протестовалъ противъ нея. Тщетно папа посылалъ въ Лиссабонъ и Ріо-Жанейро нунція съ спеціальною цѣлью склонить короля въ пользу іезуитовъ. Іоаннъ, обязанный возстановленіемъ своимъ въ Португаліи англичанамъ, находился подъ вліяніемъ англійскаго фельдмаршала Бересфорда и до самой смерти въ 1826 не измѣнилъ своего рѣшенія. Ему наслѣдовала въ Португаліи внучка его, Марія II, дочь императора бразильскаго донъ Педро. Дядя королевы, полоумный злодѣй донъ Мигуель, лишилъ ее престола и декретомъ 30 августа 1830 г. возстановилъ общество іезуитовъ въ Португаліи. Такъ какъ его поддерживали попы, то королева соединилась съ либералами, и въ іюнѣ 1834 г. донъ Мигуель былъ низвергнутъ, а съ нимъ удались и іезуиты, которые до сихъ поръ не успѣли снова водвориться въ португальскомъ королевствѣ.

Не такъ давно іезуиты достигли большого могущества и надѣлали много безпорядковъ въ католическихъ кантонахъ Швейцаріи. Уже черезъ четыре года по возстановленіи ордена Піемъ VII, въ 1818 г., возникла великолѣпная коллегія въ Фрейбургѣ. Отсюда они распространились по всей странѣ, всюду пріобрѣли приверженцевъ и завели коллегіи въ Штефисѣ, Зиттенѣ, Бригѣ, Швицѣ и Лудернѣ. Въ швейцарскихъ школахъ іезуитовъ воспитывались также сыновья баварскаго и французскаго дворянства. Іезуиты пріобрѣли въ Швейцаріи такое вліяніе, что въ католическихъ кантонахъ, Лудернѣ, Фрейбургѣ, Валлисѣ и Швицѣ, передѣлали по-своему законы

---

*) См. приложение въ концѣ книги.

и поставили своихъ приверженцевъ во главѣ правленія. Такъ продолжалось нѣсколько десятковъ лѣтъ, пока властолюбіе и нетерпимость ихъ не возмутили противъ нихъ остальные кантоны. Въ 1845 Цюрихъ потребовалъ изгнанія іезуитовъ, и черезъ годъ, 20 іюля 1846 г., общее швейцарское правительство большинствомъ голосовъ положило удалить ихъ. Это и разныя другія обстоятельства побудили католическіе кантоны Швицъ, Ури, Унтервальденъ, Луцернъ, Фрейбургъ, Цугъ и Валлисъ отложиться отъ прочихъ и образовать независимый союзъ — Зондербундъ. Но общій сеймъ не призналъ этого отпаденія и рѣшился силою возвратить въ союзъ отпавшіе кантоны. Въ 1847 г. онъ выставилъ 100,000 армію подъ начальствомъ генерала Дюфура. Зондербундъ съ своей стороны собралъ 36,000 войска и 47,000 милиціи. Однако войска его разбѣжались, какъ скоро Дюфуръ вступилъ во Фрейбургъ. Главныя силы федеральной арміи двинулись на Луцернъ, причемъ встрѣтили упорное сопротивленіе при Гисликонѣ на границѣ Цуга съ Луцерномъ. Но послѣ храбраго сопротивленія войска Зондербунда были разбиты и здѣсь, и католическіе кантоны принуждены покориться. Это заставило іезуитовъ покинуть Швейцарію и удалиться въ Тироль и Австрію. Вслѣдъ затѣмъ швейцарскій сеймъ постановилъ навсегда удалить іезуитовъ изъ протестантскихъ и католическихъ кантоновъ Швейцаріи, и этотъ законъ, принятый въ новую союзную конституцію 1848, остался въ силѣ донинѣ, не смотря на неоднократныя попытки нарушить его.

Потерявъ Швейцарію, іезуиты приобрѣли зато могущество въ другихъ странахъ, куда не имѣли доступа даже до уничтоженія своего Клементомъ XIV. Такъ въ Англіи послѣ эмансипаціи католиковъ парламентъ не могъ воспротивиться вторженію іезуитовъ, которые не замедлили завести обширныя воспитательныя учрежденія въ Стонигорстѣ близъ Престона въ Ланкашайрѣ и въ Годдигузѣ близъ Лондона. Въ Ирландіи они распространились еще болѣе и завели множество школъ, но богатства не приобрѣли по причинѣ бѣдности католиче-

скаго народонаселенія этой страны. Зато въ Америкѣ они приобрѣли такую силу, о какой не мечтали даже и прежде, когда были такъ могущественны. Замѣчательно, что они утвердились не въ католической Южной Америкѣ, гдѣ въ прошломъ столѣтіи владѣли цѣлымъ государствомъ Парагвайскимъ, которое принесло имъ такой вредъ; они утвердились не въ Бразиліи, не въ Мексикѣ, не въ южно-американскихъ республикахъ, а въ Сѣверной Америкѣ, именно въ Соединенныхъ Штатахъ, основанныхъ пуританами, и гдѣ пуританство до сихъ поръ играетъ важную роль. Свободное законодательство Сѣверо-американскаго союза даетъ терпимость всѣмъ религіямъ и религіознымъ обществамъ. Поэтому іезуиты отправились туда посмотреть, нельзя ли чего сдѣлать, и вскорѣ открыли тамъ для себя обширное поприще. Тогда генераль Роотаанъ послалъ въ Сѣверную Америку миссію, которая начала свою дѣятельность съ католическаго штата Мериленда, гдѣ встрѣтила большое сочувствіе со стороны богатыхъ плантаторовъ и основала множество учебныхъ заведеній. Мало-по-малу іезуиты распространились по всему Союзу и завели много коллегій во всѣхъ штатахъ, въ томъ числѣ даже въ Джорджтоунѣ, второмъ городѣ Колумбіи. Должно ожидать, что современемъ іезуиты усилятся въ Америкѣ еще болѣе, потому что католическое населеніе штатовъ, которое уже теперь простирается до 5 мил., значительно увеличивается отъ постоянныхъ переселеній изъ Ирландіи.

Итакъ булла папы Ганганелли не нанесла іезуитамъ существеннаго вреда. Иначе они не могли бы такъ быстро оправиться и снова приобрѣсти съ 1814 такое могущество. Правда, богатство ихъ значительно уменьшилось: они потеряли обширныя колоніи и лишились огромной торговли, доставлявшей имъ ежегодно милліоны; правда и то, что теперь они владычествуютъ не такъ явно и терпятъ частыя неудачи. Но послѣднее — общая участь всего стараго порядка въ нашемъ столѣтіи, а власть ихъ, хотя тайная, тѣмъ не менѣе сильна. Какъ обширна еще ихъ дѣятельность, можно

судить по тому, что число ихъ нисколько не уменьшилось, и теперь орденъ также многочисленъ, какъ былъ до Кле-мента XIV. Онъ раздѣляется теперь на четыре ассистенціи: 1) итальянская, съ провинціями Римомъ, Неаполемъ, Сици-лій, Туриномъ и Венеціей; по отчету, обнародованному не-давно нынѣшнимъ генераломъ Бекромъ, въ ней считается 8,350 членовъ ордена; 2) Испанія, съ тремя провинціями, названія которыхъ неизвѣстны, потому что орденъ суще-ствуетъ тамъ инкогнито подъ запрещеніемъ; 3) Франція, съ провинціями Парижемъ, Лиономъ и Тулузой — всего 7,420 членовъ; 4) Германія, съ провинціями Австріей, Германіей, Галиціей, Бельгіей, Англіей, Ирландіей и Мериландомъ или Америкой, которыя въ совокупности имѣютъ 22,159 іезуи-товъ. Всего въ орденѣ считается кромѣ испанской ассистен-ціи 37.929 членовъ; сюда не входятъ новицы, ученики и свѣтскіе братья *).

---

*) На этомъ кончается сочиненіе автора. Но для пополненія его перевод-чикъ счелъ не лишнимъ присовокупить: 1) Очеркъ дѣятельности іезуитовъ въ Россіи, заимствованный изъ книги г. Самарина; 2) Нѣкоторыя харак-теризующія орденъ выдержки изъ знаменитой полемики съ нимъ Паскаля; 3) Философскую оцѣнку ордена, взятую изъ „Философіи исторіи“ Лорана.

ГЛАВА IV.

Иезуиты въ Россіи.

Познакомившись съ дѣйствіями іезуитовъ не только въ Европѣ, но въ Азіи и Америкѣ, читатель вѣроятно пожелаетъ ознакомиться и съ дѣятельностью этого ордена въ Россіи. Вліяніе ихъ на востокъ Европы для русскаго можетъ представлять столько же интереса, какъ и дѣятельность ихъ на западѣ, хотя первое, не смотря на всю полноту сочиненія объ іезуитахъ Гризингера, было опущено авторомъ.

Предлагаемое пополненіе сочиненія Гризингера заимствовано нами изъ сочиненія г. Самарина „Іезуиты и ихъ отношеніе къ Россіи,“ поводомъ къ которому послужило письмо русскаго іезуита, священника Мартынова, присланное на имя редактора газеты „День“ и вызванное въ свою очередь передовой статьей въ той же газетѣ въ 1864 году.

„Въ лицѣ Антонія Поссевина мы впервые встрѣчаемся съ іезуитами въ Россіи. Этотъ неутомимый пропагандистъ ученія Лойолы, въ продолженіе двадцати семи лѣтъ неоднократно появлявшійся въ столицахъ Европы, наконецъ занесенъ былъ обстоятельствами и въ палаты Іоанна Грознаго. Впрочемъ обстоятельства этими управлялъ не религіозный принципъ, а политическій. Царю московскому нуженъ былъ не апостоль, а дипломатъ, который склонилъ бы Баторія на миръ. По просьбѣ его къ папѣ, чтобы тотъ принялъ

на себя посредничество между нимъ и королемъ польскимъ, въ Москву былъ отправленъ для этой цѣли одинъ изъ членовъ ордена Иисуса, именно Антоній Поссевинъ. Просьба о посредничествѣ подала римскому первосвященнику надежду на различныя уступки со стороны московскаго государя; но такъ какъ въ планы Іоанна не входило сближеніе церквей,— обстоятельство, на которое такъ рассчитывалъ папа, то весьма понятно, что участіе этого послѣдняго въ политикѣ должно было неблагопріятно отразиться на Россіи. Поссевинъ уѣхалъ съ секретнымъ порученіемъ вредить ей. Увѣривъ Іоанна въ своей готовности служить его интересамъ, онъ, въ качествѣ посредника между воевавшими сторонами во время переговоровъ о мирѣ, повелѣ дѣло такъ, что вся Ливонія досталась Польшѣ, тогда какъ самъ Баторій разрѣшилъ своимъ уполномоченнымъ оставить за русскими нѣсколько городовъ. Такимъ образомъ въ дипломатическомъ отношеніи инструкція папы была приведена въ исполненіе; но когда начались диспуты о вѣрѣ, папскому легату пришлось отложить всякую надежду доказать превосходство своей религіи московскому государю, который оставилъ его, назвавъ папу волкомъ. Увидѣвъ, что дѣло не дается съ этой стороны, энергичный миссіонеръ ученія Лойолы далъ папѣ совѣтъ взяться за него иначе, именно посредствомъ Польши, начать дѣйствовать не на Москву, а на Вильну и Кіевъ. Совѣтъ этотъ и планъ, составленный Поссевиномъ для отклоненія юго-западной Россіи отъ православія, по дальновидности, по широтѣ и осядлости замысла, ставятъ Поссевина на ряду съ первоклассными политическими дѣятелями XVI и XVII столѣтій. Вся исторія Уніи заключалась въ этой инструкціи, которая съ строгою послѣдовательностью, въ продолженіе цѣлыхъ двухъ вѣковъ, приводилась въ исполненіе посредствомъ мѣръ, на которыя такъ неразборчивы сыны Лойолы.

По прошествіи двадцати трехъ лѣтъ послѣ отъѣзда Поссевина изъ Россіи, Москва въ свитѣ Лжедмитрія снова увидѣла у себя іезуитовъ. Былъ ли самозванецъ креатурой ордена,

или они; случайно столкнувшись съ нимъ, подготовили его для своихъ цѣлей—вопросъ объ этомъ еще не разрѣшенъ окончательно, но несомнѣнно то, что іезуиты знали, что Лжедмитрій не сынъ Іоанна, и служили ему изъ своихъ видовъ. Когда этотъ претендентъ сошелъ со сцены, они пристали къ другому, извѣстному подъ названіемъ Тушинскаго вора. И на этотъ разъ попытки іезуитовъ оказались столь же неудачными, какъ и при первомъ самозванцѣ. Они были изгнаны изъ Россіи.

Въ концѣ XVII вѣка нѣсколькимъ іезуитамъ подъ покровительствомъ пословъ нѣмецкаго императора удалось пристроиться въ колоніи иностранцевъ въ Москвѣ, состоявшихъ на русской службѣ. На имя итальянца Гуаскини, выдававшего себя за купца, на самомъ же дѣлѣ іезуита, они приобрѣли тамъ домъ и, устроивъ въ немъ школу, подъ покровительствомъ князя В. В. Голицына, стали преподавать свое ученіе. Увѣренность ихъ въ себѣ скоро возрасла до того, что одинъ изъ нихъ, Михаилъ Яковлевичъ, сталъ питать надежду занять патріаршую кафедру; изъ его частной переписки видно, что онъ былъ недоволенъ москвичами, не выразившими желанія имѣть его своимъ архипастыремъ. Саму увѣренность эта, конечно, не могла нравиться тогдашнему патріарху Іоакиму; подъ его вліяніемъ Іоаннъ и Петръ Алексѣевичи приказали удалить изъ Россіи іезуитовъ, и въ 1688 году колонія ихъ на счетъ казны была отправлена за литовскую границу.

Въ повѣренномъ по дѣламъ нѣмецкаго императора, Курціи, сыны Лойолы нашли себѣ усерднаго заступника и ходатая у русскаго правительства. Ходатайство его оказалось безуспѣшнымъ, но генераль Патрикъ Гордонъ, ирландецъ по происхожденію, ревностный католикъ и дѣятельный помощникъ Петра I, помогъ имъ. Въ нѣсколько лѣтъ, основавшись въ своемъ домѣ въ Москвѣ, вѣроятно, остававшемся въ ихъ рукахъ, они построили при немъ католическую церковь, а при ней появилась и школа. Такимъ образомъ не замедлила

образоваться опять колонія—*іезуицкая слобода*. Нѣмецкій императоръ ежегодно отпускалъ на содержаніе колоніи по 800 р., пользуясь, въ свою очередь, отъ іезуитовъ нѣкоторыми справками, которыхъ онъ, вѣроятно, не получилъ бы офиціальнымъ путемъ. Пока петербургскій и вѣнскій дворы находились въ согласіи, на сношенія эти мало обращали вниманія; но какъ только согласіе это было нарушено, по поводу бѣгства царевича Алексѣя, немедленно вышелъ указъ, 13-го апрѣля 1719 года, о высылкѣ за границу всѣхъ проживавшихъ въ Москвѣ іезуитовъ.

При императрицѣ Екатеринѣ II *) мы опять встрѣчаемся съ іезуитами, но на этотъ разъ безъ всякаго со стороны ихъ участія. По присоединеніи Бѣлоруссіи, Екатерина записала въ ней іезуитовъ прочно водворенными и указомъ въ 1772 году предписала составить списокъ всѣхъ іезуитскихъ монастырей и школъ и имѣть особое наблюденіе надъ ними. Приказаніе это свидѣтельствуетъ, что іезуиты представлялись ей опасными, потому что, по уставу ихъ общества, они подчинялись, непосредственно и безусловно власти въ Римѣ, стало быть, совершенно независимой отъ русскаго правительства. На другой годъ, когда Клементъ XIV обнародовалъ свой декретъ объ упраздненіи ордена, взглядъ императрицы на іезуитовъ измѣнился. Въ началѣ 1774 года изданъ былъ указъ, въ которомъ дозволялось находящимся въ бѣлорусскихъ губерніяхъ іезуитамъ оставаться тамъ по-прежнему, и обнародована была жалованная грамота на установленіе бѣлорусской католической епархіи, а въ 1782 году вышелъ указъ объ учрежденіи въ Могилевѣ архіепископства римско-католическаго исповѣданія.

Такимъ образомъ могилевскій архіепископъ дѣлался главою всего латинскаго духовенства въ предѣлахъ Россіи, а вмѣстѣ съ этимъ и монашескихъ орденовъ. Въ учрежденной подъ его предсѣдательствомъ консисторіи сосредоточены были всѣ

*) См. главу о возстановленіи ордена, стр. 187—189.

дѣла внутренняго церковнаго управленія. Подчинивъ власть эту правительствующему сенату, сношенія съ Римомъ вести правительство предоставило исключительно себѣ, строго подтвердивъ всему находящемуся въ Россіи католическому духовенству не предпринимать никакихъ прямыхъ сношеній съ римскимъ дворомъ. Іезуитамъ наравнѣ съ другими монашескими орденами предоставлена была совершенная свобода отправленія вѣры, права собственности, разрѣшено учредить школы, училища и пользоваться принадлежащимъ уже основаннымъ ими заведеніямъ ихъ движимымъ и недвижимымъ имуществомъ. Всѣ эти права предоставлялись какъ іезуитамъ, такъ и другимъ орденамъ, лишь на тѣхъ условіяхъ, чтобы всѣ они зависѣли отъ архіепископа могилевскаго, а не отъ какой другой власти внѣ имперіи. Въ 1777 году въ Полоцкѣ^{набурт} съ дозволенія правительства открыть былъ орденомъ Іисуса новиціатъ, куда принимались новые члены, при чемъ изъ среды своей избранъ былъ ими генеральный викарій. Такимъ образомъ, общество, упраздненное папскимъ декретомъ, было признано существующимъ въ Россіи.

Теперь коснемся тѣхъ причинъ, которыя побудили императрицу, вопреки общественному мнѣнію всей Европы, заодно съ однимъ лишь королемъ прусскимъ Фридрихомъ II, даровать іезуитамъ ихъ корпоративныя права и возстановить ихъ какъ общество.

Въ новоприсоединенныхъ бѣлорусскихъ губерніяхъ общественное воспитаніе уже съ давняго времени находилось въ рукахъ іезуитовъ, и эта сторона ихъ дѣятельности прежде всего обратила на себя вниманіе Екатерины;—хотя это и можно назвать первою причиною оказаннаго ею покровительства ордену, но причина эта была не единственною и не главною. Покровительство обществу связано съ рядомъ фактовъ, которые отличаютъ всю политику ея относительно римскаго двора. Система ея дѣйствій состояла въ томъ, чтобы „не касаясь догматовъ, составляющихъ предметъ вѣры, локализовать въ предѣлахъ имперіи латинскую церковную

администрацію, какъ предметъ не виѣшней политики, а внутренняго, государственнаго управленія,“ въ чемъ императрица выполнѣ успѣла, такъ какъ отношенія русскаго кабинета къ римскому престолу были тогда рѣшительны и самостоятельны. Главнымъ сотрудникомъ въ осуществленіи ея плановъ былъ литовскій дворянинъ Сестринцевичъ, впоследствии архіепископъ, а еще позднѣе митрополитъ, въ царствованіе четырехъ государей управлявшій всею латинскою церковью въ прѣдѣлахъ Россіи.

Разстроить планы Екатерины могли лишь іезуиты; имъ стоило отвергнуть ея заступничество и подчиниться приговору своего владыки, то есть умереть какъ общество. Впрочемъ ректоромъ полоцкой коллегіи, Станиславомъ Черневичемъ, отъ имени всѣхъ бѣлорусскихъ іезуитовъ, 23-го ноября 1773 года было заявлено въ письменномъ прошеніи къ Екатеринѣ желаніе остаться въ безусловной покорности римскому престолу, при чемъ просители писали: „Ваше Величество, благоволивъ разрѣшить обнародованіе декрета объ упраздненіи общества, проявите этимъ Вашу Царскую власть, а мы, неукоснительнымъ послушаніемъ, окажемъ себя одинаково покорными какъ власти Вашего Величества, имѣющей дозволить исполненіе декрета, такъ и власти верховнаго Первосвященника, требующей отъ насъ исполненія.“ *)

Екатерина отказала просителямъ слѣдующими словами: „Вы обязаны послушаніемъ папѣ въ дѣлѣ догматовъ, а во всемъ остальномъ вашимъ государямъ. Я вижу, что вы совѣстливы! Впрочемъ, для успокоенія вашего, я спшусь съ варшавскимъ нунціемъ чрезъ моего повѣреннаго.“ Въ исторіи объ іезуитахъ Кретино-Жоли и у аббата Гетте мы находимъ отвѣтъ кардинала Корсини варшавскому нунцію отъ 15-го марта 1774 года на извѣщеніе его о просьбѣ, поданной бѣлорус-

---

*) Подлинное прошеніе было писано по-польски; французскій переводъ его читатели могутъ найти въ Исторіи іезуитовъ аббата Гетте (т. III, стр. 363) или въ исторіи Кретино Жоли (т. V, ст. 375, 376, по 2 изд.)

скими іезуитами Екатеринѣ II и о послѣдствіяхъ этой просьбы; „Кардиналы, члены конгрегаціи, съ горестію узнали, что проживающіе въ Россіи члены бывшаго общества все еще не хотятъ покориться декрету о его упраздненіи, выставляя въ предлогъ запрещеніе, объявленное имъ свѣтскою властію, конечно, не безъ собственнаго ихъ въ томъ участія; этимъ они покрываютъ свою непокорность въ глазахъ прочихъ своихъ собратьевъ и всѣхъ людей добросовѣстныхъ. Отцы священной конгрегаціи поручаютъ вамъ внушить послушникамъ, чтобы они не упорствовали и бросили этотъ путь, ибо они не только самихъ себя губятъ, но еще подвергаютъ опасности спасеніе душъ, которымъ они незаконно и недѣйствительно преподаютъ святыя таинства, не смотря на то, что верховный первосвященникъ лишилъ ихъ всякой на то власти.“

Понятно, что насильно нельзя оказывать покровительства кому бы то ни было, тѣмъ болѣе іезуитамъ, которые, находя его неумѣстнымъ, всегда нашли бы поводъ и средства уклониться отъ него. Не прекращая какъ общество своего существованія въ Россіи, іезуиты, стало быть, доказали, что они сами желали этого и пользовались оказываемымъ имъ покровительствомъ. Кому извѣстно поведеніе этого ордена на западѣ Европы, тотъ, вѣроятно, согласится съ основательностью этого предположенія. Предположимъ, вмѣстѣ съ отцами священной конгрегаціи, что они даже домогались этого покровительства; но тѣмъ не менѣе для Екатерины вопросъ о существованіи ордена въ Россіи служилъ видамъ русской политикѣ; она пользовалась ими какъ орудіемъ проявленія независимости своихъ дѣйствій относительно большей части Европы.

Вскорѣ по вступленіи на престолъ императора Павла, рушилась система, которой держалась неуклонно его предшественница во все продолженіе своего царствованія. При Павлѣ іезуиты перестаютъ быть орудіемъ русской дипломатіи; напротивъ того, они заставляютъ ее служить своимъ цѣлямъ и покоряютъ своему вліянію высшее петербургское общество.

Въ 1800 году императоръ Павелъ обратился къ папѣ съ просьбою возстановить орденъ іезуитовъ въ прежнихъ его правахъ, съ рекомендаціею въ пользу іезуитовъ отъ имени русскаго двора чрезъ нашего посланника въ Константинополь къ турецкому султану. Въ томъ же году послѣдовали Высочайшія повелѣнія: именно, отправленіе богослуженія въ католическихъ церквахъ св. Петра и св. Екатерины предоставлялось исключительно іезуитамъ; кромѣ того въ ихъ пользованіе поступили доходы съ домовъ и экономическихъ заведеній послѣдней; іезуитскому новиціату въ Полоцкѣ разрѣшено было умножать богоугодныя его заведенія и въ другихъ мѣстахъ католическаго исповѣданія; затѣмъ ордену по мѣрѣ открытія его заведеній, должны быть возвращены имѣнія, отобранныя у него польскимъ правительствомъ; наконецъ послѣдовало новое положеніе объ управленіи римско-католическимъ духовенствомъ въ Россіи. Хотя, повидимому, преобразование управленія не перемѣняло отношеній правительства къ латинской іерархіи, но въ сущности чрезъ это положеніе латинскіе монашествующія ордена пріобрѣтали самостоятельность и независимость отъ мѣстныхъ епархіальныхъ властей. Нововведеніе объяснялось тѣмъ, что епархіальнымъ архіереямъ „трудно знать постановленія и правила каждаго ордена.“

Виновникомъ всѣхъ этихъ благопріятныхъ перемѣнъ въ пользу ордена былъ верховный настоятель іезуитовъ въ Россіи, отецъ Гавріиль Груберъ, личность, прославившаяся хитростію и интригами даже между своими собратіями. Въ то время онъ пользовался особеннымъ благоволеніемъ императора Павла, который уже при первомъ знакомствѣ съ нимъ былъ до того очарованъ Груберомъ, что захотѣлъ немедленно пожаловать его кавалеромъ. Уклонившись отъ этой чести и ссылаясь на свой уставъ, что члены ордена посвящаютъ себя на службу государямъ и ихъ подданнымъ единственно *ad maiorem Dei gloriam*—для большей славы Божьей, онъ окончательно плѣнилъ своимъ смиреніемъ императора, который

позволилъ Груберу во всякое время являться къ нему безъ доклада. Бесѣды, послѣдовавшія за этимъ приглашеніемъ какъ нельзя благотворнѣе отразились въ приведенныхъ выше перемѣнахъ на іезуитахъ. Полною довѣренностью по дѣламъ латинской церкви пользовался уже не Сестренцевичъ, возведенный самимъ Павломъ въ санъ митрополита, который, не одобряя нововведеній, не отваживался на борьбу. Груберъ, съ своей стороны, также устранялъ всякое прямое съ нимъ столкновеніе; между тѣмъ разными путями черезъ своихъ соумышленниковъ докучалъ государю безпрестанными жалобами на департаментъ юстиціи-коллегіи. Жалобы эти наконецъ надоѣли императору; онъ потребовалъ къ себѣ Грубера, чтобы узнать отъ него правду. Послѣдствіемъ ихъ свиданія былъ Высочайшій приказъ о снятіи съ Сестренцевича мальтійскаго ордена и о воспрещеніи ему вѣзда ко двору. Нѣсколько дней спустя Сестренцевичъ получилъ повелѣніе очистить для отца Грубера помѣщеніе, которое онъ занималъ при церкви, и перебраться въ домъ мальтійскаго ордена.

Вскорѣ послѣ немилости, постигшей Сестренцевича, пользуясь даннымъ ему правомъ, отецъ Груберъ явился къ государю. „Что новаго, и о чемъ поговариваютъ въ городѣ? спросилъ императоръ. — Забавляются указомъ вашего величества въ нашу пользу. — А кто смѣетъ? Отецъ іезуитъ подалъ государю листъ, на которомъ значилось двадцать семь именъ, въ томъ числѣ члены департамента юстиціи-коллегіи и во главѣ ихъ самъ предсѣдатель, митрополитъ Сестренцевичъ. Это было ихъ приговоромъ. 14-го ноября 1800 года Сестренцевичъ былъ уволенъ и сосланъ на жительство подъ надзоръ полиціи, въ свое имѣніе. Прочія лица, значившіяся въ списокѣ, частью подверглись той же участи, частию взяты были подъ арестъ.

На мѣсто предсѣдателя въ юстиціи-коллегію поступилъ Бениславскій, коадьюторъ удаленнаго митрополита. Назначенный предсѣдатель былъ вполнѣ преданъ іезуитамъ, потому все управленіе дѣлами латинской церкви перешло въ ихъ

руки, и дѣтельность ихъ приняла большіе размѣры. Они появились въ саратовскихъ и новороссійскихъ колоніяхъ, въ Одессѣ, въ Римѣ, въ Астрахани и Моздокѣ, основали семинарію и школу въ Петербургѣ. Замѣтимъ при этомъ, что уже при Екатеринѣ они завели нѣсколько суконныхъ фабрикъ.

Однако орденъ все еще считался упраздненнымъ, и варшавскіе нунціи не переставали громить іезуитовъ, настаивая на исполненіи декрета Клементя XIV. Только въ 1801 году, по смерти императора Павла, полученъ былъ исходатайствованный имъ у Пія VII декретъ, которымъ разрѣшались не возстановленіе, а какъ бы учрежденіе вновь общества подъ названіемъ Исусова, притомъ въ одной лишь Россіи, а не внѣ ея предѣловъ, и предоставлялось членамъ этого общества право законнаго священнодѣйствія, проповѣдованія, исповѣданія и совершенія таинствъ.

Въ то время генераломъ ордена былъ Груберъ, и государственный канцлеръ сообщилъ ему этотъ декретъ при отношеніи отъ 8-го октября 1802 года. Мы упоминаемъ объ этомъ отношеніи потому, что въ немъ изложено условіе, на которомъ правительство допускало существованіе ордена въ предѣлахъ Россіи и оказывало ему покровительство. „Я докладывалъ, пишетъ канцлеръ, Государю Императору о намѣреніи вашемъ ввести въ вашихъ коллегіяхъ преподаваніе всѣхъ наукъ на русскомъ языкѣ и позаботиться о томъ, чтобы въ монастыряхъ и коллегіяхъ вашихъ отнюдь и никогда не было бы допускаемо ничего предосудительнаго для господствующей церкви. Его Величество надѣется, что вы сдержите въ точности обѣщанія, вами данныя отъ имени вашего ордена, тѣмъ болѣе, что Государю угодно, чтобы въ случаѣ ихъ нарушенія, а въ особенности, если бы дерзнули привлекать къ принятію римско-католической вѣры кого-либо изъ молодыхъ людей, исповѣдающихъ иную вѣру, поступлено было со всею строгостью. Государь ставитъ въ зависимость отъ этого непремѣннаго условія не только по-

кровительство, оказываемое іезуитскому ордену, но и самое допущеніе его въ предѣлы Россіи.“

Въ царствованіе императора Александра I, который, по свидѣтельству графа де-Местра, былъ предубѣжденъ противъ іезуитовъ болѣе, чѣмъ кто-либо изъ современныхъ ему государей, они тѣмъ не менѣе пользовались большимъ вліяніемъ въ высшихъ слояхъ петербургскаго общества. Въ то время государственные люди смотрѣли на іезуитовъ, какъ на враговъ революціи и оберегателей престоловъ. Въ этомъ тонѣ говоритъ о нихъ графъ де-Местръ, повѣренный сардинскаго короля при нашемъ дворѣ, въ своемъ письмѣ къ графу Разумовскому, министру народнаго просвѣщенія. „Іезуиты, пишетъ онъ между прочимъ, это сторожевые псы верховной власти; вы не хотите дать имъ воли грызть воровъ: тѣмъ хуже для васъ; по крайней мѣрѣ, не мѣшайте имъ лаять на нихъ и будить васъ.“ Поводомъ къ письму было ходатайство генерала ордена Бжозовскаго объ освобожденіи полоцкой коллегіи отъ контроля виленскаго учебнаго округа, чего, дѣйствительно, онъ и достигъ чрезъ ходатая своего, графа де-Местра. По представленію министра народнаго просвѣщенія, полоцкая коллегія была возведена на степень академіи, съ предоставленіемъ ей всѣхъ правъ и привилегій университетовъ. Такимъ образомъ, образовался новый учебный округъ, которому непосредственно подчинены были всѣ іезуитскія училища во всей Россіи.

По учрежденіи министерствъ всѣ административныя дѣла латинской церкви перешли изъ духовной римско-католической коллегіи въ особое вѣдомство иностранныхъ исповѣданій, порученное князю А. Н. Голицыну, который находился подъ полнымъ вліяніемъ генерала іезуитскаго ордена, Бжозовскаго. По возвращеніи изъ ссылки, митрополитъ Сестренцевичъ, увидѣвъ, какъ далеко зашло вліяніе іезуитовъ, и опасаясь вреда отъ него для восточной церкви, намѣревался сдѣлать подробный о томъ докладъ государю, но это ему не удалось, и отношенія ордена къ обществу остались тѣ же.

Около того времени министръ внутреннихъ дѣлъ, князь Кочубей, ходатайствовалъ о разрѣшеніи іезуитамъ обращать въ католицизмъ магометанъ и язычниковъ. Херсонскій генераль-губернаторъ, герцогъ Ришелье, просилъ себѣ у князя Голицына партію іезуитовъ для мѣстныхъ колоній и вообще для просвѣщенія края; сибирскій генераль-губернаторъ, Пестель, требовалъ ихъ также къ себѣ для сношеній съ Китаемъ и для развитія земледѣлія; ихъ усердный покровитель и агентъ, Ильинскій, водворялъ ихъ на Волыни; маркизъ Паулуччи взялъ ихъ въ Ригу, графъ Растопчинъ въ Москву, а дѣти лучшихъ фамилій получали образованіе въ ихъ петербургскомъ пансіонѣ. Успѣхъ этотъ вскружилъ имъ голову до того, что они вошли съ просьбою о передачѣ имъ симферопольской соборной православной церкви и завели между собою переписку о томъ, что пора бы вовсе не допускать русскихъ священниковъ въ русскій пансіонъ и совершенно устранить ихъ отъ преподаванія православнаго катихизиса.

Теперь посмотримъ, оправдали ли іезуиты тѣ надежды, которыя возлагали на нихъ наши сановники, то есть, способствовали ли развитію просвѣщенія и матеріальнаго благосостоянія мѣстныхъ обывателей. Главный судья попечительной конторы надъ саратовскими колонистами свидѣтельствовалъ, что, благодаря вмѣшательству іезуитовъ, хозяйственный бытъ колоній латинскаго вѣроисповѣданія приходитъ въ упадокъ сравнительно съ протестантскими. Подтверждая этотъ фактъ, инспекторъ нѣмецкихъ колоній, Лашкаревъ, прибавлялъ, что изъ прихода-расходныхъ книгъ онъ убѣдился, что большая часть общественныхъ доходовъ поглощается содержаніемъ іезуитовъ. Единоновременно и генераль-губернаторъ сибирскій писалъ князю Голицыну: „Присмотрѣвшись ближе къ дѣйствіямъ священниковъ ордена, я наконецъ убѣдился, что они вовсе не оправдали надеждъ, возбужденныхъ при ихъ водвореніи въ Сибири, и что до сихъ поръ край не получилъ отъ нихъ ни малѣйшей пользы.“

Іезуиты въ хозяйственномъ отношеніи были у насъ

обезпечены съ избыткомъ. Лавки и всякаго рода заведенія, состоявшія при переданной имъ петербургской церкви св. Екатерины, давали значительные доходы. Въ Бѣлоруссіи они владѣли недвижимыми имѣніями съ приписаннымъ къ нимъ населеніемъ въ 13,500 душъ; въ одной Могилевской губерніи они имѣли девятнадцать мельницъ и тридцать три постоянныхъ двора; наконецъ, не считая ни доходовъ отъ другихъ церквей, ни добровольныхъ приношеній, они получали отъ казны денежное содержаніе и поземельные надѣлы, въ размѣрахъ, далеко превышавшихъ положеніе для православныхъ священниковъ.

Поводомъ къ удаленію іезуитовъ изъ Петербурга, къ закрытію ихъ училища и наконецъ къ высылкѣ ихъ изъ Россіи, какъ свидѣтельствуемъ Высочайше утвержденный докладъ министра духовныхъ дѣлъ, были обвиненія, которыя они вызвали противъ себя не только пропагандою латинства въ ущербъ православію, но и обстоятельствомъ, сопровождавшими эту пропаганду. Въ 1820 году іезуиты на счетъ правительства были отправлены за границу.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Заклучимъ этотъ обзоръ дѣятельности ордена іезуитовъ словами одного знаменитаго писателя, который даетъ слѣдующую философскую оцѣнку этой дѣятельности *) „Ни одно изъ учрежденій католицизма не возбуждало противъ себя болѣе сильной ненависти и въ то же время не внушало болѣе неограниченной преданности къ себѣ, какъ общество іезуитовъ. Для однихъ имя Лойолы и учениковъ его было синонимомъ поношенія; другіе видѣли въ нихъ опору религіи. Жестоко преслѣдуемый въ антихристіанское столѣтіе, уничтоженный самымъ главою христіанства, орденъ возстановленъ былъ снова, когда католицизмъ противопоставилъ свою реакцію революціонному настроенію. Судьба іезуитовъ зависитъ, такъ сказать, отъ судьбы всей католической церкви. Въ сущности они служатъ ей орудіемъ противъ стремленій, враждебныхъ духу католицизма. Съ этой точки зрѣнія, исторія можетъ отдать имъ справедливость. Недостатки, въ которыхъ ихъ упрекаютъ, объясняются тою ролью, которую они приняли на себя; тогда и самый недостатокъ получаетъ другое значеніе: въ глазахъ свободнаго мыслителя онъ остается тѣмъ же, для челоуѣка прошедшаго онъ является почти добродѣтелью. И дѣйствительно, іезуиты представляютъ явленіе,

---

*) Laurent, Guerres de Religion, p. 252—257.

отживающее; они стремятся примирить рутину религии, существующей уже два тысячелѣтія, съ обществомъ, котораго инстинкты, вкусы и потребности противоположны религіозной доктринѣ, къ которой они хотятъ внушить ему почтеніе. Это и есть причина тѣхъ противорѣчій, неизбѣжныхъ при подобныхъ условіяхъ и въ которыхъ винить ихъ было бы несправедливо. Чтобы оцѣнить дѣятельность іезуитовъ, прежде всего надо принять во вниманіе то назначеніе, которому они себя посвятили: только тогда намъ будутъ ясны какъ причины ихъ величія, такъ и причины ихъ неизбѣжной слабости.

Одинъ изъ великихъ писателей нашего времени говоритъ, что исторія іезуитовъ есть исторія католической реакціи. Маколей прибавляетъ, что общество Лойолы спасло католицизмъ: „Въ продолженіе цѣлыхъ поколѣній пропаганда протестантизма неотразимо вліяла на человѣчество; іезуиты задерживаютъ это вліяніе и съ подножья Альпъ гонятъ его къ берегамъ Балтійскаго моря.“ *) Это не одна изъ тѣхъ теорій, которыя создаются мгновенно подъ впечатлѣніемъ совершившихся фактовъ. Назначеніе, которое англійскій писатель признаетъ за іезуитами, есть назначеніе, возложенное ими самими на себя добровольно. Приведемъ слова одного изъ лучшихъ біографовъ Лойолы **). „Провидѣніе ничего не дѣлаетъ случайно; все что происходитъ, имѣетъ свою цѣль: всѣ волосы на головѣ нашей сочтены, и ни одинъ листъ не упадетъ съ дерева безъ воли на то Создателя; тѣмъ болѣе, учрежденіе религіозныхъ орденовъ имѣетъ свою божественную причину. Если общество Иисуса было основано въ XVI столѣтіи, то это свидѣтельствуетъ, что Провидѣніе хотѣло спасти свою находящуюся въ опасности церковь. Лютеръ, эта язва человѣчества, въ 1517 году напалъ на индуль-

---

*) Macauley, Essays, T. IV, p. 47; History of England, T. II, p. 188.

**) Ribadeneira, Vita Loyolæ, c. XI (Acta Sanctorum, Jul, T. VII, p. 683'.

генціи и въ 1522 году, открылъ свою нечестивую борьбу противъ римской церкви. Въ этомъ самомъ году Игнатій былъ раненъ, чтобы исцѣлиться отъ мірскаго тщеславія, и изъ раба свѣта сдѣлаться защитникомъ церкви противъ ярости Лютера. Таковы пути и цѣли Провидѣнія.“ Роль, которую Рибаденейра признаетъ за орденомъ, есть именно та самая, которую онъ дѣйствительно игралъ въ борьбѣ протестантизма съ католицизмомъ. Борьба эта была гигантскимъ дѣломъ, и исторія должна засвидѣтельствовать, что іезуиты исполнили все въ предѣлахъ возможнаго. Церковь въ благодарность пріюбила основателя общества къ лику святыхъ, и, устроивъ въ честь его ежегодный праздникъ, она тѣмъ подтверждаетъ всю великость услуги, которую онъ оказалъ религіи: „Это выраженіе христіанскаго чувства, говорить Райнальдъ, утвержденное самимъ верховнымъ первосвященникомъ; это знакъ, что Богъ призвалъ Лойолу и его общество для ниспроверженія Лютера и его ереси“ *).

Между тѣмъ вслѣдствіе какого-то страннаго предразсудка одинъ превосходный историкъ оспариваетъ эту заслугу у учениковъ святаго Игнатія: „Бросивъ взглядъ на ихъ исторію, говоритъ Гизо, мы видимъ, что они всюду терпѣли неудачи; гдѣ бы имъ ни удавалось пріобрѣсти нѣкоторое вліяніе, вездѣ они приносили несчастіе дѣлу, за которое брались. Въ Англіи они погубили королей; въ Испаніи—народъ. Общій ходъ событій, развитіе новѣйшаго общества, свобода мысли, всѣ силы, противъ которыхъ іезуиты призваны были бороться, возстали противъ нихъ и побѣдили.“ Но не таково было мнѣніе о нихъ современниковъ. Пій IV писалъ Филиппу II, „что Господь, для защиты своей церкви противъ служителей сатаны, въ эти бѣдственные времена ниспослалъ обществу мужество, равное ярости нападающихъ“ **).

---

*) Raynaldi, Annales, ad a. 1539, № 38.

**) Raynaldi, Annales, ad a. 1561, № 66.

лѣтія спустя, папа могъ бы прибавить, что враги церкви отражены обществомъ. Причина ошибочности взгляда французскаго историка состоитъ въ томъ, что іезуиты потерпѣли пораженіе одновременно съ побѣдителями. Побѣда ихъ не могла быть полною потому, что битва, въ которую они вступили, была борьба противъ успѣховъ разума. Только въ этомъ смыслѣ возможно сказать, что они потерпѣли крушеніе. Никакое могущество, никакія преграды не останавятъ въ своемъ развитіи человѣчества, которое по сущности своей должно вѣчно идти впередъ.

Если справедливо, какъ мы уже сказали, что всякая реформа есть революція, какъ первый шагъ, сдѣланный внѣ христіанскихъ традицій, то и очевидно, что католическая реакція и нераздѣльный съ нею іезуитизмъ должны быть понимаемы какъ контръ-революція. Папы полагали, что кромѣ насилія нѣтъ инаго средства для обращенія еретиковъ. Вѣрные органы папства, іезуиты, не останавливались никогда передъ злоупотребленіемъ своей силы. Принимая названіе кавалера ордена Іисуса, Лойола тѣмъ обозначилъ назначеніе своихъ учениковъ. Имя, данное имъ ордену, согласуется съ тѣмъ, что онъ учрежденъ былъ для битвы: онъ назвалъ его *обществомъ* или *товариществомъ*, названіе, заимствованное имъ изъ военной организаціи, чтобы этимъ показать, что это войско Христово. Также и *духовныя управленія* іезуитовъ носятъ отпечатокъ ихъ воинственной пылкости: царство Іисуса Христа въ нихъ изображается въ образѣ войска. Война между новымъ орденомъ и еретиками есть война на смерть: она вѣчно будетъ продолжаться и прекратится лишь съ побѣдою католицизма, когда онъ возвратитъ себѣ все, чего онъ лишился. Таково по крайней мѣрѣ желаніе іезуитовъ, желаніе безграничное, какъ и стремленія католицизма, они надѣются покорить себѣ весь свѣтъ.

Но мы получимъ ложную идею о твореніи Лойолы, если слишкомъ исключительно будемъ принимать его заботливость придать ордену духъ воинственности. Іезуиты дѣйствительно

были люди насилія, какъ и всѣ реакціонеры, но не на полѣ битвы должна была проявиться ихъ воинственная горячность. Какъ бы ни говорили папы, но одна сила была не властна привести еретиковъ снова на лоно церкви. Слѣдовало овладѣть умами; стало быть, борьба, къ которой призывалъ учениковъ своихъ Лойола, была прежде всего нравственная битва. Въ извѣстномъ смыслѣ слова это было все же дѣло насилія, такъ какъ здѣсь приходилось вопреки желанію заставлять исповѣдовать людей вѣру, которую отвергло человеческое сознаніе. Іезуитовъ упрекаютъ въ ультрамонтанскихъ тенденціяхъ, забывая что ультрамонтанизмъ составляетъ условія ихъ существованія. Реформаторы съ особенною яростію стали преслѣдовать папство и сторонниковъ римской церкви, возникшихъ, по ихъ словамъ, во мракѣ среднихъ вѣковъ. Какъ и всякая контръ-революція, реакція, руководимая іезуитами, должна была прибѣгать къ тѣмъ вѣрованьямъ, которыя отвергнуты были протестантами. Стало быть, ихъ доктрина главнымъ образомъ выражала ультрамонтанизмъ самый абсолютный: они отстаивали не только святость папы, его непогрѣшимость и первенство на соборахъ, но и доказывали его власть относительно національныхъ церквей. На этомъ основаніи, іезуиты должны были возстановить всѣ традиціи католицизма, не исключая и суевѣрнаго элемента; скажемъ при этомъ, что на этотъ элементъ болѣе всего разсчитывали іезуиты. Такимъ образомъ заставляла поступать ихъ не только необходимость, связанная съ ихъ положеніемъ, присуждавшая ихъ систематически возбуждать все то, что было отвергаемо протестантами; но это пристрастіе іезуитовъ къ внѣшнимъ догматамъ католицизма объясняется причинами болѣе глубокими. Имъ нуженъ былъ рычагъ, который бы дѣйствовалъ на души, а въ людской склонности къ легковѣрію они нашли самое могущественное для себя оружіе. Въ наше время, мы видѣли, какъ образовалось одно религиозное общество на основаніяхъ до такой степени нелѣпыхъ, что они служатъ, такъ сказать, вызовомъ противъ здраваго смысла

и нравственности; мы не хотимъ сравнивать іезуитовъ съ мормонами, между тѣмъ надо сознаться, что пріемъ у обоихъ одинъ и тотъ же, и, пока іезуиты точно такъ же, какъ и мормоны, будутъ дѣйствовать на слабыя стороны человѣческаго духа, посредствомъ суевѣрія и другихъ темныхъ и дурныхъ инстинктовъ, можно сказать, что поведеніе будетъ соответствовать ихъ цѣлямъ, что и подтверждено фактами. Но какъ внушить истины католицизма поколѣнію, которое отдѣлилось отъ церкви, именно по ненависти къ наружнымъ обрядамъ? Іезуиты старались овладѣть умами юношества и такъ разумно взялись за дѣло, что человѣкъ, вышедшій изъ ихъ рукъ, становится совершенно человѣкомъ искаженнымъ: онъ живетъ не въ дѣйствительности, умъ его блуждаетъ во мракѣ, свѣтъ, скрытъ отъ его глазъ, и онъ навсегда рабъ самый послушный.

Образованіе, присоединенное къ мелкой набожности католицизма, было также великимъ орудіемъ въ іезуитской реакціи. Но было бы несправедливостью относительно учениковъ Лойолы предположить, что они во всемъ и всегда были люди узкаго ханжества. Безотрадное явленіе представляло бы человечество, если бы было вѣрно, что цѣлые народы возвращены были іезуитами снова къ покинутымъ ими алтарямъ не инымъ средствомъ, какъ грубымъ насиліемъ войны, или, что еще хуже, суевѣріемъ, убивающимъ всякое мышленіе. Нѣтъ, въ контръ-революціяхъ, какъ и въ революціяхъ, вѣроятно, есть элементъ прогресса. Это съ перваго взгляда можетъ показаться парадоксомъ, но тѣмъ не менѣе это въ порядкѣ вещей. Іезуиты, кажущіеся живымъ доказательствомъ противъ догмата прогрессивнаго развитія человечества, въ дѣйствительности представляютъ живое доказательство того закона, который управляетъ міромъ, подчиняя себѣ и тѣхъ, которые ему противятся. Орденъ, основанный для возобновленія религіи прошедшаго, долженъ былъ бы погибнуть, если бы за него было только насиліе и суевѣріе, потому что существованіе человечества немыслимо безъ непрерывнаго прогресса, а для прогресса необходимъ принципъ жизни,

улучшеніе. Іезуиты, не смотря на то, что призваны были противодѣйствовать революціи, вмѣстѣ съ тѣмъ были и нововводители. Мы уже сказали, что протестантизмъ преувеличивалъ милосердіе, чтобы пробудить религіозное чувство, но, проповѣдуя могущество Бога, онъ уничижалъ въ то же время человѣка. Реакціею противъ протестантизма іезуиты возвысили свободу. Здѣсь они были на своемъ мѣстѣ: продолжая антиавгустиновское движеніе, которому бозсознательно служили великіе мыслители среднихъ вѣковъ, доктрина ихъ одержала верхъ надъ суровою проповѣдью ученія о милосердіи. А это было предвѣстіемъ новаго католицизма, то есть, осуществленіе прогрессивной религіи въ лонѣ непреложной церкви. И это, по справедливости, можетъ служить убѣдительнымъ доказательствомъ неизбѣжной необходимости прогресса.

О ТАЙНЫХЪ НАСТАВЛЕНІЯХЪ ОБЩЕСТВА ІИСУСА.

Издание „Тайныхъ Наставленій общества Іисуса,“ возбудило много негодованій. Почтенные отцы, въ опроверженіе „*Monita Secreta*“ (Тайныя Наставленія) публиковали множество пасквилей, желая увѣрить всѣхъ, что на нихъ клеветуютъ; какъ будто нужно прибѣгать къ клеветѣ, чтобы ихъ опозорить!

Іезуиты отвергають подлинность Тайныхъ Наставленій. Въ отвѣтъ на это записательство мы приведемъ ихъ собственные слова:

«О лжи и о возможности иногда безгрѣшно скрывать истину.»

„Всякій разъ, какъ отвѣтъ твой придется согласенъ съ желаніемъ вопрошающаго, несправедливо желающаго тебѣ зла, ты можешь прибѣгнуть къ вышеупомянутой уловкѣ и воспользоваться подразумеваемымъ отрицаніемъ“. (Правила конгрегаціи Преплаженной Дѣвы Маріи для руководства воспитанниковъ коллегіи общества Іисуса. Часть четвертая).

А вотъ еще образчикъ этого ученія, преподаваемого однимъ изъ знаменитыхъ докторовъ этого общества, именно преподобнымъ отцомъ Суаресомъ, которой въ своей книгѣ „о Добродѣтели и о Религіи“ говоритъ такъ:

„Нѣтъ грѣха давать отвѣты двусмысленные даже подѣ

присягой, изъ чего слѣдуетъ, что нѣтъ клятвопреступленія.“
Книга III гл. IX, уставъ 1.

Иезуиты всегда тщательно скрывали свои печатныя и рукописныя правила. Спрашивается, почему такая скрытность, и нужна ли она въ честныхъ поступкахъ?

Наши правила — тайны. —

говорить ихъ устами французскій поэтъ въ своей безсмертной пѣснѣ; и, дѣйствительно, Беранже только выражаетъ словами истину, скрытую во всѣхъ ихъ книгахъ. Тридцать восьмой параграфъ общинныхъ правилъ строго запрещаетъ, безъ особаго разрѣшенія начальства, сообщать лицамъ непосвященнымъ въ общество (*externis*) содержаніе „Постановленій“ и другихъ книгъ и рукописей.

Очевидно, подобное запрещеніе, постоянно повторяемое начальниками общества, можетъ относиться только къ рукописямъ, а не къ книгамъ. Сверхъ того, есть еще и такія наставленія, которыя извѣстны только нѣкоторымъ избраннымъ — отцамъ и начальникамъ.

Monita Secreta принадлежитъ къ этому разряду; самое предисловіе этой книги показываетъ, что содержаніе ея должны знать лишь избранные члены общества, на осторожность и скромность которыхъ можно вполне положиться.

Правила для вступленія въ общество іезуитовъ.

О Духовныхъ Упражненіяхъ.

Отецъ Равиньянъ, человѣкъ съ большими дарованіями, внезапно покинувшій свѣтъ и вступившій въ іезуитскій орденъ, говоря объ Умственныхъ Упражненіяхъ, назвалъ ихъ „солдатской службой“. И дѣйствительно, въ этомъ сочиненіи изложены правила по военному подчинять дѣйствія и поступки благочестію. Исполнившій до конца всѣ эти предписанія неминуемо долженъ утратить лучшую сторону человѣческаго духа; самостоятельный человѣкъ исчезаетъ; остается безмолвный, неподвижный передъ начальствомъ рядовой солдатъ, который по командѣ ходитъ и стоитъ, по командѣ стрѣляетъ и выдѣлываетъ разные военные артикулы, самъ не зная, для чего онъ все это дѣлаетъ. „Нельзя сказать,“ пишетъ Равиньянъ въ своемъ оправданіи іезуитовъ, „чтобы Упражненія составляли всю сущность нашихъ уставовъ; въ нихъ нѣтъ ни одной статьи изъ всѣхъ нашихъ постановленій; но нельзя не сознаться, что книга эта есть душа и источникъ ихъ.... Упражненія создали и поддерживаютъ общество“.

Разсмотримъ же подробнѣе это произведеніе.

Вся книга заключаетъ въ себѣ изложеніе различныхъ методовъ къ изученію грѣховъ, правила исповѣди, молитвы, со- вѣты какъ пробуждать въ себѣ благочестивыя размышленія;

на все предлагается особый методъ, и все главнымъ образомъ клонится къ тому, чтобы предметы духовные облечь въ вещественную форму.

Для грѣховъ авторъ изобрѣлъ памятную книжку, раздѣленную по днямъ и недѣлямъ; въ эту книжку вносятся утренніе и вечерніе грѣхи, изображаемые точками; вечеромъ подводятся итогъ; потомъ итогъ сопоставляется съ суммой предъидущихъ дней, чтобы наглядно изобразить прогрессъ на пути спасенія. Каждая страница имѣетъ вотъ какой видъ:

Воскресенье = :::::::::::

Понедѣльникъ = :::::::::::

Вторникъ = :::::::::::

Среда = :::::::

И такъ до субботы. Это счетная книга совѣсти. Замѣтьте, что грѣхи или точки постепенно уменьшаются. У кого будетъ наоборотъ, тотъ, значить, худо повинуется приказу своего духовнаго начальника. Желаящіе подвизаться на пути нравственнаго усовершенствованія могутъ достать вышесказанную записную книжку вездѣ, гдѣ продаются священныя книги.

Вслѣдъ за правиломъ испытанія своей совѣсти слѣдуетъ правило исповѣди, а также правило причащенія; на все это имѣется особый методъ. Потомъ уже начинаются самыя Упражненія, которыя тоже ничто иное, какъ правила къ пробужденію благочестивыхъ размышленій и созерцаній.

„Первымъ дѣломъ, говоритъ эта любопытная книжица, ты долженъ представить себѣ мѣстность, гдѣ происходитъ благочестивое событіе; ибо для яснаго созерцанія вещественнаго образа Іисуса Христа или Его Святой Матери необходимо вызвать въ воображеніи и видъ мѣстности, гдѣ Они находятся, какъ, напримѣръ: храмъ, гору и вообще все, что можетъ относиться къ предмету твоего созерцанія....

„Во-вторыхъ, ты долженъ слышать духовнымъ твоимъ ухомъ, что говорятъ эти Лица, что говорятъ Лица Пресвятой Троицы объ искупленіи рода человѣческаго или ангель, бесѣдующій съ Пресвятой Дѣвою о тайнѣ Воплощенія....

„Въ третьихъ и четвертыхъ, ты долженъ чувствовать благоуханіе, исходящее отъ нашего Спасителя, а также и отъ другихъ лицъ, созерцаемыхъ тобою, долженъ испытывать необычайную и неотразимую сладость всего божественнаго существа Ихъ.

„Въ пятыхъ, нужно осязать и лобызать Ихъ одежду, слѣды Ихъ ногъ, для того, чтобы возбуждать въ себѣ сильнѣе чувство любви и духовнаго умиленія....“

Далѣе слѣдуетъ способъ созерцанія ада: представить себѣ адъ, „въ длину, ширину и высоту объятый пламенемъ; 2) слышать жалобные вопли и стоны, пронзительные крики, проклятія, смѣшанныя съ ропотомъ бушующаго пламени; 3) запахъ дыма, сѣры, смолы и всякой гнили, наполняющей страшную пропасть; 4) ощущать горчайшій вкусъ слезъ, проливаемыхъ грѣшниками;.. 5) жаръ всепожирающаго пламени; и проч....

Видно по всему, что главная цѣль этихъ упражненій, почему-то названныхъ умственными, состоитъ въ полномъ порабоженіи разума и въ неестественномъ искаженіи всѣхъ пяти чувствъ человѣка, все клонится къ доведенію человѣка до галлюцинацій!...

Упражненія раздѣлены на четыре недѣли; недѣли на дни. На каждый день назначается по пяти упражненій, кромѣ испытанія совѣсти, предварительныхъ правилъ и проч. Совѣсть испытывается три раза въ день: утромъ, просыпаясь, въ полдень и вечеромъ, послѣ ужина.

Каждое изъ пяти упражненій требуетъ часть времени. Нѣкоторыя исполняются ночью. Всегда строго запрещается развлекать себя чѣмъ-нибудь постороннимъ. „По возможности буду лишать себя дневнаго свѣта, и потому двери и окна свои закрою, свѣта оставлю лишь столько, сколько нужно для чтенія и исполненія другихъ обязанностей.... Стану избѣгать мыслей, могущихъ доставить мнѣ удовольствіе и т. д.“ (Упражненія, стр. 71).

Въ той же главѣ воспрещается говорить съ кѣмъ бы то

ни было, кромѣ духовнаго отца; предписываются самоистязанія, ношеніе поясовъ и веригъ и разныя бичеванія тѣла „даже до крови,“ впрочемъ, чтобы язвы не доходили до костей.

Черезъ четыре недѣли, по истеченіи срока искуса, или будешь обращенъ, или окажешься неспособнымъ къ посвященію. Разумѣется, никакой мозгъ не въ силахъ устоять противъ подобной пытки. Можно себѣ представить, какое сильное впечатлѣніе произведутъ эти размышленія и созерцанія на человѣка слабаго, съ неправильно развитымъ воображеніемъ, съ больной головой, испытывающаго въ жизни однѣ невзгоды и несчастія!.. Интересно бы привести цѣликомъ одно правило о созерцаніи смерти, гдѣ новопосвященный долженъ присутствовать при собственной кончинѣ. Онъ видитъ своихъ родныхъ, рыдающихъ вокругъ его кровати, слышитъ погребальный звонъ колоколовъ, видитъ себя въ гробу, зарытымъ въ землю и наконецъ присутствуетъ при разложеніи собственного тѣла.

Таковы эти знаменитыя Упражненія. Вообразите же себѣ какого-нибудь юношу, которому жизнь еще незнакома или котораго первое разочарованіе заставляетъ искать уединенія. Духовникъ вручаетъ ему книжечку Упражненій. Онъ запирается на цѣлый мѣсяцъ въ маленькой мрачной комнаткѣ, не говоритъ и не видитъ никого, кромѣ своего духовника, и цѣлый мѣсяцъ живетъ такъ, изоцряя свое воображеніе, чтобы довести себя до галлюцинацій; вызываетъ видѣнія, которыя говорятъ съ нимъ, дотрогивается до ихъ одеждъ и цѣлуетъ ихъ; а если ему явится не то видѣніе, какое ему нужно, начинаетъ сокрушаться о своихъ грѣхахъ бичевать и истязать свое тѣло, дабы окончательно лишиться разсудка, который еще не совсѣмъ его покинулъ. Человѣкъ, такимъ образомъ обращенный, остается на всю жизнь безумцемъ, дошедшимъ до галлюцинацій; и хотятъ, чтобы его слушали и полагались на его свидѣтельства!...

Вотъ какое ученіе проповѣдуетъ св. Игнатій Лойоло въ своихъ Умственныхъ Упражненіяхъ.

Извѣстно всякому, что существуютъ яды, губительно дѣйствующіе на мозгъ, ведущіе человѣка къ нравственной смерти, то есть, лишающіе его разсудка. Аптекарямъ строго предписано хранить эти яды подъ замкомъ и вести подробный реестръ выданному количеству и именамъ докторовъ, прописывающихъ ихъ подъ своей отвѣтственности. Чѣмъ же отличаются Умственные Упражненія отъ подобныхъ ядовъ?

ИЕЗУИТСКИЙ СПОСОБЪ ПРЕПОДАВАНІЯ.

Для знакомства съ направленіемъ воспитанія, которое дается юношеству въ іезуитскихъ коллегіяхъ, лучше всего прочесть программу одного представленія, даннаго въ коллегіи св. Михаила (въ Мантѣ, въ предмѣстьи Сентъ-Этіенъ, на Луарѣ, въ 1853 г.), по случаю раздачи наградъ. Піеса называлась: *Воинственная Вандея*.

Вслѣдъ за представленіемъ между воспитанниками произошелъ родъ небольшого возмущенія, и бюстъ императора былъ разбитъ. Это не имѣло особенно важныхъ послѣдствій; скандалъ вышелъ небольшой, такъ какъ журналовъ въ то время еще не было, и дѣло замяли. Однако отъ императора пришелъ указъ закрыть Михайловскую коллегію.

Она оставалась закрытой только нѣсколько мѣсяцевъ; почтенные отцы выхлопотали позволеніе снова открыть ее, обѣщая быть на будущее время благоразумнѣе.

МИХАЙЛОВСКАЯ КОЛЛЕГІЯ СЕНТЬ-ЭТИЕНА.

Академія Наукъ.

Воинственная Вандея.

I. СОВѢТЪ ВАНДЕЙЦЕВЪ.

Ла Рошжакленъ	(тутъ означены имена воспитанниковъ,
Республиканскій депутатъ	исполнявшихъ роли
Катлино	или декламировавшихъ строфы. Мы
Стофле.	сочли лишнимъ выписывать здѣсь ихъ
Де Боншанъ	имена).
Де Лескюръ	
Аббатъ Бернье	
Форрестъ	

Воинственные пѣсни.

II. ТОРЖЕСТВА ВАНДЕЙЦЕВЪ.

При Обіе	—
„ Туаръ	—
„ Сомгоръ	—
„ Анжеръ.	—

Побѣдныя пѣсни.

III. ПОРАЖЕНІЯ ВАНДЕЙЦЕВЪ.

При осадѣ Нанта	—
„ переправѣ черезъ Луару.	—
„ осадѣ Гранвиля	—
„ Савенъ.	—

Вандейцы передъ Каррье (сцена).

Вандейцы на могилѣ Катлино (кантата).

СТАТИСТИКА ІЕЗУИТОВЪ ВО ФРАНЦІИ

по послѣдней ревизіи 1861 г.

ДЕПАРТАМЕНТЫ.	Число домовъ.	Число препо- добныхъ отцовъ.	Число учащихся.
Энь	1	29	"
Алліе	1	29	29
Арденнъ	2	8	"
Авейронъ	1	18	19
Устья Роны	2	28	"
Шеръ	1	6	"
Корсика	1	13	"
Котъ д'Оръ	1	4	"
Дордони	1	21	21
Финистерре	2	15	"
Верхней Гаронны	1	50	50
Жиронды	1	6	"
Геро	1	7	"
Изеры	1	6	"
Юры	2	48	48
Ландовъ	1	19	19
Луары и Шера	1	6	6
Луары	1	25	25
Верхней Луары	1	55	55
Лозера	1	23	23
Мены и Луары	1	25	"
Майенъ	1	64	64
Мерты	1	7	"
Морбиганъ	1	49	21
Мозеля	1	65	50
Сѣверный	1	9	"
Нижнихъ Пиреней	1	9	"
Нижняго Рейна	1	6	"
Верхняго Рейна	1	52	"
Роны	3	93	64
Сены	4	141	110
Нижней Сены	1	14	"
Соммы	1	26	26
Тарна	1	6	25
Воклюзъ	2	55	48
Йонны	1	48	"
Итого.	46	1,135	730

Впрочемъ нельзя полагаться на точность этой таблицы цифра 1,135 основана на показаніяхъ, представленныхъ самими іезуитами ревизіонному чиновнику. Очевидно, показанія эти ложны. Журналы, издаваемые іезуитскимъ обществомъ, Армонія и *Civilta cattolica*, ежегодно публикующіе количество орденскихъ членовъ, показываютъ для Франціи вдвое большую сумму—2,283, не считая тѣхъ, которые отправлены съ разными миссіями за границу, въ числѣ около 700 человекъ.

По прошлагодной таблицѣ одного изъ этихъ журналовъ, число всѣхъ іезуитовъ простирается до восьми тысячъ:

Въ Англіи	265
„ Австріи	549
„ Бельгіи	542
„ Галиціи	136
„ Германіи	561
„ Ирландіи	126
„ Испаніи	742
„ Америкѣ	620
„ Голландіи	201
„ Римскихъ владѣніяхъ	462
„ Обѣихъ Сицилій	267
„ Пьемонтѣ и Неаполѣ	490
„ Венеціи	226
„ Франціи	2,283

стало быть, во Франціи вчетверо больше, чѣмъ въ Австріи.

Цифра эта заимствована изъ ультрамонтанскаго журнала Армонія, на свидѣтельство котораго вполне можно положиться, такъ какъ іезуиты сами издають его. Въ журналѣ между прочимъ говорится, что еще въ 1848 г. число членовъ не превышало 5,000 человекъ, и что іезуиты могутъ сказать, какъ древніе христіане: *Plures efficitur quoties metimus*. „Чѣмъ чаще насъ пересчитываютъ, тѣмъ быстрѣе число наше возрастаетъ“. Но нигдѣ они такъ не размножились, какъ во Франціи.

АНЕКДОТЫ.

I. — Во многихъ мемуарахъ царствованія Лудовика XIV встрѣчается разсказъ о странномъ предостереженіи отца Ла-Шеза, данномъ королю.

„За нѣсколько дней передъ своей кончиной, разсказываетъ Дюкло, онъ сказалъ королю: „Государь, умоляю васъ избрать моимъ преемникомъ кого-нибудь изъ нашего ордена. Вамъ извѣстно, что общество наше предано вамъ; но оно такъ обширно, состоитъ изъ людей, столь разнообразныхъ наклонностей и характеровъ, людей, заботящихся о земной славѣ, самолюбіе которыхъ оскорблять опасно; чтобы отмстить за немилость, они способны на все“.

Короля ужасно поразили эти слова, и онъ передалъ ихъ своему главному хирургу, который въ испугѣ тотчасъ пересказалъ первому камердинеру короля, Блуену, и главному аптекарю Булдюку, отъ котораго я въ молодости слыхалъ много анекдотовъ.

„Что думалъ отецъ Ла-Шезъ о своемъ ордентѣ, тоже самое можно предположить и о прочихъ духовникахъ двора. Остается только желать, чтобы обязанность эта была поручена бѣлому духовенству. Викторъ Амедей, король сардинскій, тоже разсказывалъ одному изъ нашихъ министровъ, отъ котораго я самъ слышалъ, происшествіе слѣдующаго

содержанія. Духовникъ короля, тоже іезуитъ, передъ смертію, попросилъ къ себѣ Виктора и обратился къ нему съ слѣдующими словами: „Вы не переставали осыпать меня вашими милостями, и мнѣ передъ смертію хочется отблагодарить васъ, государь. Не берите никогда себѣ въ духовники іезуита; не спрашивайте меня почему, ибо я отвѣчать на это вамъ не буду“.

(Выписка изъ Мемуаровъ Дюкло, т. V, стр. 119). У Сенъ Симона есть тотъ же разсказъ объ отцѣ Ла-Шезѣ, т. IV, стр. 287.

II. — Представляемъ списокъ 22-хъ іезуитскихъ авторовъ, проповѣдывавшихъ ученіе о тиранубійствѣ. Ихъ, безъ сомнѣнія, было вчетверо болѣе, но мы приведемъ только имѣющихся подъ рукою: Маріана, Дельріо, Григорій Валенсія, Толе, Са, Бонаругусъ, Азоръ, Гейссіусъ, Евдемонъ, Іоаннъ Келлеръ, Сераріусъ, Іоаннъ Саласъ, Лоренъ, Лейссіусъ, Таннеръ, Беканнъ, Іоаннъ Мого, Антоній Эскобаръ, Павель Комитолусъ, Греуеръ и Бузембаумъ.

Подъ именемъ тирановъ іезуиты, конечно, разумѣютъ королей, притѣсняющихъ ихъ орденъ.

На жизнь Генриха IV было сдѣлано 17 покушеній; каждое изъ нихъ было открыто и наказано, однако казнь преступниковъ не останавливала новыхъ покушителей; источники зла не изсякали.

Въ 1603 г. Генрихъ IV, не смотря на сопротивленіе парижскаго, норманскаго и бургонскаго парламентовъ, вызвалъ снова іезуитовъ.

Отецъ Коттонъ былъ сдѣланъ духовникомъ короля, и съ этой минуты покушеній не стало. Въ продолженіе шести лѣтъ спокойствіе не нарушалось, и Франція благоденствовала.

Наконецъ Генрихъ IV вздумалъ водворить Австрію въ ея прежнія границы, и началъ собирать значительную армію. Едва намѣренія его стали извѣстны въ Вѣнѣ, Римѣ и Мадридѣ, какъ ножъ, спрятанный на время, снова былъ пущенъ

въ ходъ партіей теократовъ и ультра-католиковъ. Снова возгорѣлась война проповѣдей; іезуитъ Ратье въ Парижѣ говоритъ рѣчи, достойныя самыхъ блистательныхъ временъ лиги. Генрихъ IV, въ глазахъ рьяныхъ католиковъ, сдѣлался прежнимъ еретикомъ, и 14 мая 1610 г. палъ подъ ударомъ Равальяка.

III. — Въ царствованіе Лудовика XIV, купеческій старшина Фурси, въ угоду іезуитамъ, велѣлъ срыть пирамиду, воздвигнутую на пустомъ мѣстѣ жилища Жана Шателя, одного изъ покусителей на жизнь Генриха IV. Сынъ Фурси, при выходѣ изъ коллегіи, получилъ аббатство Сень-Вандриль, приносящее 36,000 ливровъ дохода.

Сень-Симонъ, у котораго мы заимствовали этотъ фактъ, прибавляетъ: „Это очень умный и почтенный человѣкъ, незахотѣвшій сдѣлаться епископомъ“.

IV. — Особенно хорошо описываетъ Сень-Симонъ, въ своихъ мемуарахъ, разговоръ свой съ отцемъ Теллье, духовникомъ Лудовика XIV. Этотъ Теллье былъ очень ловкій и проницательный іезуитъ, своими интригами и происками принудившій папу подписать знаменитую буллу *Unigenitus*. Онъ всѣми силами старался ввести ее и во Франціи, и потому заискивалъ и подличалъ предъ самыми важными и вліятельными лицами двора. Выписываемъ этотъ оживленный разговоръ въ подлинникѣ:

„Разъяренный, не помня себя, онъ высказалъ много такихъ вещей, за которыя, я увѣренъ, онъ дорого бы далъ впоследствии, чтобы возвратить ихъ. Онъ посвящалъ меня въ свои намѣренія, относительно принятія буллы, открылъ мнѣ средства, къ которымъ слѣдуетъ для этого прибѣгнуть, и все это было придумано съ адской хитростью и высказано съ такой дикой страстью, что у меня отъ ужаса закружилась голова. Онъ сидѣлъ прямо передо мной; только столъ, освѣщенный двумя свѣчами, раздѣлялъ насъ; страшное его лицо,

(я уже описывалъ прежде его наружность) дышило необузданной яростью; въ каждомъ словѣ звучало преступленіе. Глядя на него и слушая его, я впервые былъ пораженъ значеніемъ іезуита; тутъ я понялъ, на что способенъ человекъ, олицетворяющій собою полнѣйшее самоотреченіе, отказавшійся отъ семьи и всѣхъ земныхъ привязанностей, человекъ безъ личныхъ желаній и стремленій! Этотъ старикъ, по лѣтамъ стоявшій на краю могилы, готовился своими ловкими и неразборчивыми средствами ввергнуть государство и религію въ страшныя смуты, произвести ужасный раздоръ и гоненія; и все это только ради вопроса, который собственно для него ничего не значилъ, но касался чести ученія Молины.

(Полные и подлинныя мемуары герцога Сень Симона т. VII гл. I, стр. 9).

V. — По поводу извѣстнаго правила отца Бони, столь удобно примѣняемаго ворами служителями, въ Провинціалахъ Паскаля есть очень забавный разсказъ:

„Нѣкто, по имени Жанъ д'Алба, бывшій въ услуженіи у іезуитовъ клермонской коллегіи, въ улицѣ св. Якова (нынѣ Лудовика Великаго), недовольный своимъ жалованьемъ, чтобы добавить его, укралъ что-то. Почтенные отцы, замѣтивъ это, посадили его въ тюрьму, обвиняя его въ домашней кражѣ. Процессъ происходилъ въ Шателе, 6 апрѣля 1647 г. При допросѣ обвиненный сознался, что онъ дѣйствительно взялъ нѣсколько оловянныхъ блюдъ, но не укралъ ихъ, и, въ оправданіе свое, привелъ ученіе отца Бони, которое у него даже списано однимъ изъ патеровъ, вѣроятно тоже принадлежно занимавшимся изученіемъ этого вопроса. Главный судья Монруеръ былъ того мнѣнія, что понятливаго ученика слѣдуетъ выстѣчь передъ дверьми коллегіи, а потомъ того же палача заставить тутъ же сжечь всѣ книги, поучаю-

щія мошенничеству, а отцамъ запретить, подь страхомъ смерти, преподавать подобное ученіе.

Мнѣніе это было всѣми принято, оставалось только привести его въ исполненіе; но тутъ случилось одно обстоятельство, заставившее отложить на нѣкоторое время окончательный приговоръ. Въ продолженіе отстрочки заключенный неожиданно и неизвѣстнымъ способомъ скрылся. Такимъ образомъ Жанъ д'Алба вышелъ изъ тюрьмы, не возвративъ украденной посуды, а дѣло такъ и осталось неразъясненнымъ.“ (Провинціалы, письмо 6).

VI. — „Въ одномъ изъ писемъ ренскаго епископа, бывшаго тогда нашимъ посланникомъ въ Мадритѣ, я прочелъ, что аррагонскіе совѣтники, не получая жалованья, просили у короля дозволенія просить милостыню. По этому поводу я припомнилъ одно интересное происшествіе. Въ 1701 г. на корабль былъ присланъ генералу іезуитовъ ящикъ съ шоколадомъ. Ужасная тяжесть его не соотвѣтствовала его виду; его открыли и оказалось, что онъ наполненъ золотыми шариками, залитыми сверху шоколадомъ. Правительство велѣло начеканить изъ нихъ монету, а ящикъ наполнивъ настоящимъ шоколадомъ, отослать іезуитамъ, которые, конечно, не осмѣлились требовать золота“. (Выписка изъ мемуаровъ Дюкло, т. V, стр. 34).

VII. — Одинъ нормандскій столяръ работой собралъ себѣ небольшой капиталъ, изъ нѣсколькихъ сотъ франковъ; городъ былъ наводненъ миссіонерами. Жена столяра, женщина очень набожная, часто ходила слушать проповѣди одного патера, раснорѣчиво описывавшаго муки ада и загробную жизнь; сокрушаясь о своихъ грѣхахъ, она отправилась на исповѣдь къ проповѣднику. Преподобный отецъ нашелъ, что она повинна въ смертномъ грѣхѣ, и объявилъ ей, что искупить его она можетъ только цѣной 600 фр., которые должна ему вручить для раздачи нищимъ. Устрашенная богомолка не за-

думалась, ради искупленія своихъ грѣховъ, пожертвовать деньгами, скопленными мужемъ, и, чтобы спасти свою душу украла 600 фр. Черезъ нѣсколько дней, столяру понадобилось прибѣгнуть къ заповѣдному ящичку, и представьте, каково было его изумленіе, когда ящикъ оказался пустымъ; а между тѣмъ не было никакого слѣданасилія; очевидно, воръ былъ кто-нибудь изъ домашнихъ. Разстроенный видъ жены заставилъ его подозрѣвать истину. Онъ началъ допытывать ее, и послѣ недолгаго колебанія она ему во всемъ призналась. Столяръ былъ человѣкъ неглупый. Не дѣлая изъ этого огласки, онъ спокойно отправился къ патеру, захвативъ съ собою предварительно пару пистолетовъ. Когда торговецъ отпустительными грамотами велѣлъ его спросить, что ему нужно, онъ отвѣчалъ, что, имѣя на совѣсти тяжкій грѣхъ, онъ пришелъ попросить у патера совѣта и облегчить свою душу покаяніемъ. Его выпустили; какъ только онъ вошелъ въ священный покой, гдѣ возсѣдалъ проповѣдникъ, то тотчасъ вынулъ пистолеты и, въ упоръ прицѣлившись въ помертвѣлаго отъ страха миссіонера, въ краткихъ, но сильныхъ словахъ разсказалъ ему исторію 600 фр. Деньги были сейчасъ же ему возвращены, и столяръ поспѣшилъ ретироваться, не перемѣняя однако своей позиціи, затворилъ за собой дверь и мирно возвратился домой.

(Историческіе точные очерки объ ученіи и исторіи іезуитовъ, стр. 180).

VIII.—Парижскіе іезуиты, въ улицѣ Севръ, въ продолженіе многихъ лѣтъ строили у себя въ саду часовню, которая имѣла размѣры настоящей церкви, и дѣлали сборы на ея украшеніе. Постройка ея была начата еще въ 1852 г. и производилась въ тайнѣ; высокій фасадъ ихъ монастыря скрывалъ все, что творилось внутри; тихо отворялись наружныя ворота, и телѣжка, наполненная тесанными камнями, выѣзжала подъ темные своды; ворота тотчасъ же тихо затворялись, какъ бы сами собой. Зданіе возвышалось въ массивныхъ размѣрахъ, въ готическомъ стилѣ, и занимало все пространство сада; сна-

ружи же домъ сохранялъ свой прежній мрачный и таинственный видъ.

Нужно замѣтить, что главная обязанность почтенныхъ патеровъ, обитающихъ здѣсь, состоитъ въ исповѣданіи богатыхъ и аристократическихъ грѣшницъ Сентъ Жерменскаго предмѣстья. Не смотря на эту выгодную профессію, денегъ все-таки недоставало, такъ какъ на постройку былъ положенъ весь даже запасной капиталъ; преподобные отцы, испробовавшіе уже всѣ средства, не знали болѣе къ какому святому обратиться за помощью; внезапно одного изъ нихъ озарила счастливая мысль. Это былъ самый любимый духовникъ всѣхъ благородныхъ прихожанокъ богатаго квартала; съ нимъ совѣтовались обо всемъ; ни одинъ подвигъ благочестія не предпринимался безъ его благословенія, всѣ на расхватъ приглашали его.

Въ крайней необходимости достать большой кушъ, почтенный отецъ придумалъ устроить лотерею. Но что разыграть! Собственности у нихъ нѣтъ; всѣ средства уже испробованы; цѣна на молитвы и на отпущеніе грѣховъ значительно понизилась; преподобный отецъ рѣшился разыграть самого себя.

Онъ сдѣлалъ нѣсколько сотъ билетовъ, назначилъ дорогую цѣну и послалъ скромнаго и вѣрнаго агента оповѣстить всѣмъ своихъ духовныхъ дочерей, что выигравшая будетъ имѣть его у себя въ продолженіе трехъ дней.

Билеты разобрались быстро. Немного посплетничали по городу; но вещи самыя необыкновенныя очень скоро забываются въ Парижѣ; почтенные же отцы препорядочно набили себѣ карманы.

IX. — Вотъ еще отрывокъ изъ Сентъ-Симона:

„Послѣ взятія Немура случилось одно обстоятельство, которое надѣлало много шуму и могло при всякомъ другомъ государѣ имѣть пагубныя послѣдствія. Предъ въѣздомъ короля въ городъ, такъ какъ при осадѣ замка ему не слѣдовало

тамъ находиться, произведены были тщательные обыски, несмотря на то, что еще при сдачѣ города всѣ магазины и мины были уже осмотрѣны. Послѣ взятія замка, сдѣлали обыскъ у іезуитовъ, которые, удивленные и обиженные тѣмъ, что имъ не довѣряютъ, предоставили полиціи исполнять свое дѣло. Тутъ былъ открытъ подземный ходъ, наполненный порохомъ, о назначеніи котораго никто не могъ узнать; а такъ какъ онъ былъ найденъ у іезуитовъ, то дѣло такъ и осталось въ неизвѣстности“.

(Записки герцога Сень-Симона, т. I, стр. 8, 1692).

Мы говорили, что іезуиты занимаются въ большихъ размѣрахъ торговыми операціями; къ этому слѣдуетъ прибавить, что разныя невзгоды и непріятности, претерпѣныя ими въ послѣднее столѣтіе, какъ-то: паденіе Лавалетта и другія, заставили общество Іисуса дѣйствовать, въ этомъ случаѣ, осторожнѣе и прибѣгать къ окольнымъ путямъ; имѣя только третью долю въ какомъ нибудь торговомъ предпріятіи, они однако неограниченно руководятъ имъ и, благодаря своему могущественному вліянію, способствуютъ къ полученію отъ него выгодъ.

Такъ, въ настоящее время, общество Іисуса стоитъ во главѣ множества банкирскихъ конторъ, на обоихъ материкахъ; оно владѣетъ подъ чужой фирмой цѣлымъ флотомъ купеческихъ судовъ, отправляющихся изъ своей главной гавани Бордо къ берегамъ Бразиліи и обратно. Въ Гаврѣ они получаютъ тоже большія выгоды отъ перевоза эмигрантовъ; во Франціи имъ принадлежатъ лучшіе желѣзо-плавильные заводы: Бессежъ, Але и др.; въ Калифорніи у нихъ есть золотыя руды, и цѣлая улица въ Санъ Франциско принадлежитъ имъ; здѣсь-то они и производятъ самыя выгодныя операціи: ссуда за 30, 40, 50, 100 и даже 200%.

Разсмотримъ подробнѣе основныя причины, заставляющія ихъ покровительствовать эмигрантамъ. Предъ нами лежитъ программа предпріятія, напечатанная въ Парижѣ у Делли, Деври и Комп., площадь Сорбонны, 2. Она заключаетъ слѣдующее

1) Протоколъ засѣданія, происходившаго въ Римѣ, въ одномъ изъ залъ священной конгрегаціи пропагандистовъ, для выслушиванія дѣлъ, относительно учрежденія во Франціи „Общества покровительства эмигрантамъ, отплывающимъ въ Америку и въ другія страны за моря“. Президентъ засѣданія его высокопреосвященство, кардиналъ Гуссе.

2) Протоколъ предъидущаго собранія, 6 ноября того же года, происходившаго въ Парижѣ, въ домѣ Лазаристовъ, въ квартирѣ Ама, архіепископа монтерейскаго. На засѣданіи производилось постановленіе дѣла, въ присутствіи членовъ высшаго парижскаго духовенства, преподобнаго отца Швиденгаммера, главнаго генерала конгрегаціи Св. Духа и Священнаго Сердца Маріи, генераль-прокурора Лазаристовъ г. Сальвейра, преподобнаго отца Ланье, провинціала Маристовъ и другихъ начальниковъ и отцевъ разныхъ конгрегацій; трехъ членовъ главнаго совѣта „Дѣла пропаганды вѣры“, гг. Амедея Тејра, Шуазеля и Бодона; послѣдній кромѣ того, президентъ главнаго совѣта общества св. Викентія де Паула; г. Копингера члена совѣта того же общества.

Проектъ, предложенный засѣданію и принятый имъ, состоялъ въ выпускѣ тридцати тысячъ облигацій, каждая въ 100 фр., по 6% въ годъ. Капиталъ долженъ быть положенъ въ Калифорніи, и авторъ проекта ручается по опыту, что онъ принесетъ выгоду до 20% и болѣе.

Только половина выгоды должна быть внесена въ кассу покровительства эмигрантамъ; приблизительно до 300,000 въ годъ. Кромѣ денежныхъ выгодъ въ будущемъ, программа заключала грамоту, отъ 13 января 1855 г. въ которой папа даетъ свое апостольское благословеніе всѣмъ участникамъ. Такимъ образомъ, каждый акціонеръ могъ надѣяться получить на

свой капиталъ 20% выгоды въ здѣшней жизни, и полное прощеніе грѣховъ и блаженство въ будущей.

Мы слышали, что въ февралѣ 1862 г., новая духовная ассоціація, которую впрочемъ не называли, сдѣлала на парижской биржѣ весьма выгодную операцію съ мукой. Поднявъ въ началѣ февраля цѣну на нее до 95 франковъ и продавъ по этой таксѣ всю муку, она, въ концѣ февраля, купила ее по 68 и 70 фр.

Нѣтъ надобности говорить, что подобнаго рода дѣла производятся чрезъ посредничество какого-нибудь торговаго дома; сами же благочестивые акціонеры тутъ не показываются.

По этому поводу прибавляютъ еще, что конгрегація, благодаря многочисленности своихъ банкирскихъ конторъ во Франціи и за границей, можетъ легко дѣлать такія штуки съ главными торговыми учрежденіями.

Не мѣшало бы обратить вниманіе на существующее теперь согласіе между различными религіозными ассоціаціями, бывшими прежде во враждѣ другъ съ другомъ, лучшимъ образчикомъ чего можетъ служить общество покровительства эмигрантамъ, о которомъ мы только что говорили, и которое въ настоящее время находится въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ съ обществомъ Иисуса, стоявшимъ въ прежнія времена совершенно одиноко, среди враждебной зависти другихъ орденовъ; теперь же этотъ орденъ неограниченно владычествуетъ повсюду, и самые „дѣти св. Франциска“, нѣкогда столь горделивые своимъ нищенствомъ, склонили голову передъ могуществомъ сыновъ Игнатія

(С. С. Б.).

MONITA SECRETA

.....

ТАЙНЫЯ НАСТАВЛЕНІЯ ІЕЗУИТОВЪ.

MONITA SECRETA

ТАБЛИЦА НАСТАВЛЕНІЯ ИЗВѢСТІЯ

MONITA SECRETA.

Тайныя наставленія іезуитовъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Начальники обязаны тщательно хранить у себя эти особыя инструкции и сообщать ихъ только нѣкоторымъ избраннымъ посвященнымъ; въ виду выгодъ общества, допускается открывать непосвященнымъ только нѣкоторыя изъ нихъ, но подѣ строгой тайной и такимъ образомъ, чтобы нельзя было догадаться, что поучающій говоритъ не отъ себя самого, а приводитъ правила, составленныя другимъ лицомъ. Такъ какъ большинству посвященныхъ извѣстны эти тайны, то общество, со дня учрежденія, положило за правило не допускать перехода въ другіе ордена, за исключеніемъ картезіанскаго, такъ какъ братство это живетъ въ полнѣйшемъ уединеніи и хранить ненарушимое молчаніе, по утвержденію святѣйшаго престола.

Надо беречься, чтобы наставленія не попали въ чужія руки, ибо изъ зависти къ нашему ордену имъ тотчасъ же припишутъ какое-нибудь вредное значеніе. Въ этомъ случаѣ (чего Боже упаси) необходимо увѣрять, что содержаніе наставленій несогласно съ убѣжденіями нашего общества и для опроверженія ссылаться на наши общія правила, печатныя

и рукописныя. Обязанность опровергать существованіе у насъ наставленій слѣдуетъ поручать тѣмъ членамъ, которымъ дѣйствительно они неизвѣстны.

Пусть начальники скрытно и осторожно разыскиваютъ, неизвѣстно ли чрезъ нашихъ кому изъ постороннихъ содержаніе наставленій; ибо переписывать ихъ для себя или для другихъ воспрещено безъ особаго разрѣшенія генерала или провинціала; если кто окажется неспособнымъ скрывать тайну, тому ничего не говорить или выгонять прочь.

ТАЙНЫЯ НАСТАВЛЕНІЯ

Общества Іисуса.

ГЛАВА I.

КАКЪ ДОЛЖНО СЕБЯ ВЕСТИ ОБЩЕСТВО ПРИ НАЧАЛѢ КАКОГО-ЛИБО
ПРЕДПРИЯТІЯ.

1) Чтобы пріобрѣсти расположеніе публики, нужно объяснять людямъ цѣль нашего общества въ томъ смыслѣ, какъ оно значится въ нашихъ правилахъ, т. е. что общество обязано заботиться о спасеніи ближняго наравнѣ съ своимъ собственнымъ. Посему необходимо принимать на себя самыя трудныя обязанности въ больницахъ, посѣщать бѣдныхъ, несчастныхъ, узниковъ, выслушивать исповѣдь снисходительно, чтобы самыя вліятельныя и могущественныя прихожане проникнулись чувствомъ любви и удивленія къ нашему необычному милосердію ко всѣмъ.

2) Всѣ должны помнить, что разрѣшеніе отправлять обязанности общества слѣдуетъ испрашивать съ кротостью и смиреніемъ и стараться пріобрѣтать расположеніе какъ духовенства, такъ и мірянъ.

3) Нужно увѣрять всѣхъ, что общество находится въ крайней нищетѣ и потому для полученія самаго незначительнаго

подающія ходитъ въ отдаленныя мѣста. Раздавать нищимъ милостыню нужно такъ, чтобы всѣ знали о нашемъ милосердіи и въ свою очередь щедро бы насъ вознаграждали.

4) Единство духа должно быть строго сохраняемо всѣми членами общества; даже по виѣшнему виду они должны стараться походить одинъ на другаго. Кто будетъ дѣйствовать иначе, того исключать изъ общества, какъ человѣка вреднаго.

5) Вначалѣ наши не должны покупать себѣ имѣній, если же представится особенно выгодный случай пріобрѣсть какую-нибудь собственность, то пусть это будетъ сдѣлано подъ чужимъ именемъ какого-нибудь вѣрнаго и скромнаго человѣка. Дабы правителямъ и судьямъ не были положительно извѣстны доходы нашего общества и дабы нищета наша для всѣхъ была очевидна, слѣдуетъ имѣнія, лежащія по соседству съ нашей коллегіей, приписывать къ коллегіямъ отдаленнымъ.

6) Селиться должно только въ богатыхъ городахъ и тамъ устраивать коллегіи, ибо главная цѣль наша состоитъ въ подражаніи нашему Спасителю Иисусу Христу. Который большее время Своей жизни провелъ въ Іерусалимѣ, а мѣста незначительныя посѣщалъ только проходомъ.

7) Чтобы выманить у вдовъ побольше денегъ, нужно почаще говорить имъ о нашихъ нуждахъ.

8) Только однимъ провинціаламъ должны быть въ вѣчности извѣстны цифры нашихъ доходовъ; сокровища Рима должны оставаться священной тайной для всѣхъ.

9) Въ проповѣдяхъ и даже въ гостинныхъ разговорахъ наши обязаны постоянно объяснять, что мы присланы поучать дѣтей и помогать несчастнымъ безвозмездно.

ГЛАВА II.

КАКЪ ОБЩЕСТВО МОЖЕТЪ СНИСКАТЬ РАСПОЛОЖЕНІЕ ГОСУДАРЕЙ И СИЛЬНЫХЪ, ВЛІЯТЕЛЬНЫХЪ ЛИЦЪ.

1) Нужно прилагать всевозможныя старанія, для снисканія расположенія государей и сильныхъ міра сего, дабы они не только не осмѣливались возставать противъ насъ, но, напротивъ, скорѣе заискивали бы предъ нами и боялись насъ.

2) Извѣстно, что государи и вообще всѣ важныя лица особенно расположены къ тому духовенству, которое снисходительно смотритъ на ихъ слабыя стороны и охотно прощаетъ имъ ихъ заблужденія; поэтому общество наше должно помогать имъ во всѣхъ противозаконіяхъ, въ заключеніи браковъ между родственниками и въ подобныхъ тому вещахъ, ходатайствуя для этого черезъ посредство нашего ордена разрѣшеніе папы, который, ради нашего общаго блага и для славы Божіей, во многомъ будетъ намъ способствовать.

3) То же правило слѣдуетъ соблюдать и въ отношеніи государя, предпринимающаго что-нибудь противъ желанія своихъ министровъ. Намѣреніе его нужно поощрять и способствовать къ исполненію его, а другихъ увѣщевать покоряться желаніямъ правителя и не противорѣчить ему. Во всемъ этомъ однако дѣйствовать ловко и осторожно, дабы въ случаѣ неудачи предпріятія не понести на себѣ никакой отвѣтственности; не высказывать слишкомъ откровенно свое мнѣніе; для словесной защиты нашихъ правилъ, въ случаѣ какихъ нападокъ со стороны враждебной намъ, избирать такихъ членовъ, которымъ дѣйствительно неизвѣстны эти представленія и которые клятвой могутъ подтвердить, что на наше общество клеветаютъ приписывая ему несправедливо то, чего совершенно не существуетъ.

4) Ловко добиваться съ помощью вліятельныхъ особъ должностей, особенно при посольствѣ у папы и у другихъ сильныхъ государей, дабы общество наше было посвящено въ тайныя намѣренія и цѣли всѣхъ державъ и имѣло бы ходатая, пекущагося о нашихъ интересахъ. Назначать въ такія должности слѣдуетъ только вѣрныхъ и преданныхъ людей.

5) Заискивать расположеніе любимцевъ и прислуги государей, чтобы черезъ нихъ можно было всегда вывѣдывать о наклонностяхъ и расположеніи духа монарховъ и дѣйствовать, соображаясь съ этимъ.

6) По опыту извѣстно намъ, что общество пріобрѣло большія выгоды отъ своего вмѣшательства въ брачныя союзы австрійскаго, французскаго, польскаго и другихъ домовъ; для сего нужно по возможности стараться устраивать подобные браки съ лицами, находящимися въ родствѣ или въ хорошихъ отношеніяхъ съ нашими друзьями.

7) Дружеское расположеніе принцессъ легко пріобрѣсти посредствомъ ихъ горничныхъ, съ которыми необходимо водить дружбу, и съ помощью ихъ вывѣдывать всѣ семейныя тайны.

8) Въ отношеніи совѣсти всѣхъ высокихъ лицъ, наши, духовники должны быть снисходительнѣе прочаго духовенства, чтобы всѣ предпочитали пользоваться нашимъ руководствомъ и нашими совѣтами.

9) Всѣмъ, могущимъ доставить намъ выгоду, объяснять высокое значеніе нашего общества и его достоинство.

10) Осторожно и мекать, что орденъ нашъ предпочтительно передъ другими имѣетъ право разрѣшать самыя тяжкіе грѣхи, освобождать отъ постовъ и другихъ обязанностей, разрѣшать брачныя союзы между родственниками и т. п. такъ что всякому нужно будетъ прибѣгать къ нашей помощи.

11) Приглашать ихъ на наши проповѣди, засѣданія и поученія; въ случаѣ нужды посвящать имъ хвалебныя гимны

и даже изрѣдка давать имъ обѣды, и всякимъ образомъ заискивать передъ ними.

12) Стараться примирять государей въ ихъ распряхъ между собой: посредствомъ этого мы можемъ узнать о ихъ наклонностяхъ и характерахъ и въ послѣдствіи дѣйствовать, сообразуясь съ ихъ слабыми сторонами.

13) Всѣхъ, занимающихъ важный постъ при дворахъ и относящихся враждебно къ новому ордену, стараться всѣми силами привлечь на нашу сторону, дѣйствуя черезъ посредство другихъ, преданныхъ нашему обществу, лицъ.

14) Остерегаться лицъ, почему бы то ни было вышедшихъ изъ нашего общества, въ особенности же по своему собственному желанію; не допускать, чтобы они занимали такія мѣста, гдѣ своимъ вліяніемъ могутъ помѣшать исполненію нашихъ намѣреній. Такія лица непрѣмѣнно внутренно питаютъ къ намъ непримиримую вражду.

15) Наконецъ, всякій изъ насъ долженъ приложить всевозможныя старанія, для снисканія; благосклонности всѣхъ, кто можетъ быть намъ въ чемъ-нибудь полезенъ.

ГЛАВА III.

КАКЪ ОБЩЕСТВО ДОЛЖНО СЕБЯ ВЕСТИ ОТНОСИТЕЛЬНО СИЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ ГОСУДАРСТВА, КОТОРЫЕ, ЕСЛИ НЕ СВОИМЪ БОГАТСТВОМЪ, ТО ЧѢМЪ-НИБУДЬ ИНЫМЪ МОГУТЪ ОКАЗЫВАТЬ НАМЪ УСЛУГИ.

1) Кромѣ всѣхъ выгодъ, благодаря умѣнью, могущихъ быть извлеченными нами изъ вышеупомянутыхъ лицъ, нужно также стараться, чтобы лица эти служили намъ защитительнымъ оружіемъ противъ нашихъ враговъ.

2) Поэтому, для пріобрѣтенія обществу выгодъ, для полученія разныхъ должностей, нужно прибѣгать къ содѣйствію, совѣтамъ и авторитету этихъ лицъ, и если на нихъ

можно вполне положиться, пользоваться ихъ именемъ для пріобрѣтенія собственности.

3) Съ ихъ помощью снискивать расположеніе людей гордыхъ, располагать къ себѣ народонаселеніе, враждебное намъ

4) Стараться, чтобы епископы, прелаты и другія высшія духовныя лица своимъ вліяніемъ доставляли намъ все выгоды, зависящія отъ нихъ.

5) Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ для насъ будетъ достаточно и того, если прелаты и священники не будутъ препятствовать нашему обществу въ отправленіяхъ его обязанностей въ странахъ, гдѣ духовенство пользуется особеннымъ почетомъ и властью, какъ, напр., въ Германіи и Польшѣ, и не будетъ поселять вражды къ намъ между своими прихожанами. Для этого необходимо оказывать имъ особенное почтеніе, дабы монастыри, приходскія и настоятельскія церкви, право раздачи духовныхъ должностей, отправленіе требъ — все это съ ихъ помощью перешло въ наши руки; тамъ, гдѣ между католиками терпимы раскольники и еретики, намъ будетъ нетрудно достигнуть всего этого и произвести религіозную реформу. Надо доказывать прелатамъ необходимость подобной перемѣны и представить всѣмъ всю важность и пользу ея; увѣрить ихъ, что никто, кромѣ насъ, не въ силахъ оказать подобной заслуги, и что священники, свѣтскія власти и монахи неспособны къ этому. Если прелаты будутъ дѣйствовать сообразно нашимъ намѣреніямъ, публично восхвалять ихъ ревность, печатно прославлять память ихъ.

6) Стараться, чтобы прелаты поручали нашимъ обязанностямъ исповѣди и поученія, а если они пожелаютъ занять высшую должность при римскомъ дворѣ, то помогать имъ чрезъ посредство тѣхъ изъ нашихъ друзей, которые имѣютъ случай доставить имъ это.

7) При основаніи collegій и приходскихъ церквей, ходатайствовать у епископовъ и государей разрѣшенія ставить туда викариевъ и настоятелей, такъ, чтобы все управ-

леніе этихъ церквей зависѣло отъ насъ и сами прихожане были намъ подчинены.

8) Тамъ, гдѣ академіи враждебны намъ или гдѣ католики и еретики пренятствуютъ нашимъ намѣреніямъ, дѣйствовать чрезъ прелатовъ для пріобрѣтенія права проповѣди, чтобы, не смотря на сопротивленіе враждебныхъ нашему обществу партій, можно было говорить народу о своихъ нуждахъ.

9) Для исходатайствованія причтенія къ лику святыхъ или блаженныхъ кого-нибудь изъ нашего общества, нужно дѣйствовать чрезъ епископовъ и испрашивать свидѣтельства и рекомендательныя письма отъ государей и вліятельныхъ лицъ, съ помощью которыхъ легко будетъ получить разрѣшеніе святѣйшаго папы.

10) Строго наблюдать, чтобы прелаты и другія высокія духовныя особы при посольствахъ не выбирали между духовными людьми, состоящихъ съ нами въ недружелюбныхъ отношеніяхъ; подобные люди способны возбудить ненависть и вражду къ намъ въ тѣхъ городахъ и провинціяхъ, гдѣ мы живемъ. Когда посольство проѣзжаетъ города и провинціи, гдѣ существуютъ наши коллегіи, принимать его съ почестями и радушіемъ, и угощать, насколько позволяютъ намъ наши благочестивые уставы.

ГЛАВА IV.

ПРЕДПИСАНІЯ ПРОПОВѢДНИКАМЪ И ДУХОВНИКАМЪ ЗНАТНЫХЪ
ОСОБЪ.

1) Духовники государей и знатныхъ особъ прежде всего должны поселять въ нихъ то убѣжденіе, что цѣль нашего общества есть единственно забота о прославленіи имени Божьяго и о соблюденіи чистоты совѣсти, такъ чтобы монархи, зная это, съ готовностью покорялись намъ, не подозрѣвая въ насъ иныхъ цѣлей.

2) Такимъ образомъ можно будетъ почаще внушать имъ, что раздача наградъ и должностей относится къ вопросу совѣсти, и что, поступая въ этихъ дѣлахъ согласно своимъ наклонностямъ и страстямъ, они оскорбляютъ Бога; при этомъ духовникъ долженъ повторять, что онъ это говоритъ лишь по своей обязанности, нисколько не желая вмѣшиваться въ государственныя дѣла. Когда государь будетъ совершенно убѣжденъ въ этомъ, постепенно объяснять ему, какія должны быть качества лицъ, назначаемыхъ исполнять высшія общественныя должности, указывая при этомъ на лицъ, преданныхъ нашему обществу. На государей въ этомъ случаѣ можно дѣйствовать не только непосредственно чрезъ нашихъ, но и черезъ ихъ любимцевъ.

3) Поэтому нашимъ духовникамъ и проповѣдникамъ должны быть извѣстны лица, способныя къ той или другой должности и могущія доставить выгоду нашему обществу; ихъ-то и нужно при случаѣ рекомендовать Государямъ.

4) Духовники и проповѣдники должны быть снисходительными къ заблужденіямъ государей, не должны оскорблять ихъ самолюбіе ни въ проповѣдяхъ, ни въ частныхъ разговорахъ, устранять отъ нихъ всякія безпокойства, и главнымъ образомъ пробуждать въ нихъ вѣру, надежду и правосудіе въ дѣлахъ государства.

5) Почти никогда не должны они принимать небольшихъ подарковъ для своего личнаго употребленія, но должны выставять на видъ общественныя нужды провинціи или коллегіи; у себя дома они должны довольствоваться просто убранной комнатою; одежда ихъ не должна быть слишкомъ щеголевата, и они немедленно должны идти помогать и приносить утѣшеніе самымъ низшимъ служителямъ во дворцѣ, чтобы не думали, что они готовы служить только вельможамъ.

6) Послѣ смерти придворныхъ чиновниковъ они должны озаботиться немедленно замѣстить ихъ какими-либо доброжелателями общества; они не должны навлекать на себя подо-

зрѣнія, что хотять вырвать верховную власть изъ рукъ правителя. Особенно ради этого, какъ было уже сказано, они не должны дѣйствовать непосредственно, но чрезъ вѣрныхъ и могущественныхъ друзей, которые могли бы бороться съ ненавистью, еслибы таковая представилась.

ГЛАВА V.

КАКЪ СЛѢДУЕТЪ ВЕСТИ СЕБЯ ОТНОСИТЕЛЬНО ЛИЦЪ, ПРИНАДЛЕЖАЩИХЪ ДРУГИМЪ МОНАШЕСКИМЪ ОРДЕНАМЪ И ИСПОЛНЯЮЩИХЪ ВЪ ЦЕРКВИ ОДИНАКОВЫЯ СЪ НАМИ ОБЯЗАННОСТИ.

1) Слѣдуетъ мужественно переносить людей этого сорта и при этомъ давать понять государямъ и вообще лицамъ, пользующимся какою-либо властью и какимъ-либо образомъ соприкосновеннымъ намъ, что наше общество совмѣщаетъ въ себѣ достоинства всѣхъ орденовъ, исключая духовнаго сана и внѣшней торжественности въ образѣ жизни и одѣяніи, и если другіе монашескіе ордена отличаются какимъ-либо превосходствомъ, то общество наше неоспоримо занимаетъ первое мѣсто въ церкви Божіей.

2) Необходимо отыскивать и подмѣчать недостатки другихъ монашескихъ орденовъ и, открывъ и доведя ихъ съ осторожностью, какъ бы сожалѣя о нихъ, до свѣдѣнія ихъ вѣрныхъ друзей, слѣдуетъ показать при этомъ, что упомянутыя лица не могутъ съ такимъ совершенствомъ исполнять обязанностей, одинаковыхъ съ нами.

3) Съ большею силою надо возставать противъ желающихъ учреждать школы для обученія юношества въ мѣстахъ, гдѣ лица, принадлежащія къ нашему ордену, съ честью и выгодой для себя занимаются этимъ дѣломъ. Надо представлять на видъ правителямъ и начальствамъ, что подобные люди, если ихъ не остановить, причиняютъ волненіе и мятежи въ государствѣ, что различное направленіе въ воспитаніи

молодежи, возбудить въ ней безпорядки и что для обученія юношества насъ совершенно достаточно. Если у другихъ наставниковъ имѣются разрѣшенія отъ папы или рекомендаціи отъ кардиналовъ, то наши должны дѣйствовать противъ нихъ чрезъ правителей и вельможъ, которые заявили бы папѣ о достоинствахъ общества и о его способности мирно обучать юношество. Они должны стараться доставлять себѣ свидѣтельства отъ начальства, относительно ихъ добраго поведенія и ихъ благонамѣренной учености.

4) Кромѣ того наши должны употреблять всѣ старанія, чтобы заявить о себѣ особыми дѣлами добродѣтели и учености, упражняя учениковъ въ наукахъ и другихъ схоластическихъ занятіяхъ, способныхъ заслужить одобреніе и быть представленными вельможамъ, начальству и народу.

ГЛАВА VI.

О СПОСОБѢ ПРИОБРѢТЕНІЯ РАСПОЛОЖЕНІЯ БОГАТЫХЪ ВДОВЪ.

1) Для сего избираются отцы преклонныхъ лѣтъ, темперамента живаго и обладающіе пріятностью въ разговорѣ. Они должны посѣщать этихъ вдовъ, и при первомъ проявленіи съ ихъ стороны расположенія къ обществу, должны представлять имъ дѣйствія и достоинства общества. Коль скоро онѣ это принимаютъ и начинаютъ посѣщать наши церкви, ихъ снабжаютъ духовникомъ, который долженъ ими руководствовать въ видахъ удержанія ихъ во вдовствѣ, относясь съ похвалою къ выгодамъ и счастью этого положенія, общая, и даже ручаясь что это зачтется имъ въ вѣчную заслугу и послужить очень вѣрнымъ средствомъ для избѣжанія мученій чистилища.

2) Этотъ духовникъ долженъ повести дѣло такъ, чтобы онѣ занялись украшеніемъ своей домовоі часовни или модельни, въ которой бы онѣ могли предаваться размышле-

ніямъ и другимъ духовнымъ упражненіямъ, дабы чрезъ это удалить ихъ отъ разговоровъ и посѣщенія лицъ, могущихъ привлечь ихъ на свою сторону; не смотря на то, что у нѣкоторыхъ изъ нихъ можетъ быть свой капелланъ, наши не должны допускать его къ совершенію службы въ этой домовой часовнѣ, особенно не позволять обращенія къ нимъ съ поученіями; надо стараться, чтобы капелланъ не имѣлъ на нихъ вліянія.

3) Слѣдуетъ съ осторожностью и незамѣтнымъ образомъ измѣнить все касающееся управленія домомъ, соображаясь при этомъ съ тѣми условіями, въ которыхъ дѣла находятся, съ людьми, съ ихъ привязанностями и ихъ благочестіемъ.

4) Главнымъ образомъ слѣдуетъ удалять служителей (однако мало-по-малу), которые не имѣютъ сношеній съ обществомъ; въ случаѣ замѣны ихъ другими слѣдуетъ рекомендовать людей, зависящихъ или желающихъ быть въ зависимости отъ нашихъ; ибо, такимъ образомъ, мы будемъ извѣщены обо всемъ, что будетъ происходить въ семействѣ.

5) Цѣль духовника должна состоять въ томъ, чтобы вдова во всемъ безъ исключенія спрашивала и слѣдовала его совѣту; онъ же при случаѣ, долженъ доказывать ей, что это послушаніе есть единственное основаніе ея духовнаго преуспѣянія.

6) Слѣдуетъ совѣтовать ей чаще пріобщаться св. таинствъ, особенно же таинства покаянія, при чемъ она съ большою свободою можетъ открывать свои наискровеннѣйшія мысли и всѣ искушенія. Она должна чаще исповѣдываться; ходить слушать своего духовника, который долженъ ее къ этому приглашать, общая ей молиться за нее; ежедневно она должна испытывать свою совѣсть и читать молитвы.

7) Если бы она стала вторично исповѣдываться у другого духовника, то послѣднему уже не придется узнать многого относительно ея наклонностей.

8) Надо представить ей всѣ выгоды вдовствующаго состоянія и невыгоды брачныхъ узъ, особенно вторично заключенныхъ; упомянуть, какимъ опасностямъ она въ этомъ случаѣ можетъ подвергнуться.

9) По временамъ можно впрочемъ искусно предлагать ей такія партіи, къ которымъ она, очевидно, питаетъ отвращеніе; если же извѣстно, что ей кто-нибудь нравится, то выискивать въ этомъ человѣкѣ дурныя наклонности и описывать ей ихъ съ самой невыгодной стороны, дабы она возымѣла отвращеніе къ нему и твердо рѣшилась бы отказаться отъ вторичнаго супружества.

10) Когда она получитъ совершенное отвращеніе къ вторичному браку и твердо рѣшится пребывать въ состояніи вдовства, надо призывать ее къ духовной жизни, но отнюдь не къ монашеской, которую слѣдуетъ описать въ невыгодномъ свѣтѣ и представить, какимъ иногда невыгоднымъ случаямъ она подвергается подвизающихся на этомъ поприщѣ, привести примѣръ Паолы и Евстохія и другихъ. Вынудивъ у нея обѣтъ хранить цѣломудріе, по крайней мѣрѣ въ продолженіе трехъ лѣтъ, духовникъ долженъ послѣдовательно довести ее до того, чтобы, она по собственному желанію навсегда отказалась отъ вторичнаго брака. Въ виду этого, онъ долженъ стараться, чтобы она какъ можно рѣже посѣщала мужское общество и даже общество своихъ близкихъ друзей и родственниковъ, подъ предлогомъ, что она должна всецѣло посвятить себя дѣламъ благочестія, предаться всѣмъ существомъ служенію Богу. Если невозможно совершенно устранить свиданіе ея съ другими духовными лицами, то стараться, чтобы духовенство, посѣщающее ее, состояло изъ лицъ, находящихся въ нашей зависимости и приверженныхъ нашему обществу.

11) Достигнувъ всего этого, слѣдуетъ мало-по-малу направлять ее къ дѣламъ милосердія, особенно къ раздачѣ бѣднымъ своего имущества; при этомъ соблюдать, чтобы дѣла милосердія творились подъ руководствомъ духовника, кото-

рый, пользуясь своимъ вліяніемъ, долженъ заботиться главнымъ образомъ о выгодахъ общества, и убѣждать ее, что подача милостыни людямъ недостойнымъ часто бываетъ источникомъ многихъ грѣховъ.

ГЛАВА VII.

КАКЪ ПОСТУПАТЬ СО ВДОВАМИ И КАКЪ РАСПОЛАГАТЬ ИХЪ ИМУЩЕСТВОМЪ.

1) Непрестанно наставлятъ ихъ на путь спасенія и на дѣла милосердія, чтобы ни одна недѣля не проходила безъ жертвованій отъ излишка ихъ имуществъ во имя Христа Спасителя, Его Пресвятой Матери или во имя того святаго, котораго онѣ выбрали своимъ покровителемъ; пусть онѣ щедро подаютъ милостыню нищимъ, дѣлаютъ постоянно пожертвованія въ пользу украшенія церкви, пока ихъ совершенно не лишатъ всей добычи грѣха.

2) Кромѣ ихъ расположенія, слѣдуетъ снискивать и ихъ щедрость и для этого почаще съ ними бесѣдовать о достоинствахъ нашего общества, о необыкновенномъ милосердіи нашего провинціала или генерала нашего ордена.

3) Если онѣ дали обѣтъ цѣломудрія, надо требовать, чтобы онѣ его возобновляли два раза въ годъ, какъ это предписывается въ нашихъ уставахъ. Въ дни возобновленія устраивать благочестивыя празднества.

4) Слѣдуетъ почаще посѣщать ихъ, занимать ихъ пріятной бесѣдой, сообразуясь съ наклонностями каждой, увеселять остроумными и оживленными рассказами.

5) На исповѣди не осуждать слишкомъ строго ихъ проступковъ, дабы не ввергнуть ихъ въ отчаяніе, исключая впрочемъ тѣхъ случаевъ, когда есть надежда строгостью снова приобрести ихъ расположеніе, которымъ успѣлъ овладѣть помимо насъ кто-нибудь другой. Въ этихъ случаяхъ дѣйствовать слѣдуетъ съ большою осмотрительностью и осторожностью, соображаясь съ непостоянствомъ женской натуры.

6) Стараться, чтобы онѣ не посѣщали церквей, непринлежащихъ намъ, особенно монастырей въ виду этого, объяснить имъ, что наше общество соединяетъ въ себѣ всѣ духовныя преимущества, дарованныя порознь другимъ орденамъ.

7) Если вдова носить трауръ, совѣтовать ей носить нарядъ, который шелъ бы къ ней и соединялъ въ себѣ духовный видъ со свѣтскимъ, дабы она знала, что человекъ, руководящій ею не исключительно преданъ одному духовному. Наконецъ, въ виду удержанія ея благосклонности къ намъ и постоянства ея щедротъ, умѣренно, безъ скандала, разрѣшать ей удовлетвореніе ея извѣстныхъ потребностей.

8) Помѣщать къ вдовамъ дѣвушекъ богатыхъ и знатныхъ родителей, которыя мало-по-малу подчинялись бы нашему вліянію и привыкали бы къ образу нашей жизни; поэтому на семейномъ духовникѣ лежитъ обязанность избирать въ воспитательницы особу, преданную нашему обществу и подчиняющуюся его правиламъ и церковнымъ постановленіямъ; въ случаѣ, если дѣвушка не захочетъ подчиняться намъ, немедленно препровождать ее къ родителямъ или опекунамъ, помѣстившимъ ее сюда, подъ предлогомъ ея капризнаго и необузданнаго характера.

9) О тѣлесномъ здоровьи и объ увеселеніяхъ вдовъ слѣдуетъ заботиться наравнѣ съ ихъ душевнымъ спасеніемъ. Въ случаѣ нездоровья, запрещать имъ постить носиться власяницу, умерщвлять плоть, не позволять ходить въ церковь и тайно и осторожно поучать ихъ на дому. Предоставлять имъ свободный входъ въ садъ нашей коллегіи и въ самую коллегію. Дозволять проводить свободное время съ тѣми изъ насъ, кто имъ больше дозволяетъ нравиться.

10) Для того, чтобы вдова предостаила всѣ свои доходы въ пользу общества, необходимо представлять ей превосходство положенія человека, съ покорностью и радостью посвятившаго себя Богу, отрекшагося отъ міра, родныхъ и всѣхъ земныхъ привязанностей; описать, какая награда ее ожи-

дастъ, если она, подобно намъ, отречется отъ всего. При этомъ, приведа примѣръ многихъ вдовицъ, въ недолгое время стяжавшихъ себѣ такимъ образомъ блаженство, пробудить въ ней надежду, что она, исполнивъ до конца подвигъ самоотреченія, можетъ быть также сопричтена къ лику святыхъ, такъ какъ нашъ орденъ, благодаря своему вліянію на папу, можетъ легко получить на это разрѣшеніе.

11) Поселять въ нихъ твердое убѣжденіе, что если онѣ желаютъ наслаждаться спокойствіемъ совѣсти, то должны безъ ропота, неудовольствія и сопротивленія во всемъ слѣдовать наставленіямъ своего духовника, какъ въ дѣлахъ мірскихъ, такъ и духовныхъ, ибо духовникъ поставленъ для того, чтобы передавать имъ волю Божию.

12) Всѣ дѣла милосердія вдовы должны творить по совѣту своего духовника, дабы щедрость ихъ не была обращена на лица, намъ чуждыя и непринлежащія къ нашему обществу.

13) Духовники строго должны наблюдать, чтобъ вдовы, ихъ духовныя дщери, не посѣщали ни подъ какимъ предлогомъ другихъ монаховъ и не входили съ ними въ короткія сношенія. Во избѣжаніе этого, слѣдуетъ постоянно восхвалять достоинства нашего ордена, пользующагося всѣми преимуществами предъ другими, полезнаго для церкви, имѣющаго большой вѣсъ предъ папскимъ престоломъ и передъ государями; сообщать имъ, что общество наше исключаетъ изъ своей среды вредныхъ и неспособныхъ членовъ, что въ немъ нѣтъ ни пѣны, ни отстоя, какъ часто бываетъ между другими монашествующими, большинство которыхъ состоитъ изъ людей просвѣщенныхъ, глупыхъ и нерадивыхъ въ дѣлѣ спасенія, преданныхъ мамонѣ и проч.

14) Духовники должны заставлятъ вдовъ вносить денежные вклады и пожертвованія въ пользу коллегій и монастырскихъ домовъ, особенно въ пользу римскихъ монастырей, радѣть объ украшеніи храмовъ, принимать на свою обя-

занность поставку вина, воска и вообще всего необходимаго для совершенія литургіи.

15) Если вдова при жизни не передала вполнѣ своего имущества обществу, надо воспользоваться временемъ ея болѣзни когда жизнь ея будетъ находиться въ опасности, и представить ей въ какой крайности находятся многія изъ нашихъ коллегій, и кротко, но настойчиво требовать, чтобы она, ради вѣчнаго спасенія души, отказала намъ свое имущество.

16) Точно также слѣдуетъ поступать и въ отношеніи подарей и прочихъ нашихъ благодѣтелей; нужно убѣждать ихъ; что они своей щедростью къ намъ кладутъ краеугольный камень своего будущаго блаженства и что великая награда ждетъ ихъ на небесахъ. Если какой недоброжелатель скажетъ, что Самъ Іисусъ Христосъ не имѣлъ гдѣ преклонить Свою голову и что наше общество должно слѣдовать Его примѣру, надо положительно доказать ему и стараться убѣдить всѣхъ, что настоящая церковь находится совершенно въ иныхъ условіяхъ противъ древнихъ церквей, что въ настоящее время она обязана съ помощью своей силы и умогшества бороться съ своими непріятелями, и что она есть ничто иное, какъ тотъ маленькій камушекъ, который, по словамъ пророка, обратился въ великую гору.

17) Для поддержанія во вдовахъ дѣль милосердія, надо постоянно напоминать имъ, что высшій христіанскій подвигъ состоитъ въ добровольномъ отреченіи отъ всѣхъ земныхъ благъ и въ отдачѣ своего имущества Іисусу Христу и Его братству.

18) Въ слѣдующей главѣ мы увидимъ, какъ поступать со вдовами, которыя, воспитывая своихъ дѣтей для свѣта, не могутъ доставить намъ особенныхъ выгодъ.

ГЛАВА VIII.

что нужно дѣлать для того, чтобы дѣти вдовъ отказались отъ свѣта и приняли обѣтъ монашества.

1) Необходимо, чтобы матери обращались съ своими дѣтьми строго, и наши въ этомъ случаѣ должны дѣйствовать на матерей ловко и осторожно. Внушать имъ, чтобы онѣ огорчали дѣтей выговорами, дочерямъ отказывали бы во всѣхъ свѣтскихъ удовольствіяхъ; почаще выражали бы свое желаніе видѣть ихъ въ монашескомъ званіи и, въ случаѣ согласія дочери принять обѣтъ монашества, обѣщали бы ей большое приданое; рассказывали бы, какія непріятности перенесли онѣ въ своей семейной жизни, и выражали бы сожалѣніе что сами не сохранили дѣвства; однимъ словомъ вели бы дѣло такъ, чтобы дочерямъ надоѣло однообразіе и пустота ихъ настоящей жизни и чтобы онѣ рѣшились принять обѣтъ монашества.

2) Съ сыновьями наши должны быть въ дружескихъ отношеніяхъ, особенно съ тѣми, которые могутъ быть годны; для нашего общества нужно приводить ихъ въ коллегіи, показывать имъ все, что имъ можетъ понравиться и можетъ возбудить въ нихъ желаніе вступить въ общество; напри- мѣръ, наши сады, виноградники, мызы и деревенскіе дома, куда наши ѣздятъ проводить время своихъ отдохновеній. Рассказывать имъ о своихъ путешествіяхъ по разнымъ странамъ, о сношеніяхъ, которыя мы ведемъ съ государями, и вообще говорить обо всемъ, что можетъ быть привлекательно юношеству. Обращать ихъ вниманіе на порядокъ и чистоту нашихъ комнатъ и столовыхъ, вести при нихъ занимательные разговоры, содержаніе которыхъ впрочемъ должно быть религіозное; намекать, что нашъ орденъ имѣетъ всѣ преимущества предъ другими, бесѣдовать съ ними о предметахъ благочестивыхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ интересныхъ для нихъ.

3) Направлять ихъ къ духовнымъ и благочестивымъ размышленіямъ, искусно внушать имъ убѣжденіе, что общество наше, въ сравненіи съ другими, находится въ самыхъ счастливыхъ и удобныхъ условіяхъ жизни. Въ проповѣдяхъ и въ частныхъ разговорахъ упоминать о тяжкомъ грѣхѣ тѣхъ, которые противятся божественному призванію, давать имъ читать умственные упражненія, дабы заставить ихъ окончательно рѣшиться въ выборѣ себѣ образа жизни.

4) Обязанность воспитателя молодыхъ людей должна быть возложена на людей, приверженныхъ и преданныхъ нашему обществу, радѣющихъ о нашихъ интересахъ и побуждающихъ своихъ питомцевъ къ тому, что выгодно для насъ. Въ случаѣ упорства со стороны юноши, слѣдуетъ прибѣгнуть къ строгости, лишать ихъ того, что имъ пріятно, безъ чего жизнь имъ можетъ опротивѣть; матери также обязаны говорить имъ о трудностяхъ семейной жизни. Если старанія наши будутъ безуспѣшны, и юноша не захочетъ добровольно вступить въ наше общество, отсылать его какъ бы на воспитаніе въ отдаленныя коллегіи и оказывать ему съ нашей стороны всевозможныя послабленія и снисхожденія, чтобы расположить въ свою пользу.

ГЛАВА IX.

ОБЪ УВЕЛИЧЕНІИ ДОХОДОВЪ КОЛЛЕГІЙ.

1) Не должно окончательно посвящать въ наше общество тѣхъ, которые еще не получили ожидаемаго наслѣдства, исключая развѣ тѣхъ случаевъ, когда въ обществѣ уже находится младшій братъ подобнаго лица или есть другія, столь же основательныя причины. Вездѣ и во всемъ главнымъ образомъ заботиться объ увеличеніи нашихъ средствъ, сообразно съ цѣлями извѣстными начальству и клонящимися главнымъ образомъ къ тому, чтобы церковь во славу Божию была возстановлена

въ своей прежней силѣ и блескѣ и чтобы во всемъ духовенствѣ царствовалъ духъ единства и согласія. Слѣдуетъ почаще говорить и печатно объявлять, что общество состоитъ исключительно изъ такихъ членовъ, которые или совершенно нищіе и живутъ подаваніемъ вѣрныхъ, или же имѣютъ только движимое имущество, благодаря которому могутъ, не обременяя собою другихъ, заниматься наукой и исполнять свои обязанности. Опираясь на эти доводы, вразумлять государей, вельможъ, вдовъ и вообще всѣхъ, пользующихся нашими духовными наставленіями и совѣтами, что взаменъ духовной пользы, получаемой ими отъ насъ, они обязаны доставлять намъ пользу матеріальную. Духовники должны пользоваться всякимъ предлагаемымъ имъ даромъ. Обѣщавшему, но медлящему исполнить свое обѣщаніе слѣдуетъ искусно и кстати напоминать его однако такъ, чтобъ въ этомъ напоминаніи не было видно корыстолюбія. Духовники неспособные, нерадивые къ своей обязанности, должны быть удалены отъ своей должности и замѣнены другими, болѣе способными на это; впрочемъ дѣлать это надо осторожно и осмотрительно, подъ предлогомъ, что общество въ нихъ нуждается для исполненія другихъ обязанностей, и переводить ихъ въ отдаленныя коллегии. Намъ по опыту извѣстны многіе случаи, гдѣ умирали молодыя вдовы, не успѣвъ передать своего имѣнія нашему ордену только благодаря нерадѣнію духовника, неумѣваго во время воспользоваться счастливымъ случаемъ. Въ подобныхъ случаяхъ нужно сообразоваться не съ временемъ, а съ расположеніемъ духа духовныхъ сыновъ и дочерей.

2) Въ прелатахъ, каноникахъ, пастыряхъ и другихъ богатыхъ и могущественныхъ духовныхъ особахъ прежде всего слѣдуетъ умѣючи и искусно пробуждать наклонность къ умственнымъ упражненіямъ, такъ какъ эти лица особенно расположены ко всему духовному, а потомъ уже мало-по-малу стараться приобрѣтать ихъ расположеніе къ нашему обществу и снискивать ихъ щедроты.

3) Духовники не должны пренебрегать тѣмъ, чтобы (ко-

и ечно, если можно сдѣлать это кстати) узнавать, какъ зовутъ, исповѣдующихся, какого они семейства, кто ихъ родители, друзья, имѣютъ ли они состояніе, затѣмъ слѣдуетъ освѣдомиться о ихъ наслѣдникахъ, о ихъ положеніи, намѣреніяхъ и, если таковыя еще не приняты, стараться сдѣлать ихъ благопріятными для общества. Если представляется надежда что-либо пріобрѣсти, но сразу, невозможно, не возбуждая подозрѣній, выпросить всего, то слѣдуетъ приказывать подъ предлогомъ очищенія совѣсти, или покаянія, чтобы они исповѣдывались еженедѣльно. Вопросы духовникъ долженъ предлагать пристойно, чтобы въ нѣсколько пріемовъ узнать то, чего онъ не могъ вывѣдать сразу. Въ случаѣ удачи, если это будетъ женщина, всѣми средствами стараться, чтобы она чаще исповѣдывалась и посѣщала церковь; если это мужчина, то чтобы онъ чаще посѣщалъ общество и сходилъ съ нашими.

4) Сказанное о вдовахъ слѣдуетъ примѣнять и къ купцамъ, къ богатымъ женатымъ, но бездѣтнымъ гражданамъ, наслѣдникомъ которыхъ часто можетъ сдѣлаться общество, если приведенныя выше наставленія будутъ употреблены съ благоразуміемъ; главнымъ образомъ ихъ надо примѣнять къ богатымъ богомольцамъ, посѣщающимъ нашихъ, хотя бы по этому поводу и стали осуждать насъ, что мы такъ неразборчивы къ людямъ.

5) Ректоры коллегій должны имѣть свѣдѣнія о домахъ, садахъ, фондахъ, виноградникахъ, деревняхъ и другой собственности высшаго дворянства, и, если это возможно, о процентахъ и налогахъ, которые должны платить купечество и буржуазія. Но за это дѣло надо браться съ большою ловкостью и умѣньемъ, вывѣдывать объ этомъ на исповѣди, посредствомъ короткаго знакомства съ личностью и откровенной бесѣдой съ нею. Коль скоро духовникъ пріобрѣтаетъ богатаго исповѣдника, онъ обязанъ оповѣстить объ этомъ немедленно ректора, и никакимъ образомъ не долженъ упускать его изъ своихъ рукъ.

6) Главная сущность всего дѣла состоитъ въ слѣдующемъ: вся наша братія должна снискивать расположеніе какъ своей духовной паствы, такъ и прочихъ, съ которыми она имѣетъ случай вести разговоры, и согласоваться съ наклонностями каждаго. По сей то причинѣ провинціалы и посылаютъ насъ въ большомъ количествѣ въ мѣста, населенныя людьми богатыми и знатными; а дабы провинціалы могли дѣйствовать съ большимъ благоразуміемъ и успѣхомъ, необходимо, чтобы ректоры не забывали извѣщать ихъ о могущей представиться паствѣ.

7) Принимая дѣтей въ общество, наши должны осведомиться, могутъ-ли они чрезъ это получить право къ пріобрѣтенію ихъ собственности и, если это возможно, удостоверить, уступятъ ли они часть своего имущества коллегіи посредствомъ договора, аренды или иного пути, или не могутъ ли имѣнія эти, спустя нѣсколько времени, перейти въ собственность общества; на сей конецъ слѣдуетъ такъ поступать, чтобы нужды и долги, обременяющіе общество, были главнымъ образомъ извѣстны всѣмъ знатымъ и богатымъ лицамъ.

8) Если случается, что вдовы или находящіяся въ супружествѣ богатые и приверженныя обществу лица имѣютъ только дочерей, наши должны повести дѣло такъ, чтобы склонить этихъ послѣднихъ избрать жизнь богомолки или инокини, дабы, предоставивъ ей небольшую часть имущества, остальную мало-по-малу присвоить обществу. Если же у нихъ имѣются сыновья, годные для вступленія въ общество, то слѣдуетъ однихъ удерживать, а другихъ склонять къ вступленію въ другіе монашескіе ордена, обѣщая имъ небольшую сумму денегъ; но если имѣется единственный сынъ, то слѣдуетъ какою бы то ни было цѣною, привязать его къ обществу, устрняя всякія опасенія со стороны родителей. Натвердивъ ему о призваніи Іисуса Христа, слѣдуетъ объяснить, что, оставляя отца и мать, даже противъ ихъ желанія, онъ приноситъ жертву, угодную Богу. Затѣмъ

его слѣдуетъ отправить въ отдаленный новиціатъ, увѣдомивъ предварительно о томъ генерала. Если же у родителей имѣются дѣти обоего пола, то сначала слѣдуетъ распорядиться дочерьми, склонивъ ихъ къ жизни богомолкоу, затѣмъ привлечь къ обществу сыновей съ присоединеніемъ ихъ собственности.

9) Въ обязанность начальникамъ вѣняется непременно сдѣлать подъ секретомъ увѣдомленія духовникамъ объ этихъ вдовахъ и женатыхъ людяхъ, дабы извлекать изъ нихъ выгоды для общества, руководствуясь притомъ данными инструкціями. Если духовники окажутся неспособными для этого, ихъ слѣдуетъ замѣщать другими, удаливъ первыхъ и лишивъ ихъ возможности поддерживать сношенія съ этимъ семействомъ.

10) Слѣдуетъ стараться, чтобы вдовы и другія богомольныя особы, усердно стремящіяся къ своему духовному совершенствованію, предоставляли все свои имуществы въ полное распоряженіе общества, довольствуясь доходами, отчетъ о которыхъ будетъ отдаваться имъ постоянно, настолько, насколько то будетъ имъ нужно, дабы съ большею свободою посвятить себя на служеніе Богу, устранивъ отъ себя всякія мірскія заботы и попеченія, доставляя себѣ средство самое вѣрное къ достиженію полнаго совершенства.

11) Дабы очевиднымъ образомъ доказать свѣту бѣдность общества, начальникамъ предписывается брать заимообразно деньги у богатыхъ лицъ, связанныхъ съ обществомъ, подъ вексель, выданный за ихъ подписью и платежъ по которому долженъ быть разсроченъ. Затѣмъ, особенно же во время опасной болѣзни, слѣдуетъ безпрестанно посѣщать это лице и всячески стараться уговорить его отдать вексель; ибо такимъ образомъ о немъ не будетъ упомянуто въ завѣщаніи, и мы, какъ бы то ни было, сдѣлаемъ пріобрѣтеніе, не навлекая на себя ненависти наслѣдниковъ.

12) Также нелишне будетъ при случаѣ занимать деньги

у нѣкоторыхъ лицъ за ежегодные проценты и помѣщать ихъ за болѣе высокіе въ другія руки, дабы этотъ доходъ замѣнялъ другой, ибо можетъ случиться, что друзья, одолжившіе намъ такимъ образомъ деньги, тронутые состраданіемъ къ намъ, по завѣщанію или чрезъ личную дарственную запись предоставятъ намъ пользованіе суммой, когда увидятъ, что деньги у насъ идутъ на учрежденіе коллегій и на постройку храмовъ.

13) Общество можетъ также дѣлать выгодные обороты подъ именемъ богатыхъ преданныхъ намъ купцовъ; приобрѣтать выгоду вѣрную и обильную слѣдуетъ и въ Индіи, которая до сей поры, съ помощію Божіею, снабжала общество не только душами, но и великими богатствами.

14) Въ обитаемыхъ нашими мѣстахъ, слѣдуетъ имѣть врача, преданнаго обществу, котораго должно рекомендовать больнымъ предпочтительно передъ другими, дабы, такимъ образомъ, рекомендуя въ свою очередь насъ передъ другими монахами, онъ способствовалъ приглашенію насъ къ знатнымъ больнымъ, особенно къ одру смерти.

15) Духовники должны рачительно посѣщать больныхъ, особенно же находящихся въ опасности, и дабы благовиднымъ образомъ не допускать къ нимъ лицъ, принадлежащихъ къ другимъ монашескимъ орденамъ, начальники должны озаботиться, если нашъ духовникъ принужденъ покинуть больного, чтобы другой замѣстил его и поддерживалъ больного въ его добрыхъ намѣреніяхъ. Между тѣмъ съ осторожностью слѣдуетъ стращать его адомъ или по крайней мѣрѣ чистилищемъ, и объяснять ему, что какъ вода тушитъ огонь, такъ милостыня смягчаетъ грѣхъ, а что совершенною милостынею будетъ попеченіе о продовольствіи и содержаніи особъ, по призванію взявшихъ на себя обязанность заботиться о спасеніи ближняго; дабы такимъ образомъ чрезъ эту милостыню больной имѣлъ долю въ ихъ заслугахъ и получилъ отпущеніе своихъ собственныхъ грѣховъ, такъ какъ милосердіемъ искупается множество ихъ. Милосердіе можно также уподобить брачной одеждѣ, безъ ко-

торой никто не будетъ допущенъ къ небесной трапезѣ. Наконецъ, слѣдуетъ подкрѣплять это текстами священнаго писанія и святыхъ отецъ, что, при умѣннѣ выбрать и при знаніи характера больного, вѣрнѣ всего подѣйствуетъ на него.

16) Женщинамъ, жалующимся на пороки своихъ мужей и на горести, которыя они имъ причиняютъ, слѣдуетъ совѣтовать брать у нихъ тайно нѣкоторыя суммы для искупленія грѣховъ ихъ и для снисканія имъ милосердія.

ГЛАВА X.

О суровости дисциплины въ обществѣ.

1) Подъ какимъ бы то ни было предлогомъ удалять, какъ врага общества, всякаго, какого бы званія и возраста онъ ни былъ, кто отвлекаетъ нашихъ богомольцевъ и богомолковъ отъ посѣщенія нашихъ церквей и насъ, или способствуетъ переходу милостыни въ другія церкви и другія религіи, или переманиваетъ челоуѣка богатаго и расположеннаго къ обществу на свою сторону; также слѣдуетъ поступать съ тѣми, кто, имѣя возможность распоряжаться своею собственностью, оказываетъ больше расположенія своимъ родственникамъ, чѣмъ обществу (ибо это обличаетъ, что духъ его не умерщвленъ, а всякій, давшій обѣтъ монашества, долженъ отречься отъ мірскихъ привязанностей), или кто вмѣсто того, чтобы радѣть о милостыни для общества, будетъ стараться, чтобы она досталась его бѣднымъ родственникамъ. Но дабы подобные люди не жаловались на причину своего удаленія, ихъ не слѣдуетъ отсылать немедленно; во первыхъ, удалить отъ выслушиванія исповѣдей; затѣмъ изнеможать и утомлять, приставляя къ самымъ низкимъ обязанностямъ; изо-дня въ день заставляя исполнять вещи, къ которымъ, какъ извѣстно, они питаютъ наибольшее отвращеніе; не допускать ихъ къ высшимъ упражненіямъ и благороднымъ обязанностямъ; дѣлать имъ публичныя выговоры

въ капитулахъ и на засѣданіяхъ; не допускать къ отдохновенію и къ сношеніямъ съ посторонними; изъ одежды и изъ обихода оставлять имъ лишь самое необходимое, дабы возбудить чрезъ это въ нихъ ропотъ и нетерпѣніе и потомъ уже уволить ихъ, какъ людей неукротимыхъ и могущихъ служить дурнымъ примѣромъ для другихъ; если родственниками ихъ или прелатами церкви сдѣланъ будетъ вопросъ о причинахъ ихъ удаленія, нашъ отвѣтъ долженъ состоять въ томъ, что они не имѣли духа нашего общества.

2) Еще слѣдуетъ увольнять тѣхъ, которые будутъ порицать общество за стремленіе пріобрѣтать собственность, но подъ предлогомъ, что они слишкомъ пристрастны съ своему собственному сужденію. Если они выразятъ желаніе объяснить причину своихъ дѣйствій предъ провинціалами, ихъ не слѣдуетъ слушать, а напомнить имъ правило, которымъ предписывается слѣпое повиновеніе.

3) Съ самаго начала слѣдуетъ примѣчать, пока еще они молоды, кто изъ нихъ оказываетъ болѣе расположенія къ обществу; убѣдившись въ расположеніи нѣкоторыхъ къ другимъ орденамъ, къ бѣднымъ или къ родственникамъ, слѣдуетъ мало по малу склонять ихъ, какъ уже было сказано, покинуть общество, подъ предлогомъ ихъ бесполезности.

ГЛАВА XI.

КАКИМЪ ОБРАЗОМЪ НАШИ СЪ ОБЩАГО СОГЛАСІЯ ДОЛЖНЫ ВЕСТИ СЕБЯ ОТНОСИТЕЛЬНО ЛИЦЪ, УВОЛЕННЫХЪ ИЗЪ ОБЩЕСТВА.

1) Зная нѣкоторыя изъ тайнъ общества, люди эти очень часто вредятъ ему; слѣдующимъ образомъ есть возможность связать имъ языкъ: еще до увольненія слѣдуетъ заставить ихъ письменно и клятвенно дать обѣщаніе, что они никогда не скажутъ и не напишутъ ничего могущаго компрометировать общество; между тѣмъ начальники должны имѣть списокъ ихъ дурныхъ наклонностей, ихъ недостатковъ и по-

роковъ, которые ими самими для облегченія совѣсти были открыты по заведенному порядку общества и которые, если будетъ нужно, могутъ быть показаны нами вельможамъ и прелатамъ и тѣмъ помѣнать ихъ возвышенію.

2) Всѣ коллегіи немедленно должны быть извѣщены объ увольненіи этихъ лицъ; при этомъ общія причины удаленія, какъ то неукротимость ихъ духа, непослушаніе, ихъ малое радѣніе къ духовнымъ упражненіямъ, само увѣренность и проч. должны быть преувеличены. Затѣмъ предупреждать всѣхъ нашихъ, дабы они не вступали съ ними въ переписку и, говоря съ посторонними, относились о нихъ одинаково и всюду распространяли бы, что общество исключаетъ изъ среды своей лишь по причинамъ весьма важнымъ, подобно морю, извергающему изъ пучины своей разложившіеся трупы. При этомъ нелишне будетъ съ ловкостью внушить, что причины эти суть именно свойства, которыя навлекаютъ на насъ ненависть, дабы удаленіе это облечь въ болѣе благовидную форму.

3) Въ домашнихъ поученіяхъ слѣдуетъ поддерживать убѣжденіе, что уволенные изъ общества суть люди безпкойные и желающіе снова принадлежать къ нему; при этомъ надо преувеличивать несчастія людей погибшихъ жалкимъ образомъ по выходѣ изъ общества.

4) Слѣдуетъ предупреждать обвиненія, которыя могутъ взвести на насъ вышедшіе изъ общества, съ помощію авторитета значительныхъ лицъ, которыя говорили бы, что общество никого не удаляетъ по причинамъ ничтожнымъ, и что только больные члены отсѣкаются имъ, что можно подтвердить тѣмъ рвеніемъ, которое оно оказываетъ къ спасенію душъ, не принадлежащихъ къ нему; какова же должна быть, слѣдовательно, ревность его къ спасенію душъ своихъ собратій.

5) Затѣмъ общество различнаго рода услугами должно располагать въ свою пользу вельможъ и высшихъ духовныхъ особъ, вліяніемъ и довѣріемъ которыхъ стали пользоваться

вышедшіе изъ общества люди. Надо представить на видъ этимъ сановникамъ, что общее благо столь знаменитаго и полезнаго для церкви ордена должно имѣть преимущество предъ благомъ частнаго лица, кто бы оно ни было. Если они продолжаютъ оказывать расположеніе къ уволеннымъ изъ общества, то благоразумно будетъ извѣстить ихъ о причинахъ ихъ удаленія, преувеличивая даже проступки несовсѣмъ достовѣрные, но облеченные въ искусственно истинный видъ.

6) Людямъ, оставившимъ общество по своей собственной охотѣ, всячески слѣдуетъ препятствовать къ достиженію важныхъ должностей въ церковной іерархіи или, по крайней мѣрѣ, не допускать, чтобы они подвергали общество поношенію; надо также стараться увѣрить, что они желаютъ возвратиться въ общество.

7) Заранѣе по возможности слѣдуетъ поступать такъ, чтобы они были удалены отъ исполненія торжественныхъ обязанностей въ церкви, къ каковымъ относятся проповѣди, исповѣди и т. п. отпращиванія, чрезъ которыя они могутъ снискать расположеніе и одобреніе толпы. По сей причинѣ не слѣдуетъ упускать ихъ изъ виду, наблюдать за ихъ жизнью и правами, за обществомъ, которое они посѣщаютъ, за ихъ занятіями и т. д., проникать даже въ ихъ намѣренія; для сего нелишнимъ будетъ вступить въ переписку съ кѣмъ либо изъ семейства, въ которомъ живутъ оставшіе общество. Открывъ въ ихъ поведеніи что-либо достойное осужденія и огласки, слѣдуетъ распространять оное черезъ людей низшаго сорта, и затѣмъ стараться, чтобы свѣтскіе и духовные сановники, покровительствующіе имъ, возымѣли опасеніе, что безчестіе это можетъ отразиться и на нихъ. Если нельзя найти ничего достойнаго огласки и если они ведутъ себя похвальнымъ образомъ, то тонкими намеками и двусмысленными рассказами слѣдуетъ наложить сомнѣніе на ихъ хваленія добродѣтели и дѣйствія, и такимъ образомъ уменьшить уваженіе и довѣріе, питаемыя къ нимъ; ибо обществу

нѣтъ никакого дѣла, что люди, уволенные имъ, особенно же по своей охотѣ оставившіе его, будутъ совершенно уничтожены.

8) Слѣдуетъ немедленно разглашать о несчастіяхъ и ужасныхъ происшествіяхъ, случившихся съ ними, и просить молиться о нихъ людей благочестивыхъ, дабы не подумали, что мы дѣйствуемъ подъ вліяніемъ страсти; въ нашихъ же домахъ несчастія эти должны быть преувеличены въ назиданіе оставшимся.

ГЛАВА XII.

КОГО СЛѢДУЕТЪ УДЕРЖИВАТЬ И СОХРАНЯТЬ ВЪ ОБЩЕСТВѢ.

1) На первомъ мѣстѣ здѣсь должны стоять усердные работники, именно, люди, трудящіеся не только для временнаго, но и для духовнаго блага общества; главнымъ образомъ сюда принадлежатъ духовники государей и вельможъ, вдовъ и богатыхъ богомолковъ, проповѣдники и наставники и другіе, посвященные въ эти дѣла, люди.

2) Людей немощныхъ и удрученныхъ старостью, смотря по заслугамъ, которыя они оказали обществу, и могущихъ еще служить своею опытностью, открывая начальникамъ недостатки, которые будутъ ими замѣчены въ окружающихъ.

3) Ихъ никогда не слѣдуетъ изгонять изъ опасенія навлечь на общество дурную репутацію.

4) Кромѣ того слѣдуетъ покровительствовать людямъ, отличающимся умомъ, людямъ знатымъ и богатымъ, особенно же тѣмъ, которые имѣютъ друзей и родственниковъ, вліятельнымъ и расположеннымъ къ обществу и, если, притомъ, сами они имѣютъ истинную привязанность къ нему, какъ уже было объяснено выше. Ихъ слѣдуетъ отсылать въ Римъ или въ знаменитые университеты; если же они получаютъ образова-

ніе гдѣ-либо въ провинціи, то професы съ особою тщательностью должны продолжать оное. До тѣхъ поръ, пока они еще не передали своихъ имѣній обществу, почти ни въ чемъ не слѣдуетъ отказывать имъ; но послѣ передачи они должны покоряться всѣмъ правиламъ, подобно прочимъ, принимая однако во вниманіе прошлое.

5) Начальники должны имѣть также особое вниманіе къ людямъ, привлечшимъ въ общество знатныхъ юношей, ибо это доказываетъ немалое съ ихъ стороны расположеніе къ нему; но пока еще эти юноши не дали обѣтовъ, не слѣдуетъ быть слишкомъ снисходительными къ нимъ, ибо очень возможно, что они будутъ еще отвлечены отъ общества.

ГЛАВА XIII.

О ВЫБОРѢ МОЛОДЫХЪ ЛЮДЕЙ ДЛЯ ОБЩЕСТВА И О СПОСОБѢ ИХЪ УДЕРЖАНІЯ ВЪ НЕМЪ.

1) Съ большою осторожностью слѣдуетъ приступать къ выбору молодыхъ людей; они должны быть умны, хорошо сложены, благородны или обладать по крайней мѣрѣ однимъ изъ этихъ качествъ.

2) Дабы съ большею легкостью привлекать ихъ въ наше учрежденіе, во время ихъ воспитанія слѣдуетъ наблюдать чтобы ректоры коллегій и учителя, обучающіе ихъ, относились къ нимъ съ особою благосклонностью, и внѣ школы увѣряли ихъ, какъ будетъ пріятенъ Богу тотъ, кто посвящаетъ себя Ему со всѣмъ, что имѣетъ, особенно же вступая въ общество Его Сына.

3) Если представится случай, то можно водить ихъ по коллегіи, саду, и иногда даже по мастерскимъ; ихъ должно не оставлять и во время рекрецій, мало-по-малу сходитьсь съ ними, остерегаясь однако, чтобы они не переставали уважать насъ.

4) Не слѣдуетъ допускать, чтобы они были наказываемы и приучаемы къ своимъ обязанностямъ на ряду съ прочими учениками.

5) Ихъ слѣдуетъ задобривать небольшими подарками и преимуществами, сообразными ихъ возрасту, и занимать духовными разговорами.

6) Ихъ слѣдуетъ увѣрять, что Святое Провидѣніе избираетъ ихъ предпочтительно передъ прочими, посѣщающими ихъ коллегію.

7) При случаѣ, особенно при поученіяхъ, ихъ слѣдуетъ утрашать, угрожая вѣчнымъ осужденіемъ, если они ослушаются небеснаго призванія.

8) Если они постоянно будутъ обращаться съ просьбою принять ихъ въ общество, слѣдуетъ отдалять время поступленія, пока они постоянны; если же они окажутся измѣнчивыми, надо немедленно употреблять всѣ способы, чтобы они пожелали поступить.

9) Ихъ слѣдуетъ искусно предупреждать не открывать своего призванія никому изъ своихъ друзей, не исключая отца и матери, до тѣхъ поръ, пока они будутъ приняты.

10) Наибольшимъ затрудненіемъ представляется привлеченіе сыновей знатныхъ вельможъ и сенаторовъ въ то время пока они еще у своихъ родителей, которые воспитываютъ ихъ такимъ образомъ, чтобы они могли занять впослѣдствіи ихъ должности; въ этихъ случаяхъ ихъ слѣдуетъ убѣждать скорѣе посредствомъ друзей, чѣмъ черезъ лицъ, принадлежащихъ къ обществу, совѣтуя родителямъ отсылать ихъ въ другія провинціи или въ отдаленные университеты, въ которыхъ мы завѣдуемъ образованіемъ, и послать при этомъ инструкціи профессорамъ относительно ихъ положенія и состоянія, дабы они могли съ большею легкостью и увѣренностью расположить ихъ въ пользу общества.

11) При достиженіи ими лѣтъ болѣе зрѣлыхъ слѣдуетъ предложить имъ заняться нѣкоторыми изъ духовныхъ упра-

женій, которыя нерѣдко имѣли хорошій успѣхъ между нѣмцами и поляками.

12) Сообразно съ положеніемъ и состояніемъ каждаго, ихъ надо утѣшать въ ихъ безпокойствахъ и огорченіяхъ, прибѣгая всякій разъ при этомъ къ особымъ воззваніямъ и поученіямъ о дурномъ употребленіи богатства и внушая имъ не пренебрегать благодатью призванія подѣ страхомъ адекихъ мученій.

13) Отцамъ и матерямъ, дабы они легче могли согласиться съ желаніями своихъ дѣтей вступить въ общество, слѣдуетъ представлять превосходство его учрежденія сравнительно съ другими орденами, святость и знанія отцовъ, ихъ репутацію, извѣстную всѣму свѣту, уваженіе и общее почтеніе, которыми они пользуются какъ между высшими, такъ и между низшими. Затѣмъ слѣдуетъ назвать государей и вельможъ, которые, къ великому своему утѣшенію, жили въ обществѣ Іисуса, которые умерли въ немъ или живутъ по нынѣ. Надо также убѣждать ихъ, какъ богоугодны молодые люди, посвятившіе себя на служеніе Господу, особенно въ обществѣ Его Сына, и какъ счастливъ тотъ, кто въ молодости принялъ на себя бремя Христова. Буде встрѣтится затрудненіе, по причинѣ ранней молодости, то слѣдуетъ убѣдить въ снисходительности нашего учрежденія, которое не имѣетъ ничего особенно суроваго, исключая соблюденія трехъ обѣтовъ, и — что очень замѣчательно — не имѣетъ ниодного обязательнаго правила, нарушеніе котораго составляло бы малѣйшій грѣхъ.

ГЛАВА XIV.

ОБЪ ОСОБЫХЪ СЛУЧАЯХЪ И ПРИЧИНАХЪ УВОЛЬНЕНІЯ ИЗЪ ОБЩЕСТВА.

1) Кромѣ случаевъ, означенныхъ въ уставахъ и о которыхъ одинъ начальникъ или обыкновенный духовникъ съ его позволенія можетъ дать разрѣшеніе, увольненію подвер-

гаютъ содомскій грѣхъ, сладострастіе, блудъ, нечистое прикосновеніе къ самцу или къ самкѣ, и, кромѣ того, если подъ предлогомъ рвенія или чего другаго, членъ общества учинилъ что-либо важное противъ общества, его чести или его выгоды; все вышесказанное представляетъ справедливыя причины для увольненія виновныхъ.

2) Если кто либо на исповѣди признается въ подобномъ грѣхѣ, ему не должно давать отпущенія прежде, чѣмъ онъ обѣщаетъ открыть его начальнику помимо исповѣди, самъ лично или чрезъ своего духовника. Начальникъ воленъ поступить, какъ найдетъ лучшимъ для пользы общества; если есть основательная надежда скрыть преступленіе, то на виновнаго слѣдуетъ наложить соотвѣтствующую эпитимью, или же немедленно удалить его. Но ни въ какомъ случаѣ духовникъ не долженъ объявлять исповѣднику, что ему предстоитъ опасность быть изгнаннымъ изъ общества.

3) Если кто-либо изъ нашихъ духовниковъ услышитъ отъ кого-либо изъ постороннихъ, что тотъ учинилъ нѣчто постыдное съ кѣмъ-либо изъ принадлежащихъ къ обществу, то не долженъ давать ему разрѣшенія раньше, чѣмъ тотъ помимо исповѣди не откроетъ ему имени сообщника. Когда онъ это откроетъ, слѣдуетъ заставить его поклясться, что онъ не откроетъ имени сообщника своего никогда никому безъ согласія на то общества.

4) Если двое изъ нашихъ совершаютъ плотской грѣхъ, то открывшій оный первый можетъ быть оставленъ, другой же долженъ быть исключенъ изъ общества; но съ оставленнымъ слѣдуетъ затѣмъ обращаться до такой степени дурно, чтобы своею горечью и нетерпѣніемъ онъ подалъ поводъ исключить его, которымъ и слѣдуетъ немедленно воспользоваться.

5) Составляя полное и совершенное тѣло въ церкви, общество по своему усмотрѣнію можетъ отсѣкать отъ себя членовъ, неспособныхъ къ выполненію правилъ нашего учрежденія, хотя бы въ началѣ они оказывались для сего удовле-

творительными; если постоянно обращаться съ ними дурно, заставлять поступать противъ своихъ наклонностей, отдавать въ послушаніе строгимъ начальникамъ, удалять отъ слушанія лекцій и другихъ благородныхъ обязанностей, то можно довести ихъ до ропота и чрезъ это найти предлогъ къ удаленію.

6) Ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ удерживать людей, открыто возстающихъ противъ начальниковъ, публично или тайно жалующихся своимъ товарищамъ и особенно постороннимъ; также людей, какъ изъ нашихъ, такъ и изъ постороннихъ, осуждающихъ поведеніе общества касательно стяжанія и управленія своими земными благами или другія его дѣйствія, какъ, напримѣръ угнетеніе и притѣсненіе имъ лицъ, нерасположенныхъ къ нему или изгнанныхъ имъ; ни тѣхъ, которые въ разговорахъ терпятъ или защищаютъ венеціанцевъ, французовъ и другихъ, которыми общество бывало изгоняемо или отъ коихъ терпѣло великія непріятности.

7) Прежде исключенія извѣстнаго лица слѣдуетъ какъ можно хуже обращаться съ нимъ, удалить его отъ обыкновенныхъ обязанностей, употреблять на различныя низкія должности. Слѣдуетъ дѣлать ему выговоры, даже если бы онъ хорошо исполнялъ свое дѣло, и подъ этимъ предлогомъ употреблять на другія работы. За небольшую ошибку, сдѣланную имъ, слѣдуетъ подвергать тяжелымъ наказаніямъ, публично приводить его въ замѣшательство, дабы этимъ вызвать съ его стороны нетерпѣніе и, наконецъ, избравъ какой-либо предлогъ, истинное значеніе котораго осталось бы неразгаданнымъ, исключить его, какъ человѣка вреднаго.

8) Если кто-либо изъ нашихъ надѣется получить епископство или другое достоинство въ церковной іерархіи, то, сверхъ обыкновенныхъ обѣтовъ обществу, слѣдуетъ принудить его дать особый; такимъ образомъ онъ всегда будетъ питать добрыя чувства къ обществу, относиться о немъ съ похвалою, будетъ имѣть духовника изъ нашихъ и поступать согласно съ желаніями общества.

ГЛАВА XV.

КАКЪ СЛѢДУЕТЪ ВЕСТИ СЕБЯ ОТНОСИТЕЛЬНО БОГОМОЛКЪ И МОНАХИНЬ.

1) Духовники и проповѣдники должны остерегаться огорчать монахинь или поселять въ нихъ сомнѣніе относительно ихъ призванія, но, напротивъ, пріобрѣтя расположеніе настоятельница, должны стараться получить право выслушивать исповѣди сверхъ обыкновенныхъ, и обращаться къ нимъ съ поученіемъ, если надѣются получить отъ нихъ благодарность; ибо аббатисы, большею частію женщины богатыя и знатныя, могутъ быть очень полезны обществу, если не сами лично, то чрезъ своихъ родственниковъ и друзей; короче, черезъ знакомство съ главными монастырями общество можетъ пріобрѣсти знакомство и дружбу почти всего города.

2) Однако слѣдуетъ запрещать нашимъ богомолкамъ посѣщать женскіе монастыри, изъ боязни, чтобы монастырскій образъ жизни не плѣнилъ ихъ и чтобы такимъ образомъ надежды общества наслѣдовать ихъ имущество не рушились. Надо совѣтовать имъ налагать на себя обѣты дѣвства и послушанія духовникамъ своимъ, объясняя при этомъ, что подобный образъ жизни соотвѣтствуетъ нравамъ первоначальной церкви, ибо онъ просвѣщаетъ домашнюю жизнь и не остается скрытымъ подъ спудомъ; кромѣ того, что онѣ живутъ по примѣру евангельскихъ вдовъ, онѣ угождаютъ Іисусу Христу, помогая своимъ имѣніемъ обществу. Наконецъ имъ слѣдуетъ рассказывать обо всемъ, что можно найти предосудительнаго въ монастырской жизни, прося ихъ хранить объ этомъ молчаніе, дабы это не дошло до ушей монахинь.

ГЛАВА XVI.

О СПОСОБѢ ПРОПОВѢДОВАНІЯ ПРЕЗРѢНІЯ КЪ БОГАТСТВУ.

1) Во избѣжаніе того, чтобы міряне не упрекали насъ въ любостыжаніи, полезно иногда отказываться и отъ значительной милостыни, предлагаемой Обществу за оказанныя имъ услуги; между тѣмъ слѣдуетъ всегда принимать небольшія приношенія отъ людей, извѣстныхъ Обществу, во избѣжаніе, чтобы не обвинили насъ въ алчности, что мы принимаемъ только значительныя милостыни.

2) Слѣдуетъ отказывать въ погребеніи въ нашихъ храмахъ людямъ темнымъ, хотя бы они были очень привержены Обществу, чтобы не давать повода думать, что мы снискиваемъ богатства погребеніями и чтобы скрывать выгоду, которую мы почерпаемъ изъ этого.

3) Слѣдуетъ поступать очень обдуманно относительно вдовъ и другихъ особъ, могущихъ отдавать имѣніе свое обществу и выказывать въ отношеніяхъ съ ними болѣе суровости, чѣмъ съ прочими, дабы всѣмъ извѣстно было, что мы дѣйствуемъ безпристрастно. Такимъ же образомъ слѣдуетъ поступать и относительно лицъ, находящихся въ Обществѣ и отдавшихъ имѣніе Обществу; если необходимость требуетъ уволить ихъ изъ него, то это слѣдуетъ дѣлать безъ огласки, дабы они оставили Обществу хоть часть того, что отдали ему или же, умирая, оставили ему по завѣщанію.

ГЛАВА XVII.

О СРЕДСТВАХЪ ПРЕУСПѢЯНІЯ ОБЩЕСТВА.

1) Всѣ главнымъ образомъ должны стараться, даже въ вещахъ маловажныхъ, имѣть единомысліе, или по крайней выказывать оное наружно; ибо, такимъ образомъ, всякій

беспорядокъ въ государствѣ будетъ служить на пользу Общества.

2) Всѣ должны стараться блистать своими познаніями и хорошимъ примѣромъ, чтобы превзойти прочіе монашескіе ордена и главнымъ образомъ священниковъ и пр., дабы простой народъ пожелалъ, чтобы всѣ требы совершались нами. Слѣдуетъ распространять мнѣніе, что отъ священниковъ не требуется много учености, лишь бы они исполняли свои обязанности, ибо они всегда могутъ пользоваться совѣтами Общества, которое потому и должно обладать различными познаніями.

3) Королей и принцевъ слѣдуетъ познакомить съ тою истиною, что католическая вѣра не можетъ существовать въ настоящемъ положеніи безъ политики; но при этомъ надо дѣйствовать очень скрытно. Чрезъ это наши будутъ пріятны вельможамъ и посвящены въ самыя тайныя намѣренія.

4) Эту благосклонность можно поддерживать сообщеніемъ имъ со всѣхъ сторонъ самыхъ отборныхъ и вѣрныхъ новостей.

5) Не малою выгодною послужить намъ тайно и осторожно поддерживать раздоры между сановниками, разрушая ихъ могущество. Если можно предположить, что они примирятся, то Общество должно первое предложить имъ это, дабы кто другой не предупредилъ его.

6) Высшее сословіе и особенно чернь слѣдуетъ утвердить во мнѣніи, что въ учрежденіи Общества видѣнъ перстъ Провидѣнія, какъ свидѣлствуютъ пророчества аббата Іоахима, что оно создано для возстановленія церкви, угнетенной еретиками.

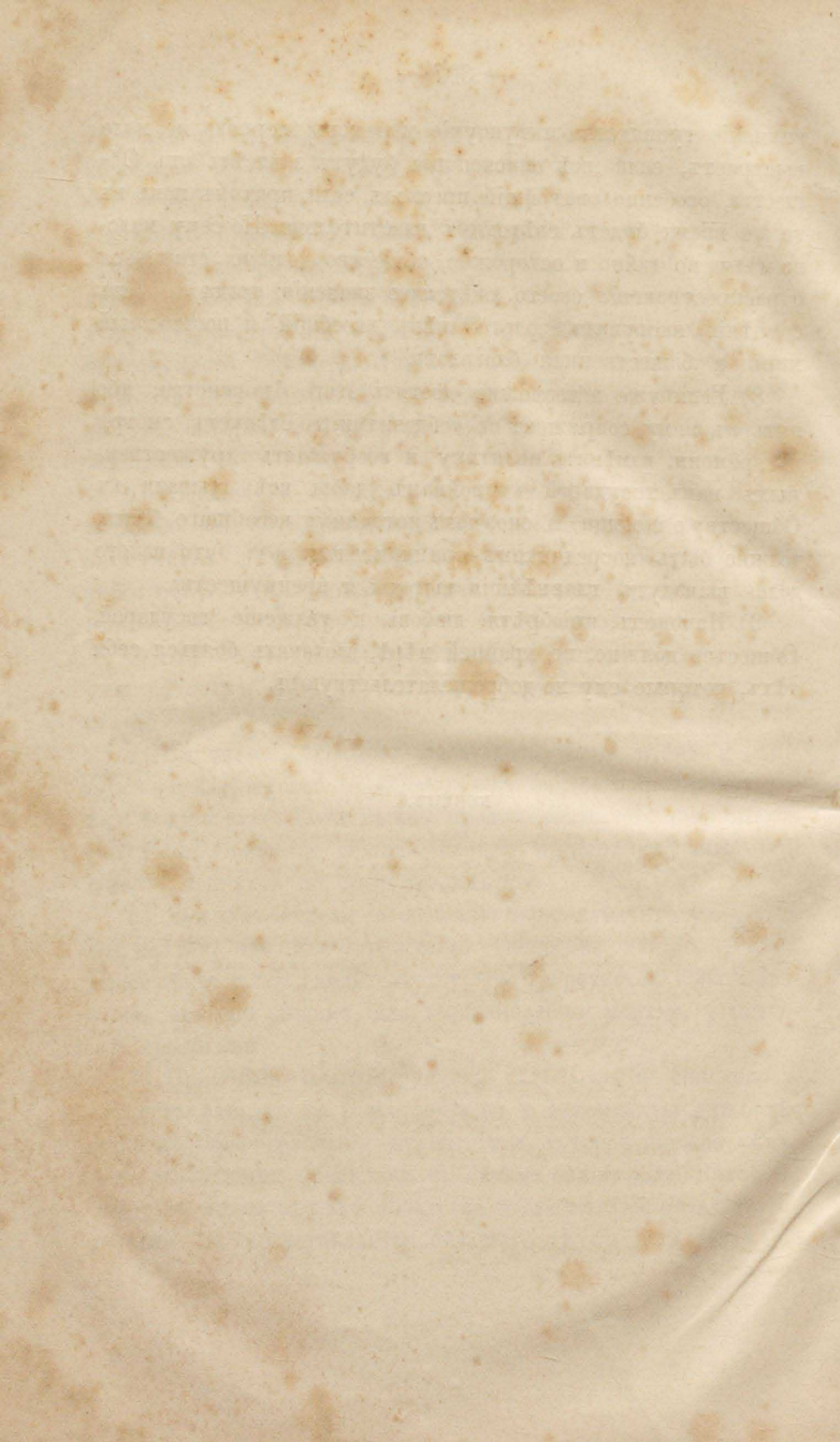
7) Приобрѣтя благосклонность сильныхъ и епископовъ, слѣдуетъ забрать въ руки приходы и каноникаты для болѣе строгаго преобразования духовенства, которое прежде жило подъ извѣстными правилами съ своими епископами. Наконецъ слѣдуетъ имѣть въ виду аббатства и прелатства, овладѣть которыми не представляется большаго труда, если взять во

вниманіе тунеядство и тупоуміе монаховъ; церковь не мало выиграетъ, если всѣ епископства будутъ зависѣть отъ Общества, особенно святѣйшій престолъ, если притомъ папа въ то же время будетъ свѣтскимъ властителемъ. По сему мало-по-малу, но тайно и осторожно, общество должно стараться о распространеніи своего свѣтскаго значенія; тогда то безъ сомнѣнія, наступитъ золотой вѣкъ, всеобщій и постоянный миръ и божественная благодать.

8) Если уже невозможно достигъ этого блаженства, ибо путь къ нему сопряженъ съ соблазнами, то слѣдуетъ, смотря по времени, измѣнять политику и возбуждать дружественныхъ намъ государей къ войнамъ, дабы всѣ взывали къ Обществу о помощи, а оно, какъ источникъ всеобщаго блага, должно быть посредникомъ-примирителемъ, за что на его долю выпадутъ главнѣйшія выгоды и преимущества.

9) Наконецъ, пріобрѣтя любовь и уваженіе государей, Общество должно, по крайней мѣрѣ, заставить бояться себя тѣхъ, которые ему не доброжелательствуютъ.

КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

II-го ТОМА.

КНИГА V. ІЕЗУИТСКАЯ МОРАЛЬ.

	СТР.
ГЛАВА I. Борьба іезуитовъ съ духовенствомъ	1
— II. Ученіе іезуитовъ.	26
— III. Удары іезуитамъ отъ возрастающаго просвѣщенія и отъ внутреннихъ измѣнъ	42

КНИГА VI. — ДОБРОДУШІЕ ІЕЗУИТОВЪ, или ПРОПОВѢДЬ УБИЙСТВА.

ГЛАВА I. Іезуитскія покушенія въ Германіи.	51
— II. Заговоры іезуитовъ въ Англіи	61
— III. Убийство принца Вильгельма Оранскаго	79
— IV. Знаменитая распря за Парагвай, или донъ Себастьянъ Хозе Карвальо и Мельо графъ д'Ойрасъ и маркизь де-Помбаль.	91
— V. Педро Пабло Абарака де Болеа графъ д'Аранда или разрушеніе іезуитскаго владычества въ Испаніи	127
— VI. Цареубійцы во Франціи	138

КНИГА VII. — СМЕРТЬ И ВОСКРЕСЕНІЕ ІЕЗУИТОВЪ.

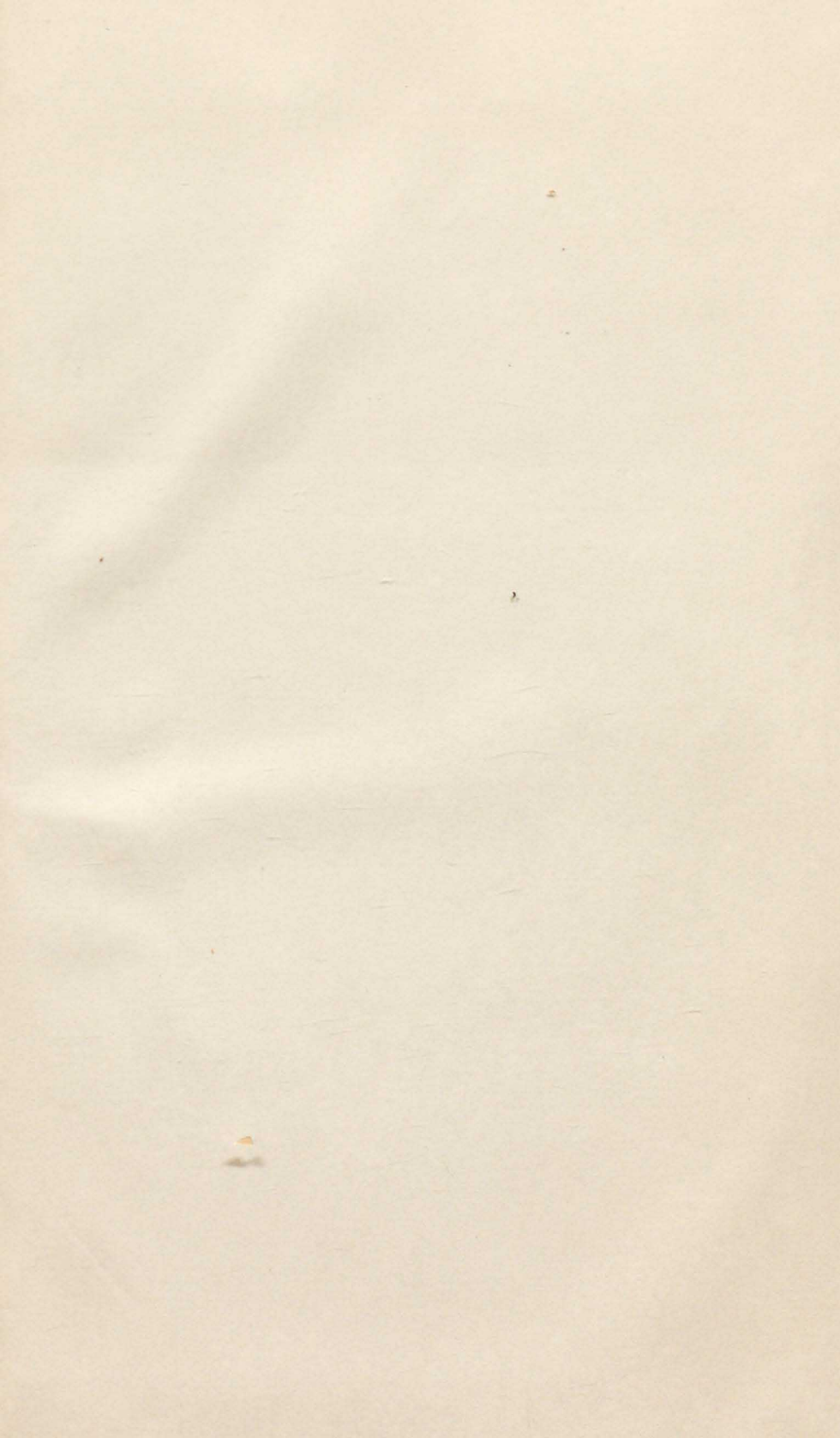
ГЛАВА I. Уничтоженіе ордена Іисуса папой Клементомъ XIV.	173
— II. Возстановленіе ордена іезуитовъ	183
— III. Іезуиты въ XIX столѣтіи.	193
— IV. Іезуиты въ Россіи	206
Заключеніе	219
О тайныхъ наставленіяхъ общества Іисуса	245
Правила для вступленія въ общество іезуитовъ	247

II

Иезуитскій способъ преподаванія	252
Михайловская коллегія Сентъ-Этіена	253
Статистика іезуитовъ во Франціи по послѣдней ревизіи 1861 г.	254
Анекдоты	256
Тайныя наставленія Іезуитовъ. Предисловіе	269

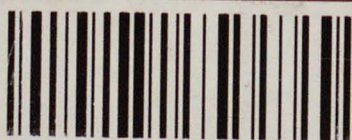
ТАЙНЫЯ НАСТАВЛЕНІЯ ОБЩЕСТВА ІИСУСА.

ГЛАВА	I. Какъ должно вести себя общество при началѣ какого либо предпріятія.	271
—	II. Какъ общество можетъ снискать расположеніе государей и сильныхъ вліятельныхъ лицъ	273
—	III. Какъ общество должно себя вести относительно сильныхъ людей государства, которые, если не своимъ богатствомъ, то чѣмъ-нибудь инымъ могутъ оказывать намъ услуги	275
—	IV. Предписанія проповѣдникамъ и духовникамъ знатныхъ особъ	277
—	V. Какъ слѣдуетъ вести себя относительно лицъ, принадлежащихъ къ другимъ монашескимъ орденамъ и исполняющихъ въ церкви одинаковыя съ нами обязанности.	279
—	VI. О способѣ пріобрѣтенія расположенія богатыхъ вдовъ	280
—	VII. Какъ поступать со вдовами и какъ располагать ихъ имуществомъ	283
—	VIII. Что нужно дѣлать для того, чтобы дѣти вдовъ отказались отъ свѣта и принятии обѣтъ монашества	287
—	IX. Объ увеличеніи доходовъ коллегій	288
—	X. О суровости дисциплины въ обществѣ	294
—	XI. Какимъ образомъ наши, съ общаго согласія, должны вести себя относительно лицъ, уволенныхъ изъ общества	295
—	XII. Кого слѣдуетъ удерживать и сохранять въ обществѣ	298
—	XIII. О выборѣ молодыхъ людей для общества и о способѣ ихъ удержанія въ немъ	299
—	XIV. Объ особыхъ случаяхъ и причинахъ увольненія изъ общества	301
—	XV. Какъ слѣдуетъ вести себя относительно богомолковъ и монахинь	304
—	XVI. О способѣ проповѣдованія презрѣнія къ богатству	305
—	XVII. О средствахъ преуспѣянія общества.	—

2014243658